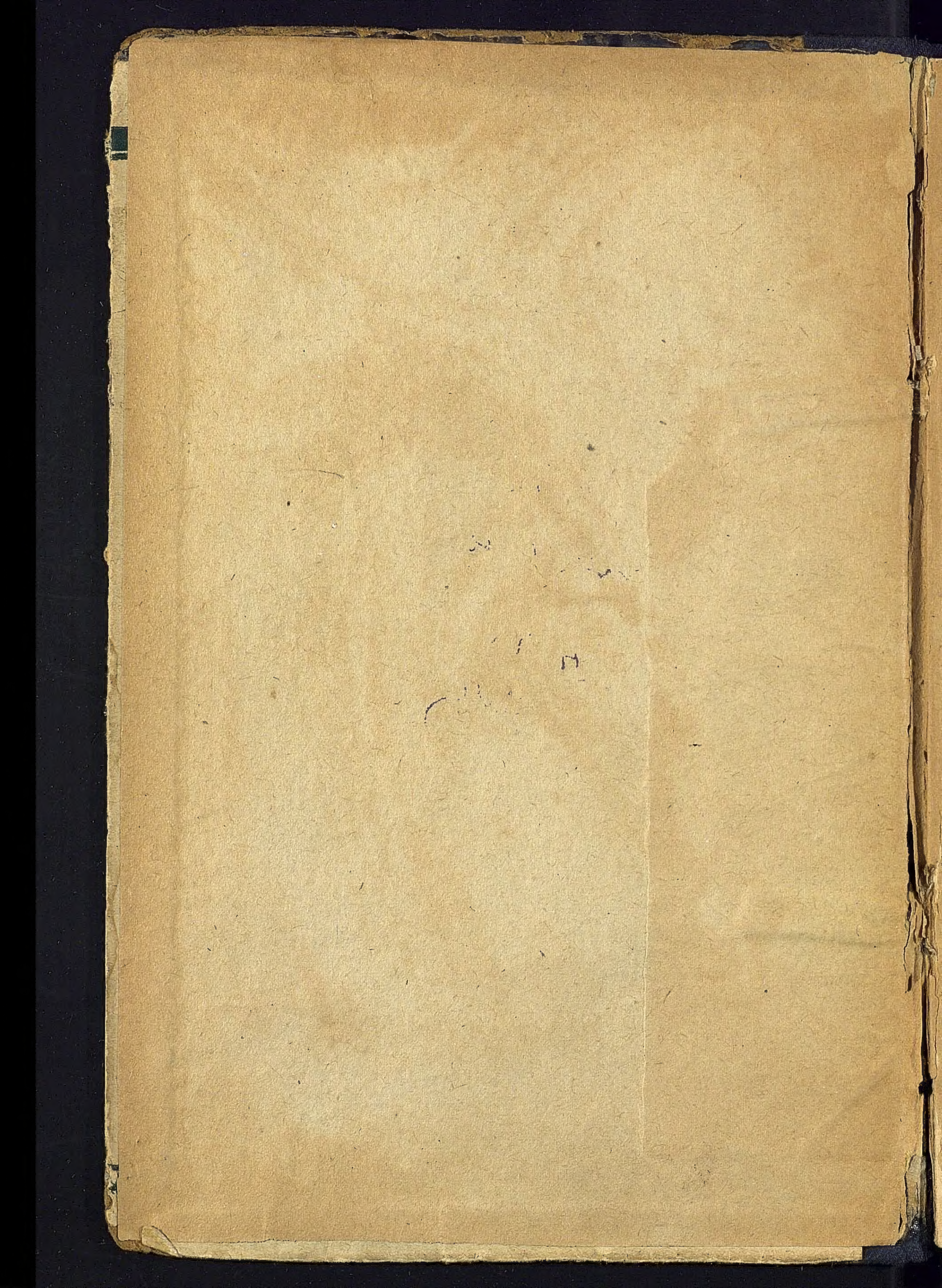
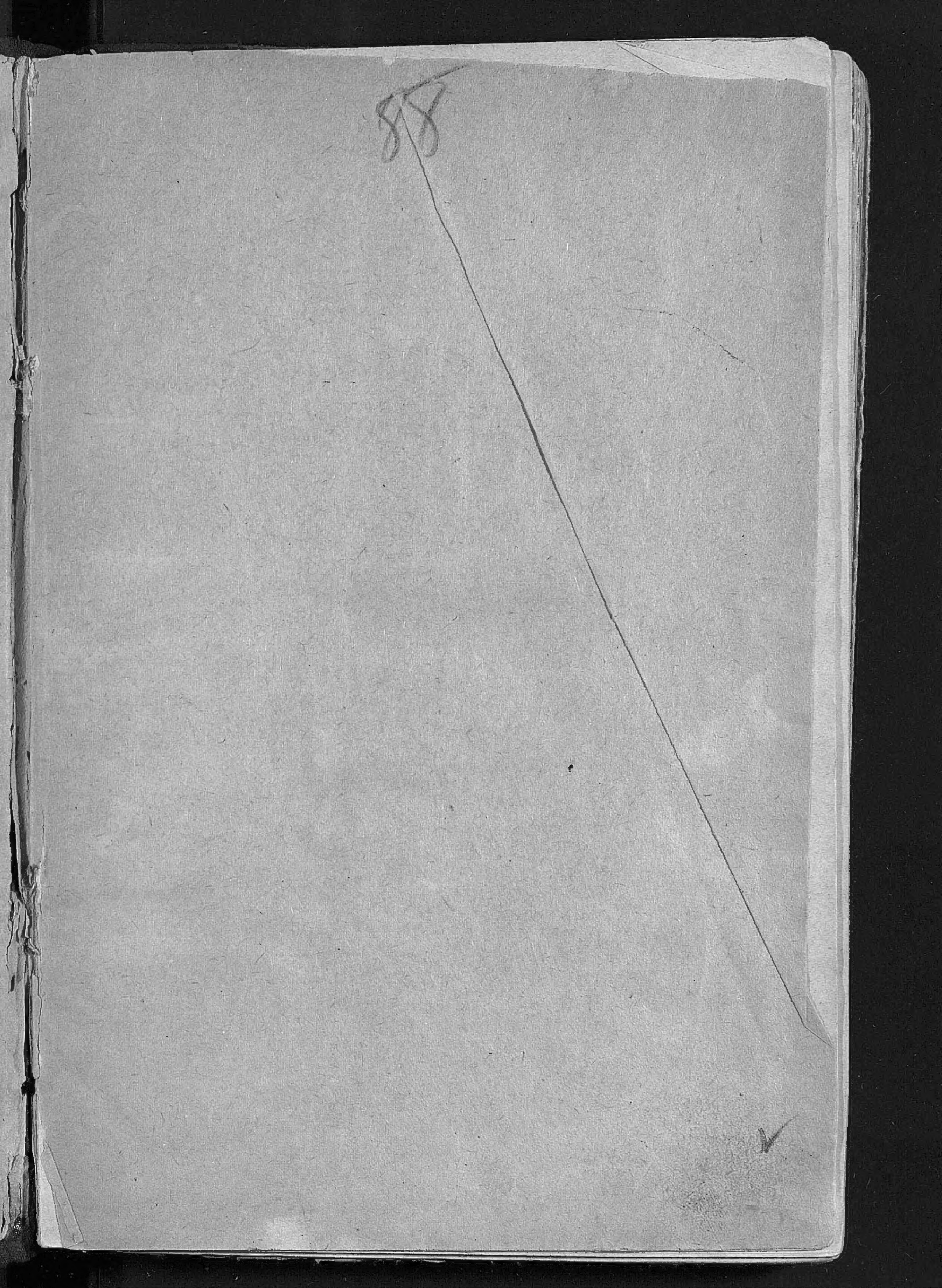
ИВ. МЕНИЦКИЙ

ОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ГОДОВ

II

ИЗД-ВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

88

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
Кабинет истории общественной мысли
и революционного движения в России

ИВ. МЕНИЦКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ГОДОВ

(1914—1917)

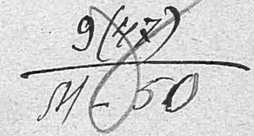
ОЧЕРКИ И МАТЕРИАЛЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
Кабинет истории общественной мысли
и революционного движения в России

ИВ. МЕНИЦКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЕННЫХ ГОДОВ

(1914—1917)

Том 2

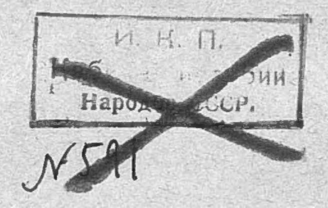

КОНЕЦ 1915 ГОДА (МОСКВА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА 1924

Мосполиграф. 27 типография
„КРАСНАЯ ПЕЧАТЬ“
Остоженка 10. Телеф. 2-56-19.
Главлит № 24.771 Тираж 5000.

Второй том значительно отличается от первого. В первом я главным образом стремился ответить на вопрос: были ли и что делали московские большевики в первый год войны? Такая задача вынудила меня все свое внимание сосредоточить на выяснении состава и активности московских большевиков и дать весьма небольшое место для общего фона, на котором развивались главнейшие политические явления, вынуждавшие большевиков так или иначе реагировать.

Во втором мне не было надобности глубоко залезать в подполье и разыскивать там одиночки и группы большевиков. В начале второго года войны мы видели значительное оживление в рабочих районах и целый ряд крупных стачек. В силу этого, наряду с освещением подполья, мы подробно остановимся на жизни рабочих организаций, стачках, мерах борьбы с последними и положении рабочих (дороговизна). Уделив достаточно места рабочему движению, мы не могли умолчать и о так называемом общественном движении. Мы совсем несогласны с одним из рецензентов газеты „Известия ВЦИК", который в моей брошюре „Русское рабочее движение и Р. С.-Д. Р. П. накануне войны" нашел маленький недостаток в том, что я „изображению буржуазии" отвел три странички [1]). Нельзя писать о рабочем движении и совершенно умалчивать о противнике пролетариата — буржуазии и тех процессах, которые всегда происходят в известной связи с процессами, происходящими в рабочем классе. Этому вопросу мною отведено две главы.

Базируясь в своей работе в главном на материалах историко-революционного архива, мы в весьма малой степени использовали нашу истпартовскую литературу. К сожалению, в этих изданиях, часто снабженных фотографиями, вы не находите имени и отчества, как в сборнике „Динамо", или даты событий, как в сборнике „Накануне Великой Революции" и т. д.

Архивный материал мы дополнили и согласовали с газетной информацией, которая значительно помогла полноте картины хода событий (даже стачек).

---

[1]) См. „Известия ВЦИК", № 278 от 5/XII 1923 г.

В приложении мы дали: 1) Сведения о провокаторах, работавших в Москве в военные годы (продолжение); 2) **Доклад начальника охранки по Р. С.-Д. Р. П.** с начала войны по 3/X 1915 г.; 3) **Тверская группа Р. С.-Д. Р. П.** Обвинительный акт. Протокол судебного заседания московской судебной палаты. Приговор. Особое мнение сословного представителя Урусова. Указ правительствующего сената; 4) **Пресненская группа.** Обвинительный акт. Протокол судебного заседания. Вопросный лист. Резолюция. Приговор. Протокол осмотра вещей, из'ятых при личном обыске у Веревкина. Справка о судимости; 5) **Именной указатель.** Третье и четвертое приложения дополняют наши данные о двух крупных группах (Тверская и Пресненская), работавшие в Москве в 1915 г. Материал этот ни я ни т. Лацис, писавший о Тверской группе, до последнего времени не могли найти. Я пытался получить его от Н. К. Муравьева, защитника по этим процессам; последний любезно из'явил свое полное согласие, но разыскать эти дела ему никак не удосужилось. И только, благодаря успешной разработке архивного материала, при содействии сотрудников архива, наконец, удалось их раздобыть.

Книга иллюстрирована портретами наиболее видных деятелей подполья 1915 г.; вопроизведено несколько регистрационных карточек охранки и газетных вырезок, характеризующих момент.

Москва
октябрь 1924 г.

КОНЕЦ 1915 ГОДА (МОСКВА)

ГЛАВА I.

Начало второго года войны.—Состояние московской промышленности.—Положение московских рабочих.—Начало экономических стачек.

Мобилизация запасных в первые три месяца войны в Москве не вызвала недостатка в рабочих руках. Вызванная ею убыль рабочих комплектов, в общем не превышающая 15% нормальных штатов, была совсем нечувствительна уже по одному тому, что промышленность, замедлившая в силу причин иного порядка темп своей деятельности, соответствующим образом и даже в большой степени сократила спрос на труд. По данным статистического отдела о-ва заводчиков и фабрикантов, произведшего в конце августа 1914 года анкетное обследование 152 предприятий с общим составом рабочих свыше 133.000 человек, группа предприятий, отмечавшая «некоторое» или «незначительное» сокращение работ, вследствие призыва части рабочих на военную службу, сравнительно малочисленна, и лишь в качестве исключения отдельные предприятия констатировали серьезные расстройства в своем производстве, в виду вызванного мобилизацией резкого сокращения рабочего персонала и недостатка опытных мастеров.

Серьезнейшие расстройства в регулярной работе фабрично-заводской промышленности внесло другое, непосредственно связанное с мобилизацией и ей сопутствующее явление,—закрытие железных путей для коммерческого грузового движения.

Предприятия, располагавшие незначительными запасами топлива и материалов, предназначенных к фабричной обработке, естественно сократили обычную выработку, чтобы отсрочить полную остановку производства и дать какой бы то ни было заработок рабочим. Для этой группы предприятий открытие железных дорог являлось в собственном смысле слова вопросом жизни и смерти. Равным образом и предприятия, обеспеченные солидными запасами сырья, также уменьшили размер или рабочего дня, или рабочей недели, так как вырабатываемые продукты вместо того, чтобы поступать на рынок, загружали собой фабрично-заводские склады.

Однако, наиболее опасным для фабрично-заводских производств моментом должен быть признан не перерыв отправок их изделий по железным дорогам, а недостаток сырых материалов,

затруднительность получения новых партий сырья или даже полное закрытие обычных его источников. Огромное большинство предприятий, работая исключительно за счет имеющихся на складах запасов, сокращало рабочую неделю или рабочие дни, чтобы по возможности отсрочить момент полной остановки производства. Другие предприятия ставили продолжение работ нормальным порядком в зависимости от свободного прилива в будущем сырьевых продуктов. Наконец, третьи предприятия уже к августу 1914 года прекратили свою деятельность, отработав весь наличный запас сырья.

Недостаток материалов об'яснялся не только закрытием железных дорог, но и тем обстоятельством, что большинство московских производств работало на сырье и полуфабрикатах заграничного происхождения (хлопок, шелк-сырец, красильные экстракты, обработанные кожи, детали машин и т. д., и т. д.). Совершенное закрытие внешних границ с Германией и Австрией, исключающее всякую возможность получения их товаров, а равным образом затруднительность торговых оборотов с дружественными и нейтральными странами, главным образом способствовали созданию в русской промышленности голода по сырью.

В частности в текстильных предприятиях, занятых обработкой хлопка, производство замедлилось в виду «предстоящего недостатка в египетском и американском хлопке», а так же вследствие недостатка красильных и других веществ. В более благоприятном положении находилось шерсто-ткацкое производство, занятое усиленной выработкой армейского сукна.

Металлообрабатывающая промышленность также вынуждена была считаться с недостатком сырых материалов. Отдельные предприятия или сократили размеры производства, или временно приостановили его совершенно.

Произведя разбивку полученных анкетой данных на группы: 1) предприятия, усилившие производство, 2) предприятия, работающие нормально, 3) предприятия, сократившие производство, и 4) предприятия, остановившие производство, мы получим следующую таблицу:

Предприятия московской промышленности на август 1914 г.

Производ. группы.	усил. произ.		работ. норм.		сократ. произ.		остан. произ.		Всего.	
	Число пред.	Число раб.	Число пред.	Число раб.	Число пред.	Число раб.	Число пред.	Число раб.	Число пред.	Число раб.
Текстильная.	1	60	10	11.138	28	63.646	1	150	40	74.993
Метал. . . .	2	1.038	12	3.430	29	33.720	2	2.648	45	40.886
Прочие . .	1	600	21	5.750	39	9.170	6	2.423	67	17.943
	4	1.698	43	20.317	96	106.536	9	5.221	152	132.772

Таким образом, исходя из численности рабочих штатов, можно видеть, что усиленной деятельностью охвачены были, благодаря работе на армию, всего лишь 1,3% московских произ-

водств; нормальный ход промышленной деятельности сохранили 15,2%, замедлили в большей или меньшей степени свои операции 79,6% и, наконец, временно принуждены были совсем приостановить работы 3,9% производства.

В общем те размеры, в каких были произведены сокращения фабрично-заводских работ в июле—августе, в редких случаях составляли 15—25%, чаще всего 30—50% и иногда 75%. Возникшая на этой почве безработица еще более усилилась с прибытием выселенцев и беженцев.

Первая волна беженцев (из Калиша) прибыла в Москву тотчас по об'явлении войны еще в августе 1914 года, но главный наплыв падает, как и в остальной России, на вторую половину 1915 года. Общее число беженцев, осевших в Москве, устанавливается переписью, произведенной в ноябре 1915 года. Их было зарегистрировано 145.000 чел. По данным земско-городского союза число беженцев, высаживавшихся в Москве в августе и в сентябре, равнялось в среднем 440 чел. в день.

Потребности военных армий вскоре вызвали к жизни целый ряд новых промышленных предприятий, работающих на «оборону», т.-е. на войну, и образовавшийся в начале войны избыток рабочей силы оказался использованным на новых предприятиях.

Так, по данным на 1 июля 1915 года, из числа 571.082 рабочих, занятых в 1.200 фабриках и заводах Московского района, 247.312 были заняты работой на оборону, т.-е. 43,3% общего числа рабочих [1]).

Быстрый рост военной индустрии, поглотив наличный состав рабочей силы, значительно изменил и состав таковой. Прежде всего погоня за дешевым трудом привела к широкому применению труда женщин, подростков и малолетних. По данным статистического отдела московского о-ва фабрикантов и заводчиков рабочий состав по 391 предприятию Москвы с общим числом 259,341 рабочего, по полу и возрасту, в октябре 1915 г. представлялся следующим образом:

Возрастной и половой состав московских рабочих на октябрь 1915 г. по 391 пред. Москвы.

Группы производств.	Количество предприят.	Взрослых муж. старше 17 лет.	Взрослых жен. старше 17 лет.	Подростков.	Малолетних.	Всего рабочих.
Обработка волокнистых веществ . .	97	39.391	56.169	9.760	1.837	107.157
„ металлов	138	78.856	13.258	10.048	455	102.617
Химическое производство	27	2.848	1.645	560	33	5.086

[1]) „Деятельность Московского Обл. В. П. К. и его отделов по 31/I—1916 г.“, стр. 38.

Группы производств.	Количество предприят.	Взрослых муж. старше 17 лет.	Взрослых жен. старше 17 лет.	Подростков.	Малолетних.	Всего рабочих.
Обработка животн. продуктов . . .	24	8.005	4.056	627	94	12.782
„ пит. вкусов. веществ . .	29	4.571	6.169	1.320	73	12.133
„ минералов	26	5.911	1.455	1.258	543	9.167
„ дерева	14	1.046	189	222	7	1.464
Бумаго-полигр. производ.	31	3.396	3.639	920	69	6.024
Прочие производства	4	1.384	1.124	32	4	2.544
Производство электр. энергии . . .	1	367	—	—	—	367
По всем производствам[1]) . .	391	145.775	85,707	24.747	3.115	259.341

Насколько число женщин, занятых в производстве, возросло, можно судить хотя бы по следующей таблице, представляющей данные 108 предприятий Московского района, из которой мы видим, что в 1915 г., по сравнению с 1913 довоенным годом, число женщин, занятых в металлообрабатывающей промышленности, возросло больше чем на 100%[2]).

Количество взрослых мужчин и женщин на 1-е ноября 1915, 1914 и 1913 г.г. в 108 предприятиях Московского района.

Группы предприятий.	1915 г.		1914 г.		1913 г.	
	Взрослых мужчин.	Взрослых женщин.	Взрослых мужчин.	Взрослых женщин.	Взрослых мужчин.	Взрослых женщин.
Обработка шерсти	3.805	3.193	5.027	3.823	5.817	3.821
„ хлопка	40.186	63.225	42.991	56.882	48.774	54.493
„ льна, шелка и пр. . . .	3.433	5.819	3.255	4.597	3.404	4.721
„ металлов	27.970	2.884	24.438	1.564	24.512	1.399
Прочие производства	5.106	4.806	5.713	4.210	6.730	3.993
По всем производствам . . .	80.500	76.927	81.424	71.022	89.237	68.427

[1]) „Изв. Моск. о-ва завод. и фабр. Моск. пр. района“, № 11—12, 1915 г. стр. 26.
[2]) Там же.

Насколько возросло количество подростков, занятых в производстве, статистических данных у нас не имеется, но, судя по тому отражению, какое нашло это явление в наших журналах того времени, нужно судить, что оно превышало рост женского труда во много раз. В ряде иллюстрированных журналов этого времени вы весьма часто встречаете снимки: «дети за работой», «сменили мобилизованного отца» и т. д.

По одной из таблиц того же статистического отдела [1]) из 259.341 рабочего обоего пола имелось взрослых мужчин 96.569, т. е. женщины и дети составляли едва ли не $^2/_3$ общего числа рабочих. Несмотря на такое преобладание женщин и детей, заработок взрослых мужчин составлял едва ли не $50^0/_0$ всей валовой суммы заработка. Таков итог общих данных, а по отдельным производствам картина много мрачнее. Вот некоторые данные по материалам того же статистического отдела [2]).

Заработок рабочих в октябре 1915 года.

Группы производств.	Число рабочих обоего пола.	Валовая сумма заработка.	Кол. раб. взрослых мужчин.	Зараб. взрослых мужчин.	Средн. за окт. зараб. рабочего.	
					Взросл. мужчин рубл.	Взр. женщ. и подр.
Обраб. волокн. вещес.	107.157	2.536.945 29	39.391	1.238.487 64	31,4	19,1
„ металлов . . .	102.617	5.323.657 65	39.182	2.458.641 09	62,7	45,1
Химическ. производ. .	5.086	167.999 91	2.848	120.349 73	42,3	21,9
Обраб. животн. продук.	12.782	461.040 17	1.876	103.913 78	55,4	32,8
„ пит. и вкус. вещ.	12.133	349.851 33	4.143	168.780 95	40,7	22,7
„ минералов . . .	9.167	202.812 75	4.527	136.783 65	30,2	12
„ дерева	1.464	51.001 80	628	29.430 23	46,8	25,8
Бумаго-полиг. произв. .	6.024	205.409 59	3.396	155.689 38	45,8	18,8
Прочие производства .	2.544	104.944 15	211	13.292 53	62,9	39,2
Произв. элек. энергии.	367	36.957 00	367	36.957 00	100,7	—
По всем производствам.	259.341	9.440.619 64	96.569	4.462.325 38	46 3	—

Из всего этого мы видим, что широкое применение женского и детского труда вызывалось не столько отсутствием

[1]) „Изв. о-ва зав. и фабр. Моск. пр. района“, № 11—12, стр. 28.
[2]) Там же.

мужчин, вследствие мобилизации, сколько погоней промышленников за дешевым женским и детским трудом, с одной стороны, и голодом и нищетой солдатских семей, лишившихся своих кормильцев, с другой стороны[1]). Кроме того, по данным биржи труда мы видим, что все время имелись свободные руки взрослых мужчин. Правда, там не было таких специалистов, в которых заводы нуждались, но все они с успехом справлялись бы с той работой, на какую набирались женщины и дети.

Кроме детей и женщин, на рабочем рынке в Москве, начиная с половины июня 1915 года, появился новый представитель дешевого труда—беженцы.

Занятие неприятелем некоторых губерний в августе 1914 г. не вызвало еще сильного беженского движения внутрь страны и осталось мало заметным для города Москвы. Тогда беженцы расселились в близлежащих к их родине губерниях, и только часть из них направилась в центральные губернии, в частности в Москву, где число получавших помощь не превышало 1.500 человек. Совсем иная картина наблюдается с половины июня 1915 г. Вследствие отступления нашей армии из Галиции, Волынской, Подольской губерний, Царства польского и Прибалтийского края и благодаря мерам принудительного характера, принятым в целях разорения эвакуированных местностей, с места сдвинулось население целых губерний, и общее число беженцев, хлынувших через Москву, с этого момента принимает грандиозные размеры. Движение это носило самый хаотический характер. Московский железнодорожный узел оказался очень скоро забитым. Железнодорожное ведомство, при недостаточности перевозочных средств, не в состоянии было справиться с беспорядочным направлением поездов. Были моменты, когда поезда с беженцами забивали Московский узел, принимавший в сутки до 440 вагонов (нормальный прием 200 вагонов). Такое положение дел было до 24 августа. В последних числах августа количество вагонов доходило до 700—800 в сутки.

Несмотря на свое транзитное положение, Москва очень скоро превратилась в место сосредоточения большого числа беженцев. По сведениям московской городской управы за время с 1 августа 1915 г. по 1 сентября 1916 г. через Москву прошло зарегистрированных всего 442.987 человек беженцев, из которых 272.371 человек отправлены дальше; остальная масса 170.616 человек беженцев осела в Москве. Таким образом, в среднем за месяц прибывало в Москву 34.076 человек, эвакуировалось 20.951 человек и оседало 13.125 человек[2]).

Прирост населения на 22,6% (по данным на 19/22 ноября 1915 г., население города Москвы с пригородами составляло

---

1) Если бы не было этой нищеты, то и платили бы им не такие гроши.

2) „Московская городская дума", 1913—1916, изд. 1916 г., стр. 55—56.

1.984.000 человек [1]), обилие дешевого женского, детского и беженского труда все время держали ниже уровня минимума средств существования не только заработок женщин и детей, но и взрослых мужчин и даже таких, наиболее высоко оплачиваемых профессий, как металлисты.

Орган фабрикантов и заводчиков, желая доказать, что по части реальной заработной платы рабочих все обстоит благополучно, в № 7 писал:

«Заработная плата рабочих (минимальная), судя по состоявшимся на Бирже Труда наймам в июне 1914 г. и 1915 г., повысилась за год на 30%. Максимальная плата поднялась не так значительно—на 20%; но абсолютное повышение заработных плат приблизительно одинаково и составляет около 50 к. в день. Цены рабочих рук возросли, особенно в профессиях по обработке металлов. Кузнецы, получавшие прежде поденно 1 руб., теперь нанимаются по 1 руб. 80 коп., слесаря и токари, вместо одного рубля, получают 1 руб. 75 коп. и вместо 2 руб.—3 рубля и т. д.» [2]).

Желая это обосновать, он привел следующую таблицу цен в 1914 и 1915 г.г.

Цены на рабочие руки в 1914 и 1915 гг.

	Июнь 1915 г.	Июнь 1914 г.
Кузнецы	1.80—2.50	1 —2 —
Слесаря, токари	1.75—3 —	1 —2 —
Машинисты, монтеры	1.50—2.50	1.50—1.60
Кочегары	1.20	1 —
Плотники	1.50—2.50	1.50—2 —
Столяры	1.90—2.50	1.30—2.50
Каменщики	1.60—2.50	1.60—2.50
Кровельщики	1.75—2.25	1.50—2.25
Маляры	1.75—2 —	1 —2 —
Землекопы	1.60—2.25	1.25—1.80
Чернорабочие	1.40—2 —	— 90—1 50

1) „Московская городская дума“, 1913—1916 г, изд. 1916 г., стр. 87.

2) „Изв. о-ва завод. и фабр. Моск. пр. района“, № 7, 1916 г., стр. 4.

Цены на основные продукты, потребляемые рабочими в Москве (по данным московской городской управы) [1]:

Цены за фунт (в розничной продаже) на 24 июня.

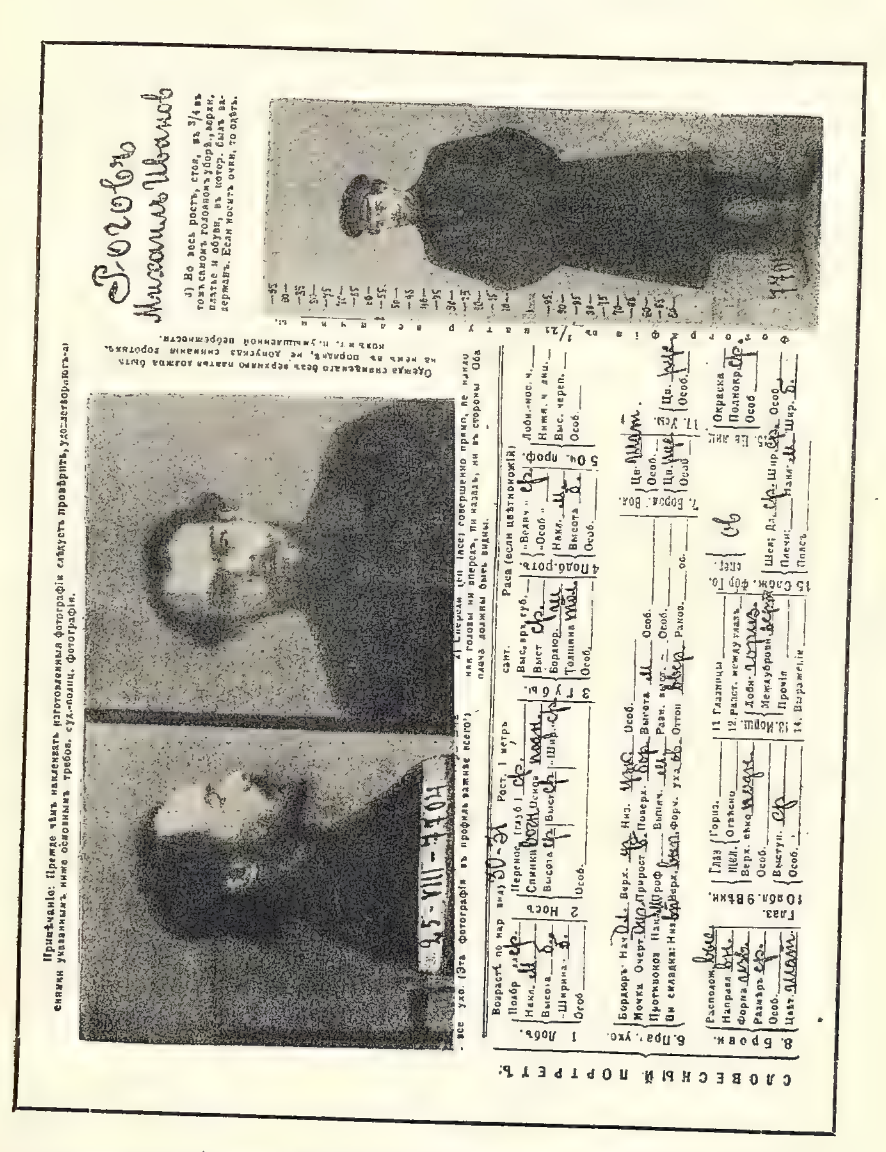
	1915 г.	1914 г.
Хлеб ржаной кисло-сладкий	4 коп.	3 коп.
Хлеб-ситный	9 „	6 „
Говядина 2-й сорт	28 „	20 „
Солонина простая	18 „	16 „
Крупа ядрица	9 „	5 „
Крупа пшенич.—первач 2-й сорт . . .	7 „	5 „
Сало топленое	30 „	22 „
Капуста кислая	3 „	2 „
Масло подсолнечное	16 „	13 „

Насколько повысились харчи рабочего, как они выражаются, настолько повысилась и заработная плата. На самом деле, так совсем не было. Еще на с'езде по борьбе с дороговизной (11—13 июня 1915 года) представитель 5-й больничной кассы г. Москвы И. А. Карасев, вызвавший шумные аплодисменты, опроверг этот миф. Он сказал: «Из отчета центральной кассы видно, что женщины, которые до войны зарабатывали 16 р. в месяц, и мужчины, которые зарабатывали в среднем 43 руб. 94 коп., после нового года стали получать: женщины—16 руб., а мужчины—37 р. 24 к., следовательно, минус 6 руб. 70 коп.; значит, вместо рубля у них остается 54 коп., предметы же первой необходимости, как видно из докладов чупровского общества, поднялись на 30%» [2]).

Тремя месяцами позже тот же журнал [3]), забыв то, что он писал в № 7, поместил сводку статистического отдела о заработке рабочих по металлу в июне 1915 года в Москве и Московской губернии по анкетам от 29 предприятий с 8.048 рабочими поденными и 16.893 работающими сдельно. Из этой сводки мы узнали, что цены первой, отмеченные как минимальные, здесь приближаются к максимальным, так по этим данным минимальные цены колеблются за 10-часовой рабочий день от 30 коп. до 1 руб. 77 коп., тогда как по первой таблице их колебание устанавливается от 90 коп. до 3 руб. Таким образом получается разница довольно значительная.

---

1) „Изв. о-ва заводч. и фабр. Моск. пр. района.“, № 7, 1915 г., стр. 91.
2) Ив. Меницкий.—„Рабоч. движ. и с.-д.“, ч. I, стр. 166.
3) „Изв. о-ва заводч. и фабр. Моск. пр. района“, № 10, окт. 1915 г.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Примѣчаніе: Прежде чѣмъ наклеивать изготовленныя фотографіи слѣдуетъ провѣрить, удовлетворяютъ-ли снимки указаннымъ ниже основнымъ требов. суд.-полиц. фотографіи.

Роговъ Михаилъ Иванов

1) Во весь ростъ, стоя, въ 3/4 въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платье и обуви, въ котор. былъ задержанъ. Если носитъ очки, то одѣть.

Регистрационная карточка Московского Охранного отделения на Михаила Ивановича Рогова.

Вот эта сводка:

Заработок рабочих по металлу в Москве и Московской губернии в июне 1915 года.

Профессии.	Цеховая поденная плата за 10-час. рабочий день.				Сдельный заработок за 10-часовый рабочий день			
	Максимум.		Минимум.		Максимум.		Минимум.	
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
Болтовщики	2	—	—	50	3	77	1	77
Возчики	1	55	—	83	—	—	—	—
Жестянщики	3	—	—	40	5	—	1	—
Инструментальщики	4	50	—	80	15	30	—	67
Котельщики	3	—	1	40	7	30	—	42
Кузнецы	3	—	1	—	8	–	—	75
Литейщики	2	50	—	75	10	10	—	90
Литейщики-ученики	—	90	—	45	4	18	—	70
Мальчики	1	—	—	40	—	—	—	—
Машинисты	5	—	1	30	2	77	1	10
Сварщики	3	90	1	—	9	65	—	37
Сверлильщики	2	60	—	45	7	50	—	30
Слесаря	3	80	—	60	8	50	—	50
Слесаря-ученики	1	—	—	30	3	30	—	40
Строгальщики	2	50	—	50	6	70	—	50
Токари	7	50	—	70	9	70	—	50
Формовщики	2	30	—	90	7	—	—	90
Фрезеровщики	2	60	—	50	8	80	—	90
Чернорабочие	2	35	—	70	4	70	—	30
Штамбовщики	2	50	—	50	5	60	—	60
Электрики	3	—	—	—	—	—	—	—

Максимальные цены, украшающие эту таблицу, распространялись на весьма ограниченный круг рабочих. Женщины, подростки и дети, составлявшие около 50% рабочей массы, как и большинство рабочих мужчин, оплачивались по ценам не максимальным, а минимальным.

Но если так дело обстояло в одной из наилучше оплачиваемых профессий—металлистов, и по данным фабрикантов и заводчиков, по понятным причинам всегда прикрашивающих положение вещей, то в других профессиях заработок был значительно ниже.

Изо дня в день растущие цены на продовольствие и другие предметы первой необходимости при столь низкой заработной плате создавали для рабочих невыносимое положение, и, несмотря на то, что наиболее сознательные рабочие в большинстве своем было в армии и более чем 50% фабрично-заводских рабочих были только впервые попавших на фабрику, да женщины и дети, а также несмотря на ту бешеную агитацию, какую вела пресса за гражданский мир против всяких попыток к забастовкам,—весной и летом последние снова начались.

Весной происходили стачки ивановских рабочих, потребовавших от фабрикантов прибавки платы и взноса по 10 руб. с каждого рабочего на образование кооперативного капитала. В июне и в начале июля забастовали некоторые крупные заводы и в Московском районе[1]).

---

[1]) „Изв. о-ва заводч. и фабр. Моск. пром. района“, № 7, стр. 6.

ГЛАВА II.

Общественные настроения.—Оценка момента П. Н. Милюковым, Маклаковым, Рябушинским и др.—Резолюция Московской городской думы от 18 августа. — Оценка настроений по сообщениям осведомителя „Штурман". — Записка Начальника Московского Охранного Отделения.—Поворот в настроении буржуазии.—Записка осведомителя „Рязанский".—Воззвание Львова.

Если осень 1914 года можно охарактеризовать как период наибольшего под'ема шовинистической волны, то осень 1915 года нужно рассматривать, как время весьма значительного нарастания оппозиционного настроения во всех слоях общества. Революционное настроение рабочих с каждым днем все более и более крепло, выливаясь в целый ряд выступлений. Мещанские, обывательские слои города, измученные дороговизной, не видя конца войны и всех гибельных ее последствий, все больше и больше раздражались. Буржуазия в лице своих партий—кадетов и прогрессистов—все больше и больше нервничала.

Правда, ее лидер П. Н. Милюков сдерживал более нетерпеливых и раздраженных. Он говорил им: [1])

«Ради Бога, не поддавайтесь на провокацию правительства: всеми силами души стремясь к сепаратному миру с Германией, правительство стремится вызвать осложнения в стране. Эти осложнения развязали бы ему руки: с одной стороны, ссылаясь на рост революционного движения в России, правительство об'яснило бы перед союзниками невозможность продолжения кампании, с другой стороны,—ответственность за проигрыш кампании оно возложило бы на революционные и оппозиционные круги: победа, мол, была обеспечена, но ваше преступное поведение помешало нам довести ее до конца.

«Не поддавайтесь на подобную провокацию тонущей реакции, не стройте ей желанных мостков, не снимайте с нее тяжести ответственности за новый военный разгром. Сейчас нам остается одно,—все терпеливо снести, глотать самые ужасные пилюли, не обострять, а, наоборот, сдерживать клокочащее настроение, и все потому, что при предстоящей близкой расплате положение правительства представляется безнадежным и торжество русского либерализма полным и безусловным. Правительство само неуклонно толкает себя в пропасть и с этой стороны

[1]) По данным о дебатах в думской фракции к-д.

было бы совершенно нецелесообразно какими-либо тревожными эксцессами раньше времени открывать ему глаза на все ужасное безумие его игры».

В этих словах—разгадка и об'яснение кажущегося спокойствия кадет, которые вдруг оказались правее прогрессистов и даже многих октябристов.

Брошен был определенный лозунг: расплата после войны и расплата не только с данным правительством в смысле данного кабинета министров, а именно с Верховной властью. Ярко и определенно бросил этот лозунг—вернее формулировал прочно сложившееся настроение—член Государственной Думы В. А. Маклаков, пустив в общественный оборот крылатое слово о расплате после войны с «шофером» (см. произведшую сенсацию статью его в «Русских Ведомостях»).

«Было бы большой ошибкой игнорировать, не придавать самого серьезного значения этим наглым угрозам»,—писал в своей записке один из осведомителей.[1]) «Эти наглые угрозы—не простое бахвальство революционных кругов, а результат твердой их уверенности, основанной на знакомстве с настроением широких масс, в среде которых в последнее время престиж верховной власти действительно страшно пал. Это обстоятельство в десятках заявлений с мест с полной определенностью констатируется в анкете о настроении общества, предпринятой в начале осени ЦККД партии. И с величайшим прискорбием приходится констатировать, что именно в Москве—этой недавно прочнейшей опоре трона—факт угрожающего падения престижа верховной власти находит себе полное подтверждение». Продолжая и обосновывая свою мысль, автор писал:

«В данном случае приходится говорить даже более чем о падении престижа верховной власти, налицо признаки начавшегося и неуклонно развивающегося антидинастического движения, вернее, быть может, не столько движения против династии в целом, не столько движения с определенно выраженным республиканским характером, сколько движения, острого и глубокого раздражения против особы государя императора, ныне царствующего. И все факты последнего времени в ужасающей степени усилили это настроение. Вращаясь в различных кругах общества, с болью приходится констатировать, что если бы реагировать на все случаи наглого и откровенного оскорбления величества, то число процессов по 103 ст. достигло бы небывалой цифры. И это настроение столько же низов, тяготеющих к крайним левым, сколько и буржуазии средней и высшей, руководимой кадетскими кругами.

«Моментом резкого перелома, поворота в сторону полного разрыва с верховной властью, крайнего обострения отношения

---

[1]) Записка озаглавлена „Настроения общества“, хранится в делах охран. отд. без пометки о ее авторе.

к особе государя императора—явился отказ в приеме депутаци общеземского и общегородского союзов. На с'ездах союзов, бывших в августе текущего года, резко подчеркивалось, что делается последняя попытка раскрыть глаза монарху, которого политика Горемыкина толкает в пропасть, и когда депутации в приеме было отказано, в руководящих оппозиционных кругах было принято твердое решение не делать более ни малейших шагов к общению с монархом, так как события должны теперь пойти мимо него, так как он сам поставил себя в положение, когда единственным выходом является суровая «расплата».

«Первая задача по окончании войны—убрать «безумного шофера», толкающего страну в пропасть, «вырвать из его рук руль» (слова из ст. Маклакова). Эту задачу от имени кадет провозгласил член Государственной Думы Маклаков. Эту задачу, как задачу ближайших дней с наглой откровенностью в присутствии министра внутренних дел провозгласил в бюджетной комиссии Государственной Думы от имени с.-д. Чхеидзе. В этом направлении сейчас происходит самая деятельная работа, пусть невидимая, трудно уловимая по своим внешним проявлениям, но тем более опасная по последствиям.

«Обращаясь к фактам, поскольку речь идет о Москве, питающей неуклонное падение престижа верховной власти, необходимо отметить следующее:

«Быть может, никто, даже самые невоздержанные революционеры в своих прокламациях не причинили столько зла, не содействовали в такой ужасной степени падению престижа верховной власти, очернению особы монарха, как все то, что рассказывал чуть ли не на всех улицах и перекрестках о причинах своего ухода бывший обер-прокурор св. синода Самарин. Подробности о той роли, какую играет в Государственной жизни переживаемого момента пресловутый «старец» Распутин, были тяжелыми ударами и оскорблениями не только государя императора, но в, особенности, Государыни Императрицы Александры Федоровны. Злой или, быть может, глупый язык «преданнейшего монархиста» Самарина был великолепно использован руководителями революционного движения, и если ближайшим результатом болтовни Самарина явилась демонстративная выходка московского дворянства (избрание в выборщики в государственный совет ген. Джунковского), и известный адрес Московской городской думы, то сейчас грязные сплетни о царской семье стали достоянием широкой улицы. Болтовня Самарина и подробности о Распутине, заключающиеся в книге бывшего иеромонаха Илиодора, это такой козырь в игре революционеров, значение которого приходится учитывать более чем серьезно.

«Вместе с чувством крайнего неуважения к особе государыни императрицы Александры Феодоровны необходимо еще отметить и распространенное в массе чувство озлобления в отношении ее, как к «немке». Государыню императрицу даже

в интеллигентских кругах считают вдохновительницей и руководительницей кампании в пользу сепаратного мира с Германией.

«О чувствах массы в отношении государыни императрицы яркое свидетельство дают те чувства, какие московская масса питает в отношении ее сестры, великой княгини Елизаветы Феодоровны. Только усилиями полиции в майские дни предупрежден был разгром на Ордынке помещения, занимаемого великой княгиней, и в высшей степени прискорбным является то обстоятельство, что факт этот был разглашен и подвергся злостным пересудам благодаря крайне неуместной беседе бывшего московского градоначальника генерала Адрианова, помещенной в самой распространенной газете—«Русское Слово».

«Чутко прислушивающиеся к фактам подобного рода и делающие из них надлежащее употребление, руководители революционного движения использовали также в целях удара по особе монарха помещенную на-днях в «Русском Слове» же беседу министра внутренних дел А. Н. Хвостова, именно ту часть беседы, где говорится об амнистии. Слова А. Н. Хвостова о том, что он не только не против амнистии, но даже в Государственной Думе в совете старейших в начале войны высказывался в пользу нее, получили такое истолкование: вот, мол, даже правые допускают возможность амнистии, и только один государь император против нее. По всей вероятности, беседа с А. Н. Хвостовым изложена в «Русском Слове» неточно и нуждается в поправке, пока же из нее делаются самые зловредные выводы, направленные против государя императора.

«Государя императора делают ответственным за все наши последние неудачи на театре военных действий, его отождествляют с генералом Сухомлиновым, на него—после решительного отказа утвердить вопреки настояниям генерала Поливанова помощником военного министра А. И. Гучкова [1]), возлагают тяжкую ответственность за все дальнейшие последствия, за все жертвы, которые приносит и еще должна принести армия. Этот взгляд не только деятельно укрепляют здесь в тылу, но его столь же деятельно стараются привить армии.

«Зловредные попытки не останавливаются на этом: пуская в ход средства, чтобы очернить государя императора, не останавливаются перед широким распространением сплетни, что лично государь является инициатором происходящих закулисно переговоров о сепаратном мире с Германией. Эта сплетня, находящая полную веру на низах,—удар по царскому имени, значение которого трудно учесть.

«С особым прискорбием приходится отметить, что падение престижа верховной власти, крайнее ослабление чувства привязанности к особе монарха наблюдается и в среде московского старообрядчества и патриархального купечества. «Даже этот

[1]) Таковы упорно циркулировавшие слухи.

вековой оплот царя потерял последнюю веру в него»,—громко кричит лидер прогрессивных старообрядцев, пользующийся громадным влиянием в среде крупной московской буржуазии, член государственного совета П. П. Рябушинский. Тот же факт констатирует в своем ответе на анкету Ц. К. Московский отдел к.-д. партии.

«Беспристрастные, об'ективные наблюдения над московской жизнью приводят к выводу, что все подобные заключения едва ли мною преувеличены».

Нарисовав столь безотрадную картину настроения буржуазных кругов («Настроения общества»), автор нашел кое-что сказать и для успокоения.

«Зная настроение руководителей революционного движения, начиная с крайних левых и кончая кадетами,—писал он,—можно с уверенностью сказать, что в настоящий момент и вплоть до окончания войны правительству нечего опасаться особых осложнений во внутренней жизни. В либеральных кругах русского общества слишком велика ненависть к Германии и Вильгельму II, представляющихся им оплотом реакции в России, и поэтому стремление этих кругов довести войну до полной победы является вполне искренним. Отсюда молчаливый лозунг: не делать ничего такого, что могло бы осложнить положение правительства, могло бы вредно отразиться на положении на театре военных действий, отсюда же искреннее стремление притти на помощь армии (деятельность общеземского и общегородского союзов, военно-промышленных комитетов). В этом и только в этом, а не в сознании фактического своего бессилия, как это склонны думать некоторые, об'яснения того, что все последние шаги—роспуск Государственной Думы, увольнение кн. Щербатова, Самарина, Кривошеина, отказ в приеме депутации Городского и Земского союзов—были приняты оппозиционными кругами с тем внешним спокойствием, на которое, пожалуй, трудно было рассчитывать. Совершенно определенные факты свидетельствуют, что никем иным, как именно кадетами, напряжены были все усилия, чтоб сдержать и ослабить готовившиеся вспышки острого раздражения, и делалось все это во имя идеи расплаты с правительством после войны».

Но прежде чем порвать с царем, буржуазия пыталась «открыть глаза монарху». С этой целью 18-го августа 1915 г. Московская городская дума при обсуждении справки городской управы о мерах, принятых в области снаряжения и снабжения армии по выслушании речей городского головы М. В. Челнокова и гласных Н. И. Гучкова и А. Д. Алферова единогласно решила:

«1. Уполномочить городского голову повергнуть к стопам его императорского величества воодушевляющие Московскую городскую думу верноподданические чувства и представить на милостивое воззрение его императорского величества государя императора изложенные соображения городской думы.

«2. Просить городского голову передать по телефону его императорскому величеству верховному главнокомандующему Российской армией выражения чувств глубокого преклонения Москвы перед трудами и жертвами, которые несет русское воинство, твердой веры Москвы в армию и ее вождя и готовность Москвы напрячь все силы на работы для снаряжения армии».

Вместе с тем единогласно постановлено:

«а) Поручить городской управе и комиссии по мероприятиям, вызванным войной, работы по снабжению и снаряжению армии вести в возможно широком размере, не ограничивая организации работ существующими мастерскими, а равно изыскать способ обеспечить городское управление получением необходимого количества металлов.

«б) Возбудить ходатайства: 1. О предоставлении городскому общественному управлению права ревизии производства на частных заводах, производящих предметы снаряжения в Москве; 2. О предоставлении городскому общественному управлению права реквизиции тех заводов, которые не будут удовлетворять своему назначению в деле снаряжения армии.

«в) По соглашению с военно-промышленным комитетом обратиться ко всем промышленным предприятиям с указанием на необходимость сделать все, от них зависящее, для изготовления предметов военного снаряжения в возможно большем размере; просить эти предприятия сообщить, какие именно предметы снаряжени, и в каком количестве они предполагают изготовлять; просить их обращаться к содействию городского общественного управления во всех случаях, где они встретят какие-либо затруднения для этого изготовления». [1])

Во исполнение этого постановления Челноковым была послана следующая телеграмма:

«Царское Село, его императорскому величеству государю императору.

«Московская городская дума в чрезвычайном собрании своем 18 сего августа обсуждала вопросы о мерах к снаряжению и снабжению армии. Городская дума пришла к заключению, что при совершении сего великого и ответственного дела должны быть приняты следующие основные положения. Москва знает, что во власти врага целый ряд наших городов и даже крепостей. Но Москва неуклонно и твердо верит в русскую армию и ее вождя, великого князя, и готова напрячь все силы для создания условий, обеспечивающих победу. Война должна быть доведена до конца. Мир может быть заключен только после полной победы над врагом и при единодушном согласии на заключение мира всех союзников. Россия вступает в новую фазу войны. Создавшееся положение ставит перед ней новые, еще более ответственные задачи. В эту минуту все силы

---

[1]) Московская Городская Дума, 1913—1916 г., изд. 1916 г., стр. 71.

страны, все слои населения должны об'единиться в общей напряженной работе, в общем стремлении одолеть врага, забыв все, что не ведет к победе. Основой к достижению победы является единение народного представительства со страной. Москва убеждена, что Государственная дума сумеет в этот час испытания выразить истинное настроение страны, в нравственной поддержке которой Государственная Дума только и почерпает силы для исполнения до конца лежащих на ней высоких обязанностей. Стоящая ныне перед страной ответственная задача требует создания правительства, сильного доверием общества, и единодушного. Во главе его должно быть поставлено лицо, которому верит страна. В тяжелые годины жизни нашей родины Москва всегда обращала взоры свои к Петрограду, и государи Всероссийские неоднократно милостиво внимали голосу Москвы, и ныне московская городская дума уполномочила меня повергнуть к стопам вашего императорского величества выражение ее верноподданнических чувств и просить ваше величество милостиво принять изложенное мнение Московской городской думы. Московский городской голова Михаил Челноков». [1])

Этот пресмыкающийся, раболепский и предостерегающий голос Московской думы выразил мнение не одной только Москвы. Он открывал целую кампанию таких же резолюций, кампанию давления на монарха, организованно задуманную. Следом за ним нескончаемый ряд городских дум, земских собраний и общественных организаций ответили на него подобными же постановлениями, повторявшими ту же мысль. Единение власти и народа (т.-е. с буржуазной), власть в руках лиц, которым бы верила страна—вот те требования, с которыми коленопреклонно выступила буржуазия. Эта идея была провозглашена столицами, городами и небольшими поселениями. Всероссийский Союз земств и городов на своих с'ездах в сентябре 1915 года повторил эти требования.

Но гора родила мышь. Уважаемый монарх с глуповатой миной непонимания того, что от него хотят, отвечал своим верноподанным.

Он писал:

«Московскому городскому голове Челнокову.

Сердечно благодарю московскую городскую думу за единодушно выраженные мне верноподданнические чувства. Особенно ценю их в настоящие трудные для нашей родины дни. Верю в их искренность и вполне разделяю мысль, что теперь, когда все силы должны быть направлены к одной цели,—одолению врага,—особенно необходимо единение царя и его правительства с народом.

Николай».

---

[1]) „Русские Ведомости", № 194. 23 августа 1915.

Неудача нажима на монарха, с одной стороны, и опасение за народные низы—с другой, создали выжидательное положение. «В демократических кругах Москвы,—сообщал «штурман»,—наблюдается упадок духа вообще; общие выводы, которые всюду проводятся в небольших частных собраниях—это желание скорейшего окончания войны, необходимость остановить поток жертв и т. д. [1]). Все это не могло не охладить революционный пыл наших буржуа. Об этой «заминке» начальник московского охранного отделения в своей записке, от 24 августа 1915 года за № 109а, писал:

«Те общественные деятели оппозиционного настроения, которые несколько дней еще тому назад ярко демонстрировали невозможность для них вести работу по снабжению армии при настоящем внутреннем режиме в—настоящее время как бы заняли выжидательное положение.

«С одной стороны, вследствие данного ими толчка, известными заседаниями—московской городской думой 18-го сего августа и собраниемобщественных деятелей 16-го сего августа у А. И. Коновалова—по всей стране продолжается манифестационное движение вынесения обще-политических резолюций рядом общественных организаций и этим как бы выполняется наружным образом затеянный общественный шум, направленный к нажиму на власть.

«С другой стороны, в силу разных причин, о которых излагается ниже, как чисто кадетские круги, так и несколько стоящие правей их, но с ними участвующие в нажиме на власть с целью ее захвата в свои руки,—не чувствуют в себе достаточной силы и влияния на более широкие демократические круги: необходимо иметь в виду в связи с этим, что в «кадетских» и вообще интеллигентских оппозиционных кругах принята крайняя осторожность в требованиях к правительству и на рискованные и крайние выступления эти круги, несомненно, не пойдут.

«Некоторыми более спокойными элементами высказывается мнение, что первый испуг общества и вместе с тем растерянность правительства, вызванные событиями на нашем фронте в связи с падением всех наших крепостей, и преувеличенно трактовавшихся всюду слухов о быстром и будто бы беспрепятственном марше немецких армий на столицы, миновали.

«Теперь, когда эта растерянность, с одной стороны, и испуг—с другой, прошли, для общественных кругов, делавших нажим на власть, как бы прошла благоприятная минута, которая может особенно при некоторых хотя бы военных успехах с нашей стороны и пройти в самой значительной степени.

«Момент как бы пропущен, и это уже учитывается в названных общественных кругах, где как бы приостановились на

[1]) См. „Агентурн. Зап.“, № 131—20 августа 1915 года.

время, как бы ждут, как снова собраться с силами и как и когда возобновить атаку на власть.

«В этой заминке характерно еще следующее: обозначалось, что провинция во многих местах далеко не подготовлена к сформированию затеянных «коалиционных комитетов», местами выборы и сформирование таких комитетов, как, например, в области Центральной, Московского района, не из кого было бы пополнить их, и состав таких комитетов был бы в этих местах в значительной степени случайным.

«Одновременно члены «кадетской» партии выяснили, что по составу своему нынешняя «кадетская» партия сильно изменилась, сравнительно со времени ее возникновения и, как таковая,—в развале, а новой еще нет. Таким образом, произошло и количественное и качественное ослабление партии.

«В составе вновь созданных и сильных общественных организаций, как-то: обще-земском, обще-городском союзах и военно промышленом комитете также не чувствуется бесспорного преобладания членов партии народной свободы, что в значительной степени не дает возможности солидарных по всем вопросам выступлений этим организациям.

«Наконец, в самом создании Московского коалиционного комитета, имевшего в начале своем по замыслу быть центральным, до сих пор не произведены выборы его членов; выборы состоялись только в биржевом комитете и военно-промышленном. Происходившие почти непрерывно за последние дни за отсутствием в Москве А. И. Коновалова у П. П. Рябушинского собрания лиц, имевших отношения к известному заседанию 16 сего августа у А. И. Коновалова, происходят как частные собрания гостей, а не полноправных членов какой-либо оформленной организации. На этих собраниях, например, участвовал все время Н. И. Астров, несмотря на то, что от Московской городской думы не было производимо никаких выборов в коалиционный комитет; следовательно, Астров, как и многие другие участники этих собраний, бывает там как гость, а не по уполномочию.

«Попутно в Москве за последнее время некоторыми из лиц, принадлежащими к кадетской партии и принимающими участие в общественных организациях, были сделаны попытки к тому, чтобы найти какие-либо пути к известным соглашениям с широкими кругами демократии.

«Посредничество в этом деле имели известные литераторы: С. Прокопович и Е. Кускова; кадеты выяснили, насколько демократия пошла бы на поддержку общественным деятелям в случае пред'явления ими правительству ультимативных требований и какие бы она (демократия) выставила бы сама требования. Ответ демократии, видимо, был неприятен кадетам; ответ был, приблизительно, таков: рабочие и демократические слои населения не желают подставлять свои спины г.г. Рябушинским, чтобы те по ним добрались бы до власти.

«Одновременно идут переговоры о праве рабочих участвовать в военно-промышленных комитетах и о той форме, в которой участие должно выразиться.

«Рабочие ставят условием своего участия контроль их над деятельностью этих комитетов в целом, в частности, над деятельностью тех фабрик и заводов, которые заняты изготовлением военных заказов, т. е. они ставят снова вопрос о сформировании и функционировании своих рабочих организаций».

Последнее большего всего пугало буржуазию. «Настроение рабочих масс, смутное брожение среди широких слоев населения—все это пугало людей, желающих взять в свои руки судьбу страны», писали «Северные Записки» [1]. Уже в совещании на квартире Коновалова, В. А. Маклаков, как сообщали «Биржевые Ведомости», заклинал вести борьбу не только с верхами, но и с низами, «так как пробудились уже темные духи на этих низах».

Таким образом, перед организующейся русской буржуазией, почувствовавшей себя хозяином, желающим взять власть в свои руки наметились две задачи: борьба со старой властью, смягченная компромиссом с националистическими партиями и группами, и борьба с движениями, идущими снизу, из народных масс. Прогрессивный блок, его программа явились в Государственной Думе выражением этих задач. Милюков соединился с Савинковым, и для этого урезаны были демократические требования в платформе блока, и только следы остались от «свобод» и равенства национальностей. Для этого же буржуазный либерализм снова повернулся спиной к тем партиям, которые в Государственной Думе представляли народную массу, ее трудовые низы, крестьян и рабочих. Но и это не помогло: 3 сентября последовал роспуск Государственной Думы. Из боязни резких слов со стороны крайних левых, она отказалась от всяких слов и декларацию для народа заменила слезами и истерикой для правительства.

7 сентября собрались с'езды Всероссийского земского и городского союзов. Роспуск Думы, победа черного блока, решительный поворот правительства в сторону реакции вызвали и поставили черный призрак перед с'ездом. С другой стороны, в забастовке рабочих в Москве и Питере почудился красный призрак. Оба призрака равно пугали русскую буржуазию и заставили ее искать пути, наиболее безопасного. «На политических деятелях лежал долг «сказать то, что есть», открыть народу правду, всю правду до конца». Исторический момент подсказывал с'ездам необходимость усвоить властный тон хозяев земли русской. Чтобы отстоять ее, надо было найти надлежащие слова, которые дошли бы до народа, внушили и ему острую тревогу за судьбы родины, пробудили его политическое

---

[1]) Д. Заславский: „Хроника внутренней жизни". „Сев. Зап." Сентябрь 1915 года, стр. 196.

сознание, заставили сплотиться и организоваться. Однако, бросая взгляд в сторону реакции, руководители с'ездов загорались негодованием; оглядываясь в сторону народа, робко жались к той же реакции». Так характеризовал положение настроения будущих «хозяев» обозреватель внутренней жизни «Северных Записок» [1]).

Эти элементы нерешительности и робости мы видели и на самых с'ездах. Прежде всего с'езды не решались заседать совместно и составили два с'езда—земский с'езд и городской с'езд. Затем заседания были закрытые, а земский с'езд не допустил даже представителей печати. Прибывшие на городской с'езд представители рабочих и члены Гос. Думы Керенский и Чхеидзе не были допущены в зал заседания. Либеральная буржуазия боялась представителей народа и не хотела компрометировать себя близостью к левым. Властный тон будущие хозяева усвоили лишь по отношению к рабочим, представители которых в первый день с'езда отвоевали себе место в углу коридора здания городской думы, а на второй день были изгнаны и из этого места,—писал тот же обозреватель. Об этом случае осведомитель охранного отделения «Рязанский» — сообщал следующее: [2]).

«Сегодня, т. е. 7/IX около 6 часов вечера, профессиональными обществами и больничными кассами было получено неизвестно от кого исходящее предложение делегировать к 9 часам вечера в здание городской думы представителей на с'езд, на котором будут участвовать и прибывшие из Петрограда члены Государственной Думы Керенский и Чхеидзе.

«Предложение это было передано секретарем 5 центральной больничной кассы Карасевым.

«К 9 часам вечера в здание городской думы явилось до 70 рабочих различных фабрично-заводских предприятий, но в зал заседания с'езда они допущены не были, как не были допущены и депутаты Керенский и Чхеидзе.

«В виду этого, была избрана особая депутация к городскому голове с просьбой о допущении рабочих на с'езд.

«Челноков принял депутацию, но в удовлетворении ходатайства рабочих категорически отказал, сославшись на состоявшееся ранее постановление с'езда не допускать на таковой депутатов Керенского и Чхеидзе.

«После этого Челноков вышел к рабочим, между которыми находились и депутаты Чхеидзе и Керенский, которым также заявил, что лишен возможности удовлетворить их желание принять участие в с'езде.

«Тогда рабочие попросили Челнокова отвести им отдельное помещение, где бы они могли обсудить создавшееся положение.

«Эту просьбу рабочих Челноков также отказался удовлетворить и попросил рабочих удалиться.

---

[1]) „Северные Записки", сентябрь 1915 г., стр. 200.

[2]) „Агентурн. Зап."—„Рязанский", № 47, 7/IX 1915 г. То же „Кондуктор", № 48, 8/XI 1915 г.

«Однако рабочие уйти из Думы не захотели и тут же в коридоре было организовано собрание с участием депутатов Керенского и Чхеидзе, а также вышедшего к ним участника с'езда депутата Дзюбинского.

«После обсуждения создавшегося положения, в связи с роспуском Думы, была вынесена резолюция с выражением порицания Челнокову за недопущение рабочих на с'езд и с требованием немедленного созыва учредительного собрания, которое одно только может вывести Россию из того тупика, к которому привело ее нынешнее правительство.

«Эта резолюция была вручена Дзюбинскому для передачи Челнокову».

Так рушилась первая попытка единения всех сил для борьбы с царским правительством. Либеральная буржуазия рвала нити, связывающие ее с народом. Она отклонила даже резолюцию, внесенную меньшинством, в которой только кое-что уцелело из политических требований, идущих дальше программы прогрессивного блока.

Между тем не так давно об этом единении так много думали и даже председатель Всероссийского земского с'езда кн. Львов обратился к московским рабочим с патриотическим воззванием, написанным в стиле растопчинских афиш восемьсот двенадцатого года. С той же подделкой под народный язык он писал:

«Вот уже год, как волна за волной кидаются немцы на выставленные нами людские утесы и разбиваются о них бешеной, стальной пеной злобы. Но до внутренних покоев необ'ятной России долетают только глухие раскаты ударов, и не поколебали они ее богатырского спокойствия. Послала она сынов своих всего только пятерых от сотни, а дома остались 95 сильных. Уже не так то сильно мы здесь терпели, мало сдались с мирного положения и дождались, бог дал, обильного, богатого урожая. Чего дома не хватает? Только сердце болит за своих на позициях.

«Гроза божия с бурей разрушения несет и благодать оживления, гром и молния разит одного, а очищает воздух для всех и ободряет тысячи. Так и людская буря. Гибнет один— встают миллионы.

«И встанем. Не готовились мы ни на кого итти войной, а лишь бы врага в дом не пустить. Но, если он вламывается в нашу землю, не защищаться, а наступать на него надо.

«Что нужно вам, сыны наши, на позициях,—наша гордость, наша любовь? Снарядов, боевого снаряжения. Все, что готовится годами, вам нужно в один месяц. Постойте же еще несколько—все будет, все будет. Руки все сделают, был бы дух крепок и бодр. Стойте крепко, а мы здесь дома сольемся, как отдельные куски железа в горне в одно целое, и дадим вам боевое снаряжение вдоволь.

«Земства, города, крупная промышленность—весь мир русский принялся за новую работу.

«Железо, медь и всякая сила несметная раскинута по всей великой и богатой земле нашей и дух сильный мечет искры из всех углов ее. Вздохнем всем миром, сберем искры этого духа сильного в один пламень, сплавим в нем металлы, отольем снаряды. Разве мы не знаем силу мира. Мир вздохнет, аль ни лист сохнет.

«Вздохнем же миром русским,—все вместе, дружно, сильно, враз.

«Вы—рабочие, мастера, монтеры, ученые и неученые, чуете ли вы, что каждый станок в ваших руках связан с нашей дорогой армией? Слышите ли вы, как забились сердца в окопах при вести, что дома заговорили о заготовке боевого снаряжения всем миром. Много добра надо армии. Не одни пушки и снаряды изнашиваются и тратятся. Нет той вещи, нет того инструмента, которые не потребовались бы если не на самом фронте, то в тылу для заготовки снаряжения. Пусть пушки и снаряды можно отливать только на огромных, сильных, сложных заводах. Но пусть каждая рабочая рука знает, что она может помочь армии не только на сильном заводе. Не только без колес, но и без чеки с места не сдвинешься.

«Напрягайте же свои силы, натягивайте свои жилы Ищите сами такой работы чтобы она шла не на ту сторону, а в армию, не пропадала даром, а шла в общее дело, на одну единую цель. Поставьте сами свою работу так, чтобы станки вертелись все 24 часа в сутки, чтобы не было ни минуты простоя. Организуйте свою работу так, чтобы она шла вровень со строевой работой в бою. Организуйте мирную армию, достойную нашей несравненной, доблестной боевой армии. Вложите в работу всю свою душу, внесите в нее всю свою добросовестность. Наляжем всем миром не только плечами, но сердцем и мыслью. За нами правда, за нами сила, с нами бог. В конечной победе и одолении врага нет сомнений. Надо только собраться мирской силе. Не собрались утром, соберемся к вечеру. Дай только отбить косы, смахнем,—не заметим.

Главноуполномоченный Всероссийского земского союза
князь Львов [1].»

---

[1]) „Русск. Вед.“, № 160, 12 июля 1915 года.

ГЛАВА III.

Осенние беспорядки и забастовки (авг.—сент.).—Беспорядки на Хитровке.— События в Костроме. — Возбуждение рабочих Москвы. — Доклад начальника Московского охранного отделения от 17 августа. — Роспуск Государственной Думы. — Сентябрьские забастовки. — Беспорядки 14 сентября. — Градоначальник о причинах беспорядков. — Отклики на события 14 сентября. — Среди студентов. — Похороны Лашкевича.

В то время, как в буржуазной активной политике наступила «заминка», в низах все признаки беспокойства были налицо, а блюстители порядка настолько потеряли авторитет, что даже Хитровка и та устроила беспорядок. Этот случай «Русские Ведомости» так описывают:

«В субботу вечером ночлежки на Хитровом рынке благодаря празднику были переполнены. В трактирах были пьяные. «Ханжа» и политура были в ходу. В трактире Ярошенко подняли буйство двое пьяных. Вызванные городовые повели их в участок. На пути собралась толпа ночлежников. Один из задержанных вырвался от городовых и убежал, а другой начал взывать к толпе с просьбой освободить его. Толпа с криками бросилась на полицию и начала отбивать арестованного. Городовой начал стрелять в толпу. Выстрел собрал городовых со всех ближайших постов. Тут же прибыл и местный пристав, подполковник А. К. Петров, с нарядом городовых. Толпа между тем все росла. Часть ее при появлении полиции бросилась на крыши и чердаки соседнего ночлежного дома Кулакова. Там она начала ломать печные трубы и кирпичами бросать в полицейских. Оставшиеся же на улице начали вытаскивать булыжники из мостовой, которые также летели в полицию. Уговоры не действовали. Тогда городовые дали выстрелы из револьверов. В толпе поднялись стоны. Оказался убитым ночлежник Епишкин и ранен опасно неизвестный мальчик; много ночлежников было легко ранено. После этого толпа бросилась врассыпную. Ее оцепили подосланные усиленные наряды чинов полиции, которыми арестовано было 100 человек. Из чинов полиции пострадали трое тяжело и несколько легко. Весь вечер и следующий день на Хитровке стояли усиленные наряды полиции [1]).

---

1) См. „Русск. Вед.", № 189, 18 августа 1915 года.

Елена Федоровна Розмирович (стр. 191 и 196).

Николай Васильевич Крыленко (стр. 191, 194, 195).

События же в Костроме и Иваново-Вознесенске глубоко взволновали рабочие массы Москвы.

Костромские события имели место 5 июня. Об этих событиях, защищая спешность запроса в Государственной Думе, Хаустов рассказал следующее: «Примерно в первых числах мая на фабриках города Костромы и его окрестностей начинают вспыхивать экономические стачки за повышение заработной платы то на одной фабрике, то на другой; на одной прекращаются, на другой вспыхивают. Итак, забастовочная волна катится все дальше и дальше. В конце концов она захватывает упомянутую в запросе фабрику, т.-е. «Большую льняную Костромскую мануфактуру», 2 июня там вспыхивает экономическая стачка. Пред'явлено было одно только требование: просили о прибавке квартирной платы, по примеру соседней Зотовской мануфактуры. Дирекция фабрики, в лице костромского городского головы, отказала. 5 июня около 9 час. вечера группа рабочих, примерно человек 700 или 800, собирается на улице и направляется вдоль улицы по направлению к соседним мануфактурам. Помните, что забастовка началась 2, а это происходило 5. На пути им встречается полиция. Конная полиция, желая смять эту толпу, врезывается в рабочих, но смять не могла всю массу. Разбегаясь от полиции, несколько человек попадают в Зотовскую мануфактуру и девять человек из них были арестованы полицией там. Рабочие стали требовать освобождения этих девяти товарищей, все—юноши в возрасте от 16 до 19 лет. Полиция отказала. Рабочие заявили, что мы до тех пор не уйдем, пока вы не освободите. В результате без всякого предупреждения полиция открывает огонь по рабочим. На месте, по официальным сведениям,—эти сведения исходят от следственных и полицейских властей—остаются четыре человека убитыми, в том числе десятилетний мальчик (ясно, что он никакого участия не принимал), и девять человек ранено, в том числе 15-летний мальчик. В действительности же, как ходят слухи, убито 12 человек и ранено 45 человек. На другой день на этой упомянутой мануфактуре были удовлетворены требования рабочих» [1]).

Насколько сильное впечатление произвели эти события, рассказал член городской думы, депутат Костромской губернии, П. В. Герасимов. Он сказал: «Первое известие о печальных костромских событиях было получено тогда, когда я находился в действующей армии, далеко впереди Варшавы. Я тогда получил письмо от неизвестного мне человека. В письме этом корреспондент с самого начала говорит, ечто он—зажиточный человек, что он придерживается самых умеренных взглядов, что он принадлежит к местному мещанству и приезжал в Кострому

---

[1]) Госуд. Дума. Четвертый созыв. Стенограф. отчет, 1915 г., сессия IV, стр. 541.

по торговым делам. И, тем не менее, этот человек, который вообще к рабочему классу, как видно из слов его письма, относится с некоторым предубеждением,—говорит, например, что ему непонятно, зачем рабочие выступают против своего начальника и против своих хозяев, тем не менее, этот человек, бывший свидетелем костромских событий, называет эти события позорными. Он прямо пишет в своем письме ко мне, что он недоумевает, почему это происходит, «что в то время, как у вас в России на фронте русские солдаты стреляют в немца, у нас на Волге полиция расстреливает безоружных детей и женщин». И он наивно обращается ко мне с просьбой довести до сведения министра или даже губернатора, как пишет он, что костромское население после событыя 5 июня начинает смотреть на свою полицию, как на своего рода вторгшихся в пределы Костромы немцев. Он пишет в конце своего письма: «Пока мы не прекратим этой внутренней войны, по моему глубокому убеждению, нам не удастся одолеть и внешнего врага». Я привел вам, г. г., эти мнения обывателя затем, чтобы сказать, что действительно при оценке костромских событий большинство русского населения, независимо от политических взглядов и убеждений, будет рассматривать эти события именно с этой точки зрения государственной опасности. Мне, как костромскому жителю, доподлинно известно, что рабочие были безоружны и что никаких агрессивных действий в отношении полиции они не принимали. Следовательно, для меня с юридической стороны сущность запроса совершенно ясна. Здесь не было элементов самообороны, здесь не было тех условий, при наличии которых по закону власть, войска и полиция имеют право прибегать к оружию. Следовательно, здесь имело место простое убийство, и к костромским стражникам, и к непосредственному и более высшему начальству их, которое это убийство допустило, мы должны относиться как к уголовным преступникам, которые должны нести соответствующее наказание. Но, к сожалению, г. г., я не могу сказать, чтобы костромские события являлись своего рода единичным и случайным эпизодом. К сожалению, авторы запроса совершенно правы, когда они говорят, что и костромские убийства, и ленские убийства, и другие позорные явления из той же области являются своего рода показателем той общей политики правительства по рабочему вопросу, которая имеет место в действительности. К сожалению, мы должны признать, что правительство наше всегда старается в неизбежных случаях столкновения капитала и труда выступать в качестве своего рода заинтересованной стороны. С точки зрения правительства нашего всегда рабочие виноваты, и оно иногда даже, вопреки желанию самих фабрикантов, пытается доказать правоту представителей капитала при помощи оружия, при помощи насилия, при помощи кровавых расправ. Правительство, г. г., действительно ведет ту внутреннюю войну,

о которой пишет обыватель, приславший мне письмо, и невольно заставляет рабочих видеть врагов своих не только в тех, чьи экономические интересы неизбежно противополагаются пролетарским интересам, но и в тех, кто действует в качестве агентов государства и выступает во имя государственного порядка. Иными словами, я хочу сказать, что такое поведение власти, такие ее действия являются самой лучшей антигосударственной и антиобщественной пропагандой, которая действует куда более верным способом, чем самые зажигательные прокламации. Ведь, в самом деле, о каком единении может быть речь, когда выстрелы звучат не только на Висле и Бзуре, но и на Волге в Костроме. Ведь трудно говорить о внутреннем порядке, когда мы встречаемся с такими фактами, что мирный обыватель, почтенный, консервативно настроенный человек, пишет, что население начало смотреть на местную полицию как на своего рода внутренних немцев. Вот, г. г., я просил бы вас с этой точки зрения оценить значение этого запроса и, высказываясь за спешность запроса, я бы хотел в вашем голосовании за запрос видеть не только негодующий протест против презренных убийц, но и протест против той несправедливой, ошибочной и опасной с точки зрения государственных интересов политики, которой придерживается наше правительство в отношении рабочего класса» [1]).

Еще не успели отзвучать костромские выстрелы, как снова десятки рабочих были расстреляны. 10 августа в Иваново-Вознесенске вспыхнула забастовка на всех фабриках и заводах. В последние месяцы в этом районе уже не раз возникали отдельные экономические забастовки, но на это не было обращено никакого внимания и положение рабочих и экономическое и политическое все ухудшалось. Терпение масс истощалось. 10 августа об'явив общую забастовку, рабочие Иваново-Вознесенска целый день обсуждали создавшееся тяжелое положение, около же $7^1/_2$ час. вечера многочисленная, но совершенно безоружная толпа рабочих пошла на площадь к городской управе. Здесь двигавшаяся масса была встречена залпом, последовавшим без всяких предупреждений. Упали убитые и раненые. Толпа бросилась бежать, вдогонку новые выстрелы — новые жертвы.

Об этих событиях управляющий губернией, Ненароков, телеграфно в Петербург сообщил: «10 августа в семь с половиной часов вечера в Иваново-Вознесенске против толпы рабочих до 4.000, желающих самовольно освободить арестованных товарищей, были вызваны войска для ограждения арестантской; из толпы были брошены в солдат камни и раздавались выстрелы; после троекратного увещания командующего войсковой частью

[1]) Госуд. Дума. Четвертый созыв. Стенограф. отчет, 1915 г., IV сессия, стр. 543—546.

прапорщика о том, что он откроет огонь, агрессивные действия толпы не прекращались, почему войсковой частью был произведен залп. В результате убито 16 и ранено около тридцати, толпа рассеялась, раненым оказана помощь в местных больницах, об этом телеграфировано министру, сегодня днем еду. Иваново, № 352, управляющий губернией Ненароков»[1]).

Эти кровавые события в либеральных кругах иначе и не рассматривались, как результат провокационной деятельности охранки. Между прочим, даже генерал-майор Джунковский, бывший товарищ министра внутренних дел и командующий отдельным корпусом жандармов, при своем проезде через Москву «выразил московскому градоначальнику предположение о слишком большой близости секретной агентуры отделения к Иваново-Вознесенским событиям». Это утверждение начальник отделения, полковник Мартынов, категорически отвергает в своей записке на имя вице-деректора департамента полиции А. П. Висильева (3/IX—1915 г. за № 292.444)[2]). Кто из них прав, сказать трудно, да нам это сейчас и неважно. Для нас важнее то, что с.-д. работа в Иваново-Вознесенске была в теснейшей связи с московскими большевиками и в частности с Тверской группой. Так, по донесениям провокатора Романова, («Пелагея») 6 августа в Москву приехал из Иваново-Вознесенска партийный работник «большевик», впоследствии оказавшийся кр. Грязовецкого уезда, Панфиловской волости, д. Ломка, Валерианом Николаевичем Наумовым. В Москве он вел переговоры с Романовым, как членом будто бы существующего областного бюро Центрального Промышленного района Р. С.-Д. Р. П., Тверской группой и недавно приехавшим по партийным делам из Харькова неизвестным, партийная кличка «Георгий»[3]). Кроме того, член с.-д. фракции Государственной Думы, Туляков, желая посетить Москву, получил в Иваново-Вознесенске явку «Тверской группы»[4]).

Порожденная войной дороговизна, как мы уже отмечали, создала настолько невыносимые и тяжелые экономические условия среди рабочих, что они вынуждены были с ними бороться, а бороться с дороговизной у рабочих только один прием — это путем повышения заработной платы, путем стачечной борьбы. Неудивительно, что с первых же месяцев 1915 года стачечная волна на почве борьбы за повышение заработной платы охватила различные местности России. Эти стачки были в Донецком бассейне, происходили на Урале и в центральной России,—так,

---

1) Лацис — Тверская группа Р. С.-Д. Р. П. Сборник „Накануне Велик. Револ.“, изд. „Новая Москва“, 1922 г., стр. 128.

2) Напечатано в сборнике „Нак. Вел. Револ.“, стр. 124.

3) „Георгий“—Богданенко Георгий Павлович, кр. Воронежской губ.

4) См. записку начальника Владимирского губ. жандармского управления от 25/VIII за № 1180.

напр., в Туле и Костроме, как равно и в Петрограде, где имела место экономическая забастовка на заводе Эрикон.

И в такой момент с трибуны Государственной Думы морской министр заявил о том, что стачечное движение теперь разрастается на немецкие деньги, и генерал Рузский в своем небезызвестном об'явлении всякое движение приравнивал к государственной измене, а на местах местные власти поняли это в буквальном смысле и стали готовы всякую экономическую забастовку понимать, как выступление изменников, а, следовательно, участников расстреливать.

Эти сведения, проникшие и в рабочие массы Москвы, взбудоражили последних и служили исключительной темой для разговоров.

15 августа обществом содействия по устройству общеобразовательных народных развлечений была организована экскурсия в лес при ст. «Бескудниково», Савеловской железной дороги, куда и направилось из Москвы несколько групп рабочих местных и подмосковных (из городов Богородска и Мытищ) фабрично-заводских и промышленных предприятий.

В Бескудникове, несмотря на присутствие там большого наряда стражников, препятствующих рабочим собираться большими группами, последним все же удалось организовать собрание человек в 60, на котором одним из торговых служащих был сделан доклад об Иваново-Вознесенских событиях.

После доклада было внесено предложение в знак протеста устроить однодневную забастовку, какое предложение было одобрено и единогласно принято, при чем решено повести по фабрикам и заводам широкую агитацию за устройство таковой забастовки в четверг, 20 августа.

Помимо устройства однодневной забастовки, по предложению присутствовавшего на собрании председателя правления потребительского общества «Дружба» в городе Богородске, было решено устроить и демонстративное выступление.

Затем, кем-то из присутствующих было указано на желательность выпуска к этому дню и соответствующей листовки, на что названный выше торговослужащий (докладчик) заявил, что это пожелание им будет сообщено местной с.-д. организации.

На этом собрание закончилось, решив вторично устроить более расширенное собрание в воскресенье, 16 августа, в „Измайловском зверинце», на котором и оповестить других рабочих о вынесенном в субботу решении.

В воскресенье, однако, собраться в «Измайловском зверинце» рабочим не удалось, в виду присутствия там значительного наряда полиции, настоятельно предлагавшего рабочим не собираться и расходиться.

В виду этого рабочие разбились на небольшие группы и разошлись по трактирам и чайным, где и велись беседы на ту же тему.

Начальник московского охранного отделения, полковник Мартынов, 17 августа, докладывая московскому градоначальнику о создавшихся настроениях рабочих Москвы, в связи с этими событиями писал:

«Отделение по охранению общественной безопасности и порядка имеет доложить его превосходительству градоначальнику города Москвы, что, в виду того, что Иваново-Вознесенские события произвели на рабочих крайне тягостное впечатление и сейчас у огромного их большинства приподнятое настроение, можно ожидать, что агитация за устройство в знак протеста однодневной забастовки будет иметь успех».

Опасения выступления рабочих, создавшие, как мы уже отмечали, «заминку» в активной политике борющейся за власть буржуазии, заставили последнюю от имени главноуполномоченного Всероссийского земского союза князя Львова обратиться к рабочим с призывом о том, «чтобы станки вертелись 24 часа в сутки» и т. д. «Сольемся, как отдельные куски железа в горне в одно целое», патетически кричал обеспокоенный буржуа [1]).

Но напрасны были все эти жалкие лицемерные слова, рабочий класс освободился от того шовинистического угара, каким пытались его дурманить буржуа и социал-предатели и патриоты. Рабочий класс России снова вышел на свой старый путь классовой борьбы с буржуазией и царским правительством, и в этой борьбе он закалял и множил свои силы.

Заминкой и растерянностью оппозиционной буржуазии царское правительство не замедлило воспользоваться и нанесло еще более сильный удар «прогрессивному блоку», распустив Государственную Думу (3 сентября). Либеральная буржуазия, столько времени об'единявшая все живые силы страны вокруг Государственной Думы, страшно жаждала какого-либо движения в защиту Думы, и известную видимость этого ей в некоторой степени и удалось достигнуть. Момент роспуска Государственной Думы случайно совпал с началом ряда экономических забастовок как в Питере, так и в Москве. Это давало возможность говорить, да и многим думать, что забастовки являются протестом против роспуска Думы. Между тем свое выступление рабочие совершенно не связывали с роспуском Думы. В Москве социал-демократия,—сообщал провокатор «Андреев»,—«принципиально, даже против возникновения забастовок по поводу роспуска чисто буржуазной Думы, которая никогда и не удовлетворяла социал-демократов» [2]). Что же касается Петрограда, то, по словам членов Государственной Думы Чхеидзе и Керенского, информировавших на этот счет московских рабочих, там дело обстояло точно так же. В сообщении об этой информации «Кондуктор» писал: [3])

---

[1]) „Русск. Вед.“, № 160, 1915 года.
[2]) „Агентурн. Зап.“—„Андреев“, 4 сентября 1915 года, № 152.
[3]) „ „ — „Кондуктор“ № 48, 8/IX 1915 года.

«По словам депутатов, забастовка в Петрограде возникла не из-за роспуска Государственной Думы, а из-за массовых арестов рабочих Путиловского завода, посылавших депутацию к председателю Государственной Думы Родзянко для поставления его в известность о царящих там непорядках и об условиях труда рабочих на названном заводе.

«Таким образом, хотя забастовка в Петрограде и совпала с роспуском Государственной Думы, но прямого отношения к этому роспуску не имеет, и таковой только способствовал росту забастовки.

«Далее депутатами было заявлено, что так как настоящее забастовочное движение носит характер протеста, то нет никакой надобности и затягивать его, почему петроградские рабочие и приступили к работам в субботу 5 сентября.

«Затем было произнесено много горячих речей на тему о войне и настоящем моменте и указывалось на необходимость свержения стоящего ныне у власти неспособного правительства и созыва учредительного собрания.

«Наиболее яркие речи были произнесены рабочими завода «Динамо» Михаилом Белкиным и Антиповым» [1]).

Наиболее внушительной из всех забастовок была забастовка московского трамвая. Протекала она в следующем виде: 4 сентября с утра стали прекращаться работы в парках и мастерских; к обеду были остановлены Сокольнические мастерские и Замоскворецкий, Золоторожский, Ново-Сокольнический и Рязанский парки, в Миусских же мастерских и прочих парках перерыва в работах не было. После 4 часов дня, когда сменилась дневная смена, в котельной центральной станции собралась толпа рабочих и решила остановить работу станции. Убеждения заведующего станцией и его помощника успеха не имели; равным образом остались без результата переговоры с рабочими, прибывшими около $4^1/_2$ час. дня на станцию городского головы и управляющего городскими железными дорогами. Убедить рабочих продолжать работу, хотя бы для того, чтобы дать возможность убрать вагоны в парки, не удалось. В виду недостатка пара были оставлены в работе лишь Миусская и Сокольническая подстанции, снабжающие током для освещения больницы, но в $5^1/_2$ час. вечера пришлось в виду отсутствия пара выключить и их. После остановки последней турбины, рабочий персонал покинул станцию, заявив, что работы будут начаты 7 сентября в 8 часов утра. Движение трамваев прекратилось по всей сети, и вагоны были оставлены в разных местах на проездах города, где их застигло прекращение тока. Вагонная прислуга по сдаче выручки и вагонных принадлежностей оста-

---

[1]) Антипов, Николай Корнилов, кр. Новгородской губернии, Старорусского уезда, Нивской волости; см. его воспоминание сборник „Динамо“ Мосгуббюро Испарта, изд. 1923 г., стр. 71—73.

вила парки, не делая никаких заявлений. 5 сентября, около 7 часов вечера, городской голова и управляющий трамваями посетили Рязанский парк, а в 9 часов вечера они прибыли на станцию, где к тому времени собрались лишь рабочие, квартирующие при станции, и с ними вновь велись переговоры. Движение на петровско-разумовской линии прекратилось с утра 6 сентября. К 12 часам этого дня в Миусском парке собрались представители рабочих всех парков. К этому же времени в Миусский парк прибыли городской голова и управляющий трамваями и убеждали рабочих возобновить работы на следующий день. 7 сентября в 8 часов утра, начались работы на центральной станции; в парках к работам решено было приступить по возвращении выборных с центральной станции, что последовало около $10^1/_2$—11 час. утра. Лишь служащие Уваровского парка разошлись по домам, заявив, что они приступят к работам с утра 8 сентября. 7 сентября мастеровые Сокольнических мастерских, а равным образом дневные смены четырех парков работать не начали; в Золоторожском же парке к работам было приступлено в 12 час. дня, а движение трамваев началось по всей сети около $5^1/_2$ час. дня 7 сентября. За три дня остановки трамвая по данным городской управы последний имел убыток в размере 146.300 руб. [1]).

Если мы посмотрим в материалы охранного отделения по данной забастовке, то они столь запутаны, что трудно разобраться, где правда, а где фантазия осведомителя, но одно с несомненностью устанавливается, что управление трамвая и инженеры городской центральной электрической станции отнеслись к прекращению отпуска тока совершенно индиферентно, так как с 3 до 5 часов времени было достаточно для принятия мер к недопущению забастовки,—писал «Медик» в своей записке, [2]) хотя в другом месте он и пытается их оправдать, высказывая предположения, что точно не знали или что не доверяли и т. д. Вообще же приходится признать, что главным виновником забастовки, если так можно выразиться, была центральная электрическая станция, парки же и мастерские уже в силу прекращения подачи тока должны были стать. Но стоило только остановить трамвай, как в условии полной неизвестности и напряженности атмосферы, возобновить работы было не так то легко. В этой забастовке руководства партийных органов не было и, поскольку забастовка началась, ликвидировать ее рабочие никак не решались, боясь ошибки, оплошности. Наконец, городская дума решилась и созвала совещание представителей рабочих организаций по вопросу о прекращении забастовок. Об этом совещании «Андреев» в своей записке писал: [3])

---

[1]) „Русск. Вед.“, № 248.
[2]) „Агент. Зап.“ № 3, 5/IX 1915 г.
[3]) „ „ „Андреев“, № 154, 5/IX 1915 года.

«Сегодня днем, 5 октября, некоторыми профессиональными обществами и больничными кассами было получено через присяжного поверенного Никитина [1]) предложение делегировать к 4 часам дня в здание городской думы своих представителей для совместного с гласными думы обсуждения создавшегося в Москве положения из-за забастовки трамвая и некоторых фабрично-заводских предприятий, об'явленной в знак протеста против роспуска Государственной Думы. Так как произвести выборы делегатов по профессиональным обществам и больничным кассам за краткостью срока не представлялось возможным, то в городскую думу отправились случайные представители, не имевшие никаких полномочий. В виду того, что приглашение рабочих исходило от Никитина, а инициатива этого приглашения принадлежала будто-бы Астрову, то рабочие-«большевики», боясь сделать какую-либо тактическую ошибку и сыграть в руку ликвидаторам и кадетам, пригласили уже от себя присяжного поверенного Яхонтова [2]). К 4 часам дня в городскую думу явилось всего 9—10 человек рабочих, к которым вышел городской голова Челноков, обратившийся с краткой речью, в которой указал, что Московская городская дума, признавая, что правительство, распустив Государственную Думу, сделало большую политическую ошибку и что полное спокойствие в стране может быть достигнуто только при условии проведения в жизнь известного постановления (резолюции) Московской городской думы, тем не менее находит, что забастовочное движение, не достигая цели, может только вредно отразиться на снабжении армии и сыграть в руку немцев, почему он и призывает уполномоченных от рабочих посодействовать городской думе в смысле прекращения забастовки. После речи Челноков удалился, и рабочим было предоставлено помещение для обсуждения сделанного Челноковым предложения. Собрание рабочих открылось под председательством представителя О-ва взаимопомощи коммерческих служащих Александра Михайлова Кошкина [3]).

«Большинство рабочих указывало, что Челноков как в своем воззвании к рабочим, расклеенном по городу, и напечатанном в газетах, так и в произнесенной речи, неправильно освещает факты. Не отрицая того, что забастовка на фабриках и заводах, исполняющих военные заказы, может несколько вредно отразиться на снабжении армии предметами снаряжения, рабочие считают, что правительство в течение целого года войны само систематически мешало планомерной работе по снабжению армии и ныне, очевидно, умышленно, чтобы еще больше помешать этому то снабжению, распустило Государственную Думу, почему забастовка рабочих, являющаяся временной, особого влияния на

---

[1]) Никитин, Алексей Максимов, присяжный поверенный.

[2]) Яхонтов, Валериан Иванов, гласный Московской городской думы.

[3]) Кошкин, Александр Михайлов, мещ. слободы Крохино, Новгородской губернии, Белозерского уезда.

снабжение армии оказать не может, но за то может способствовать свержению правительства и замене его ответственным перед народными представителями, при котором явится возможность спокойно работать, и тогда только снабжение армии будет доведено до необходимой нормы. Однако, в виду малочисленности рабочих, присутствовавших на собрании, было решено, не вынося никаких резолюций, прервать собрание до прибытия рабочих представителей.

6 сентября в 11 часов утра состоялось чрезвычайное собрание городской думы по вопросу о мерах к прекращению трамвайной забастовки.

Собрание вызвало громадный интерес со стороны гласных, и к 11 часам в думу собрались все находившиеся в Москве гласные.

Среди публики в коридорах городской управы толпилось не мало народа, преимущественно рабочих.

Перед заседанием думы было назначено частное совещание гласных. Это совещание носило весьма бурный характер и продолжалось очень долго.

Открылось оно сообщением городского головы о положении дела.

После этой справки выступили отдельные гласные с речами, в которых определенно проводилась та мысль, что дума должна обратиться к населению с воззванием, предлагая рабочим возобновить работы и спокойно оставаться на своих местах.

Вместе с тем дума должна повторить ту платформу, на которой она остановилась, вынося свои исторические постановления 18 августа.

Предлагалось произвести обследования, при каких условиях началась забастовка, и просить городскую голову еще раз лично обратиться к рабочим с увещанием.

Предлагалось вместе с тем обратиться к председателю Государственной Думы М. В. Родзянко с телеграммой, выразив в ней настроение Московской думы в этот тяжелый момент.

В 2 часа был об'явлен перерыв, так как часть гласных должна была отправиться в губернское земское собрание.

В шестом часу вечера возобновилось частное совещание гласных.

Во время перерыва комиссия выработала проект резолюции.

Этот проект не встретил особых возражений и был принят для внесения на открытое собрание думы.

Около шести часов городской голова об'явил собрание думы открытым и просил гласных высказаться по вопросу о мерах для восстановления движения трамваев.

Первым говорил Н. И. Астров. Свою речь Н. И. Астров начал с указания, что после победоносного движения вперед наша армия снова понесла неудачи.

«Нас утешали, говорил он, что весной мы снова двинемся вперед, и уже намечались горизонты. Но неожиданно явились новые препятствия. Нам остается надеяться только на себя».

«Сеть влияний, идущих от врагов, перекинулась через заслон нашей армии, и мы чувствуем большую зловещую роковую работу наших врагов в нашем тылу. Мы теряем надежду на конечный успех, сознавая, что этот успех от внутреннего нашего единения. Страна громко, внушительно высказала это свое мнение, но ее голос остался без ответа. Тяжелые события, происходящие в Москве, вызывают в Германии ликования, как по случаю большой победы. Но ведь мы все понимаем, какие причины вызвали у нас взрыв негодования. Тая в своем сердце и душе это чувство негодования, мы, однако, должны думать о формах его выражения. Мы должны знать и помнить, что как бы велики ни были наше горе и негодование, мы должны создать дисциплину воли и самообладания. Это первое условие для обеспечения победы и достижения конечных целей.

«Другое условие и самое главное,—чтобы в стране сложилось единение сил. Без него немыслимо надеяться на успех.

«Наконец, третье условие,—чтобы работа не прерывалась ни на один час, ни на одну минуту».

Туманные указания Астрова относительно «зловещей роковой работы наших врагов в нашем тылу» нашли пояснения в речи Н. В. Щенкова.

Соглашаясь с основными положениями речи Н. И. Астрова, этот оратор прямо сказал, что печальные события в Москве,— майский погром, недостаток разменной монеты, отсутствие топлива, остановка трамвая,—все это дело рук наших врагов. Каждый день приносит новые затруднения.

В заключение городской голова предложил думе принять такую резолюцию:

«Московская городская дума, взирая на ход развивающихся событий, преисполненная спокойного сознания долга перед страной, высказывает непоколебимое убеждение, что победа над вторгшимся в пределы России врагом может быть достигнута лишь при дружном единении всех сил страны и непрекращающейся ни на один день общей работе на помощь нашей армии.

«Для достижения этой цели необходимо скорейшее возобновление работ законодательных учреждений и создания правительства, которому могла бы верить страна.

«Обращаясь к возникшему в последнее время движению, сказавшемуся и на работах городских трамваев, Московская городская дума присоединяется к обращению городского головы и с своей стороны горячо призывает немедленно вернуться к труду и тем вывести население Москвы из тягостного положения, которое ведет только к нашему ослаблению. Московская городская дума призывает всех помнить, что только в полном самообладании и в дружной работе всех—залог победы и осу-

ществление всех народных надежд на светлое будущее России».

Резолюция эта принимается, и на этом заседание закрывается [1]).

Часам к 7-ми вечера в думе собралось уже до 40 рабочих, и вновь было организовано собрание под председательством делопроизводителя Симоновской больничной кассы, окончившего коммерческий институт, Аркадия Павлова Розенгольца [1]).

Тут, с места, произошел инцидент. В помещении, где собрались рабочие, присутствовало несколько посторонних лиц, видимо служащих городской управы, которых Розенгольц попросил удалиться, ссылаясь на то, что рабочие не могут спокойно обсуждать в присутствии посторонних лиц вопросы, поставленные на их решение. Те ушли, но очевидно, обиделись, так как через несколько минут к рабочим явился Челноков и повышенным тоном спросил рабочих, почему их так много, и кто им разрешил устроить собрание. Розенгольц попросил Челнокова не говорить повышенным тоном, заявил, что рабочие собрались по его же, Челнокова, приглашению и просил не мешать им. Челноков страшно рассердился, раскричался и почти выбежал из комнаты. После его ухода, по предложению Яхонтова, был поставлен на обсуждение вопрос о нетактичном поступке городского головы и о вынесении ему порицания. Предложение это было единогласно принято, и была вынесена резолюция о порицании. Приблизительно через полчаса к рабочим вторично явился Челноков и, извинившись перед председателем и рабочими за свою горячность, просил считать происшедший инцидент исчерпанным и спокойно продолжать собрание, после чего опять удалился. Несмотря, однако, на это, резолюцию с порицанием было решено ему вручить и опубликовать в газетах. Затем, в виду того, что все участники собрания оказались не выборными от рабочих организаций, а случайными представителями, было решено, по предложению Яхонтова, несмотря на энергичный протест Никитина, признать себя неправомочными выносить определенные решения по таким важным вопросам, как продолжение или прекращение забастовки, так как такое их постановление не могло бы иметь надлежащей силы.

Поэтому была внесена соответствующая резолюция с требованием переноса обсуждения вопроса о забастовочном движении в Москве на воскресенье 6-го сентября, с тем, чтобы сегодня в рабочих организациях произвести выборы уполномоченных, которые и соберутся в городской же думе. Эту резолюцию было решено немедленно вручить Челнокову и также опубликовать в газетах. Так как Челнокова в думе в это время

---

[1]) „Утро России“, № 206, 6/IX 1915 г.

[2]) Розенгольц, Аркадий Павлов-Файвелев, кандидат экономических наук II разряда.

уже не оказалось, то было поручено Розенгольцу и делопроизводителю центральной больничной кассы типолитографов Павлуновскому розыскать Челнокова и вручить ему обе резолюции. На этом собрание и закончилось. «Из частных бесед с отдельными рабочими можно заключить,—сообщал осведомитель «Андреев»,—что большинство стоит за продолжение забастовки, но в то же время чувствуется, что продлить ее невозможно, так как масса неспособна в данный момент на продолжительную забастовку. Следует отметить, что, по словам бывших на собрании трамвайных служащих, последние крайне недовольны тем, что при переговорах с ними Челнокова присутствовал прокурор окружного суда. Из наиболее оппозиционно-настроенных участников этого собрания можно указать следующих лиц: Яхонтова, Розенгольца, Павлуновского, Харитона Харитоновича Грязнова [1]), Шамарина [2]), Карасева [3]), Лобова, Щербачева, Кассиора [4]), Мумрикова [5]) и Кошкина [6])».

Кроме трамвая, в это время бастовал целый ряд фабрик и заводов, и даже исполнявших заказы для нужд армии. По данным Московского охранного отделения [7]) бастовали следующие фабрики и заводы: механическая фабрика Ф. Д. Сакс—140 человек; фабрика Р. Сенна—59 человек; фабрика Г. Петухова; фабрика инженера Г. К. Пэлка—210 человек; первая Балтийская фабрика подков и шипов; Всеобщая компания электричества, фабрика т-ва бр. Золоторевых; фабрика торг. Д. А. Левитина и К°; завод Денгауер и Кейзер—400 человек, вырабатывающий снаряды; фабрика серебряных, золотых и ювелирных изделий т-ва И. П. Хлебникова С-вья и К-°—330 человек, изготовляющая заказы для главного интендантского управления, ткацко-резиновая фабрика т-ва Лерх—40 челов.; завод военно-артиллерийский, находящийся на винном складе № 2, завод хрустальный Дютфуа; арматурный завод Баврина; чугунно-литейный и машиностроительный завод А. П. Устрицова; медно-литейный завод Дергачева и Гаврилова; механический завод акц. о-ва Густава Листа; фабрика Трындина—190 человек; завод Гакенталь—500 человек; фабрика акционерного общества «Маркс»—600 человек; завод «Свет»; Акционерное общество «Шестерня» Цитроен—165 человек; о-во моторов

[1]) Грязнов, Харитон Харитонович, кр. Тверской губ., Калязинского уезда, Ногорской волости, села Яринска.

[2]) Шамарин, Павел Васильевич, кр. Смоленской губ., Гжатского уезда, Карытовской волости, дер. Хвощевки.

[3]) Карасев, Иван Алексеевич, кр. Московской губ., Клинского уезда, Соболевской волости, дер. Максимово.

[4]) Кассиор, Станислав Викентьев, кр. Седлецкой губ., Венгеровского уезда, гмины Старовесов.

[5]) Мумриков, Леонид Иосифов, кр. Владимирской губ., Рязниковского уезда, Нетерской волости и села.

[6]) „Аг. Зап.“ № 154, 5/IX 1915 г.

[7]) Историч. Revол. Архив. Дело Московск. охр. отд. 1915 г. за № 26, том 3.

Сальмсон—10 человек; 3-й московский металлический завод—3,000 человек; фабрика т-ва Прохоровской трехгорной мануфактуры—4.000 человек; механическая фабрика по изготовлению штыковых ножей Ксенофонтова—85 человек; фабрика металлических изделий Золоторева—13 человек; машино-строительный завод Грачева и К⁰—336 человек; фабрика металлических изделий К. В. Зуб—98 человек; фабрика т-ва Сущевских заводов—200 человек; медно-литейный, арматурный механический завод Краснова, Конорова и К⁰; механический завод ПЛО; фабрика жестяных изделий Т. Д. «Жестянка»—120 человек; чугунно-литейный завод администрации по делам Т. Д. Шварцкопф и К⁰—160 человек; металлический завод Крейпис; электротехнический завод Стручкова; механический завод бр. Бромлей—1.320 человек; котельный завод инженера А. В. Бари—422 человека. Итого 38 предприятий с количеством рабочих около 11 тысяч, указанных только на 20 предприятиях.

Такое сильное распространение забастовки обеспокоило градоначальника, и им на улицах Москвы было расклеено следующее об'явление:

«4 сентября в Москве часть рабочих прекратила работы в отдельных предприятиях, в том числе, к сожалению, даже на некоторых фабриках и заводах, занятых приготовлением военных заказов, обслуживающих нужды родной нашей армии.

«Такое прискорбное явление вынуждает меня напомнить населению столицы и рабочим, что в такое трудное время, переживаемое нашей родиной, когда для облегчения подвига наших братьев, жертвующих жизнью за нас, необходимо непрестанное и нелицемерное напряжение сил народных для удовлетворения нужд армии,—всякие забастовки, неизбежно вызывая промедление в снабжении армии припасами, являются явной помощью нашему врагу и есть не что иное, как предательство наших доблестных воинов и измена родине.

«Приглашая население столицы к спокойствию, я, вместе с тем, подтверждаю, что всякое посягательство на нарушение порядка и мирного течения труда будет мною прекращено самым решительным образом» [1]).

8 сентября, в помещении общества металлистов «Единение» собралось человек 20 представителей рабочих организаций и решило забастовки впредь до особого оповещения прекратить.

Затем, констатировав полную непланомерность в течение этой забастовки, было решено теперь же приступить к организации масс и созданию как на местах, т. е. на фабриках и заводах партийных ячеек и групп, так и общегородской организации.

Так закончилась эта забастовка, впрочем, имеющая последствия в дальнейшем, разбудив рабочую массу и поставив

[1]) „Утро России“, № 206, 6/IX 1915 г.

перед парторганизацией задачу от агитации переходить к широкой организации на фабриках и заводах, а через последнюю и к руководству развивающимся забастовочным движением. Стихийность должна быть заменена сознательностью и организованностью, а требования рабочих должны вырабатываться партией, а не подсказываться буржуазной прессой и ее агитаторами. Все это рабочие хорошо осознали и потому они и остановились на вопросе восстановления парторганизации.

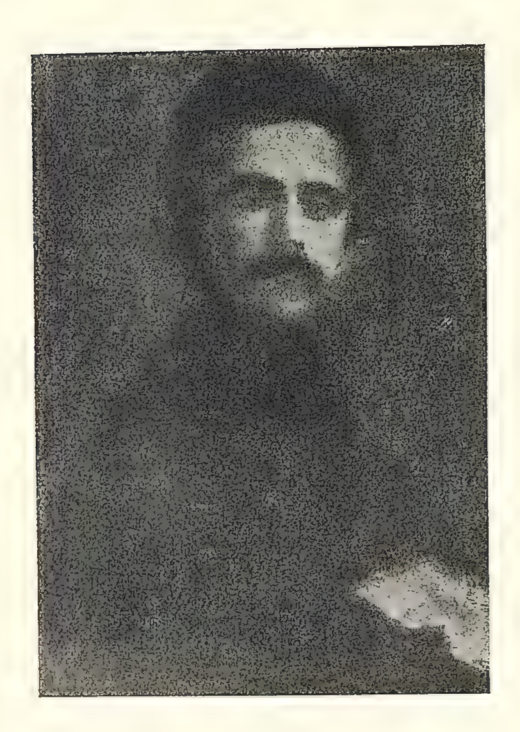
Сообщая об этом охранному отделению, «Кондуктор» в записке от 8/IX за № 48 с самодовольствием отмечал—«Затея это старая, и об этом говорится несколько месяцев»... Это старая и вечно новая задача, после опыта этой забастовки, рабочими особенно остро чувствовалась.

Не прошло и недели после ликвидации трамвайной забастовки, «затея старая», конечно, нисколько за это время не подвинулась, а снова произошли события, кровавые события, так называемые *беспорядки 14 сентября*.

Градоначальник Климович в своем докладе так описывает эти события: «14 сентября, в 6 часов вечера на Страстном бульваре был задержан нижний чин. На Страстной площади городового окружила толпа и освободила арестованного. В толпе раздавались крики: «Городовые бьют солдата», и слышались угрозы и призывы избить городовых. Явившийся на место беспорядка пристав Арбатской части вынужден был вызвать I-е отделение конной стражи и наряд полиции из 1-го Сретенского участка, которые были встречены градом камней из толпы. Но вскоре толпу удалось рассеять. Около 11 часов вечера толпа опять стала заполнять Страстную площадь, и в оставшийся наряд пешей полиции посыпались камни. Вся пешая полиция отступила на Б. Бронную улицу, и пристав Жичковский выстроил ее поперек улицы. В это время неизвестный прапорщик с нижними воинскими чинами стал подстрекать толпу бить полицию, и толпа стала наседать. Полиция отступила вглубь Б. Бронной у., и в нее посыпался град камней. Не прибегая к огнестрельному оружию, наряд полиции отбросил толпу на Страстную площадь и опять отошел шагов на 50. В это время был ранен в лоб и свалился на мостовую пом. пристава Строев, а городовому 1-го Сретенского уч. Савкину какой то нижний чин разбил голову бутылкой. Вследствие этого, отведя наряд на большую дистанцию от толпы, подполковник Жичковский приказал городовым вынуть револьверы и приготовиться на случай нового нападения. Между тем толпа, подстрекаемая прапорщиком, шедшим во главе ее с обнаженной шашкой, и кучкой нижних чинов, с криком «ура» бросилась на наряд полиции. Предупредив толпу, что будет стрелять, подполков. Жичковский отошел к наряду. Городовые открыли стрельбу. Когда толпа отхлынула, пристав остановил стрельбу. Во избежание быть окруженным толпой, пристав отступил с нарядом к управлению участка в Б. Балашевский

пер. При отходе было ранено камнями человек 15 из полиции, часть же была окружена и едва скрылась в ресторане Козлова. После этого из управления участка был выслан взвод конных жандармов, который вместе с нарядом пешей полиции подполк. Жичковский двинул через Сытинский и М. Балашевский пер. на Тверскую улицу. По выходе наряда на улицу раздались револьверные выстрелы из-за забора д. № 10 по Сытинскому пер., и вся Тверская улица оказалась загроможденной вагонами трамвая, переполненными публикой. Вагоны были очищены от публики, а затем было приступлено к удалению публики со Страстной площади. Часть толпы исполнила требование полиции, а другая часть укрылась за вагонами трамвая и опять начала забрасывать камнями наряд полиции. Площадь и прилегающие переулки были очищены от толпы путем употребления в дело резиновых нагаек. Прибывшие к этому времени два эскадрона конных жандармов не могли проникнуть на Тверской бульвар, так как у памятника Пушкина поперек бульвара толпа устроила баррикаду из положенных на бок скамеек. Баррикада была обстреляна из винтовок спешенными жандармами, разобрана, и после этого конные жандармы очистили бульвар. Беспорядки были окончательно прекращены в 2 часа ночи. На месте были найдены убитыми: метельщик городского управления кр. Платон Федоров, Володин, Вл. и студент Университета Николай Степанович Лашкевич, и оказана больницей мед. помощь чел. 40. Израсходовано патронов чинами полиции 89 и жанд. дивиз. 402.

«15 сентября, в виду событий предыдущего дня, на Тверском бульваре появились группы публики, воинские чины и агитаторы штатские, возбуждавшие публику против полиции, но высланными нарядами полиции и воинскими патрулями группы были удалены, и до 10 часов вечера никаких инцидентов не было, кроме разбития газовых фонарей на Страстном и Тверском бульварах. В 10 часов к городовому Константинову, стоявшему на Страстной площади, подошли несколько человек и нанесли ему камнями удары в грудь, спину и по лицу. Покачнувшись, Константинов выхватил револьвер и произвел 3 выстрела, один из которых ранил кр. Андрея Львова Макарова, 66 лет, швейцара гостинницы «Метрополь». В это время собралась толпа около 1000 человек у ресторана Козлова на Тверской улице, которая упорно не хотела расходиться и была разогнана нарядом пеших и конных городовых, при чем были пущены в дело нагайки. Около 10 часов вечера толпа напала на городового Бирюкова, стоящего около управления участка по Б. Балашевскому пер. и забросала его камнями. Бирюков произвел 4 выстрела из револьвера, при чем ранил в ногу одного из нападавших, оказавшимся кр. Алексеем Артемьевым Суворовым, 19 лет. В то же время толпа пыталась устроить баррикады из скамеек на Страстном бульваре, но была рассеяна нарядом полиции.

Владимир Петрович Стернин, известный в партии под кличкой „Гриша", „Мохов", работавший в Москве еще в 1905 г., погиб в 1919 г. при отступлении армии из Пятигорска (67, 168, 170, 171).

«15 сентября было заметно отсутствие нижних чинов в толпе, но прапорщики продолжали вести себя вызывающе по отношению к чинам полиции и возбуждали толпу; так, прапорщик 1-й запасно-телеграфной дивизии Петр Андреевич Сачков грозил зарубить шашкой околодочного надзирателя Августиновича. Ушаков ударил по лицу городового Баллу и т. д.

«В связи с этими событиями в комерч. институте состоялась сходка протеста, вынесшая две резолюции: одна о требовании ответственного министерства, а другая с требованием созыва учредительного собрания. Студенты в знак протеста решили бастовать до 21 сентября, а также забастовали 1800 рабочих на заводе Шмулевича, Гантера и Набюльца. В Моск. город. думе состоялось закрытое заседание, на котором признали необходимым по поводу беспорядков созвать, по возвращении Челнокова, экстренное заседание для выражения протеста «против легкомысленного отношения к человеческой жизни». Переходя к вопросу о причинах беспорядков, Климович писал: «что никакой политической подкладки в них не имелось. В делах охранного отделения не имеется никаких указаний на какую-либо подготовку к выступлениям в ближайшее время революционной средой. О задержанных, убитых и раненых никаких неблагоприятных в политическом отношении сведений нет.

«Несомненно, в деле замечающегося противодействия чинам полиции играет роль оглашенный с трибуны Государственной Думы депутатами лозунг о необходимости призыва всей полиции в ряды армии, неосуществленный, по мнению большинства, только вследствие роспуска Государственной Думы».

По сведениям «Русских Ведомостей» 15 сентября[1]), очередному собранию городской думы предшествовало частное совещание гласных по поводу событий, происходящих на Страстной площади 14 сентября. Совещание длилось 2 часа. В. Д. Брянский представил административную справку о вчерашних беспорядках. Некоторые гласные настаивали на подробном обсуждении думой событий у Страстного монастыря, считая необходимым осветить вопрос со всех сторон. Другие же гласные указывали, что городское управление не располагает достаточно точными и правильными сведениями об этих событиях, и для всестороннего рассмотрения вопроса нет твердой почвы. Имеющиеся сведения, хотя и официального характера, являются односторонними. После долгих дебатов, совещание решило не подвергать обсуждению в собрании думы вопрос о том, что происходило накануне на Страстной площади, и ограничиться только кратким сообщением об этих событиях, с тем, чтобы обсудить вопрос, когда будут иметься более точные и подробные данные.

В 9 часов вечера началось совещание думы под председательством товарища городского головы В. Д. Брянского, за

---

[1]) „Русск. Вед.“, № 211, 16/IX 1915 года.

от'ездом в Петроград по делам службы городского головы М. В. Челнокова.

Открывая собрание, председатель сообщил думе, что накануне, с 6 часов вечера до $12^1/_2$ час. ночи, в Москве разыгрались события, в результате которых оказалось несколько человек убитых и раненых.

Беспорядки эти, согласно донесению управления городских трамваев, начались вследствие того, что вошел в трамвайный вагон пьяный солдат, который не хотел выйти из вагона, несмотря на требование кондуктора. Кондуктор довел вагон до Страстной площади и потребовал от городового, чтобы он снял солдата. Последний был снят городовым. Публика вмешалась в дело, и на этой почве произошли беспорядки. Согласно сообщению градоначальника зарегистрировано: убитых 4, 1 тяжелораненый и 12 легко раненых. В городские лечебные заведения, по сведениям городской управы, поступило 11 человек; из них один умер.

Возникшие на почве этих беспорядков слухи, с арестом 16 сентября солдата, из-за которого и возникли эти беспорядки, еще более усилили тревожное настроение. Многие опасались, что полиция без стеснения расправится с жертвой этих событий и начали требовать гарантии для арестованного.

Все это заставило градоначальника снова выступить с официальным извещением следующего содержания:

«В городе ходят толки о том, что 14 сентября на Страстной площади городовыми был задержан и побит солдат, георгиевский кавалер, будто бы даже раненый.

«Для восстановления истины считаю нужным об'явить:

«16 сего сентября на улице был задержан для вытрезвления пьяный суб'ект в солдатской шинели без погон и в фуражке без кокарды за то, что он шел и кричал: «берегитесь, едет бронированный автомобиль; всю полицию перестреляю».

«По представлении задержанного в участок в нем несколькими полицейскими чиновниками, городовым, а также частными лицами был опознан тот самый нижний чин, задержание которого в пьяном виде вызвало 14 сентября беспорядки на Страстной площади.

«По установлении личности задержанного, он оказался крестьянином Никитой Алексеевичем Куделем, 22 лет, служащим истопником в доме № 22 по Цветному бульвару, только что призванным на службу, как ратник 2-го разряда, и при опросе заявил, что он в армии не служил, никаких отличий не имеет, что 14 сентября он должен был ехать на сборный пункт в г. Петровск, Саратовской губернии, но напился ханжи и по месту назначения не направился, а что с ним произошло далее на Страстной площади—не помнит.

«При задержании пьяного Куделя на Страстной площади 14 сентября никто его не бил, а, наоборот, Кудель поругался

с городовым, схватил постового городового за грудь и поднял крик, когда его повели в участок.

«Растерзанный вид Куделя и крики его собрали толпу, которая, вообразив, что бьют солдата, силой освободила его и намеревалась учинить самосуд над городовым.

«Настроенная ложными толками об избиении полицией солдата, толпа переливалась по прилегающим к Тверской улицам, осыпала полицию камнями и, сосредоточившись затем у памятника Пушкина, остановила трамваи и устроила баррикаду из скамей бульвара.

«Так как никакие уговоры старших чинов полиции разойтись не имели никакого успеха, и толпа, проявив ряд насильственных против полиции действий, причинила камнями тяжелые раны 4 офицерам, 4 околодочным надзирателям и 25 рядовым, к сожалению, для восстановления порядка пришлось прибегнуть к действию оружием, печальным последствием чего было 3 убитых и 12 раненых частных лиц.

«По этому делу производится судебное следствие.

«Московский градоначальник ген.-майор Климович.

20-го сентября 1915 года». [1])

События 14 сентября нашли особенно сильный отклик в студенческой среде.

15-го как видно из сообщения градоначальнику ректора Московского университета (15/IX № 6921): «В связи с происшедшими вчера вечером уличными беспорядками наблюдалось повышенное настроение среди студенчества. В лаборатории неорганической химии перед приходом профессора Плотникова собравшиеся студенты произносили речи и пели «вечную память»...

«16-го повышенное настроение среди студенчества продолжалось и выразилось в следующем: в клиниках вследствие беспорядка не могла состояться лекция прив-доц. Абрикосова, на лекции проф. Кедровского присутствовало только три студента, перед лекцией проф. Спижарного произносились речи по поводу забастовки, но определенного постановления не было принято. В помещениях старого здания университета происходило пение большой толпы «вечной памяти», произносились речи и была постановлена трехдневная забастовка. Беспорядками были прекращены лекции проф. Карпова в Гистологическом институте и прив-доц. Крашенинникова в Ботаническом институте. Из старого здания большая толпа студентов с пением «вечной памяти» направилась через Никитскую в новое здание, прошла там по всем помещениям с пением, в некоторых местах были произнесены речи с призывом к забастовке. На математическом факультете беспорядки помешали прв-доц. Лузину докончить лекцию, но следующая лекция проф. Лахтина состоялась беспрепятственно» (16/IX—№ 6938).

---

[1]) „Утро России“, № 258, 20 сентября (воскресенье) 1915 г.

«17-го около 12 часов дня, перед окончанием лекции проф. Карпова, толпа студентов (человек 15) вошла в аудиторию Гистологического института и потребовала от профессора прекратить чтение лекции, а к студентам обратилась с упреком, что они, несмотря на забастовку, пришли слушать лекции. Около 1 часа дня собравшаяся во дворе нового здания толпа студентов, прорвав контроль проректорских служителей, ворвалась в коридор юридического факультета и стала петь и кричать. О происшедшем беспорядке по моему (т.-е. ректора университета) распоряжению было сообщено полиции, которая явившись, приступила к переписи студентов, не принадлежащих к юридическому факультету» [1]) (1/IX—№ 69).

По случаю происшедших беспорядков, 16 сентября градоначальник города Москвы Климович издал следующее об'явление:

«От Московского градоначальника:

«Московский градоначальник об'являет: 14 сентября произошло на Страстной площади и на Тверской улице столкновение уличной толпы с полицией на почве вмешательства публики в действия городовых, задержавших по требованию кондуктора трамвая пьяного сквернословившего солдата.

«Этот заурядный уличный случай обратился в крупный беспорядок вследствие большого скопления праздничной публики, своим присутствием невольно укрывающей хулиганов и мешавшей законным действиям чинов полиции, направленным к ограждению внешнего порядка в безопасности уличного движения.

«Озабочиваясь тем, чтобы при подавлении уличных беспорядков от действий, вызываемых для прекращения безобразия полицейских и воинских нарядов, случайно не пострадали невинные люди, я обращаюсь к благомыслящей части населения Москвы с покорнейшей просьбой беспрекословно подчиняться требованиям полиции, восстанавливающей на улице порядок и не смешиваться с толпой хулиганов, стремящихся часто действовать за спинами случайных прохожих, благонамеренных людей.

«Вместе с тем подтверждаю, что всякие уличные сборища, так же как и неисполнение требований полиции, направленных к поддержанию наружного порядка, и тем паче вмешательства в действия полиции будут караться на основании обязательных постановлений главноначальствующего над Москвой штрафом до 3.000 рублей и тюремным заключением до 3-х месяцев.

«Той же каре будут подвергаться домовладельцы, не за-

---

[1]) Последние были достаточно благонадежны, на события не откликнулись, несмотря даже на то, что в числе жертв имелся их товарищ по факультету Н. С. Лашкевич.

крывшие по первому требованию полиции ворот своих домов и допустившие в своих владениях собрания или укрывательства нарушающих уличный порядок лиц.

«Московский градоначальник генерал-майор Климович [1]).

Москва, 15-го сентября 1915 года.».

По поводу этих событий студенчество 16/IX вынесло резолюцию протеста и выпустило следующее обращение к студентам:

«Товарищи студенты!

«Глубоко возмущенные неоднократными дикими расправами наших товарищей, мы не можем больше переносить возмутительных выходок обнаглевшего правительства, потерявшего всякое понимание серьезности момента, привыкшего обагрять руки кровью невинных и достигшего апогея наглости расстрелом безвинной толпы 14 сентября. Кровь жертв призывает вас к единодушному протесту, в знак чего об'являем забастовку до 21-го».

15 сентября вечером в Моск. ком. институте состоялась сходка 3.000 студентов, которая вынесла резолюцию с выражением протеста:

1. против роспуска Государственной Думы;
2. унижения национальностей;
3. расстрела мирных граждан;
4. преследованиия мирных граждан;
5. и требованием созыва Государственной Думы, смены совета министров—создания ответственного министерства, политической амнистии и призыва в армию полиции.

Студенты Моск. тех. училища вынесли следующую резолюцию: «Глубоко возмущаясь провокационной деятельностью полиции во всей России и в частности в Москве, 14 сего сентября, когда один из чинов осмелился поднять руку на наших серых героев, мы студенты Моск. тех. уч. высказываемся за необходимость требовать немедленного призыва полиции в действующую армию» [2]).

Семнадцатого сентября состоялись похороны убитого Лашкевича, на которые прибыло не только студенчество всех высших учебных заведений, но и учащиеся многих средних школ и даже рабочие некоторых заводов. В своем приглашении на проводы тела погибшего товарища студенты писали:

Товарищи!

«14 сентября погиб наш товарищ студент-юрист Н. С. Лашкевич, убитый полицией во время расстрела ею беззащитной толпы на Страстной площади. 16/IX студенчество вынесло свою

---

[1]) „Русск. Вед.“, № 211, 16 сентября, 1915 года.
[2]) „Агент. Зап.“ „Цветков“, № 18, 15/IX 1915 года.

резолюцию протеста по этому кошмарному делу и теперь призывает товарищей не забыть исполнить свой долг перед невинной жертвой правительственной провокации: возложить на его гроб венок и почтить его память своим присутствием на похоронах.

«Похороны 17/IX в 4 часа вечера на Спиридоньевской ул., дом № 20, лазарет кн. Долгорукова».

Эти короткие, сухие, официальные слова призвали к гробу погибшего товарища тысячи студенчества. Полиция, опасаясь столкновения и не желая допустить произношение речей, сначала противилась выдаче трупа, но потом, успокоенная своими осведомителями, похороны разрешила под ответственность устроителей, запретив всякие речи.

Медленно, густыми колоннами двигалось шествие, запружая улицы; протяжно, печально-трогательно неслись звуки «вечная память». Но не об этом думали идущие за гробом, их мысль уходила в будущее, их сердце горело огнем мести твердого желания отомстить за погибшего и если умереть, то с сознанием принесенной пользы народу. Проскакавший мимо, направляемый к кладбищу наряд конной полиции еще раз напомнил о действительности. «Товарищи, спокойствие, воздержитесь от выкриков, не поддавайтесь на провокацию», неслись по колоннам предостерегающие слова устроителей. Показав «страх врагам», отряд быстро скрылся, обогнав похоронное шествие. «На фронт их дармоедов», слышались голоса из колонны. Но вот гроб опущен в могилу, полиция начинает нервничать и наседать на толпу, требуя расходиться. «Товарищи, расходитесь», «не поддавайтесь на провокацию»,—«похороны окончены», прокричали устроители и первые, подавая пример, покинули кладбище. «Провокация, провокация, все провокация,- это ваша трусость,—ворчали наиболее горячие головы,—когда же мы наконец не побоимся провокации».

События 14 сентября сильно взбудоражили студенчество, и все упорно чего-то ожидали. Когда же похороны прошли совсем спокойно, упорно продолжали ожидать еще чего-то.

ГЛАВА IV.

Партийная работа московских большевиков (август-сентябрь).—Тверская группа—из записки начальника московского охранного отделения.—Обыски 1 и 9 августа.—Экскурсия в „Измайловский зверинец".—Экскурсия в лес при ст. Бескудниково.—Записка осведом. „Рязанского" о с.-д. группе Симоновского района.—Коллектив печатников.—Среди студентов С.-Х. И.—Об издании легальной большевистской газеты.—Подготовка московской конференции.—Конференция от 22/IX.—Приезд новых товарищей в Москву.—Листовка о войне от имени „Организационного Комитета РСДРП".—Листовки „Организационной группы с.-д.".—Записка Яхонтова о причинах возникновения Европейской войны и ближайших задач пролетариата. Листовки Пресненской группы РСДРП.

В течение лета в Москве довольно большую работу развернула латышская организация, принявшая наименование—«Тверская группа». Эту организацию по свидетельству товарища Лациса составили т.т. Берзин Эдуард; Грунт Ян; Берзина, Марта Карловна; Берзина Эмма Карловна; Берзина Антония; Страутмаш, Наталия; Крастынь Эла (Егорова Женя); Цельмин Петр; Цивцивадзе Илья; Гульбинс Рудольф; Стипнек, Меднис; Норман; Витман и Богоявленский—всего человек до 18.

Эта группа сложилась из теоретического кружка, возникшего еще в 1914 году в университете Шанявского. В 1915 г. в кружке был поставлен вопрос об активных действиях, к чему группа и приступила, начиная с 1 мая 1915 г.

В этот день группа выпустила отпечатанную на гектографе прокламацию, заготовила и развесила 11 знамен с первомайскими лозунгами и провела сходку в лесу. Группе, состоящей главным образом из приезжих латышей, было нелегко связаться с московскими товарищами. Связаться же было необходимо и сделать это было поручено Эд. Берзину, металлисту по профессии. Чрез некоторое время эта связь установилась, но не только с московскими товарищами, но и с охранкой, так как с первыми, с кем он связался через профсоюзы и экскурсии, были Соколов [1]) и Николаев [2]), провокаторы Московского охранного отде-

---

[1]) Соколов, Сергей Иванович—кличка „Кондуктор".
[2]) Николаев, Адриан Николаевич—кличка „Андреев".

ления. С работавшей в это время Пресненской группой связь не была установлена, хотя Пресненская группа т. Берзина знала как представителя «Тверской группы», а он Меницкого, Веревкина и других, как представителей Пресненской группы. Попавшись в руки к Соколову и Николаеву, он был осторожен с пресненцами и уклонялся от всяких разговоров о согласовании работы этих двух групп, мотивируя это тем, что никто из них этой группы не знает.

Через некоторое время группа пополнилась прибывшими в Москву из Прибалтийского края товарищами и возросла до 60 чел. в составе трех ее ячеек. Группа вскоре связалась с печатниками, металлистами, портными и торгово-промышленными служащими. Усилиями Крастынь, Страутмаш и Лациса была организована небольшая нелегальная типография, давшая возможность группе выпустить отпечатанные типографским способом три листовки: 1) «Что делать», 2) «Товарищи рабочие и солдаты» и 3) «Проклятие убийцам».[1]) Две ранее изданные листовки с помощью гектографа пока еще не обнаружены.

Наладив печатание листовок, группа решила приступить к созыву Московской городской конференции, но последовавший арест группы активных товарищей этой группы — Берзина, Крастынь и Грунт, а через две недели и Лациса, имевшего все связи, оборвал как эту, так и всю работу тверской группы.

К этому времени группа связалась еще с двумя провокаторами—Поскребухиным — «Евгений» и Романовым — «Пелагея». Последний, как бывший областник, удостоился большого доверия и, узнав некоторые секреты, не замедлил их использовать. В своей записке от 7/VIII он писал: «В г. Москве недавно сорганизовалась с.-д. группа, в которую первоначально вошли исключительно латыши, но затем им удалось связаться с рабочими некоторых заводов Пресненского и Бутырского районов, а также с марксистскими группами Лефортовского района и примиренченской.

«В настоящее время латышская группа присвоила себе наименование «Тверской группы», насчитывает до 60 человек, имеет технику—подпольную типографию, на которой печатаются листовки.

«В конце июля ею (латышской группой) была выпущена листовка под названием: «Что делать», а вчера вышла из печати, но еще не получила распространения новая листовка, озаглавленная «Товарищи рабочие и солдаты» (500 экз. листовок прилагается).

«Группа эта имеет связь с Харьковом и Самарой.

«Во главе группы стоит комитет, одним из наиболее видных членов которого является заведывающий чайным буфетом

---

[1]) Текст этих листовок см. стр. 59—63.

столовой Сельско-хоз. института, латыш, приметы коего: 33—35 лет, выше среднего роста, широкоплечий, блондин, волосы острижены под польку, средней величины усы, небольшая бородка клином, носит русскую рубаху, ленточкой пояс и синие диагональные брюки. [1])

«На-днях в Москву приезжал из Харькова по партийным делам и виделся с некоторыми представителями латышской «Тверской группы» неизвестный, партийная кличка «Георгий», приметы коего: 20—22 г., среднего роста, брюнет, чуть пробивающиеся усики, бороды нет, носит черную рубаху, черный костюм и соломенную шляпу. В текущем году он арестовывался в Харькове три раза, при чем был арестован и 1 мая; в один из своих арестов он содержался вместе с Валерианом Оболенским.

«Из Москвы «Георгий» предполагал ехать в Петроград, но с какой именно целью—неизвестно.

«Перед от'ездом из Москвы «Георгий» виделся с приехавшим на-днях из Самары неизвестным по фамилии, с.-д. партийным работником, тоже связанным с «Тверской группой».

«Этот самарец ездил по партийным делам в гор. Иваново-Вознесенск, куда повез выпущенные «Тверской группой» листовки.

«По его словам, в июле в Иванове-Вознесенске состоялась районная с.-д. большевистская конференция с участием представителей с.-д. групп из Тейкова, Гольчихи, Родников, Кохмы и Иваново-Вознесенска, на которой был избран комитет, присвоивший себе наименование временного областного комитета; на этой конференции был вынесен ряд резолюций.

«Помимо этой конференции, в Иваново-Вознесенске же состоялся затем ряд собраний, на которых было решено, что так как экономические забастовки зачастую не достигают цели, и что улучшения условий труда можно достигнуть только при демократическом образе правления, повести широкую агитацию за необходимость, путем вооруженного восстания, свержения настоящего правительства и учреждения демократической республики.

«Для агитации за вооруженное восстание, приурочиваемое к 8 или 9 сего августа, были командированы особо-уполномоченные лица в некоторые города Поволжья и Центрального Промышленного района, при чем из некоторых мест будто бы уже получено согласие примкнуть к восстанию, если таковое начнется.

«Хотя, конечно, о вооруженном восстании в полном смысле этого слова серьезно говорить нельзя, так как этот вопрос во многих местах и, например, в таком рабочем центре, как

---

[1]) Это Лацис.

Москва, даже и не поднимался, тем не менее возможно, что иваново-вознесенцы в виде пробы попытаются устроить в указанное выше время демонстративное выступление и пойти на открытое столкновение с полицией.

«Вопрос о выступлении окончательно должен вырешиться 8 августа на массовке, на которую и едет самарец.[1])

«Следует отметить, что иваново-вознесенцы, проектируя демонстративное выступление, преследуют исключительно политические цели и не предполагают пред'являть каких-либо экономических требований».

Этот рапорт, по словам товарища Лациса, «воспроизводит картину достаточно выпукло, даже лучше, чем это у участников дела сохранилось в памяти». Что же касается провала Иваново-Вознесенской организации, то дело обстояло таким образом:

«Тов. Наумов приехал в Москву за советом,—устраивать ли им вооруженное, восстание или нет. Мы, пишет Лацис, ему настрого наказали настоять, чтобы этот несвоевременный шаг не был сделан. Оказалось, что «областник» Романов («Пелагея»), по приказу Мартынова, тоже запретил устраивать вооруженное восстание, но, конечно, уже совершенно по другим соображениям.

«Так как Романов отказался ехать в Иваново-Вознесенск (тоже по совету Мартынова), а мы людей дать не могли, то облекли полномочиями того же тов. Наумова. И он поехал, как теперь выяснено, под «охраной» шпиков, напущенных Романовым.

«Это повело к провалу Иваново-Вознесенской организации.

«Окруженная целой сетью провокаторов, «Тверская группа» естественно должна была провалиться, и все ее секреты должны были стать известными.» [2])

Последнее собрание этой группы состоялось 30 сентября в лесу под Петровско-Разумовским. Присутствовало около 50 человек. Докладчиком выступал Станислав Вольский. Под конец собрание полицией было сорвано, а через несколько дней последовал арест Вольского и других.

После этих разгромов группа умерла с тем, чтобы через некоторое время снова появиться на арене революционной борьбы под именем «Северной группы».

Группа выпустила три следующие листовки, отпечатанные типографским способом в количестве 10.000 экземпляров.

---

[1]) Приметы самарца: 20—22 л., среднего роста, среднего телосложения, продолговатое лицо, черные усики, бороды нет, одет:—белая вышитая рубаха, белый пиджак, черное летнее пальто, кепка и сандалии.

[2]) Сборн. „Нак. Вел. Рев.“, стр. 129.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие и солдаты!

«Братоубийственная война все разрастается да разрастается. Все, что только есть цветущего, здорового и трудоспособного, принесено уже на алтарь войны в интересах буржуазии. Льются слезы вдов, сирот, отцов, матерей. Голод, нищета, разорение и произвол царят повсюду. Правительству мало тех миллионов регулярных воинов, запасных перворатников и новобранцев 1915 и 1916 г., которых погнали в первую очередь и уже положили на поле брани. Оно забирает туда же на бой и неокрепших еще 18-летних юношей, а за ними погонят ратников 2-го разряда. На убой отправляют последних работников, кормильцев семей. Но для чего же все это море пролетарской крови? Ведь война не была нужна ни немецкому, ни русскому рабочему. Он знает лишь одну борьбу—борьбу классовую, лишь одного врага—буржуазию. Так кому же была нужна война?—Буржуазии. Эта война—борьба буржуазии одного государства за господство над другим, за преобладание на мировом рынке. И вот, пока миллионы наших товарищей погибают на поле брани за дело буржуазии, сотни тысяч хорошо обмундированной и откормленной полиции и жандармерии, упитанной кровью и потом народа, стоят на страже интересов той же буржуазии и расправляются с внутренним врагом—сознательным пролетариатом. Сибирские тундры и тюрьмы переполнены. Туда загнали представителей народа. Туда же еще все тянутся, гремя кандалами, бесконечные вереницы наших товарищей. В эту трудную минуту перед нами возникает вопрос: так что же нам делать? Послушаться ли призыва правительства, позабыть партийную рознь и пойти на братоубийственную войну верными слугами царизма? Нет, товарищи. С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца остаемся его врагами. Подчиняясь силе, нам придется взять в руки оружие и направить против своих инородческих товарищей по несчастью. Но будем же помнить тогда, товарищи, что в неприятельских окопах против нас такие же пролетарии, как и мы, насильно взятые и живущие мыслью повернуть оружие в обратную сторону и превратить буржуазную войну в войну гражданскую. Этой благородной мыслью живет и наш народ. Но нужно эту мысль осуществить на деле.

«Надо смести всех палачей, от царя и министра до урядника, надо на развалинах деспотизма и варварства водрузить знамя свободы, мира и братства народов. И теперь время упускать нельзя. Так будем же помнить об этом, товарищи, уходящие на дикую битву за врагов своих. На фабриках и заводах, в казармах и окопах будем напоминать об этом другим

товарищам, будем сплотняться[1]) в нелегальную организацию вокруг красного знамени социал-демократии. И когда революционная волна охватит Россию, не поднимем по приказу правительства оружия на товарищей своих. Будем прислушиваться к голосу социал-демократии и при первом удобном случае повернем оружие против нашего постоянного врага—правительства. Превратим эту братоубийственную резню в гражданскую войну—революцию.

«Рабочие и солдаты! Преступление упускать время. В наших руках лучшая жизнь—свобода и право. Чем помирать за врагов своих, помрем на баррикадах за постоянный мир и свободу!

«Довольно крови за врагов своих!
«Долой самодержавие!
«Да здравствует революция!
«Да здравствует демократическая республика!

Комитет Тверской группы Р.С.Д.Р.П.

Москва. Август. Вып. IV. 10.000 экз.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Что делать?

«Товарищи! Вот уже год, как земля захлебывается в нашей крови. Подкошены миллионы цветущих жизней, разорены целые края и народности, калеки, как привидения, плетутся на каждом шагу, а голод протягивает к рабочему свои костлявые руки. Да, это все еще не конец. Буржуазия усиленно мобилизуется. На вновь открытых земскими и городскими союзами мастерских и заводах заготовлются новые смертоносные орудия и снаряды. В ряды войск призываются 18-летние юноши, а за ними последуют ратники ополчения 2-го разряда. Подготовляется новая бойня, новый год кровавых жертв. Мы, товарищи, умеем жертвовать собою, когда этого требует наше рабочее дело. Это мы уже не раз на деле показали. Было бы ошибочно и непростительно, если бы мы охотно и сознательно проливали кровь в пользу нашего заклятого врага—буржуазии. Вот почему следует задуматься над тем, чем же является война? С трибуны Гос. Думы и всевозможных с'ездов, при содействии печати, нас стараются уверить, что это—война народная, что мы должны бороться за веру, славянство и родину, за прогресс и человечество. Мы знаем, товарищи, что это все—явная ложь. История нам говорит, что войны всегда велись господствующими классами в целях наживы, хотя

[1]) Грамматическая ошибка, на которую сослался на суде прокурор, указывая, что эта работа не русских людей.

прикрывались такими же громкими фразами, как сейчас. В наш капиталистический век войны вызываются соперничеством буржуазии национальных государств. Капиталистические классы живут лишь одною мыслью о наживе и стремятся произвести как можно больше товаров. Скоро накопляется такое количество товаров, что сбыть их на внутреннем рынке невозможно. Накопляются не только товары, но и капитал; является необходимость сплавить его на внешний рынок—за границу. К этому прибавляется еще стремление наживы на счет государств. К этому стремятся все государства. Тут сталкиваются их интересы, которые нельзя уладить мирным путем, а только войной. Примером этого служит Русско-Японская война, в которой обе стороны хотели разжиться на счет дряхлого Китая. И то же самое мы видим в настоящей войне; австрийская буржуазия протянула свои щупальцы к Сербии; по своей старой болезни к Ближнему Востоку тяготела Россия и выступила в роли защитницы Сербии, скрывая под громкими фразами освобождения славянства те же завоевательные цели. Выход своим капиталам искала и Германия, давно выступившая серьезной соперницей не только с Францией, но и с Англией. С одной стороны, она стремилась открыть себе рынки таких отсталых государств, как Россия и Турция, с другой,—побить английскую промышленность. Вообще стремление всей буржуазии сводилось к одному—обеспечить рынок для своих товаров, но свободных колониальных земель уже нет. Все державы оградили себя от чужих капиталов высокими таможенными стенами, хотя для своих капиталов хотели бы видеть эти стены раскрытыми. Осталась лишь одна возможность удовлетворить жажду наживы—раздвинуть силой границы своего государства или заставить силой раскрыть двери своим капиталам. В результате — война, в ней национальная буржуазия борется за преобладание на мировом рынке.

«Но для ведения войны буржуазии нужна армия. А армия составляется из народа. Нужно этот народ убедить в том, что предпринятая авантюра — дело народа. Вот почему опять сыплются красивые фразы об освобождении славянства, об избавлении мира от милитаризма. Вот почему обе стороны стараются представить эту явно завоевательную войну войной оборонительной. Вот почему говорят, что к войне не готовились и ее не хотели. Но и в мирное время переполненные казармы, ассигнование народных миллионов на нужды армии, бешеное состязание в вооружении нам говорят, что все государства готовились к войне и хотели ее. Один только международный пролетариат в ней ничуть не заинтересован. Ему нечего питать вражду к своим инородным товарищам. У него нет противоположных интересов, а только общая порабощенность, общий враг в лице буржуазии и стремление свергнуть ее гнет. Еще ни одна война пролетариату ничего кроме тяжелых ран, не

дала. Даже так называемая отечественная война ничего не дала народу. Он остался крепостным, как и раньше. Голод, язвы, ежовые рукавицы правительства дали себя знать пуще прежнего. Да и эта война ничего не принесет народу. Штык сменится фабричным станком и сохой. Жизненные силы пролетариата мало-по-малу будут высасывать фабричные стены, труд, голодовка и каторга.

«Нет, товарищи, мы не можем связывать с этой войной никаких положительных задач. Стоя под знаменем международной с.-д., мы до конца должны остаться решительными противниками войны. Настоящую войну мы должны стремиться всеми силами немедленно превратить в *гражданскую* войну. Задача момента—не совместная работа с правительством и буржуазией под знаменем защиты отечества, а укрепление своей нелегальной организации, об'единение всех своих сил для решительной борьбы с царской монархией. Товарищи, пусть же наша кровь прольется за наша рабочее дело, за освобождение труда, за свободу. На призыв буржуазии сплотиться и позабыть партийную рознь мы ответим новой борьбой с ней, на натравливание отдельных народностей—международным лозунгом: пролетарии всех стран, соединяйтесь.

«Довольно братской крови!
«Долой царскую монархию!
«Да здравствует революция!
«Да здравствует демократическая республика!

Тверская группа Р. С.-Д. Р. П.»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российская С.-Д. Рабочая Партия.

Проклятие убийцам.

«Товарищи, кровавый туман застилает всю Россию. Смерть выглядывает из-за каждого угла. Гибнут миллионы на поле брани за дело своих палачей, тысячи падают, пронзенные пулями царских прислужников, здесь на местах. Не остыли еще трупы костромских товарищей, как гулким эхом отдались по России выстрелы по рабочим в Иваново-Вознесенске. Сотни наших товарищей расстреляны за смелость возвысить свой голос над пучиною лжи и бесправия. Вчера Лена и Кострома, сегодня Иваново-Вознесенск, а завтра, может-быть, Петроград и Москва. Нет ни малейшей уверенности, что участь ленских, костромских и иваново-вознесенских товарищей минет нас. Так неужели, товарищи, будем спокойно смотреть, как из нашей среды вырывают одного товарища за другим, как царские палачи бесцеремонно расправляются с пролетариатом,

как в корне стремятся уничтожить освободительное движение? Да можем ли мы молчать, когда затронуты наши жизненные интересы, когда пролетариат истекает кровью? Пролитая кровь наших товарищей взывает к мщению.

„Заявим же мощно свой голос протеста против излюбленного правительством средства успокоения—расстрела. Да замолчат фабричные свистки, да высыпет весь рабочий народ на улицу, да увидит Москва грандиозную демонстрацию наших сил! Да затрепещут царские палачи!

«Проклятие убийцам!

«Смерть врагам!

«Долой самодержавие!

«Да здравствует Революция!

«Да здравствует демократическая Республика!

Комитет Тверской группы Р. С.-Д. Р. П.»

Наряду с работой Тверской группы мы имели в это время работу целого ряда других групп. Даже данные Московского охранного отделения и то рисуют к концу августа и началу сентября картину заметного роста и значительного расширения деятельности социал-демократического подполья. Так в своем докладе по Р. С.-Д. Р. П. за август месяц начальник отделения, полковник Мартынов писал:

«За истекший август месяц деятельность местного социал-демократического подполья выразилась в использовании устраивавшихся обществом содействия по устройству общеобразовательных народных развлечений загородных экскурсий для рабочих фабрично-заводских и промышленных предприятий, под прикрытием которых проводились партийного характера собрания для обсуждения некоторых вопросов в связи с войной, при чем на экскурсии, состоявшейся 15 августа в лесу близь ст. Бескудниково, Савеловской ж. д., был поднят вопрос о реагировании на происшедшие 10 августа в г. Иваново-Вознесенске, Владимирской губернии, события, и было решено, в знак протеста против этих событий об'явить в гор. Москве 20 августа однодневную забастовку с устройством уличных демонстраций и выпуском к этому дню соответствующей листовки, составление и отпечатание которой приняла на себя сорганизовавшаяся в гор. Москве летом текущего года «Тверская группа Р. С.-Д. Р. П.». Соответственно направленной агентурой об'явление в гор. Москве забастовки и устройство уличных демонстраций удалось предотвратить, что же касается выпуска листовок, то хотя таковые и были изготовлены, но распространения почти не получили, так как в ночь на 19-е августа была арестована подпольная типография, в которой печатались эти листовки («Проклятие убийцам!») и около 3.500 экземпляров таковых. Другая же часть этих листовок, выпущенная за несколько часов до ареста типографии, была почти полностью из'ята агентурным путем. Кроме листовки «Проклятия убийцам», при печатании которой и была

арестована подпольная техника, Тверской группой в августе месяце были выпущены листовки—«Что делать» и «Товарищи рабочие и солдаты», при чем текст последней листовки, по данным агентуры, был привезен из города Харькова, что отчасти подтверждается тем, что и в городе Харькове имели распространение совершенно тождественного содержания листовки издания «Комитета Харьковской организации Р. С.-Д. Р. П.»

«Часть поименованных листовок получила незначительное распространение, большинство же их было из'ято агентурным путем. Помимо использования загородных экскурсий в городе Москве было также проведено несколько особо законоспирированных собраний, на которых обсуждались вопросы об издании в городе Москве легальной рабочей, «социал-демократического большевистского» направления газеты и об'единении всех московских и марксистских групп в одну организацию с общегородским комитетом во главе (М. К. Р. С.-Д. Р. П.). Для осуществления об'единения решено в ближайшее время созвать в Москве совещание из представителей всех с.-д. групп (общегородскую конференцию) для выработки платформы соглашения. На этом же совещании (конференции) предположено наметить кандидатов на общерусскую конференцию, созываемую в гор. Петрограде для выработки регламента предстоящего в недалеком будущем партийного с'езда. Из всех нелегальных собраний местного с.-д. подполья особого внимания заслуживает массовка «Тверской группы», проведенная в лесу близ «Соломенной сторожки», с участием несколько дней тому назад приехавшего в Москву из-за границы видного впередовца, известного в партийных кругах под кличкой «Станислав Вольский». На этой массовке, в коей приняло участие около 40 членов «Тверской группы», помимо вопроса об об'единении, обсуждался вопрос о подготовке всеобщей стачки, долженствующей послужить сигналом к началу социальной революции, к которой, по словам «Станислава Вольского», готовится пролетариат Западной Европы, так как создавшееся в настоящее время в связи с войной положение является наиболее благоприятным к такой революции.»

Эта работа протекала при условии непрекращавшихся обысков и арестов. Так 1 августа были обысканы и арестованы:

1) Витман, Борис Сергеевич; 2) Заботкин, Иван Семенович; 3) Купавых, Стефан Сидорович; 4) Титов, Петр Павлович; 5) Токарев, Иван Степанович; 6) Цельмин, Петр Петрович [1].

Обысканы 9 августа:

1) Заботкин, Иван Семенович; 2) Зеду (Зидс), Эдуард Андреевич; 3) Липаев, Александр Андреевич; 5) Титов, Петр Павлович; 5) Токарев, Иван Степанович; 6) Вейтнер, Яков—Роберт Вилов; 7) Гульбис, Рудольф Юрьевич [2].

---

[1] См. дело охр. отдел., № 1191—1915 г.
[2] „ „ „ „ № 1200—1915 г.

ТВЕРСКАЯ ГРУППА

Ельма Карловна Берзин.

Марта Карловна Берзин.

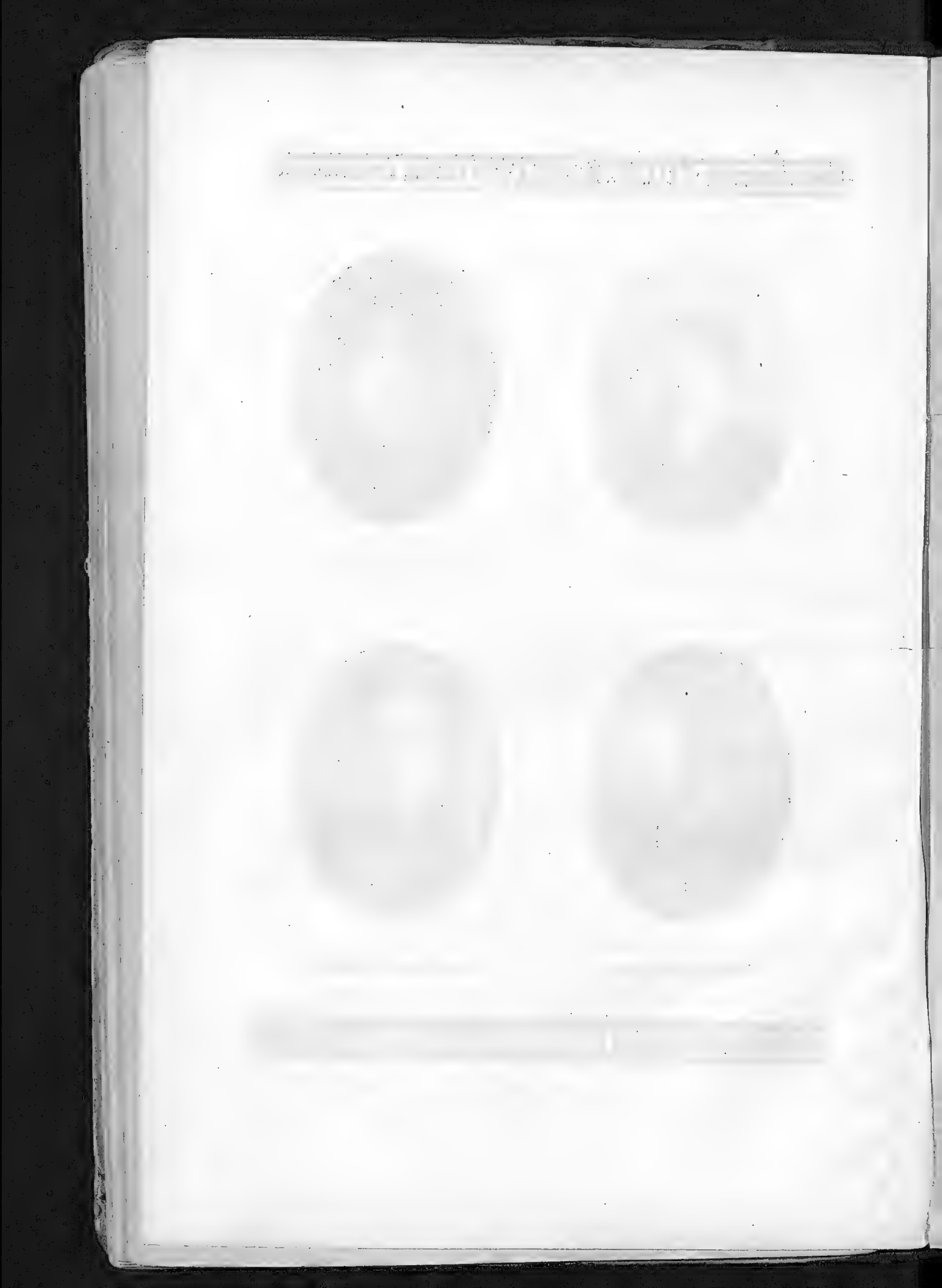

Мартын Янов Лацис.

Петр Петрович Цельмин.

Р.С.-Д.Р.П.

Организуемые обществом общеобразовательных народных развлечений, экскурсии, попрежнему служили прикрытием массовок и собраний, устраиваемых за городом.

По сообщениям осведомителя—«Валентина» [1]) в организованной этим обществом экскурсии в «Измайловский зверинец» 1 августа участвовало 78 рабочих.

В числе присутствовавших на экскурсии был некий Соломенцев, привезший с собой несколько сот экземпляров отпечатанной на ротаторе резолюции рабочих и торгово-служащих, подлежащей отправке в с.-д. фракцию Государственной Думы с требованием об амнистии и возвращении в Думу с.-д. депутатов, находящихся ныне в ссылке.

Эта резолюция была прочитана на экскурсии и была принята 77 голосами против одного—печатника типографии Пахманова-Грязнова, заявившего, что он, как синдикалист, не может присоединиться к подобной резолюции.

Резолюция эта гласила:

«В эпоху мрачной реакции русское правительство произвело гнусную расправу над рабочими, представителями в Гос. Думе. Рабочий класс, к сожалению, не был достаточно силен, чтобы дать достойный ответ слугам реакции.

«Теперь, когда русский рабочий жестоко страдает под тяжестью современной буржуазной войны, когда господствующие классы под знаменем патриотизма пытаются использовать войну в своекорыстных, эгоистических целях и грозят закабалить рабочих путем милитаризации промышленности, рабочий класс в особенности нуждается в том, чтобы его представители вновь были в Гос. Думе и с думской кафедры выступили в защиту рабочего класса.

«Мы требуем от оставшихся в Думе депутатов с.-д., чтобы они не переставали самым решительным образом требовать возвращения рабочих депутатов на их посты в Гос. Думу.

«Вместе с тем мы обращаемся ко всем русским рабочим с призывом требовать немедленного возвращения рабочих депутатов в Государственную Думу.

«Рабочие представители в Государственной Думе должны быть на своих постах».

На устроенную же 15 августа тем же обществом, экскурсию в лес при ст. Бескудниково Савеловской железной дороги прибыли не только московские рабочие, но и группы рабочих подмосковных предприятий и между прочим из города Богородска и Мытищ. Предстояло обсудить и принять решение по поводу кровавых событий, имевших место 10 августа в Иваново-Вознесенске.

Однако в лесу рабочие встретили большой наряд стражников, которые не давали рабочим собираться и предлагали расходиться.

---

[1]) „Агент. Зап.“, № 121 от 3/VII 1915 года.

В виду этого часть рабочих уехала обратно в Москву, другая же часть осталась, и, несмотря на помеху со стороны стражников, им удалось сорганизовать собрание, на котором был заслушан доклад о происшедших 10 августа событиях в Иваново-Вознесенске, после которого было внесено предложение устроить в знак протеста однодневную забастовку.

Предложение это было одобрено и единогласно принято, при чем решено повести по фабрикам и заводам широкую агитацию за устройство однодневной забастовки в четверг 20 августа.

Помимо устройства забастовки, по предложению присутствовавшего на собрании председателя правления потребительного общества «Дружба» в городе Богородске (фамилия его, кажется, Костерников), было решено попытаться устроить и демонстративное выступление рабочих.

Этот же Костерников заявил, что москвичи могут вполне рассчитывать на богородцев, за выступление которых он ручается.

Затем кем-то из присутствующих было указано на желательность выпуска к этому дню и соответствующей листовки, на что указанный выше торгово-служащий заявил, что это пожелание будет им сообщено местной с.-д. организации.

На этом собрание и закончилось, решив в воскресенье, т.-е. 16/VIII, отправиться на экскурсию в «Измайловский зверинец», на которой и оповестить других рабочих о вынесенном постановлении,—об'явить 20 числа забастовку.

Однако, собраться в «Измайловском зверинце» не пришлось, так как там был усиленный наряд полиции, не допустивший никакого собрания.

Волей-неволей, пришлось подчиниться, и рабочие, разбившись на группы, разошлись по чайным, где и оповещались не бывшие вчера в Бескудникове о принятом там решении об'явить однодневную забастовку.

«Следует отметить,—писал по этому поводу охранник [1]), что Иваново-Вознесенские события произвели на рабочих крайне тягостное впечатление, и сейчас у огромного большинства приподнятое настроение, почти с уверенностью можно сказать, что агитация за устройство в знак протеста однодневной забастовки и даже демонстративного выступления будет иметь успех».

Агентура этого времени отмечает целый ряд новых лиц, вошедших в с.-д. группы и ведущих довольно активную работу.

Так «Кондуктор» в своей записке от 15/VIII за № 128, сообщает:

«Из числа лиц, входящих в с.-д. группы Симоновского района, следует отметить: в первую—крестьянина Тульской

---

1) „Агентурн. Зап.“—„Рязанский“, № 119, 18/VIII 1915 г.

губернии, Ефремовского уезда, Николо-Птанской волости, деревни Моховых выселок, Николая Демьянова Макарова и во-вторую—крестьянку Лифляндской губ., Рижского уезда, Алажской волости, дер. Озоль, Эмилию Кальнинг [1]), крестьянина Витебской губернии, Владимира Петрова Стернина [2]) и некоего Александра Яковлева. Первые двое состоят членами правления профессионального общества металлистов «Единение», а вторые—членами ревизионной комиссии того же общества».

Под первой группой разумеется группа, разгромленная в июне месяце арестом наиболее видных ее членов (Милютин, Аборин и др.), а под второй—вновь сорганизовавшаяся другая группа с.-д., в которую в большинстве вошли приехавшие в Москву рабочие, получившая название Питерской.

Наиболее деятельными членами профессионального общества металлистов «Единение» кроме указанных выше членов с.-д. групп Симоновского района являлись: Василий Игнатьев Захаров [3]), Александр Николаев Смирнов [4]) (видный меньшевик) и Эдуард Карлов Берзин [5]) (большевик).

Последний состоял членом с.-д. «Тверской группы» и был близок к подпольной типографии этой группы.

По профессии он слесарь и работал у Герасимова на углу Ново-Слободской и Лесной улиц.

В августе месяце сорганизовался с.-д. коллектив печатников. По данным провокатора Николаева [6]), входившего в этот коллектив, организатором его был член Петроградской с.-д. организации меньшевик Агеев, партийная кличка «Волжанин» (по профессии наборщик).

Завязав через наборщика типографии Рябушинского—Васильева связи с местными типографскими рабочими, ему удалось создать с.-д. коллектив печатников и связать последний с «Тверской группой» через члена таковой, латыша «Павла».

«В состав с.-д. коллектива печатников входили: наборщик типографии Сомовой Морозов, наборщик типографии Поманского и Запольского—Ушатский [7]), наборщик типографии Рябушинского—Николай Николаев [8]) (проживает на ст. Фили), наборщик той же типографии—Васильев, наборщик типографии Кушнерева Бухаров, наборщик типографии Чернышева и Кобелькова—

---

[1]) Кальнинг, Эмилия—Екатерина Эдуардовна, кр. Лифляндской губернии, Рижского уезда, Алажской волости, деревни Озоль.

[2]) Стернин, Владимир Петров, мещ. гор. Витебска.

[3]) Захаров, Василий Игнатьев, кр. Московск. губ., Рузск. у., Моревск. в., дер. Петрово.

[4]) Смирнов, Александр Николаев, Новгородск. мещанин.

[5]) Берзин, Эдуард Карлов, крестьянин Курляндской губернии.

[6]) См. „Агентурн Зап.“ № 132, 19 VIII 1915 года.

[7]) Ушатский, Владислав Владиславов, кр. Витебской губернии, Режицкого уезда, с. Рытель.

[8]) Наборщик типографии Рябушинского—Николаев, Николай Николаев, мещанин города Серпухова.

Старченков [1]), безработный наборщик Сазонов, литограф типографии «Печатник» - Макеев, машинист типографии «Копейка» — Христюк [2]) и наборщик типографии Сытина—Николаев [3]).

Кроме этих лиц в состав коллектива от «Тверской группы» вошел «Павел», в «Тверскую же группу» от коллектива был избран наборщик типографии Сытина—Николаев».

По данным осведомителя «Радищева» [4]) к выпускам соц.-дем. прокламаций в Москве из лиц учащихся и служащих в Московском сельско-хозяйственном институте имели отношение:

«1) Студент Института Вольский, происхождения с юга России, возможно из г. Харькова. Вольский распространял среди студентов института печатные соц.-дем. прокламации, выпущенные по случаю погрома и гектографированные под заглавием «Отечество в опасности», про последнюю Вольский говорил, что она отгектографирована в помещении столовой или правления общества взаимопомощи слушателей университета Шанявского. Тогда же Вольский говорил, что предполагаются новые выпуски прокламаций, которые предполагаются распространять, вкладывая в конверты с адресом известных ему студентов и эти конверты класть в институтский почтовый ящик. Кроме того Вольский рекомендовал за прокламациями обращаться к грузину, служащему в потребительской лавочке института, спрашивая у него, нет ли конверта от Вольского. Вольский знаком с слушателем университета Шанявского соц.-дем.—Варьяном, бывшим футуристом, и с лицами, служащими в лавочке с.-х. института, которых студенты института считают соц.-дем.—и отзываются о них, что они соц.-дем., чистые, как слезы. В столовой института Вольский ранее бывал в обществе студентов института, видимо, соц.-дем., так как среди них велись разговоры на соц.-дем. темы и держались они от других студентов обособленно. Приметы Вольского: 21—22 года, среднего роста, среднего телосложения, шатен, волосы на голове стрижет коротко и прически не носит, бороды и усов нет, лицо смуглое и загорелое; одевается в статское платье, серо-зеленоватую куртку с поясом той же материи, куртка охотничьего покроя, черные брюки и форменную студенческую фуражку.

«2) Неизвестный грузин, служащий в лавочке института, в июне м-це с/г. передавал Вольскому погромные прокламации, разложенные экземпляров по пяти в почтовые, белого цвета конверты. Приметы грузина: он, видимо, студент института лет

---

[1]) Старченков, Константин Афанасьев, мещанин города Калуги.

[2]) Христюк, Петр Яковлев, кр. Киевской губ., Тыращенского уезда, Кривецкой волости.

[3]) Наборщик типографии Сытина Николаев, Адриан Николаев, мещанин города Тарусы—провокатор—кл. „Андреев“.

[4]) См. „Агентурн. Зап.“—„Радищев“ № 130,—18/VIII 1915 года.

25—26, высокого роста, среднего телосложения, темный шатен, длинные волосы на голове, зачесанные назад, большие черные усы и борода клинообразной формы (усы и бороду периодически бреет), цвет лица смуглый, большие сросшиеся брови, тип лица русско-южный, не имеющий характерных черт грузина; одевается в рубашки косоворотки темно-зеленого и белого цвета, черные длинные брюки.

«3) Неизвестный, торгующий в лавочке института, слушатель университета Шанявского, близкий друг вышеописанного грузина; его приметы: лет 30—35, среднего роста и телосложения, пожалуй несколько худощавый брюнет, носит длинные лохматые черные волосы, большую черную окладистую бороду и большие усы; в начале июля он был в отпуску и вернулся, обрив усы и бороду и коротко обстриг волосы на голове; цвет лица бледный, носит часто, возможно постоянно, в черной и светло-металлической оправе пенснэ, тип лица и акцент инородческий, одевается в разные русские рубашки, черный пиджак, брюки и форменную фуражку университета.

«4) Жена неизвестного торговца, также торгует в лавочке института и бывает чаще всего там; ее приметы: лет 25, среднего роста, полного телосложения, светло-рыжие волосы, веснущастое лицо, часто носит капоты, в начале июня была беременна. С перечисленными лицами знаком неизвестный соц.-дем., служащий в союзе потребительского общества, и часто бывает у них по праздникам в столовой института; он также знаком с с.-р. Калининским, который его рекомендует как соц.-дем.

«В столовой института бывает много постороннего народа от $12^1/_2$ до $1^1/_2$ дня, а особенно по праздникам, в это время посторонние лица могут закусывать или пить чай в столовой и делать покупки в потребительской лавочке, которая находится при входе в столовую.

«С.-р. Калининский имеет связи в соц.-дем.—служащими в союзе потребителей обществ, недавно собирал в союзе по подписанному листу деньги на издательство легальной большевистской соц.-дем. газеты, проектируемой к издательству в скором времени в Москве, и собрал 32 рубля.

«Калининский от отдела союза потребительских обществ, где он служит, уполномочен войти в состав издательской группы и по настоянию с.-р. Ник. Ник. Соколова решил принять участие в издательской группе, так как ему обещали учредители издательства, что они будут давать место в газете для левонароднических статей, если эти статьи не будут расходиться со взглядами большевиков соц.-дем.—на текущий момент».

Относительно предполагавшегося издания в Москве большевистской легальной газеты дает довольно подробные сведения провокатор Поскребухин («Евгений»). По этому поводу он в своей записке от 24/VIII за № 135 сообщал:

«В субботу 22 сего августа в квартире портного Корпункова состоялось созванное Кизельштейном собрание представителей профессиональных обществ, больничных касс и «Тверской группы РС-ДРП» для обсуждения вопросов об издании в Москве легальной рабочей, социал-демократической—«большевистского» направления, газеты присутствовали:

1) от редакционной коллегии по изданию газеты—Кизельштейн,

2) от торговых служащих—Гончаров и один неизвестный,

3) от портных—Прокофьев, Сахаров и Корпунков,

4) от кондитеров—Абинтум и председатель правления,

5) от металлистов—член правления Захаров,

6) от архитектурно-строительных рабочих—председатель правления,

7) от текстильщиков—председатель правления Комаров и бывший казначей общества Купавых,

8) от кошелечников—неизвестный член правления,

9) от 5 центральной больничной кассы—Карасев,

10) от центральной кассы типо-литографов — секретарь Павлуновский и товарищ председателя больничной кассы Николаев и

11) от «Тверской группы» латыш «Мартын Васильевич».

«От имени редакционной коллегии (в состав коллегии входят: Яхонтов, Скворцов, Смидович, Милютин, Авраамов, Кизельштейн и трое неизвестных). Выступил Кизельштейн, указавший, что отсутствие в таком крупном промышленном центре, как Москва, рабочей газеты, крайне вредно отражается на рабочем движении, что хорошо всегда сознавалось как руководителями рабочего движения, так и самими рабочими, однако, до последнего времени издание такой газеты в Москве не представлялось по полицейским условиям возможным, и только теперь поднят вопрос об издании, для чего, однако, необходимы не только люди, но и средства, которые «редакционная коллегия», взявши на себя труд по изданию и фактическому редактированию газеты, рассчитывает получить от самих же рабочих. После Кизельштейна выступил «Мартын Васильевич», стремившийся доказать, что легальная газета не может в достаточной степени удовлетворить сознательный пролетариат, и что необходимо издавать не легальную, а нелегальную социал-демократическую газету, которая только и может вполне определенно осветить создавшееся в связи с войной положение и указать рабочим путь к достижению гражданских свобод. Говорил «Мартын Васильевич» с большим под'емом, но доводы его оказались мало убедительными, и единогласно, против его одного, было решено издавать легальную газету, каковая никаким образом не может служить помехой к выпуску в нужных случаях соответствующих листовок нелегальным способом.

«Затем Кизельштейном от имени редакционной коллегии было предложено принять резолюцию, которая должна лечь в основу при редактировании газеты.

«К этой резолюции «Мартын Васильевич» предложил добавить еще один пункт, трактующий о том, что пролетариату совершенно безразлично—победит ли Россия или Германия. Предложение это было отвергнуто.

«Также отвергнуто предложение и Гончарова о внесении пункта о том, что наименьшим злом является поражение России.

«Резолюция была принята без всяких изменений. После принятия резолюции было доложено, что некоторыми профессиональными обществами уже приступлено к сбору денег на газету и пока собрано: в союзе потребительских обществ—142 рубля; в обществе взаимопощи торговых служащих—50 рублей; в обществе портных—50 рублей, в обществе архитектурно-строительных рабочих—25 рублей; в обществе кондитеров—15 рублей и кроме того имеются сведения, что производится денежный сбор на московскую газету и в городе Богородске, где уже собрано 12 рублей».

Потребность более широкой постановки партийной работы настоятельно требовала об'единения разобщенных отдельных групп. Сколь неудачны ни были все прежние об'единительные попытки, мысль о создании Московского комитета снова была поставлена в очередь дня. С этой целью по донесениям «Кондуктора» [1]) в пятницу 21 сего августа состоялось собрание организационной комиссии по созыву в Москве общегородской конференции Р.С.-Д.Р.П. для выработки платформы по об'единению всех московских с.-д. групп, избрания «московского комитета» и обсуждения вопросов: а) об отношении к военно-промышленным комитетам, б) к буржуазным партиям и в) к с.-д. фракции Государственной Думы.

На собрании присутствовали: Милютин, Кассиор, Кизельштейн, Егоров („Прокоп“) и Соколов.

Из сделанных докладов выяснилось, что в настоящее время в Москве существуют следующие с.-д. группы: 1) Тверская, насчитывающая до 70 членов, 2) Симоновского района, образовавшаяся из двух групп и насчитывающая до 25 членов, 3) Замоскворецкого—25 членов, 4) при профессиональном обществе торгово-служащих—20 членов и 5) при союзе потребительских обществ—20 членов. Решено в ближайшее же время от указанных групп произвести выборы делегатов на конференцию по расчету—один представитель от каждых 15 членов. В конференции кроме избранных делегатов от групп, примут участие члены организационной комиссии.

Созыв конференции предполагался на 6—8 сентября.

---

[1]) „Агентурн. Зап.“—„Кондуктора“. № 136, 25/VIII 1915 года.

По сообщениям другого провокатора Поскребухина («Евгений») [1]) этим же вопросом занялась и «Тверская группа», которая, оставаясь недовольной работой первой комиссии с участием Кизельштейна, желает ее опередить и также созывает общегрупповое совещание. По данным того же Поскребухина созываемая организационной комиссией общегородская конференция должна была состояться 12 сентября. Назначенная на этот день конференция, видно, не состоялась, так как 12/IX осведомитель «Кондуктор» сообщал:

«Сегодня вечером должна была собраться общегородская конференция московских с.-д. групп для обсуждения текущего момента и избрания «московского комитета», однако в виду того, что главному инициатору этой конференции Кизельштейну [2]) не удалось найти подходящее помещение, конференция отложена до понедельника». Из числа участников предстоящей конференции кроме лиц, входящих в состав «организационной комиссии по созыву конференции»—Милютин [3]), Кассиор, Кизельштейн, Егоров [4]) и Соколов [5]), известны: от Симоновской с.-д. группы слесарь завода «Динамо» Михаил Белкин [6]) и от с.-д. группы при профессиональном обществе «Единение» электромонтер Иван Михайлов Голубев [7]).

Всего на конференцию ожидалось до 30 представителей, считая в этом числе и «пятерку» [8]).

Конференция эта по данным другого осведомителя должна была состояться в селе Владыкино на даче Капраловой, проживающей в Москве по Мал. Бронной улице в доме № 12, кв. 35. Предоставляя помещение, Капралова была совершенно не осведомлена, для какой именно цели у нее просил Кизельштейн дачу, но так как помещение для намеченной цели оказалось не подходящим, а найти другое не удалось, конференция и была отложена [9]). И только 22 сентября конференция собралась, хотя и в недостаточном кворуме, но опять же ничего не успела сделать, так как была накрыта нарядом полиции. Об этом случае дает сведения «Кондуктор» в своей записке за № 187 от 24/IX. В этой записке он писал:

«Во вторник 22 сентября в помещении правления Общества «Солидарность» должна была состояться общегородская

---

1) „Агент. Зап.“, № 144 от 31/VIII 1915 года.

2) Кизельштейн Исаак Самуилов, бывший студент Московского университета, сын врача.

3) Милютин Владимир Павлов, мещанин города Суиджи.

4) Егоров Иван Иванов, Зубцовского уезда, Игнатьевской волости, деревни Благуши.

5) Соколов Сергей Иванов, крестьянин Московской губернии, Бронницкого уезда, деревни Рогачевой.

6) Белкин, Михаил Николаев, мещанин Уфимский.

7) Голубев Иван Михайлов, крестьянин Тверской губернии, Новоторусского уезда, Никольской волости, деревни Новинов.

8) „Агент. Зап.“ „Кондуктор“ № 165, 12/IX 1915 года.

9) „ „ „Петроградский“ № 167, 12/IX 1915 года.

конференция московских с.-д. большевистских групп. На эту конференцию явились: три члена «организационной комиссии»— Милютин, Соколов, Егоров, представители 4 групп и один с правом решающего голоса—Шишкин. Всего таким образом собралось 8 человек. Председателем был избран Егоров.

«Милютин сделал доклад о работах организационной комиссии по созыву конференции, в котором указал, что «организационная комиссия», в состав которой первоначально вошло пять человек, прежде всего стала разыскивать и заводить связи с существующими в Москве с.-д. «большевистскими» группами, что ей в конце концов удалось сделать, затем им было предложено обсудить вопрос о желательности в целях об'единения созыва общегородской конференции для выработки общей платформы «московского комитета». К этому предложению все группы отнеслись очень сочувственно, и были произведены выборы по расчету 1 представитель от каждых 20 членов организаций. Так как всех членов с.-д. групп по приблизительному подсчету оказалось около 300 человек, то участие в конференции должны были принять 15 представителей групп и 5 членов «организационной комиссии». Казалось все уже было сделано, но по различным причинам собраться не удалось и вот только теперь нашлось подходящее помещение, и созвано собрание, на которое, к сожалению, вместо 20 человек, явилось только 8, что, однако, в виду важности настоящего момента, не должно служить препятствием к признанию этого собрания общегородской конференцией и предлагал, об'явив конференцию открытой, приступить к обсуждению неотложных вопросов и избранию хотя временного «московского комитета».

«После Милютина выступил представитель с.-д. группы Лефортовского района, заявивший, что не считает возможным признать настоящее собрание конференцией, так как ему и группе, его делегировавшей, совершенно неизвестны лица, взявшие на себя почин созыва конференции, и он даже не знает, присутствуют ли здесь представители настоящих партийных групп, или просто представители легальных рабочих организаций, участие которых в конференции он и его группа считает совершенно недопустимым.

«На это Милютин и Егоров ему указали, что здесь присутствуют исключительно представители оформленных с.-д. партийных групп, и что столь недоверчивое его отношение к настоящему собранию более чем непонятно.

«Тогда «лефортовец» заявил, что он говорил не от своего имени, а от имени группы, и что он лично не уполномочен группой принять сегодня участие в конференции, постановления которой, если она все-таки состоится, его группа будет считать для себя необязательными. Не успел «лефортовец» договорить, как патрульный дал знать о приходе наряда полиции, почему дальнейшие прения были тотчас прекращены, а имевшийся ма-

териал (заготовленные резолюции) был тотчас же взят Егоровым и спрятан где-то на кухне. Полиция всех переписала, включив в список «патрульного» и Уткина, пришедшего в о-во в то время, когда там уже находился наряд полиции. После этого все разошлись, и конференция таким образом опять не состоялась».

Попытки создания «московского комитета» оказались неудачными. Хорошо информированное через своих осведомителей охранное отделение каждую из этих попыток быстро ликвидировало. Несмотря на все это, в августе и в сентябре в Москве было заметное оживление партийной работы. Кроме того в эти месяцы приезжали в Москву ряд новых товарищей, и завязывались новые связи с провинцией, и устанавливалась взаимная информация. Так, в двадцатых числах августа месяца приезжал из Богородска Зеленский, по словам которого, как сообщал Поскребухин [1]), настроение тамошних рабочих очень приподнятое, и ими устраиваются массовики иногда в 3—4 тысячи человек. Партийная работа там тоже налажена. Руководителями являются он—Зеленский, некий Булин и «Фома» Смирнов, ныне призванный на военную службу, но об освобождении которого усиленно хлопочет заведывающий Богородской электрической станцией.

«В Москве Зеленский побывал у некоторых партийных деятелей и, между прочим, у Марии Ильиничны Ульяновой и областника «Георгия» [2]), которым остался очень недоволен, так как он ничего не делает и, видимо, не хочет делать, а также и не интересуется рабочим движением, доказательством чего может служить то, что он даже не знал о выходе в Петрограде рабочей газеты «Утро», уже закрытой. Недовольна, по его словам «Георгием» и «Мария Ильинична», которая говорит, что необходимо подыскать ему заместителя.

«25 августа Зеленсий уехал в Сормово на должность секретаря больничной кассы. 30 августа в Москву приезжал с «болота» (видимо Богородска) Булин, по словам которого заводские, с.-д. комитеты Шибаевской и Глуховской мануфактур об'единились и будут работать сообща.

«Там на-днях ожидается большой митинг, на который приедет «Станислав Вольский» для прочтения доклада о текущем моменте.

По сообщению Романова («Пелагея») [3]).

«Фома» Смирнов, принятый на военную службу, отправлен в Смоленск, но его предполагают устроить на военный завод в Петрограде, заведующим технической частью которого состоит прапорщик Мохов,—племянник Николая Николаевича

---

[1]) См. „Агентурн. Зап.“ № 135, 24/VIII 1925 года.
[2]) „Георгий“—Богданенко, Георгий Павлович (харьковец).
[3]) „Агентурн. Зап.“ № 145, 31/VIII 1915 г.

Яковлева (старшего). Отец этого Мохова—Василий Иванович Мохов имеет собственный рессорный завод в Петрограде на Лиговке».

По данным охранного отделения Смирнов, А. П., является кр. Тверской губ. и уезда, Васильевской волости, дер. Николы. В 1899 г. привлекался к дознанию при Петерб. губ. жанд. упр. и состоял в течение года под гласным надзором полиции в Н. Новгороде. 8 октября 1901 г. был подвергнут обыску и содержался под стражей с 8 октября по 14 декабря 1901 г. В 1901 г. воспрещено жительство в столицах впредь до особого распоряжения. 13 августа 1903 г. был вновь обыскан, арестован и привлечен к дознанию по делу тверского комитета Р. С.-Д. Р. П., каковым дознанием было установлено, что он руководил несколькими кружками, где вел пропаганду. Дознание это было прекращено. 13 декабря 1905 г. при ликвидации в Твери групп с.-д. и с.-р. С. подлежал аресту, но скрылся 20 дек. 1910 г., при ликвидации московской организации Р. С.-Д. Р. П. арестован в Москве на собрании руководящего коллектива. Поводом к аресту послужили данные, по которым он принадлежал к Замоскворецкому району Моск. городск. организации Р. С.-Д. Р. П. и входил в состав руководящего коллектива; находился в непосредственных сношениях с заграничным бюро ЦК, пользовался исключительным влиянием и авторитетом в партийной среде, считался одним из наиболее опытных пропагандистов и агитаторов и принимал личное участие в работе по восстановлению дезорганизованных партийных учреждений в Москве. По постановлению М-ва В. Д. был выслан в Нарымский край сроком на 3 года. В 1914 г. поступил на Богородскую станцию о-ва элект. осв. 1886 г., отмечается агентурой, как ведущий активную работу среди рабочих Богородского района. Был избран членом с'ездовой комиссии по организации Лениным партийного с'езда, под легальным прикрытием международного социалистического конгресса в августе 1914 года. В августе 1915 г. был призван на военную службу и отправлен в Смоленск; в сентябре был переведен в Москву, где продолжал иметь сношения с местными и заграничными с.-д-ми.

Во время приезда Зеленского в Москву прибыли два «впередовца»—«Глеб» и «Валериан». О приезде первого сообщил Романов. Он писал: [3]).

«В субботу в Москву приехал бежавший из Нарыма ученик «впередовской» партийной школы в Болонье «Глеб» [4]), «Глеб» пробыл в Нарыме всего 5 месяцев, куда был выслан из

---

[3]) „Агентурн. Зап." № 145, 31/VIII 1915 года.

[4]) Приметы „Глеба": 25—27 лет, выше среднего роста, худощавый, костистый, круглое лицо, блондин, небольшие усики; бороду бреет, очки в белой металлической оправе; одет: рыжеватый пиджачный костюм, черная круглая мягкая шляпа с полями.

Екатеринослава. Здесь он предполагает устроиться в союзе потребительных обществ через конторщика Голято. У него имеется подложный паспорт на имя дворянина Московской губернии Николая Александровича—Федора Иванова—Федорова Неслер., 1 ноября 1881 года и выданный в 1904 году и до сих пор непрописанный. «Глеб» по этому паспорту прописаться в Москве опасается и хочет найти другой, в крайнем же случае прописаться в Лосиноостровской, где и будет жить. В Москве «Глеб» был у Яхонтова, к которому ему была явка из Нарыма. По словам «Глеба» скоро в Москву должен приехать еще один «нарымец», бежавший несколько раньше его, но временно остановившийся в Уфе. Этот нарымец также имеет явку на Яхонтова».

О «Валериане»—Поскребухин писал [1]):

«На днях из-за границы в Москву приехал «впередовец» [2]), лет пять тому назад работавший в Москве в Лефортовском районе в составе Московского Комитета. До Москвы он побывал в Ленинграде, где, по его словам, происходит полный развал, благодаря «ленивцев» и «организационного комитета».

«Впередовец» предполагает обосноваться в Москве и принять живейшее участие в партийной работе. По его словам, Россия, как и другие государства Европы, стоят на пороге социальной революции, а потому необходимо использовать создавшееся положение. Лозунг, который по его мнению, необходимо сейчас бросить в массу и который несомненно ее об'единить, это созыв совета рабочих депутатов. Он говорил, что в недалеком будущем за границей должен состояться международный социалистический конгресс, перед которым произойдет совещание. О созыве общерусской с.-д. конференции он ничего не знает, о ней в Петрограде не слышал и узнал об этом только в Москве. Между прочим он передавал, что Ленин в настоящее время отрекся от брошенного им лозунга «Война войне» и о необходимости стремиться к поражению России на войне.

«По его словам «Ленин» об'ясняет свое отречение от этого лозунга тем, что его будто-бы просто не поняли; о поражении России он говорил не как о цели, к которой нужно стремиться, а как о могущем произойти последствии из-за начала революции, являющейся целью социал-демократии.

---

[1]) „Агентурн. Зап.“ № 140, 2/VIII 1915 г.

[2]) Приметы „передовца“: 28—30 лет, высокого роста, среднего телосложения, чуть сутуловатый, шатен, маленькие подстриженные по моде усики, бороду бреет, продолговатое лицо; одет: темно-синий пиджачный костюм и мягкая сорочка. Он бывает: 1) На Зубовском бульваре, д. Гиппиус, кв. 48 у „Зинаиды Николаевны“, на дверях квартиры имеется карточка Тарсановой и 2) М. Афанасьевском переулке, д. № 6, кв. 2 у Орловых, нужно спросить „Марию Николаевну“, которую просить позвать „Валериана“ (это его кличка).

«Впередовец» был у какой-то «Ольги»[1]), через которую связался с находившимся в Москве Зеленским, который, в свою очередь, связал его еще с другими партийными деятелями».

Кроме того в первых числах августа месяца из Одессы в Москву прибыл Михаил Андреевич Иванов[2]): лет пять тому назад высланный из Москвы за принадлежность к местной организации Р. С.-Д. Р. П. «Иванов» по убеждениям меньшевик, но по вопросам, относящимся к настоящей войне, солидарен с большевиками, сообщал осведомитель «Монтер»[3]):

«По приезде в Москву Иванов поступил конторщиком в редакцию журнала «Природа» и вступил в члены общества торговых служащих и общества коммерческих служащих и пытался сорганизовать социал-демократические ячейки при о-ве коммерческих служащих. Иванов завел сношение и с Кизельштейном.»

Так оживленно шло собирание и организация большевистских сил, начавших все шире разворачивать свою работу в массах.

Общество по устройству народных развлечений попрежнему устраивало загородные экскурсии, на которых довольно энергично велась большевистская агитационная работа. Так 6 сентября состоялась экскурсия в лес близь ст. Перловка, где обсуждались вопросы о призыве ратников 2 разряда и о роспуске Государственной Думы.

В это же время начал функционировать клуб «Разумный отдых», в котором видную роль играла Анна Андреева Додонова[4]) и принимала участие ее сестра Мария[5]).

Этот клуб, как и клуб «Просвещения» в деле организации и агитации среди масс сыграли значительную роль. По донесениям осведомителей, здесь среди сознательных рабочих велись разговоры о необходимости слияния разрозненных масс и помимо использования легальных возможностей работать в подпольи[6]). Подобная же работа велась и в профессиональных обще-

---

[1]) „Ольга" ее имя и отчество „Ольга Владимировна". Муж „Ольги" в 1906 году состоял членом московского комитета и известен был под кличкой „Денис". „Ольга" долгое время жила за границей—главным образом в Лейпциге и является очень видной партийной работницей. Приметы ее: 30—35 лет, высокого роста, блондинка, худощавое овальное лицо, с горбинкой нос, одета: черное модное пальто, черная шляпа с эспри или белая соломенная шляпа с розовым цветом, черный зонтик. Тип еврейский.

[2]) Иванов, Михаил Андреев, сын Ростовского, Ярославской губернии, купца. Приметы Иванова: лет 28—30, выше среднего роста, худощавый брюнет, лицо продолговатое, черные подстриженные усы, бороду бреет; одет: коричневую рубцами бархатную куртку с поясом, шляпа-панама.

[3]) „Агентурн. Зап." № 149, 2/IX 1915 года.

[4]) Додонова, Анна Андреева, кр. Рязанской губ., Спасского уезда, Лукомской волости и села.

[5]) Додонова, Мария Андреевна, кр. Рязанской губ., Спасского уезда, Лукомской волости и села.

[6]) „Агентурн. Зап."—„Валентин" № 151а, 3/XI 1915 года.

ствах. Для примера можно указать хотя бы на профессиональное общество металлистов «Единение», где 6 сентября собранием была принята резолюция за полную политическую амнистию и учредительное собрание. Сообщая об этом собрании, осведомитель «Воскресенский» между прочим писал[1]):

«Присутствующая на собрании Таисия Словачевская неоднократно предлагала на голосование резолюцию с протестом против призыва ратников 2-го разряда, с указанием, что сначала надо взять полицию, на что последовало со стороны присутствующих возражение, что с.-д. большевики вообще против войны, и поэтому каких-либо резолюций, касающихся поддержки войны, быть не может. Председательствовал на этом собрании неизвестный по фамилии металлист от «Густав Листа». Приметы его—выше среднего роста, брюнет, лицо круглое небольшое, нос ровный, средний величины; одет: черный костюм, черная рубашка, черное пальто, автомобильная кепи с черным ремешком и черным лакированным козырьком. Из числа присутствующих известны: Студенов—конторщик Ник. ж. д., Гутаренко—переплетчик типографии Кушнарева; Соколов—металлист; Волков—бывший член комитета общества народных развлечений; Шамарин, Миронов—наборщики; Келлер и Комаров—деревообделочники».

Эта же Словачевская распространяла следующую листовку:

«Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

«Пролетарии всех стран, об'единяйтесь!

«Товарищи!

«В огне мирового пожара, захватившего и нашу страну, обнажились все отвратительные язвы нашего азиатского режима. То, что сознавал и о чем говорил сознательный пролетариат, теперь становится очевидным для всего народа: правительство губит страну.

«Старый режим, заражавший своим гниением всю Россию, несет за собой разложение и смерть. Правительство оказалось неспособным не только помешать военному разгрому страны, но оно делало все, чтобы облегчить и ускорить этот разгром. Оно систематически продавало и предавало страну. Предавали не одни Мясоедовы при поддержке более высоких покровителей,—предавало все правительство всей своей политикой.

«Разве это не предательский удар в спину, когда в момент опасности правительство направляет армию и темные массы на целые народности и одну часть армии против другой. Как иначе назвать это, если в момент, когда решаются судьбы страны, когда требуется напряжение всей ее энергии, правительство сковывает ее по рукам и ногам. Худший враг России не придумал бы ничего более гибельного для страны, чем Горемыкинское правительство.

---

[1]) См. „Агентурн. Зап.“—„Воскресенский“ № 158, 3/IX 1915 года.

«Предательство и провокация.

«Предавая страну, правительство хватается за провокации, чтобы свалить с себя ответственность за повисшую над страной беду, чтобы скрыть свое предательство от народных масс.

«Предавая страну, оно сеет легенду об измене евреев, оно организует московский погром, оно, к рукам которого прилипло немецкое золото, возводит гнусную клевету на рабочий класс, организует Шемякин суд над рабочими депутатами, расстреливает рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске, разгоняет Государственную Думу, производит массовые аресты и угрожает пролетариату каторгой и военно-полевыми судами.

«Своей политикой правительство оттолкнуло от себя даже своих вчерашних союзников и друзей и восстановило против себя всю страну. Теряя под собой почву, цепко хватаясь за ускользающую власть, оно готово на всякую авантюру, оно готово сдавить страну тисками военной диктатуры, заключить позорный мир с германской реакцией и ценою кровавых интересов народов царско-распутинским правительством и правительством Вильгельма мир будет направлен против подымающей голову русской революции и грозит усилением международной реакции и новыми военными потрясениями.

Страна на краю гибели. Пролетариат не может относиться безразлично к надвигающемуся разгрому и к замыслам царского правительства. Пролетариат кровно, более чем имущие классы, заинтересован в самоохранении страны, в предотвращении надвигающейся опасности, грозящей всему ее будущему. С этим будущим связано его развитие, его борьба, его социально-революционные идеалы. Пролетариат заинтересован в ликвидации мировой войны на условиях, обеспечивающих интересы народа. И именно потому он с самого начала войны, протестуя против бойни, затеянной безответственными правительствами и жадными рыцарями наживы, требовал мира без захватов чужих территорий, без попрания прав чужих народов, мира, заключаемого самими народами, на условиях, обеспечивающих им свободное и независимое развитие.

«Страна на краю гибели. Спасение ее требует прежде всего свержения существующего правительства. В надвигающейся революции пролетариат должен занять место авангарда демократии. Свержение царского правительства, старого врага русского народа, должно совершиться в трудный момент вторжения иноземных войск, когда на полях сражения льется кровь народов и решаются судьбы страны и всей Европы. Это налагает на пролетариат особую ответственность за грядущие события перед всем интернационалом.

«В создавшейся сложной обстановке пролетариат должен внести в борьбу не только революционное чувство, но и ясное революционное сознание. Пролетариат должен расстроить ту коварную игру, которую затевает реакция. Она стремится

использовать позорную трусость и дряблость русского либерализма и завлечь его в свои об'ятья возможностью дикого и стихийного бунта, перед постановкой которого, как показал московский погром, она не останавливается.

«Реакция стремится восстановить против пролетариата армию и народные массы, об'ясняя недостаток снарядов, дезорганизацию и дороговизну жизни забастовками, устроенными на немецкие деньги. Эта преступная игра реакции должна быть расстроена организованными революционными выступлениями пролетариата. Пролетариат должен приложить все усилия к тому, чтобы цели его движения были ясны для армии, чтобы она, являющаяся сейчас крупной революционной силой, была с народом против правительства. Все силы сознательного пролетариата должны быть направлены к тому, чтобы неизбежные при настоящих условиях стихийные вспышки недовольства и возмущения широких масс не распыляли революционного движения.

«Поэтому важнейшей задачей сознательного пролетариата является сейчас возможно более широкая организация рабочих масс, выведение их на широкую арену борьбы как за общие политические требования всего народа, так и за особые классовые требования пролетариата. С этой целью должны быть использованы все средства массовой организации, как-то: выборы в военно-промышленные комитеты, создание рабочих комитетов помощи беженцам, профессиональные союзы, кооперативные советы рабочих депутатов, рабочие с'езды и т. д. В ходе массового революционного строительства пролетариат сможет занять подобающее ему место авангарда всенародной революции, спасающей страну и от гибельного для нее самодержавия и от внешнего разгрома.

«Долой правительство измены!

«Да здравствует революция!

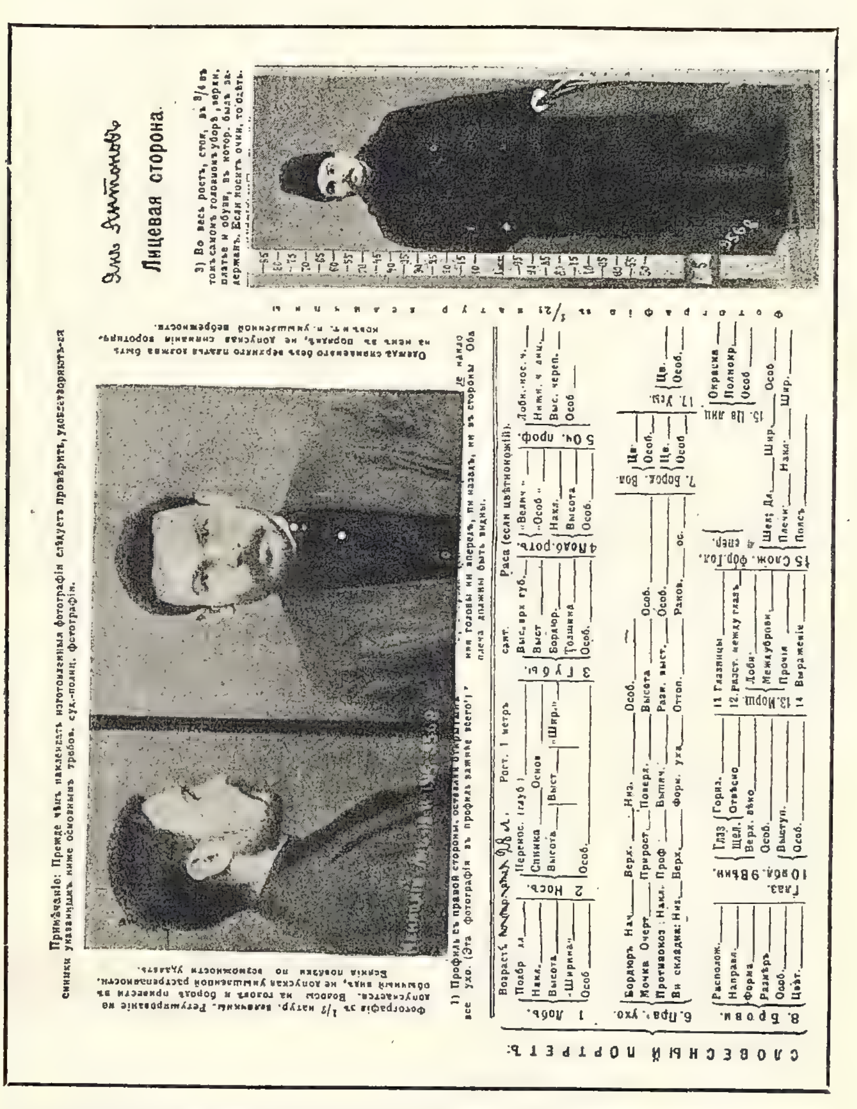
«Да здравствует мир, заключенный народами»!

Организационный комитет Р. С.-Д. Р. П.

С.-Д. группой студентов коммерческого института была выпущена в сентябре гектографированная листовка о войне в текущем моменте, беспощадно разоблачавшая политику нашей либеральной буржуазии. В этой листовке они писали:

«Т о в а р и щ и!

«Европа об'ята пламенем пожара.... Гром пушек, треск ружей, предсмертные крики умирающих, призывные вопли обездоленных, плач осиротевших сливаются в жуткий, ужасный аккорд.... Злой дух, дух смерти и разрушения царит над нами... Чем же вызвана эта страшная мировая бойня? Не поверить ли болтунам и филистерам, которые с пафосом кричат о какой-то

Примѣчаніе: Прежде чѣмъ наклеивать изготовленныя фотографіи слѣдуетъ провѣрить, удовлетворяютъ-ли снимки указаннымъ ниже основнымъ требов. суд.-полиц. фотографіи.

Фотографія въ 1/7 натур. величины. Ретушированіе не допускается. Волосы на головѣ и бородѣ привести въ обычный видъ, не допуская умышленной растрепанности. Всякія повязки по возможности удалять.

1) Профиль съ правой стороны, оставляя открытымъ все ухо. (Эта фотографія въ профиль важнѣе всего!)

...не наклоняя головы ни впередъ, ни назадъ, ни въ стороны. Оба плеча должны быть видны.

Одежда снимаемаго безъ верхняго платья должна быть на немъ въ порядкѣ, не допуская сниманія воротничковъ и т. п. умышленной небрежности.

Янъ Антоновъ

Лицевая сторона.

3) Во весь ростъ, стоя, въ 3/4 въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платье и обуви, въ котор. былъ задержанъ. Если носитъ очки, то одѣть.

Фотографія въ 1/21 натур. величины.

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Возрастъ 28 л. Ростъ 1 метръ ___ сант. Раса (если цвѣтнокожій).

1 Лобъ. Подбр. дуги ___ Накл. ___ Высота ___ Ширина ___ Особ. ___

2 Носъ. Переносье (глуб.) ___ Спинка ___ Основ. ___ Высота ___ Выст. ___ Шир. ___ Особ. ___

3 Губы. Выс. верх. губ. ___ Выст. ___ Бордюр. ___ Толщина ___ Особ. ___

4 Подбородокъ. Величина ___ Особ. ___ Накл. ___ Высота ___ Особ. ___

5 Оч. проф. Лобн.-нос. ч. ___ Нижн. ч. лица ___ Выс. череп. ___ Особ. ___

6. Прав. ухо. Бордюръ Нач. ___ Верх. ___ Низ. ___ Особ. ___ Мочка Очерт. ___ Прирост. ___ Поверх. ___ Высота ___ Особ. ___ Противокоз.: Накл. ___ Проф. ___ Выпукл. ___ Разм. выст. ___ Особ. ___ Ви складка: Низ. ___ Верх. ___ Форм. уха ___ Оттоп. ___ Раков. ___ ос. ___

7. Борода. Вол. Цв. ___ Особ. ___ Цв. ___ Особ. ___

17. Усы. Цв. ___ Особ. ___

8. Брови. Располож. ___ Направл. ___ Форма ___ Размѣръ ___ Особ. ___ Цвѣт. ___

Глаз. 10 Ябл. 9 Вѣки. Глаз. Щел. Гориз. ___ Отвѣсно ___ Верх. вѣко ___ Особ. ___ Выступ. ___ Особ. ___

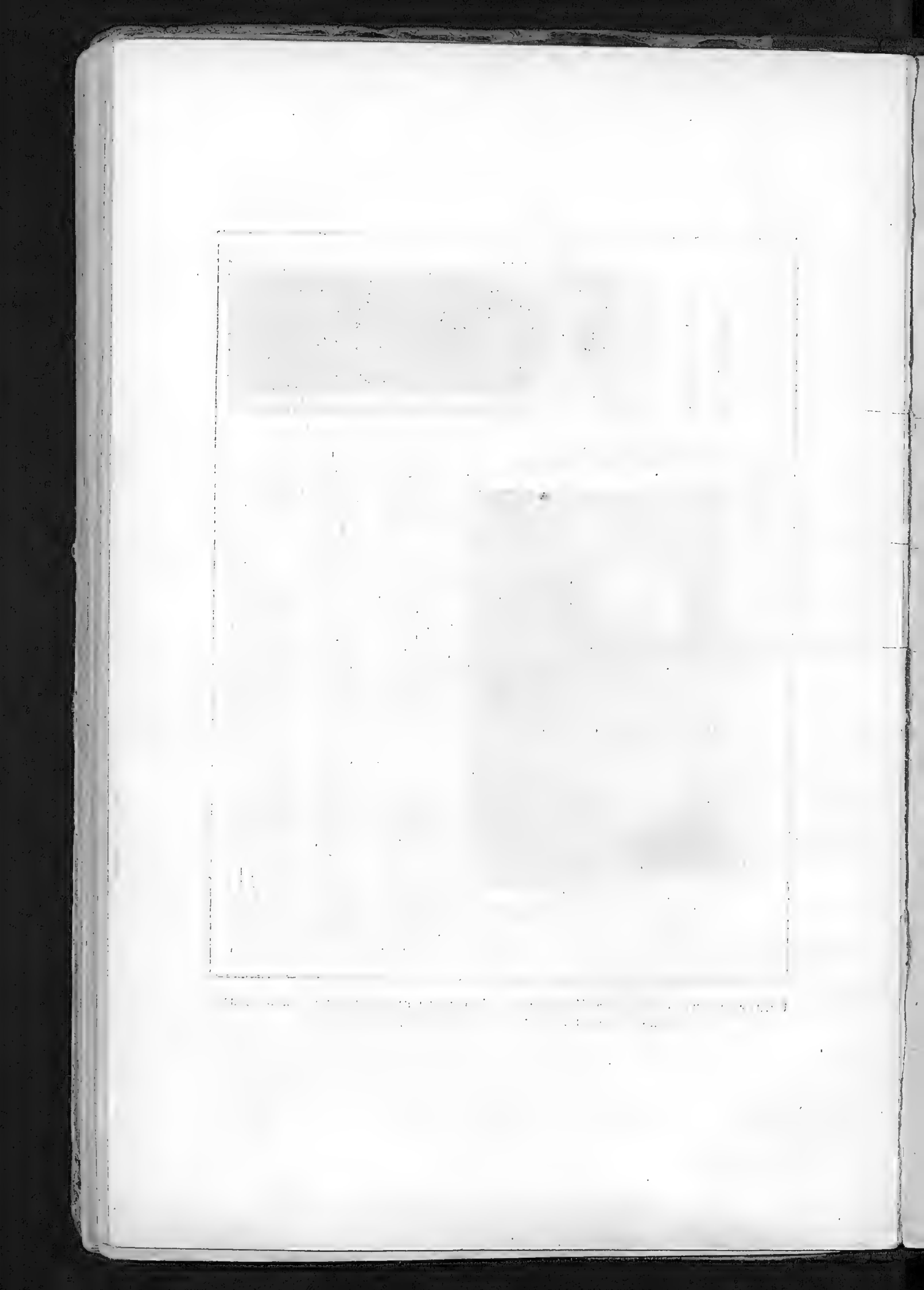
11 Глазницы ___ 12. Разст. между глазъ ___ 13. Морщ. Лобн. ___ Междубров. ___ Прочія ___ 14 Выраженіе ___

15 Слож. фор. гол. 4 спер.

Шея: Дл. ___ Шир. ___ Особ. ___ Плечи: ___ Накл. ___ Шир. ___ Поясъ ___

16. Цв. лиц. Окраска ___ Полнокр. ___ Особ. ___

Регистрационная карточка Московского Охранного отделения на Ивана Антоновича Меницкого (198, 199, 202, 274—304).

освободительной войне. Их крик есть крик буржуазии, обделывающей под прикрытием красивых фраз свои личные делишки.... Современная борьба носит империалистический характер. Капиталисты отдельной страны нуждаются в колониях для сбыта производимых все в возрастающем количестве продуктов. Поделен почти весь мир, и вот посылаются правителями полки за полками, опустошаются цветущие поля с целью оторвать часть территории или поработить страну для экономической эксплоатации. За буржуазию, за большую прибыль ненасытного капитала посылается народ на войну колоть своего брата. Цари и правители в союзе с капиталистами справляют свой кровавый пир.... Зарево пожара пылает и над нашей страной. Уже второй год бурным потоком льется кровь русского народа. В то время, как там, на изрытых снарядами полях, корчится в предсмертных судорогах наш русский солдат, здесь внутри нашими правителями продается родина. На крови наших тружеников, на костях русского народа, они строят свое благополучие. Что им страна.... Что им народ... Деньги и власть для насилия—вот их кумир. Самодержавный строй обнажил свои гнойные язвы. Произвол и насилие над народом приучил правителей делать, что они хотят. И они обманули народ, они продали страну... Угнетатели! Палачи! Предатели! С начала войны наши помещики и капиталисты, забыв свои взаимные ссоры, дружным хором кричали о единении страны с правительством. Они, близорукие, полагали, что правительство защитит их интересы в текущей войне. Оказалось,— извращенная на произволе власть не смогла этого. Немецкая рать приближается к столицам. Как громом пораженные, заметались помещики и капиталисты. Те грандиозные прибыли, которые мерещились им с победой над Германией, рассеялись, как туман. Неблагоприятный торговый договор, который немецкая буржуазия навяжет в случае своей победы, ударял в самое сердце нашей буржуазии. Мечта о завладении Дарданеллами, а, следовательно, о лишних колоссальных барышах, отодвигалась все далее и далее. Персия уползла из-под политического и экономического гнета и т. д. Приходилось думать о спасении своих карманов. *Заговорила земская и городская рабская Русь. «Царь наш, мы верные рабы твои, но раздели с нами немного власти, дай защитить нам самих себя».* Они просили власти для себя, а не для народа. Что им народ. Их кумир—барыш. Даже в такой трудный исторический момент нашей родины они думают лишь о барышах. Когда народ голодает от сильной дороговизны и недостатка продуктов, они нарочно мешают подвозу и скупают и скапливают в своих амбарах, чтобы взвинтить цены. Они боятся народа, боятся его справедливых требований, страшатся, чтобы не поднялся он во весь рост свой. Рабы,—просящие подачки перед царем,—они деспоты к народу. «Дай нам, царь, власти, и мы вместе расправимся с теми, кто будет просить больше»... И вспомните, това-

рищи, лишь только рабочие и крестьяне заявят громко о своих правах, земская и городская рабская Русь обратится к палачам за штыками... «Так было, так будет». От всей деятельности представителей капиталистов и помещиков видна двойная чисто купеческая игра. Они видят, что их губит правительство, которое не сможет победить. Они просят власти. Но просят смирительно, не прогневить бы власти. Не пробудить бы рабочий люд, который может выступить с большими справедливыми требованиями. Кто тогда будет защищать их от народа. Кто поможет сохранить им право эксплоататоров. Образовали кое-как прогрессивный блок с урезанными лозунгами. Стали просить. Их разогнали. Сделались посмирнее. Собрали с'езд, на котором душили живое слово. Теперь пошлют ходоков к царю опять просить. Рабы. Они не могут спасти Россию. Скрываясь за любовью к родине, они цепко держатся за свои туго набитые карманы. Лишь только истинный народ, а не Челноков, Львов и К-°, лишь только рабочие в союзе с трудовым крестьянством выведут страну из тупика, в который завело его царское правительство. Силу и значение студенческое движение получит тогда, когда оно вольется в общее русло пролетарского движения. Там мы должны черпать наши лозунги, ибо в пролетариате спасение России. Лишь он в союзе с трудовым крестьянством сможет обновить гнилое здание нашей государственности. Кто смел душой, товарищи, и не закрывает глаза перед истиной, кто хочет видеть свою многострадальную родину обновленной, кто хочет видеть на ней торжество правды и добра, пусть тот идет в народные массы и организует ее для победы над кучкой предателей и палачей. Организуйтесь, товарищи, чтобы не оставаться позади. Готовьтесь к великому часу, который скоро пробьет над нашей родиной. И, когда, раздастся по обширной Руси из могучей, доселе спертой, груди русского народа крик свободы, когда призывный набат гулом отзовется во все концы земли русской, будьте тогда наготове. Будьте тогда в состоянии дружно крикнуть: «И мы с вами, товарищи рабочие, есть еще порох в пороховницах, не иссякла еще студенческая мощь»!

«Организуйтесь сами, организуйте народ.

«Долой самодержавие!

«Да здравствует всеобщая политическая амнистия.

«Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

«Политическая и гражданская свобода.

«Восьмичасовой рабочий день.

Организованная группа социал-демократов».

Более основной и серьезной критикой политики нашей либеральной буржуазии как во внутренней, так и во внешней политике, была записка товарища Яхонтова—о причинах возни-

кновения Европейской войны и о ближайших задачах пролетариата.

В этой записке, отпечатанной в незначительном числе экземпляров на пишущей машинке, тов. Яхонтов писал:

«В течение почти 10 лет после войны с Японией российский империализм развертывал свою деятельность, не встречая вооруженного отпора. Господствующие классы России, подготовляя и осуществляя подчинение себе северной Манчжурии и Монголии и северной Персии, полюбовно разграничивали сферы своих захватов с господствующими классами Японии и Англии. Так складывалась временная солидарность интересов между этими странами. Она упрочивалась опасениями за прочность захватов, которой угрожал быстрый рост германского империализма. В столкновении с ним из-за Африканской добычи укрепилась связь между господствующими классами Франции, Англии и России,—и выросло ревнивое, подозрительное отношение к Германии.

«Союзы и соглашения с Францией, Англией, Японией, изгладив воспоминание о позоре русско-японской войны, возвратили российскому империализму веру в свои силы. Началась эра активной политики на Ближнем Востоке, который манит самой богатой добычей, превышающей все, что можно получить в Монголии или Персии. По отношению к этой политике, выступающей под флангом защиты славянства и армян от турок, христиан—от мусульманского ига, исчезают все различия между Гучковым, Милюковым и Бобринским. Горно-заводчики и металлургисты хотят получить в монопольное распоряжение постройку железных дорог на Балканском полуострове, московские текстильщики—устранить всех конкурентов, которые могли бы доставлять ситцы в Армению, Сербию и Болгарию, и все они вместе с землевладельческим дворянством мечтают, захватив проливы, не только обеспечить от нарушений российскую торговлю, но и получить возможность диктовать свою волю Балканским странам и северу Малой Азии. Для достижения таких целей все они готовы на всякие жертвы кровью и достоянием народа.

«Направив свое внимание на Ближний Восток, российский империализм всеми средствами старался ослабить своего ближайшего соперника—Австро-Венгрию, с которой уже 40 лет шла борьба из-за подчинения Балканских стран. Всеславянские с’езды, на которых одинаково принимали участие Бобринский и Милюков, устройство тайных организаций в славянских областях Австро-Венгрии, демагогическая деятельность в них русских попов и монахов, широкие обещания, крупные суммы из русской государственной казны, которыми поддерживалась вся темная работа вокруг австро-венгерских славян,—все это показывало, что российский империализм, оттесненный от Дальнего

Востока Японией, подготавливает почву для наступления на Ближний Восток.

«Триполитанская авантюра, для которой единственным неприкрытым оправданием было стремление к захвату последних турецких владений в Африке, ослабила Турцию и скрыла надежды Болгарии, Сербии и Греции на захваты турецких владений в Европе. По инициативе России с этой целью создан был Балканский Союз, который, укрепившись в борьбе с Турцией, должен был направить свой «миллион штыков» против Австро-Венгрии. Балканская война 1922 г. не раз угрожала превратиться в мировую войну. Но так как господствующие классы ни в одной из крупных соперничающих стран не довели до конца свою подготовку к такому столкновению, то они предпочитали охранять свои интересы не силой оружия, а переговорами уступками и компромиссами. Притом Балканский союз не выдержал испытания: захватив у Турции огромную добычу—больше,—чем на это первоначально рассчитывали, балканские страны-союзницы похоронили свой союз в ожесточенной, варварской войне между собой. Опасность с юга, со стороны Балканских государств, была на время уничтожена для Австро-Венгрии. В Болгарии, вынесшей главную тяжесть борьбы с Турцией и лишенной почти всей добычи своими недавними союзниками и Румынией, была упрочена опора против России. Мировая война миновала Европу в 1912 и 1913 году.

«Русский империализм продолжал свою работу и в Армении и на Балканах, и в Галиции: для него осуществление его планов было только отсрочено. Во время балканских войн он все время твердил, что на св. Софии должен быть водружен русский крест, т.-е. Турция должна быть вытеснена из Европы, проливы сделаться русскими. Союз Турции с Австро-Венгрией и Германией подготовлялся всею деятельностью российского империализма.

«Сложились две крупные группировки государств, которые лихорадочно готовились к решению нерешенного, а просто отсроченного вопроса: капитализму какой страны выпадет на долю эксплоатация стран Ближнего Востока. За малыми военными и судостроительными программами, еще раньше, чем осуществление их доводилось до конца, следовали большие. На карманы народных масс открывался поход за походом. Из года в год в казарму загонялись все большие и большие массы молодежи. Напряжение возростало с невероятной быстротой. Все чувствовали, что приближается катастрофа. Уже в начале 1914 г. в ряде русских и германских газет появлялись самые вызывающие статьи, которые были продиктованы правительствами, и смысл которых был один: «мы готовы. Не угодно ли вам начинать». Господствующие классы стали приходить к убеждению, что решительная и кратковременная война,—а на затяжную, изнурительную никто тогда не рассчитывал,—лучше

обеспечит их интересы, чем гнилой мир. Растущий протест пролетариата против увеличивающихся налогов и обостряемой ими дороговизны жизни также заставлял их торопиться с решением. Так исчезла и та маленькая уступка и склонность к полюбовному размежеванию, которой в 1912—1913 годах было достаточно для того, чтобы улаживать возникающие конфликты. В 1914 году мировая война разразилась по поводу, который представляется прямо ничтожным в сравнении с вопросами, не приводившими к войне еще за год до того времени.

«Пролетарский интернационал не выдержал испытания. Не было ни одной действительно попытки предотвратить войну. С об'явлением войны пролетариат безропотно пошел за господствующими классами во Франции и Германии, в Англии и в Австро-Венгрии и внес в выполняемое дело империалистов такое самоотвержение и энергию, каких он еще не вносил в свое собственное дело, в свою классовую борьбу,—такое самоотвержение и энергию, которых было бы достаточно, чтобы предотвратить разрушения, ужасы и позор европейской войны. Подчинение пролетариата буржуазией оказалось более глубоким, и захват оппортунизма, под видом которого буржуазия сохраняет власть над мыслями, чувствами и волей рабочего класса, оказался бесконечно более широким, чем то раньше предполагали. Относительная малочисленность групп, сохранивших верность заветам пролетарского интернационала, и отсутствие энергичных массовых выступлений, которые дали бы им широкую опору, в свою очередь указывает, как велико влияние буржуазии на пролетариат, сохранившееся несмотря на 13 месяцев войны. Российский пролетариат, распыленный, лишенный всех необходимых условий для выработки коллективной воли и для подготовки коллективных выступлений не мог в классовом масштабе проявить свое отношение к войне и отнять у германских оппортунистов всякую возможность ссылаться на российское варварство, как на оправдание их измены пролетарскому интернационалу.

«Война, являясь высшим выражением власти буржуазии над современным обществом, в то же время создает условия для того, чтобы эта власть действовала не прикрыто, отбросив все сдержки и ограничения. Все несогласия, разделявшие буржуазное общество, признаются мелкими и несущественными по сравнении с такой задачей, как организация войны. Призывая к единению, к организации национальной обороны, наиболее реакционные группы из состава господствующих классов укрепляют свое уже расшатанное положение. Происходит равнение вправо. Во Франции во главе правительства стал Рибо, настолько дискредитировавший себя в глазах демократии, что без войны появление его было бы немыслимо. В Англии консерваторы не только без всяких усилий отсрочили осуществление автономии

в Ирландии, но и получили в свое распоряжение самыя важные министерства.

«В России с начала войны буржуазная оппозиция совершенно исчезла. В общую империалистическую рать об'единились Пуришкевич и Маклаков, граф Бобринский и Ефремов. И еще в январе текущего года кадетская партия подавляла всякую критику правительственной деятельности. Она знала, что армия кругом обворована, что снарядов нет и не предвидится их увеличения. Она знала, что каждый шаг в Галиции покупается неисчислимыми жертвами. И зная все это, она прикинулась, будто поверила в успокоительные об'яснения правительства, данные в закрытых от народных глаз совещаниях, она видела, что тупость, неспособность и бесчестность правящих групп, нагло укрепляющих свое положение и упорно цепляющихся за свои узкие интересы, дезорганизовала тыл, придала дороговизне катастрофический характер, расстроила работу железных дорог и т. д. Но она робко указала на некоторые из этих явлений только в закрытых же совещаниях и, получив от министров ответ, что они будут дйствовать по-прежнему, скрыла и этот наглый ответ от народа. Дела на театре войны, казалось, шли успешно,— и все российские империалисты уже предвкушали богатую и скорую добычу: Галиция и Восточная Пруссия до устья Вислы, Силезия, Познань, проливы из Черного моря, Армения, контрибуция, новые рынки с устранением от них всех конкурентов— и громадное расширение промышленности, и рост прибылей, и новые должности с большими окладами. Можно ли здесь *учитывать* слишком большой жертвой море народной крови, и те тяжести, которые уже теперь ложатся и еще более лягут впоследствии и на пролетариат и на крестьянство.

«И даже теперь, когда крах разразился на театре войны, сложившееся в Государственной Думе большинство равняется по Бобринскому и Пуришкевичу в представленной кадетами и принятой этим большинством программе неотложных реформ, наперед устранено все, что было бы неприемлемо для Бобринского и Пуришкевича, и нет ничего, что действительно реформировало бы страну и освободило бы новую жизнь от тисков: нет равноправия национальностей, нет всеобщего и т. д. избирательного права в земстве и городе, нет свободы печати, собраний, союзов, нет гарантий неприкосновенности личности,— и, конечно, нет и речи об уничтожении Государственного Совета, через который Маклаковы, Дурново-Щегловитовы делают то же, что в бытность министрами, нет и мысли о том, что сама Дума превратилась в такой же тормоз для развития жизни в стране, каким в глазах Думы является министерство. Думское большинство—все эти октябристы, кадеты и прогрессисты,—не может же изречь над собой смертный приговор: не может искать источника силы там, где он только и есть—в народных массах. Народные массы для него—только пушечное мясо и ничего

больше. Но и народ скажет ему: в наших глазах вы заслуживаете никак не больше доверия, чем теперь, по вашим уверениям, заслужило и заслуживает министерство Горемыкиных, Кривошеиных и т. д. То жертвовало жизнью и достоянием пролетариата и крестьянства интересам своих групп, вы с таким же легким сердцем принесете их в жертву своим интересам. Настанет момент, когда вы решите, что ваши интересы лучше будут охранены и упрочены миром, чем войной,—и вы заключите свой мир. При этом вы постараетесь получить, как можно больше, и как самые страшные тяжести войны взваливали на народные массы, так постараетесь, чтобы и плату за мир взять с народа. И сделайте все возможное, чтобы новыми союзами, международными договорами и тайными соглашениями гарантировать для себя иноземную поддержку против борьбы рабочего класса и крестьянства за лучшую долю. Войну вы использовали для того, чтобы укрепить свое классовое положение, и миру постараетесь придать такой характер, чтобы сковать для эксплоатируемых масс новые цепи. Мы ненавидим вас за войну; но не думайте, что своим миром примирите нас с собой, и притупите нашу критику.

«Народ может считать своим миром только такой, какой он принесет в своем победоносном под'еме. И на пролетариат выпадет задача подготовлять этот под'ем. Он должен раскрыть глаза на те ничем не оправдываемые и невознаградимые ужасы, в которые ввергнута Европа господствующими классами: разрушение производительных сил, которое отбрасывает ее на несколько десятилетий назад, уничтожение лучших жизней, цвета человечества, неимоверные страдания миллионов мирного населения в сфере военных действий, возрастающие лишения всего населения, далекого от этой сферы, одичание и озверение, разгул националистических страстей, которые дают господствующим возможность разделять пролетарские массы и, отвлекая их внимание от борьбы за классовое самоосвобождение, направлять их то на немцев, то на евреев, а в будущем—новый рост расходов на армию и флот, новые наживы налогового винта». (В Государственной Думе уже и теперь возвестили «налоговую безпощадность»,—конечно, не по отношению к крупным промышленникам и землевладельцам).

«Пролетариат должен вырвать массы из-под власти буржуазии.

«Ее мечтаниям о территориальных захватах, подлой приманке, выставленной правительством для крестьянства, которому обещаны земли немецких колонистов в России и земли австрийских евреев в Галиции, он должен противопоставить указания на внутренние задачи и на очень близкие ему русские помещичьи земли, от которых господствующие классы хотят отвести внимание масс. Он должен твердо сказать: я сам бесправен соединю свое дело с делом тех, кого хотят лишать прав на

национальность или вероисповедание. Я знаю, что вы помышляете о территориальных захватах и потому, подчинив новые области безграничному произволу русских чиновников, хотите создать мне таких голодных, бесправных конкурентов, как создавали в черте еврейской оседлости. Я буду бороться с захватами. Я требую для всех национальностей права на свободное политическое самоопределение.

«Борясь с национализмом, с раздуваемой им ненавистью, российский пролетариат устраняет препятствия к восстановлению пролетарского интернационала. Видя классовые выступления российского пролетариата, решительно отмежевывающегося от господствующих классов, ведущих войну, германский пролетариат неминуемо вспомнит о своем долге перед интернационалом, и его освобождение из под идейной власти буржуазии пойдет ускоренным темпом. Развертываясь, его классовая борьба будет тоже все более превращаться в борьбу одновременно и против войны. Таким образом, будет приближаться окончание войны под давлением возрождающегося классового движения и начинающегося восстановления интернационала. Современная война приобрела такой упорный характор как раз потому, что империализму на западе удалось увлечь за собой пролетарские массы, которые внесли в дело истребления свою энергию, организацию, выдержку, основанную на сознании дисциплины. Против воли пролетариата длительные войны в настоящее время немыслимы.

«Но и для того, чтобы широко развернуть пропагандистскую деятельность, российский пролетариат должен прежде всего восстановить и расширить свои организации. Организационная работа пойдет одновременно и параллельно с выступлениями; классовыми выступлениями будут расширяться пролетарские организации,—и растущие организации дадут опору для того, чтобы выступления становились все шире и внушительней.

«Общее положение таково, что начинают жить новою жизнью, непосредственно диктующей наши старые лозунги:

«Конфискация земли у помещиков.

«Учредительное собрание.

«8-ми часовой рабочий день».

На ряду с этой серьезной, холодной критикой буржуазного либерализма и спокойной постановкой вопроса о задачах русского пролетариата в данный момент, целый ряд большевистских групп выпускали листовки боевого, призывного характера, полные огня, революционной энергии и сознания серьезности момента. К числу таких листовок следует отнести листовки Пресненской группы. В выпущенных этой группой листовках она обращалась к рабочим, солдатам, студентам и всему русскому народу — бесправному. Каждому из них она старалась открыть глаза на действительность и пробудить нужную революционную активность.

Обращаясь к рабочим, она писала:

«Товарищи рабочие! Прошло более года, как русское самодержавное правительство, об'единенное противонародными интересами с русскими капиталистами и помещиками, завлекло народ в великую войну. Рекламируя эту великую бойню людей «освободительной», «священной» и «отечественной войной», «борьбой за права и свободу народов», правительство, вкупе с буржуазией, упразднило всю организацию рабочих, закрыло рабочие газеты и журналы, ввело жестокие расправы с дерзающими говорить правду и защищать право на лучшую жизнь трудящихся масс.

«И вот, в то время, как миллионы русских бесправных крестьян и рабочих были брошены на поле брани под огненный вихрь всесокрушающей германской артиллерии, под свинцовый дождь пулеметов, здесь на оставшихся в тылу русских обывателей обрушились вооруженные беспощадным капиталом волчьей жадностью купцы и фабриканты. На другой же день после об'явления войны они открыли действия своего пламенного патриотизма повышением цен на необходимейшие предметы. Такой патриотизм, такая любовь к родине действительно тронули сердца народа и вызвали не одну слезу из глаз бедных людей, оставшихся из-за войны без кормильцев. Тогда, чтобы успокоить и окончательно облагодетельствовать сильно взволнованных торгашеским патриотизмом, правительство узаконило грабительские цены, издав таксу, которую, по желанию купцов, меняют почти каждый день, внося новые повышения цен. Вследствие такого законного бронирования стоимости предметов потребления, цены на хлеб, мясо, дрова, одежду, обувь и пр. необходимые предметы настолько оказались укрепленными, что для трудящихся масс их можно считать почти неприступными... Мы оказались как бы в осажденном городе, при чем осаждающие—никто иные, как почтенные граждане-купчики и все пр. капиталисты, наши соотечественники...

«Вы видите, тов. рабочие, что для буржуазии любовь к отечеству выражается в усиленном хамстве, в любви к капиталу, их обязанность притти на помощь своим соотечественникам выразилась в расстреле рабочих за попытку сказать правительству о своем невыносимом, бесправном положении. Для них мы не соотечественники, а только придатки к единственному полноправному гражданину, достопочтенному их соотечественнику, господину-капиталу. Что же мы представляем? На войне нас истребляют немецкие пули, а здесь то же проделывают с нами русские купцы и фабриканты. Где же наше отечество? Кто наши враги и кто друзья? Наше отечество там, где нас признают равноправными гражданами, где мы имеем возможность свободно развиваться в духовном и материальном отношении, где мы можем свободно говорить о своих нуждах, об улучшении условий жизни. У нас нет отечества, если нет права на лучшую

достойную человека жизнь. Наши друзья среди нас, рабочих, здесь мы их должны искать и об‘единиться в одну крепкую духовную семью, чтобы общими усилиями достигнуть права на лучшую жизнь. Ведь нам, рабочим,—создателям всех благ, всех сокровищ на земле,—должны принадлежать все блага земные. Наши враги—купцы, фабриканты и помещики и все, кто с ними и за них. Они поработили нас, они запрещают нам говорить правду, они запрещают нам помогать друг другу, об‘единяясь в союзы; они закрывают от нас свет истины; они отняли у нас землю и жилища, они присвоили себе все созданные нами богатства. Они подвергают нас смертельным опасностям лишь бы еще более увеличить свои богатства, удовлетворить свои безграничные похоти. Товарищи рабочие! Подумайте же, для кого мы теперь живем, страдаем и умираем. Оглянитесь назад, на канувший в вечность кошмарный год войны. Миллионы русских солдат, руководимых верховным и надверховным бездарным главнокомандующим, залили своей кровью Галицию, Польшу, Литву и Курляндию. Миллионы человеческих жизней погибли без малейшей пользы для народа, оставив десятки миллионов сирот-детей, отцов и матерей. Миллионы народных денег пущены на ветер из дула устаревшей пушки, из ствола отжившей берданки. Крепости, на которые потрачены сотни миллионов народных трудовых рублей, пали, как картонные домики. Долг русского народа достиг баснословной цифры—15 миллиардов. Призваны под знамена 18-летние юноши. Угоняют на убой остатки трудоспособного мужского населения. Еще год такой истребительной войны—в живых останутся женщины, старики да дети. Богатеющие от столь разорительной для народа войны промышленники принимают все усилия к тому, чтобы ради своих личных аппетитов затянуть бойню еще на год или более. Ужели нам надо пережить еще один кошмарный год войны, еще целый год биться в сетях буржуазных несбыточных обещаний... Ведь, ничего мы от войны не получим, а отдали для нее все. Война отнимает от нас силы, а вместе с ними и всякую надежду на лучшую жизнь. Товарищи рабочие, вы видите, какую мы роль играем в этой войне. Мы поставляем людей, даем деньги, все средства, а с нами даже разговаривать не хотят.

«Что мы получим после войны, когда большая из нас половина будет истреблена. Кроме нагайки и обременительных налогов—ничего. Мы должны прекратить эту бойню, и также потребовать для себя полных прав гражданства. Нам не на кого надеяться, кроме самих себя. Нам ничего не дадут, если мы не возьмем силой. Мы можем добиться достойных прав человека только борьбой и только в том законодательном учреждении, где будут наши представители, избранные всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Нам не нужна Государственная Дума, где заседают представители помещиков и

капиталистов — наших врагов. Нам нужно Учредительное собрание.

«Итак, товарищи: довольно проливать кровь за наших угнетателей. Будем готовиться к борьбе за наше благо, за плоды наших трудов, за свободную жизнь.

«Долой войну! Да здравствует мир!

«Да здравствует учредительное собрание!

«Демократическая республика!

Пресненская группа РС-ДРП.»

Но, кроме страданий рабочих в тылу, там на фронте гибли миллионы самой здоровой части мужского населения рабочих и крестьян и, обращаясь к ним, группа писала:

«Товарищи солдаты!

«Уже второй год продолжается ужасная бойня людей, именуемая мировой войной, второй год длится истребление самой здоровой части мужского населения. Хлебные поля заливаются народной кровью, цветущие города превращаются в груды развалин, миллионы человеческих жизней—в горы мертвых тел. Сотни тысяч мирных жителей выгнаны из своей родины и пущены по миру, миллионы сирот и матерей остались без кормильцев. Вся страна об'ята ужасом, со всех сторон несутся стоны и проклятия. И в то время как там, на фронте, гибнут наши братья, когда и нас ждет та же участь, здесь, внутри страны, самодержавное царское правительство, стоя на защите интересов дворянства и крупной буржуазии, ведет политику усиленной эксплоатации народа, выжимания из него последних соков, политику угнетения и порабощения. Во имя интересов кучки хищников и казнокрадов, правительство довело страну до истощения ея последних сил, привело ее на край пропасти. И вот, потеряв к себе доверие даже среди буржуазного общества, слыша со всех сторон возгласы протеста и негодования и предчувствуя свою близкую гибель, правительство держит наготове сотни тысяч вооруженных палачей, и кровавой расправой пытается подавить народное возмущение. Мы видели расстрелы в Костроме, в Иваново-Вознесенске, Петрограде, а на-днях и в Москве. Все это делается якобы в интересах войны с внешним врагом и во имя победы. Но народ отлично понимает, что главным своим врагом царское правительство считает трудящиеся массы, с которыми и ведет беспрерывную войну.

«*Теперь оно готовится к решительной развязке этой вековой борьбы, для чего стремится окончательно ослабить силы народа,* угнав на войну последние остатки взрослого населения—ратников 2 разряда, и увеличив вооружение полиции.

«С этой же целью оно стремится затянуть войну «до последнего солдата». Но народ не хочет и не может ждать, когда будут убиты последние его братья и сыны. Он хочет немедленного прекращения пагубной для него войны, вредной и на 9/10 уже проигранной для всей родины, выгодной лишь для крупной буржуазии и бюрократии, которые на костях народных строят свое богатство. Народ хочет мира и освобождения страны от гнета царского самодержавия, от господства дворянства и крупной буржуазии. Но лишь кровавой борьбой рабочие массы проложат путь к свободе, и только тогда, когда будут сплочены и едины с ними их братья и сыны в солдатской шинели.

«Товарищи солдаты! не забывайте, что вы все те же трудовые крестьяне, те же сельские батраки и фабрично-заводские рабочие; не забывайте, что все вы дети семьи трудовой, и нашим общим врагом являются все паразиты, все кровопийцы и тираны. А потому мы призываем вас под общее знамя для борьбы за свержение царского правительства, за учреждение демократической республики и заключение мира.

«Да здравствует всенародное учредительное собрание!
«Долой войну!
«Да здравствует мир!

Пресненская группа РС-ДРП».

Для успеха движения нужны интеллигентные силы и, желая пробудить старые революционные традиции студенчества, группа, обращаясь к студентам, писала:

«Товарищи студенты! Настали дни величайшей для нас ответственности перед народом. Гибнет все молодое, здоровое, дорогое для родины. Гибнет вера в правду и разум. Гибнут надежды в прекрасную свободную жизнь. И, о ужас! в этом торжестве смерти и разрушения интеллигенция занимает первое место, как обрученные на брачном пиру. Носители гуманных идей—либералы обручились с заклятыми реакционерами. Бывшие вожди народные об'единились с врагами народными. На наших глазах война мыслителей, ученых, вниманию которых представлены миллионы жизней. И за год великими мыслителями сказано больше лжи, чем за тысячелетие всеми дикими полукультурными народами. Великим мозгам мировая война рисовалась освобождением всех народов от ига Германии и от германского империализма. Как обрадовались русские реакционеры, когда все их грехи умные головы сваливали на Германию, доказывая благую необходимость молчания об угнетении, бесправии русского народа, о царящем произволе варварской власти. За миллионы жизней, за разорение нашей страны ученые головы политиков обещали народу величайшее благо от кирпичей разрушенного Берлина, от заржавленных ключей св. Софии. Войну

за благо народа превратили в неслыханное околпачивание и обирание народа до нитки. Войну за свободу народа превратили в отрицание прав и свободы человека. Войну превознесли до небес, а народ низвели до положения допотопных животных. Войну сделали ради войны и уничтожение милитаризма превратили в уничтожение народа.

«Товарищи студенты! Прислушайтесь: стонут села, города,— нет работников, нет кормильцев! Разоряются хозяйства. Нищета широкой волной катается по стране. Дороговизна растет с каждым днем. Разве вы не видите, что народ обрекается этой войной на десятки лет на нищету и бесправие, что наивные либералы—приказчики буржуазии—и реакционеры готовят народу лживую логику.

«Довольно заниматься самоутешением,—будто таcканием дров, разгрузкой вагонов вы оказывали великую услугу.

«*Народ столетия ждал руководителей, которые научат его разбить оковы и укажут путь к светлой радостной жизни. И вот они пришли и занялись таcканием дров на спине и изготовлением снарядов*, дабы помочь реакционному правительству с честью выйти из позорных поражений и ответить возмущенному народу на требование прав и улучшения условий жизни залпами орудий.

«Товарищи студенты! Вы учились учить народ, руководить им. Спешите к нему на помощь, пока не поздно, пока он верит в ваше благородное сочувствие его страданиям. Говорите, пока он страстно ждет, спасительное слово. Укажите ему путь к новой, прекрасной жизни. Это путь один—мир и созыв учредительного собрания, избранного всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Помните, студенты, что вся ответственность за поражение, за истребление народа ляжет на интеллигенцию и, конечно, на вас. Идите же к нему, организуйте его, ведите его от тьмы могильной к могущественному свету знания и торжествующей свободной жизни. Долой войну! Долой царское правительство! Да здравствует учредительное собрание и демократическая республика!

Пресненский Комитет РС-ДРП».

Готовя массы к борьбе, к выступлению, нельзя было забывать и мелкобуржуазную массу городов, обнищалую, разоренную и озлобленную войной. Обращаясь к этому слою населения, группа писала:

«Народ бесправный!

«Многострадальный русский народ. Вот уже более года ты слышишь голоса лживых черносотенных газет, призывающих граждан к спокойствию, к вере в счастливую звезду, к едине-

нию с безответственным правительством. Ты слышишь, как серосcийский земский союз и союз городов призывает граждан к бесконечным жертвам на алтарь отечества. Ты слышишь надменный голос деспотического правительства, призывающего граждан к безмолвию, беззаветному самоотречению, беспрекословному подчинению начальственному произволу и показывающему гражданам для вразумления старый кулак. Лживые бульварные газеты, трусливые лакеи Милюкова и Гучкова, изолгавшееся варварское правительство зовут граждан к борьбе за свободу, к вере в торжество правды.

«И на призыв ты молча идешь—бесправный, скованный цепями векового рабства, русский народ, несешь свои пожитки, кладешь свою голову на плаху. А почетные и потомственные граждане уже получили полную свободу—обдирать народ, как липку, служат молебны и считают небывало крупные барыши, любуясь на здоровенных, красномордых действительных успокоителей, вооруженных представителей благоволящей им власти. А в то же время льются потоки народной крови, стираются с лица земли села и города, истребляются миллиардные богатства... И не видно конца празднику смерти, разрушения, празднику лжи во имя торжества правды.

«Но всему есть конец: иссякают силы, несметные богатства, цветущие страны превращаются в пустыни.

«Настал грозный час—решается судьба русского народа, судьба многих поколений его. Довольно обмана: мы—не граждане. Мы только обыватели, безгласные и безвольные участники небывалого кровавого суда, где представляем собой кровавую глину, из которой лепят себе здание благополучия почетные граждане и пр. господа положения.

Мы много верили, долго ждали обещанных побед. Нас прельщали разгромом, дележом Австрии и Турции. Теперь мы видим, к какому чуду привела нас вера наше, безропотное рабское спокойствие. Германские полчища вторглись в пределы Русского государства и распространяются все глубже, все ближе к недрам его.

«Ужели нам и теперь оставаться спокойными в ожидании бегства в далекую Сибирь? Ужели нам можно оставаться спокойными, когда призваны под знамена 18-летние юноши и ратники 2-го разряда. Ужели спокойно ожидать истребления всего трудоспособного мужского населения, чтобы затем превратиться в провинцию Германии и валяться у ног надменного самодержавного правительства, как валялись сотни лет?

«Правительство страстно желает истребления мужского населения, дабы после того или иного исхода войны не слышать грозные голоса, требующие коренного обновления государственного строя. *И поражение и победа обещают нам цепи, а не свободу:* единственный и наилучший выход из настоящего положеиня—это немедленное заключение мира, более выгодного лишь

в настоящий момент, но не позже, и созыв учредительного собрания всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием. Нам нужна не Дума помещиков и купцов, которая не сумела учесть того выгодного момента для прекращения ужасной бойни, когда Польша не была занята германцами, когда Сербия была цела, когда Болгария еще не выступила против нас, когда еще не были призваны юноши и старики.

«Довольно верить и ждать чуда. Надо отбросить наследство дикарей—ложный стыд неотомщенного. *Заключение мира не унизит, а возвысит наше человеческое достоинство.* Ведь не велико будет наше достоинство, если затянуть войну еще на год или более, истребив миллионы людей; разорив страну, мы получим мир, подобный гробовой тишине. Мы получим величайшее кладбище.

«Надо скорее бросить слово «мир» в величайший мировой пожар, ибо только это слово, а не потоки нашей крови, потушит его; только это слово вырвет народ из об'ятий всесокрушающего вихря международной злобы, созданной шулерами-дипломатами.

«Бесправные русские люди, громко зовите спасительный мир. Бегите из кровавого мрака на путь светлой разумной жизни, на путь к торжеству права. Организуйтесь для борьбы за освобождение от вековых цепей. Довольно надеятсься на варварское правительство. Дружно принимайтесь за устройство новых свободных форм общественной жизни. Долой царское правительство! Долой войну!

«Да здравствует мир!

«Да здравствует учредительное собрание и демократическая республика.

Пресненский комитет РС-ДРП».

ГЛАВА V.

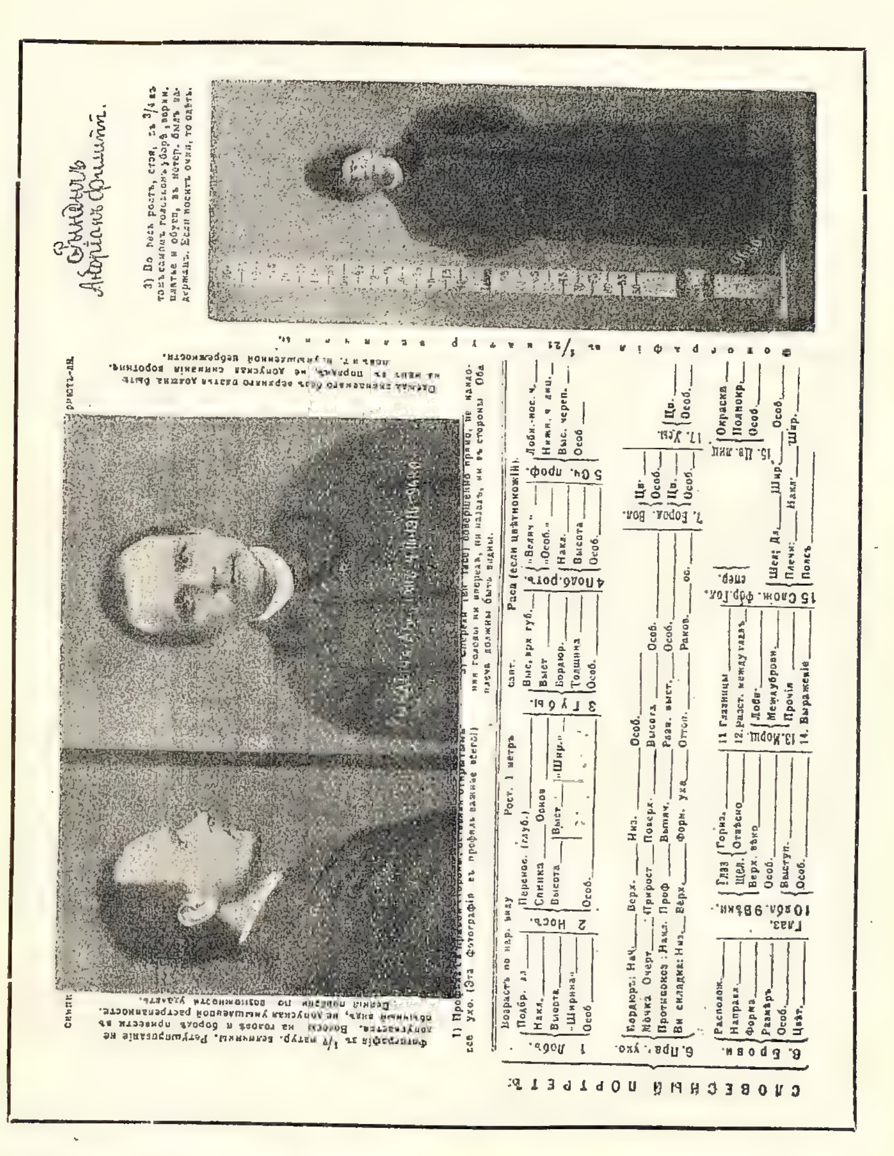
Московский с.-д. рабочий коллектив (меньшевики). — Доклад Ракитина 28/VIII. — Общее собрание московских меньшевиков 31/VIII. — Резолюция по текущему моменту. — Отношение к событиям на Страстной площади. — Областная конференция меньшевиков в Туле. — Распад московской организации меньшевиков.

Начиная с конца августа, московское меньшевистское болото начинает оживать. 28-го Ракитин (он же Левицкий—брат Мартова) читает доклад на тему о национальной обороне, а через три дня (31) созывается и собрание московских меньшевиков, восстанавливающее московскую меньшевистскую организацию и избирающее «исполнительную комиссию».

Небезынтересно отметить данные, представленные Поскребухиным о докладе Ракитина. В своей записке (31/VIII за № 144 «Евгений») он писал:

«В пятницу, 28 августа, в помещении Юридического Общества (Малая Никитская) состоялась «товарищеская беседа» членов общества. Вступление к этой «беседе» сделал «Ракитин» (он же Левицкий—брат Мартова). На этой беседе присутствовало около 200 человек, подавляющее большинство которых не члены общества, сама же «беседа» фактически была превращена в чисто политическое собрание.

«Ракитин» сделал доклад на тему о национальной обороне. В этом докладе он указал, что в настоящее время буржуазия является выразительницей национального стремления народа и потому—пролетариата; дабы не остаться за бортом, необходимо поддержать лозунг «национальной обороны», вложив в него свой пролетарский смысл и требование—«долой правительство». Участие пролетариата, по его мнению, необходимо для того, чтобы не дать буржуазии, стремящейся к власти, на случай захвата таковой, проводить политику аннексий. Далее он развивал мысль, что на принципе защиты национальных границ и полного самоопределения народностей, населяющих Россию, явится возможность для пролетариата об'единить под своим флагом широкие народные массы, что в свою очередь послужит к сплочению и организованности разрозненных про-

Регистрационная карточка Московского Охранного отделения на Адриана Филипповича Р ы н д и ч а (198, 202, 203).

летарских масс. Поддерживали «Ракитина» Маслов, Черванин и Зарецкая, оппонентами выступили: Яхонтов, Скворцов, Милютин, Смидович и Хундадзе.

«Яхонтов и другие, за исключением Хундадзе, говорили, что до тех пор пока пролетариат не имеет политических свобод, у него один враг—правительство, и пролетариат под флагом национальной обороны не пойдет, а проведет свое движение под флагом своих основных требований, как-то: конфискация земель для крестьян, 8-часовой рабочий день и т. д., т.-е. программы «минимум». К этому Смидович добавил, что практически лозунг пролетариата: «Да здравствует гражданская война» и «война войне». Хундадзе в своем выступлении доказывал беспочвенность национальной обороны и невозможность для массы угнетенных национальностей России, а в частности для кавказцев, определить кто бо́льший враг и от кого именно нужно защищаться—от русского ли правительства, или от прусского юнкерства. Все выступления носили очень страстный, чисто митинговый характер.

«По окончании прений, слово было предоставлено представителю 5 Центральной Больничной кассы народнику Карасеву, который заявил, что пришел на это собрание поучиться, а вместо этого услышал одну руготню «беков» и «меков».

«Говорил он очень курьезно и только вызывал хохот. Председательствовал на собрании «беседы» Ратнер. Из лиц присутствовавших на «беседе» известны: Львов-Рагачевский, Зарецкая, «Ольга», Лукин, Кизельштейн, Одноблюдов, Хундадзе, Карасев, Муравьев, Авраамов, Голенов, «Ракитин».

Этот доклад и следовавшая за ним руготня «беков» и «меков» ясно определили ту колоссальную пропасть, какая разделяет большевиков с меньшевиками. Год войны их не только ничему не научил, но еще больше запутал их и еще крепче приковал к колеснице войны. Правда, более осторожные политики еще пытались выражаться более осторожно, но факт остался фактом. К осени 1915 года московские меньшевики все скатились в лагерь оборончества. Если в начале войны Никитин и пытался издать листовку против войны, то в начале второго года этот же самый Никитин со всей Московской организацией приняли войну и оборону.

На собрании 31/VIII щекотливый вопрос обходится, 13 же сентября «Московский с.-д. рабочий коллектив (меньшевики)» принимает резолюцию по текущему моменту, определенно оборонческую.

Об этих собраниях дает подробные сведения осведомитель «Босяк»—Маракушев, входивший даже в «исполнительную комиссию» этой организации. В своей первой записке он писал [1]:

---

[1]) „Агентурн. Зап.", „Босяк". 2/IX, № 148.

«В понедельник, 31 августа, в дачной местности близ платформы «Владыкино», Нижегородской жел. дор., на даче, занимаемой служащими в союзе потребительных обществ Орловым [1]), Щепотиным [2]) и другими в числе 12 человек (от платформы до дачи минут 25 ходу), состоялось собрание московских меньшевиков, на котором присутствовали Зарецкая [3]), Маракушев [4]), Александр Николаевич Смирнов [5]), некий «Ефим» (оба служат на рижском заводе «Унион», временно помещающемся на фабрике «Циндель»), Орлов, Щепотин, Белоусов, [6]) Баклушин [7]) и Анна Ивановна Доброхотова—«Прокопец» (все пятеро служат в союзе потребительных обществ).

«Порядок дня собрания:

1) Об организации;
2) Об областной конференции;
3) Об отношении к военно-промышленным комитетам;
4) О членских взносах;
5) О газете.

«Председательствовал Смирнов, сделавший доклад по всем вопросам. По первому вопросу было сказано, что настоящий момент требует от «меньшевиков» напряженной работы не только в легальных организациях, но и, главным образом — в подполье, которому теперь необходимо уделить особое внимание. В виду этого необходимо создать центральную группу, которая бы взяла на себя работу по созданию партийных ячеек на фабриках и заводах, профессиональных обществ и больничных касс и об'единила бы их деятельность. Возражений против этого никаких не было и тут же было решено об'явить себя, т.-е. участников собрания, «московским с.-д. рабочим коллективом», в который кооптировать еще двух: торговослужащего Руденко [8]) и фарфорщика Соколова [9]).

«Кроме того была избрана «исполнительная комиссия» из пяти лиц, в которую вошли: Зарецкая, Доброхотова [10]), Смирнов, Маракушев и «Ефим».

---

[1]) Орлов, Михаил Иванов, мещ. гор. Тулы.

[2]) Щепотин, Иван Семенов, кр. Калужской губ., Малоярославского уезда, Неделинской волости и села.

[3]) Зарецкая, София—Шейна Моисеевна—Мовшева, мещ. г. Полоцка.

[4]) Маракушев, Александр Ксенофонтов, кр. Владимирской губ., Ковровского уезда, Лежневской волости —провокатор, кличка „Босяк".

[5]) Смирнов, Александр Николаев, мещ. гор. Новгорода.

[6]) Белоусов, Николай Гаврилов, кр. Тамбовской губ., Козловского уезда, Ямской слободы.

[7]) Баклушин, Андрей Евдокимов, кр. Симбирской губ., Алатырского уезда, Сыревской волости и села.

[8]) Руденко, Прокопий Тимофеев, кр. Киевской губ., Уманского уезда, Шаулитовской волости, деревни Юрпаш.

[9]) Соколов, Василий Федоров, кр. Калужской губ., Тарусского уезда, Салопинской волости, деревни Стопкина.

[10]) Доброхотова, Анна Ивановна, потомственная гражданка.

«Затем он доложил, что «организационным комитетом», находящимся в Петрограде и выполняющим функции центрального комитета с.-д. меньшевиков, намечен созыв ряда конференций меньшевистских групп, из коих одна уже состоялась в Самаре, а теперь предполагается в г. Москве (областная конференция центрального промышленного района). Почин «О. К.» по созыву конференций был собранием одобрен и решено принять непосредственное участие в этой московской конференции. По вопросу об отношении к военно-промышленным комитетам, в виду выяснившегося положения, что в названные комитеты могут пройти не представители рабочих организаций, а лишь выбранные от тех фабрик и заводов, которые исполняют военные заказы, было решено, не предрешая пока вопроса об участии рабочих в комитетах, принять пока участие в выборной кампании, с целью использования таковой для созыва всероссийского рабочего с'езда, которому и представить решение вопроса об участии в комитетах. Кроме того, было выражено пожелание, в виду чинимых местной администрацией препятствий к устройству рабочими собраний для обсуждения вопросов, связанных с войной, обратиться за содействием к с.-д. фракции. Приведение в исполнение этого пожелания взяла на себя Зарецкая. По вопросу о членских взносах на нужды организации решено производить ежемесячно 1% отчисления с заработка. По вопросу о меньшевистской газете решено пока в Москве газеты не издавать, а поддерживать долженствующую на-днях выйти в Петрограде рабочую газету «Парус» (вместо закрытой газеты «Утро»). На этом собрание закончилось, назначив заседание «исполнительной комиссии» на пятницу, 4 сентября, в 7 часов вечера, в квартире Доброхотовой (Олений, Камер-Коллежский вал., Первый Полевой пер., дом №7, кв. 5). Следует отметить, что инициатором создания в Москве оформленной с.-д. «меньшевистской» организации является присяжный поверенный Никитин, фактически и являющийся руководителем вновь сорганизовавшегося с.-д. рабочего коллектива».

Созванное через две недели второе собрание меньшевиков рассмотрело и утвердило предложенную «исполнительной комиссией» резолюцию, окончательно выясняющую позицию московских меньшевиков к вопросу о войне, обороне и т. д.

Об этом собрании тот же «Босяк» (Маракушев) в своей записке от 14/IX за № 169 писал:

«Вчера вечером, в квартире металлиста, работающего на заводе «Унион» из Риги (отделение завода на Бутырках) Матвеева, (3-й Лесной переулок, д. №15, кв. №1), состоялось собрание «московского с.-д. рабочего коллектива», на котором присутствовало 10 человек: Александр Николаевич Смирнов, «Ефим», София Моисеевна Зарецкая, Анна Ивановна Доброхотова, Руденко, Орлов, Щепотин, Белоусов, Маракушев и Матвеев.

«Собрание это было созвано для оценки текущего момента и окончательного выяснения позиции московских «меньшевиков» к текущим событиям, а также для выборов делегатов на предстоящую 20 сентября областную конференцию меньшевистских групп центрального промышленного района».

«По первому вопросу была предложена к обсуждению Зарецкой заранее заготовленная резолюция, в коей подробно излагается взгляд «меньшевиков» на текущий момент. После оглашения этой резолюции и подробного обсуждения ее, она была принята 9 голосами против одного—Белоусова, настаивавшего на необходимости прежде свергнуть существующее правительство и созвать учредительное собрание, которому и предоставить решение вопроса об обороне страны. Предложение Белоусова, как чисто «большевистского» характера, было подвергнуто резкой критике и единогласно отвергнуто, после чего Белоусов счел себя обиженным и ушел. Затем по предложению Зарецкой, было решено выпустить ряд листовок о текущем моменте, положив в основу этих листовок принятую резолюцию. Листовки эти будут печататься в Петрограде, откуда и будут доставляться сюда. Листовки выйдут по окончании конференции. На печатание листовок ассигновано 25 рублей. Затем Смирновым было доложено о созыве «организационным комитетом» на 20 сентября областной конференции центрального промышленного района, на которую от Москвы должно было быть делегировано два представителя. Против принятия участия в конференции возражений не было, и тут же было решено избрать делегатов. Избранными оказались: Смирнов и Маракушев. Далее в виду того, что эта конференция состоится вне Москвы (возможно в Петрограде или в Твери) было ассигновано на поездку делегатов 25 рублей. Деньги как эти, так и на печатание листовок будут доставлены Зарецкой, впоследствии же они будут погашены членскими взносами. На этом собрание и закончилось, назначив собрание «исполнительной комиссии» на 1 сентября в 12 часов вечера в квартире Доброхотовой (1-й Полевой пер., д. № 7, кв. 5)».

В предложенной Зарецкой и принятой собранием резолюции мы читаем:

«В центре жизни в настоящий момент защита страны и соответственно этому—защита страны должна стать в центр нашей текущей практической политики как ее исходная предпосылка и как ее регулирующий принцип. Только в нашем понимании защиты страны не есть защита, как ее понимают буржуазные классы и партии. В нашей защите в противоположность буржуазной нет скрытого или явного шовинизма, в ней нет постоянной готовности в свою очередь перейти в нападение и развернуть свои аннексионные тенденции.

«Выступая в защиту страны, мы отстаиваем ее право на самоопределение; мы боремся против угрожающего ей экономи-

ческого, политического и культурного порабощения. В этой борьбе мы выдвигаем лозунг мира, через борьбу мы добиваемся тех условий его, при соблюдении которых—по нашему глубочайшему убеждению, только и возможно сохранение и развитие интернационально товарищеских чувств рабочих всех стран. Это—мир без насильственного отторжения чужих территорий. Это—мир, обеспечивающий каждой стране свободное политическое и экономическое развитие.

«Далее наша борьба в защиту России мыслится нами, как борьба общенародная, которая ведется организованными усилиями всего населения страны, в противоположность борьбе одних господствующих классов, а тем более борьбе, диктаторски ведомой той властью, которая находится в резком конфликте с громадным большинством населения, только такая всенародная борьба может дать проявиться в стране максимальной энергии и отвратить грозящую опасность.

«Задача защиты страны, таким образом, сливается для нас с задачей борьбы с той властью, которая, будучи поглощена борьбой с собственным народом и систематически отстраняя его от дела защиты страны, сама оказалась в ней несостоятельной.

«Для защиты страны мы боремся с властью и, борясь с властью, мы укрепляем защиту страны. Борьба с властью и защита страны—наша двуединая задача, две стороны одного и того же процесса. Задача успешной защиты страны является, следовательно, дополнительным и самым актуальным доводом в пользу нашей исконной борьбы за всестороннее раскрепощение страны, за ее всестороннюю демократизацию.

«Эта исконная борьба сохраняет свою конечную цель и свой общий характер, но методы этой борьбы, ее ближайшие этапы определяются теперь в значительной степени нашей «защитной» задачей.

«События идут форсированным темпом мобилизовать—организовать все силы страны (в частности силы пролетариата); приходится форсированным темпом протягивать линию через организационный процесс, идущий в стране,—к его завершению—к организации власти.

«Мобилизовать же и организовать наш пролетариат в условиях настоящего момента значит прежде всего его мобилизовать и организовать на почве обслуживания нужд защиты страны и смягчения бед военного времени. Мы не предрешаем вопроса о формах такой организации пролетариата, для нас важно одно—чтобы пролетариат был организован, чтобы так или иначе он вышел, наконец, из состояния хаоса и распыленности, в которое его повергла реакция. Для нас важно, чтобы процесс организованного сложения пролетариата оказался как можно более влиятельным слагаемым в той сумме организационных процессов других классов и групп, которая при достаточной напряженности усилий превратится в властный орган общена-

родной защиты страны и, развивая самодеятельные силы населения для целей защиты, может стать исходным пунктом раскрепощения России. Только через подобный—в чрезвычайных условиях времени сложившийся, временный орган и мыслим тот путь, конечным этапом которого может явиться учредительное собрание (полновластное народное представительство) на основе четырехчленной формулы.

«Таков наш мыслимый, наиболее желательный и возможный путь развития, таково направление наших практических усилий. Этим определяется наше отношение к тем движениям классов и групп, вообще говоря, или в данный момент, которые не приемлют нашего развития. Для нас существенны в этих классах и группах не их представления, а то, в какой мере их действия нас подвигают хотя бы на шаг вперед к нашей собственной цели, в какой мере хотя бы враждебные нам и против нас ведущие борьбу—они вынуждаются сходиться с нами для приложения общих усилий и для осуществления некоторых ближайших задач. Этими соображениями определяем мы наше отношение к такому учреждению, как IV Государственная Дума, и к такой политической группировке настоящего дня, как прогрессивный блок.

«Мы рассматриваем, как идущую с нами по пути ту их деятельность, которая расшатывает старый режим; мы учитываем то, что делается ими положительного в смысле, например, обслуживания тыла или в смысле отстаивания даже минимальных реформ. Но мы ведем и будем вести самую решительную борьбу против их стремления монополизировать в руках господствующих классов дело освобождения России и против всякого их покушения на интересы и права демократии».

1 сентября вечером на квартире Анны Ивановны Доброхотовой состоялось собрание «исполнительной комиссии» Московского рабочего с.-д. коллектива.

Порядок дня:

1) Об отношении к событиям на Страстной площади.

2) О листовках.

3) О роли Московских делегатов на областной конференции с.-д. меньшевистских групп центрального промышленного района.

4) Об общем собрании.

«По первому вопросу было решено, в виду того, что события на Страстной площади совершенно не касаются пролетариата, выпустить листовку с призывом воздержаться от каких бы то ни было демонстративных выступлений в связи с этими событиями, дабы не расходовать совершенно напрасно сил. По второму вопросу было признано желательным периодически выпускать листовки о текущих событиях и в первую очередь решено отпечатать целиком резолюцию Московского с.-д. рабочего коллектива (меньшев.). По третьему вопросу было доло-

жено Смирновым, что назначенная на 20 сентября «организационным комитетом» областная конференция меньшевистских с.-д. групп центрального промышленного района состоится в г. Туле, куда московские делегаты должны выехать в ночь с 19 на 20 сентября. Тут же был вручен делегатам краткий конспект по вопросу об обороне страны, который должен послужить основанием при выступлении московского делегата по этому вопросу. По четвертому вопросу: общее собрание коллектива назначено на 26-е сентября в квартире Матвеева» [1]).

В розданном делегатам конспекте тезисов мы читаем:

«1) Оборона. Принципиальная допустимость обороны (право нации на самоопределение; народная милиция, штудтгардтский конгресс).

«2) Оборона не противоречит борьбе с аннексиями, но укрепляет влияние демократии на условии мира.

«3) Оборона не противоречит лозунгу мира; она ускоряет заключение мира, передавая дело ведения войны под контроль демократии и дает влияние на выработку мира.

«4) Оборона должна быть делом всенародным—тогда будет: 1) более действительна, 2) препятствовать завоевательным задачам.

«5) Оборона в России неразрывно связана с борьбой с властью. Не может быть и речи об «единении», ибо это единение мешает действительной обороне, которая не может быть осуществлена, пока господствует современная власть. Поэтому уничтожение теперешней власти есть основная задача и интересы страны требуют прежде всего замены старой власти новой.

«6) Вместо старой власти должна быть новая временная власть, составленная из представителей всех организованных групп народа для ведения обороны, придания ей общенародного характера, поддержки мира и созыва учредительного собрания.

«7) Поддержка буржуазного движения, поскольку оно разрушает старую власть».

В назначенный срок, т.-е. 20/IX конференция и собралась в Туле. Почему то отсутствовал второй делегат Москвы Смирнов, А. Н., так что Москва была представлена одним делегатом, да и то провокатором—Маракушевым («Босяк»), который потом в своей записке № 182 об этой конференции писал:

«С 20 по 21 сентября в г. Туле состоялась Областная Конференция с.-д. меньшевистских групп центрального промышленного района с участием Петрограда. Заседания конференции происходили в квартире неизвестного рабочего Тульского патронного завода по Горской улице в д. № 108, принадлежащему этому же рабочему (Домохозяин никакого отношения к конференции не имел: его квартира—притон для карточной игры).

---

[1]) „Агентурн. Зап.“, „Босяк“ № 1 от 18/IX 1915 года.

«На конференцию с'ехались делегаты от: Петрограда 2 (оба рабочие завода Н. Леснер), от Москвы—1, от Тулы—2 (рабочий Тульского патронного завода Волков и член правления больничной кассы того же завода «Иван Иванович», последний является членом «организационного комитета»), от Ярославля—1 (Павел Васильевич Беляевский[1]) и от Калуги—1 (калужец, ранее состоял секретарем клуба «Образование» в Москве, откуда и был выслан одновременно с закрытием клуба[2]).

«Не явились от: О. К.—1, от Владимира, Орла, Иваново-Вознесенска, Сормова, Смоленска и Москвы по одному.

«Причина их неприбытия осталась невыясненной.

«Всего, таким образом, на конференцию явилось семь человек, которые однако, признали возможным приступить к обсуждению намеченных вопросов и об'явить конференцию состоявшейся.

«Порядок дня:

1. Доклады с мест.
2. О текущем моменте.
3. Наша тактика:
а) отношение к Государственной Думе и «блоку»;
б) отношение к военно-промышленным комитетам;
в) по вопросу о беженцах;
г) по вопросу о помощи семьям мобилизованных и инвалидов, возвращающихся с театра военных действий;
д) по вопросу о борьбе с дороговизной.
4. Организационно-технический вопрос.

Председательствовал «Иван Иванович».

«Из докладов с мест выяснилось, что почти повсюду деятельность проявляется слабо, хотя за последнее время стало замечаться стремление к организованности и работе.

«Исключение в данном случае представляет Петроград, где, по словам докладчика, существует вполне оформленные организации: «организационный комитет» из 7-ми лиц и «инициативная группа» из 60-ти, избравшая особую «исполнительную комиссию» из 7-ми.

«Безусловным влиянием на рабочее движение пользуется «инициативная группа», проведшая всю предвыборную кампанию в военно-промышленные комитеты в Петрограде.

«Кроме того, этой группой был выпущен ряд листовок (к 9 января, 4 апреля, 1 мая и другие).

«Имеются также при некоторых заводских партийных группах фонды для помощи репрессивным, при чем самый большой фонд имеется у группы завода «Новый Леснер».

---

[1]) Беляевский, Павел Васильев, кр. Нижегородской губ., Васильевск. уезда, дер. Моркуши.

[2]) Калужец Артемов, Митрофан Прохоров, кр. Калужской губ., Боровского уезда, Чубаровской вол., дер. Бухлово.

«По вопросу о текущем моменте была выработана и принята резолюция из пяти пунктов следующего содержания:

«1) Современная война лишний раз показала народу настоящий облик самодержавного правительства, которое довело страну до полного разорения и разгрома, и чем дальше стоит это правительство у власти, тем безвыходнее положение страны.

Не может быть иного выхода из создавшегося положения, как борьба с современным режимом за демократизацию страны.

«2) Поэтому конференция призывает пролетариат и демократические элементы к организации и единению для революционной борьбы за свержение самодержавия и созыв Учредительного Собрания.

«3) И тогда, когда настоящее правительство закончит свое существование, перед народом встанет вопрос о продолжении войны или о мире.

«4) Мир признаем без территориальных завоеваний с правом на национальное самоопределение.

«5) Осуществление всех вышеперечисленных положений, а также и организация защиты национальной самостоятельности страны от внешней опасности возможны лишь при наличности организованности пролетарских и всех других народных сил».

По вопросу о тактике выработана и принята резолюция:

«Тактика момента заключается в накоплении революционных сил пролетариата и использовании текущих событий для укрепления социальных и политических позиций рабочего класса.

«Поэтому конференция призывает рабочий класс, крестьянство и демократию напречь все усилия к восстановлению своих классовых организаций (политическая партия, профессиональные союзы, кооперативы, биржи труда и т. д.) и участвовать во всех учреждениях, муниципалитетах и земствах, всюду отстаивая свою классовую точку зрения и выдвигая свои самостоятельные по возникающим в них вопросам решения:

«а) Блок, создавшийся в дворянско-бюрократической Думе, под влиянием буржуазного общественного движения (городского и земского союзов), стремится в конечном счете захватить в свои руки государственную власть помимо и против интересов демократии.

«Тем не менее, считая что в связи с существованием Думы позиция пролетариата усиливается, конференция требует немедленного созыва Думы и назначения выборов рабочего депутата от Московской губернии.

«Конференция требует немедленного к созыву Думы возвращения сосланных с.-д. депутатов на принадлежащие им места в Думе и проведения всеобщей политической амнистии.

«б) По вопросу об отношении к военно-промышленным комитетам особой резолюции не вынесено и решено принять

резолюцию «Организационного Комитета» по данному вопросу, которая и будет включена в резолюцию конференции.

«Эта резолюция, не предрешая вопроса об участии в военно-промышленных комитетах, рекомендует широко использовать предвыборную кампанию в целях созыва всероссийского рабочего с'езда».

По вопросу о беженцах признано:

«Помощь беженцам является не мерой благотворительности, а средством классовой самообороны.

«Помощь им должна быть организована на средства государства под контролем общественных и пролетарских организаций.

«Конференция призывает рабочих к непосредственному участию в организации ими, как трудовой, так и продовольственной и квартирной помощи на указанных началах и согласно с требованиями программы рабочей партии в отношении вопросов, касающихся беженцев, как рабочих.

«Стремиться организовать общегородские и заводские комитеты помощи беженцам, куда только и могут направляться сборы, делаемые рабочими в помощь беженцам».

По вопросу о помощи семьям мобилизованных и инвалидов, возвращающихся с театра военных действий, конференция признала это делом государственного страхования от риска на войне.

«Следовательно, помощь этим лицам должна быть организована на средства государства.

«На ряду с этим, конференция не нашла возможным отказаться от организации помощи семьям мобилизованных и возвращающихся с театра военных действий на началах классовой взаимопомощи, требуя одновременно усиления пенсий семьям запасных и инвалидов до пределов, при которых они могли бы существовать, не прибегая к частной благотворительности» [1]).

По вопросу о борьбе с дороговизной:

«Конференция решила призвать рабочих к участию как в существующих потребительских организациях, так и к созданию новых потребительских обществ».

По организационно-техническому вопросу вынесено три резолюции:

«1) Обсудив организационно-технический вопрос и отказавшись от создания новой областной организации, конференция считает своим ближайшим руководящим органом «организа-

---

[1]) Этот пункт резолюции принят шестью голосами против одного—калужца.

ционный комитет», признавая, однако, что в настоящее время деятельность «О. К.» представляется мало интересной. Конференция представляет предложить «О. К.» усилить его организационную работу по завязыванию связей с новым центром промышленности, оживлению старых связей и предпринять шаги к установлению регулярной информации партии. Конференция обращает внимание «О. К.» на необходимость более интенсивного политического руководства просветительной работы и борьбы партии, Конференция рекомендует «О. К.» кооптировать одного из членов конференции, тов. X., со всеми правами члена «О. К.». Далее конференция предлагает «О. К.» приложить усилия к организации уполномоченных корреспондентов.

«2) Конференция напоминает товарищам о необходимости усиления средств местных организаций путем членских взносов и других поступлений.

«3) Конференция рекомендует «О. К.» немедленно принять к созыву Всероссийской конференции меньшевистских групп, предварительно выработав порядок дня (эта резолюция не подлежит оглашению)».

«После вынесения резолюции, по предложению Беляевского, была почтена вставанием память Джона Кейр Гарди и постановлено напечатать в рабочей прессе его некролог. После этого участники конференции поздравили друг друга с благополучным окончанием работ и конференция была об'явлена закрытой. Конференция закончилась в $2^1/_4$ часа дня 21 сентября, открылась же в 11 часов утра 20 сентября, продолжалась безостановочно с одним только перерывом для отдыха на три часа. Все участники конференции от начала до конца не выходили из помещения и там же ели, пили и спали».

Они думали, что ушли от глаз охранки, а на самом деле в их среде сидел охранник и конференция не была задержана не в силу хорошей конспирации, а согласно распоряжений департамента полиции, прекрасно понимавшего, что никакого вреда кроме пользы власти эта организация принести не сможет.

Не просуществовав и двух месяцев Московский с.-д. рабочий коллектив распался, как сообщал об этом *Маракушев* («Босяк») [1].

«Двое («Ефим» [1]) и Смирнов [2]) были арестованы и выбыли из Москвы, четверо (Руденко [3]), Щепотин, Орлов и Белоусов [4]) уехали в действующую армию (Руденко был призван, а остальные,

---

1) „Агентурн. Зап.“, № 223—29/X.

„Ефим“ 1)—Трубицин, Ефим Никаноров, кр. Воронежской губ., Задонского уезда, Ниже-Студенецкой волости; Смирнов, 2) Александр Николаев, Новгородский мещанин; Руденко, 3) Прокофий Тимофеев, кр. Киевской губ., Уманского уезда, Шаулихской волости, дер. Юрпаш; Белоусов, 4) Владимир Яковлев, мещанин гор. Дорогобужа.

во избежание призыва, поступили в санитарные отряды Всероссийского Земского Союза), а двое (Матвеев [5]) и Баклушин [6]) — (оба работают на заводе «Унион» на Лесной ул.) вышли из состава коллектива по собственному желанию, без об'яснения причин, а помощник присяжного поверенного Розенфельд, поступивший в Союз потребительных обществ, добровольно пошел в действующую армию простым рядовым, отказавшись даже от поступления в военное училище.

«Местная же с.-д. меньшевистская интеллигенция почти совершенно отошла от подпольной работы и, по выражению Зарецкой [7]), «братается» с кадетами. Оставшиеся же Зарецкая и Доброхотова [8]) пытались вновь сорганизовать руководящую меньшевистскую группу, в которую предполагали пригласить, недавно возвратившегося из административной ссылки печатника Решетова [9]), приехавшего из Петербурга металлиста Федосеева, а также некоего Банифатова [10]), видного меньшевика, работавшего ранее в Петрограде.

Но все попытки оказались напрасными. Воссоздать меньшевистскую организацию так и не удалось.

Московский с.-д. рабочий коллектив, наметивший ярко оборонческую линию, рассыпался. Его смерть видно ускорила усилившееся антиоборонческое настроение в рабочих массах, сказавшееся в известной мере и на части меньшевиков. Никитин, пытавшийся еще в 1914 г. выпустить листовку против войны в декабре 1915 г., разошелся с оборонцами, и по данным Поскребухина—«Евгений» [1]), им совместно с другими московскими меньшевиками, вошедшими в контакт с «Петроградской с.-д. инициативной группой», была выпущена следующая платформа:

«Развитие капитализма, приведшее к образованию крупных национальных государств, в дальнейшем переросло национальные рамки: капиталистические страны прониклись империалистическими тенденциями: стремлением к захвату товарных и денежных рынков, международных торговых путей, к экономическому и политическому подчинению отсталых народов к мировому господству.

«С ростом этих тенденций должен был наступить момент, когда порождаемые им противоречия уже не могли найти разрешения в рамках политического равновесия «мирного распределения» сфер влияния. Должен был наступить и наступил

Матвеев, [5]) Михаил Сергеев, мещ. гор. Воронежа; Баклушин, [6]) Андрей Евдокимов, кр. Симбирской губ., Алатырского уезда, Сыресевской волости и села; Зарецкая, [7]) София Шейна Моисеевна Мовшеева, мещанка гор. Полоцка; Доброхотова, [8]) Анна Ивановна, потомствен. гражданка; Решетов, [9]) Сергей Иванов, кр. Московской губернии, Богородского уезда, Шаловской волости, дер. Стулова; Банифатов [10]) устанавливается.

[1]) „Агентурн. Зап.“, „Евгений“, от 29/XII 1915 г.

момент, когда буржуазное общество «поставило штык в порядок дня» всей мировой жизни.

«Разразившаяся мировая война есть война империалистическая и только империалистическая. Ее исторический смысл— в угнетении, а не в «освобождении нации», она ведет еще к большей эксплоатации, а не к возрождению их. Подчиняя все частные и производственные интересы и противоречия основному историческому конфликту, она превращает освободительные и об'единительные стремления народов, запоздавших в своем государственном развитии, в об'ект политической и стратегической «игры» империалистических стран.

«В национальные идеалы, поскольку их хотят осуществить национальной войной—она вкладывает утопическое или прямо реакционное содержание,—«защиту слабых народов она превращает в их истребление».

«Конституционно-монархическая Англия и республиканская Франция, русские либералы и западно-европейские демократы ставят перед войной мировые задачи: утверждение «всеобщего мира», уничтожение милитаристического гнета, устранение самой возможности империалистического посягательства, они зовут к сокрушению империализма и милитаризма в лице Германии.

«С.-д. знают, однако, что исторический смысл и содержание империалистической опасности определяется не специфическими особенностями отдельных государств, а внутренними тенденциями капитализма вообще. Путь к ее устранению они видят лишь в *классовой борьбе международного пролетариата*, в интернационализме, а не в национальной розни.

«У них нет оснований противопоставлять опасному для мира агресивному империализму «юнкерской Германии» не агресивный (и чуть ли не благодетельный) империализм Англии «с ее парламентаризмом и свободной торговлей». Они не забыли, что Англия и до войны вела вполне определенную агресивную внешнюю политику, что и до войны не немецкий «бронированный кулак», а торговая и промышленная конкуренция и интересы финансового капитала толкали ее на путь социальной реакции и сближения с реакционной Россией.

«И они видят, что наступивший мировой кризис придал теперь этой эволюции особую остроту и лихорадочный темп. Господство на море, которое английский капитализм превратил в главное свое орудие в развертывающейся мировой борьбе и которое уже вызвало протесты нейтральных держав, принудительное вовлечение в войну государств, уязвимых для английского флота, лозунг обязательной военной службы и необязательности охраны труда, условия ростовщического финансирования «союзников» и недвусмысленные заявления английской финансовой буржуазии о будущих добавочных вознаграждениях за это финансирование—все это ясно говорит о том, что

победа Англии так же мало походила бы в будущем на торжество парламентаризма, народных интересов, мира и свободы торговли, как и победа Германии или другой страны.

«Не имеет значения и указание на то, что из двух борющихся империалистических групп средне-европейская группа— и во главе ее Германия—является более сильной и более яркой выразительницей империалистических тенденций, что ее разгром поэтому ослабил бы как никак империализм вообще. Кто бы не являлся более типичным представителем империалистической агрессивности и милитаристических провокаций до войны, теперь с ходом ее логика борьбы уравнивает в этом отношении все «великие державы»; она, как показывает отношение французских социалистов к десанту в нейтральных Салониках, уравнивает в смысле агрессивности даже обороняющуюся демократию за готтентотами воинствующего капитала.

«Поддержанная социалистами нынешняя международная борьба обещает ослабить идейно и политически только демократию, но не империализм. Для действительной борьбы со всеми империалистическими группами вместе и с каждой из них порознь с.-д. должны в данный момент, более чем когда-либо, связать свою позицию со своим интернационализмом, с лозунгом международной солидарности.

«Война противопоставила солидарности пролетариев всех стран солидарность национальную, связанную с чувством самосохранения участвующих в борьбе народов. С.-д. необходимо разрешить не в пожеланиях только и в надеждах на будущее, а в *текущей политической практике* это противоречие.

«Каждая нация имеет право на самоопределение, на создание и сохранение условий, наиболее обеспечивающих ее культурное развитие, и сознательный пролетариат, понимая связь своих задач с развитием каждой из стран, тем более не может быть безучастным к судьбе своей родины, бедствия которой являются прежде всего бедствиями его собственными. Это—истина бесспорная для с.-д. Но именно те, кто особенно часто ссылаются на нее теперь, именно сторонники так называемой «обороны», на деле пришли не исполнять этот «закон», а нарушать его.

«Без сомнения национальная военная оборона принципиально отнюдь не отвергается пролетариатом. Однако в политической тактике важен не голый принцип, а конкретное содержание, определяемое всей исторической и политической обстановкой данного момента. В нынешнем сложном международном конфликте, когда ряд «обороняющихся» стран действует даже не на собственный риск и страх, а входит в союзные группы, подчиняется им и служит орудием их политики—в этом конфликте нападение и «защита» не распределяются одесную и ошую между борющимися сторонами—они слиты воедино в действиях каждой из них: защита легко переходит к нападению,

часто в каждый данный момент политически и стратегически не отделима от него. Призывы наших либеральных империалистов присоединить Константинополь и Галицию, намерение германцев (во имя свободы торговли) уничтожить «морской деспотизм» Англии и несомненное не только оборонительное, но и агрессивное значение английского морского владычества, вторжение в Сербию «на помощь туркам» и блокада Греции «для спасения Сербов»—открывают широкий простор для произвольных толкований.

«С.-д. нужны не эти толкования, а твердая уверенность в том, что «защитный цвет» ее тактики не служит прикрытием для чуждых ей агрессивных стремлений, что она сумеет во время помешать превращению обороны в нападение или, по крайней мере, сумеет во время снять с себя *политическую ответственность* за это превращение. Характер нынешней войны таков, что подобная уверенность во всяком случае немыслима вне решительной демократизации «обороняющейся» страны, вне *демократических гарантий*.

«Когда во Франции Гед и Самба вошли в министерство национальной обороны, они оговорили—в качестве элементарной демократической гарантии—знание народом «всей правды» о войне. Военная панама, разыгравшаяся под покровом военной цензуры и приведшая к контрольным парламентским комиссиям показала потом, что народ не знал не только политической, но и простой фактической правды о военных делах. «Министры-социалисты» явили собой торжество лишь демократической *формы*, а военная цензура, пока что, удаляла демократическое *содержание*. Ясно, что для политического участия пролетариата в обороне нужны *материальные* демократические гарантии.

«Вопрос о них можно было бы не подымать только в том случае, если бы можно было найти какое-либо иное основание для уверенности в оборонительном характере тех или иных из нынешних военных действий. Однако, такого основания сейчас нет.

«Его не дает анализ всего международного положения в целом, ибо он вскрывает агрессивность обоих враждующих империалистических групп, его не дает и учет сил отдельных наций, ибо «оборона» слабейших из них скрывает в себе лишь жало нападения сильнейших, а из последних ни на одну нельзя указать, как на несомненную победительницу в будущем.

«Не изменяет положения и ссылка на очевидность, на наглядные факты, на опустошение целых областей и угрозу со стороны «неприятеля» «жизненным центрам» данной страны на «перевертывание» вверх дном всей ее внутренней жизни. Все это факты, в устранении которых крайне заинтересован пролетариат. Но говорить, что благодаря этому военные действия данного государства приобретают «сейчас» уже несомненно оборонительный характер—значит вырывать изолированные моменты

из общей связи событий и показать все исторические и политические перспективы.

«Итак, в условиях данного исторического момента говорить о принятии на себя пролетариатом политической ответственности за военную борьбу того или иного государства— можно было бы лишь при наличии реальных демократических гарантий, но их нет и быть не может.

«Военная борьба есть определенное политическое средство, выбор же политических средств определяется реальной обстановкой момента. Кто сегодня выдвигает *лозунг* обороны, тот делает ее основой политического действия нынешнего, а не завтрашнего дня, санкционируя ее, как средство разрешения *данных* исторических задач, он, не откладывая—и делает ее, а делая, принимает на себя и политическую ответственность за нее.

«Осуществлять на практике лозунг «обороны» в условиях нынешнего дня—значит пойти по стопам немецких и французских с.-д., одинаково выдвигающих оборону, как основную, все подчиняющую задачу дня, голосующих за военные кредиты, отказывающихся от классовой борьбы, провозглашающих «гражданский мир» и «священное единение»—это значит вступить на путь, который не может ни привести к идейному срыву, где сомнительное «спасение» под главенством анти-демократических элементов одной страны будет осуществляться ценою уже несомненного «засилья» над другой.

«Национальное самоопределение обнаруживает здесь слишком явные черты победоносного шествия империализма. Оно не имеет ничего общего с известными постановлениями международных социалистических конгрессов, имевших в виду примирить общие интересы международного пролетариата с интересами отдельных национальностей, а не пожертвовать одними ради других.

«Между тем в нынешнем международном конфликте нас должен отделить от буржуазного, даже буржуазно-демократического «понимания» задач и событий именно наш *интернационализм*, забота не только об отечестве, но и о международном пролетариате, умение преодолеть основное противоречие момента, умение определить «опасность», от которой надо обороняться, и средства обороны не с точки зрения интересов лишь своей национальной скорлупы, а с точки зрения интересов всего интернационала.

«Именно к такому определению мы придем, когда признаем, что перед всеми странами стоит теперь *единая* угроза, угроза империалистического засилья, колоссальных потрясений и бесконечного истощения, что для отражения этой угрозы нужны не противоречащие смыслу задачи и приводящие в безвыходный тупик противоборствующие «национальные усилия» разных «отечеств», а усилия интернационального характера, международное солидарное выступление.

«Это настолько так, насколько «национальная оборона» не обеспечивает «национального самоопределения» и не предохраняет от конечного «засилья»: даже национальная победа является в этом отношении и как средство и как возможность—настолько сомнительной, что даже буржуазная, а не социалистическая демократия должна притти (и приходит) к сознанию необходимости интернационального пути—соглашения, а не всемирной борьбы для разрешения безнадежно затягивающегося мирового конфликта.

«Главная роль на этом пути выпадает на долю пролетариата, обещая придать ему исключительную моральную силу и авторитет.

«Не «оборона», а только борьба за мир отвечает и интересам интернационального пролетариата и интересам каждого из воюющих народов. Эта борьба за мир перестает уже быть одним лишь лозунгом, она становится реальным фактом в Германии, Австрии, Венгрии, где социалисты уже развивают соответствующую агитацию; очередной задачей провозгласила ее и социалистическая конференция в Циммервальде.

«Но для того, чтобы мир этот мог быть осуществлен в интересах демократии, об'единившейся против, командующих классов, а не в интересах командующих классов, об'единившихся против демократии, для этого необходимо, чтобы в каждой из воюющих империалистических стран народ обладал политической силой. Разрешение мирового конфликта в интернациональном масштабе должно опираться на политическое строительство пролетариата в национальных рамках.

«В центре нынешней политической жизни, в центре исторического момента стоит война. Она доводит до максимума напряженность классовых интересов, слагает и разлагает политические силы, обостряет все исторические противоречия. Заявлять, что нам «нет дела до нее»—значит выталкивать себя из русла политической жизни. Наоборот, связать текущую политическую практику с.-д. с задачами, выдвинутыми войною и ежедневно выдвигаемыми ею, значит придать новую максимальную убедительность и силу ее политическим лозунгам.

«Из русских с.-д. такую связь пытаются установить сторонники «обороны». Однако, их позиция полна противоречий.

«Сторонники «обороны» призывают нас к политическому участию в военной борьбе России. Тем самым они признают за этой борьбой—хотя бы только в данный момент и в применении только к нашей стране—исключительно «защитное» значение, они дают, таким образом, в глазах масс с.-д. санкцию «оборонительному» толкованию текущих событий и возлагают на с.-д. ответственность за правильность такого толкования.

«Между тем, толкование это в корне ошибочно,—оно, вырывая Россию из общей связи международных отношений, изолирует затем один момент в ее положении от другого и совершенно искажает смысл событий.

«Но этого мало. Призывая к политическому участию в военной борьбе, мы тем самым подтверждаем, что она *может* разрешить вставшие перед нами исторические задачи и что она *разрешит* их, если будет для нас успешна; осуществляя же лозунг «обороны» на деле, мы принимаем на себя ответственность за ее конкретное политическое содержание. Политический лозунг говорит не о будущем, а о настоящем; следовательно, русская демократия призывается принять на себя эту ответственность сейчас—при полном почти бессилии своем.

«Но, может быть, положение таково, что нам не приходится думать ни о политич. содержании «обороны», ни об ответственности за нее. Может быть, сторонники «обороны» полагают, что российскому пролетариату не из чего выбирать, что перед ним нет сейчас иных исторических путей, что вне обороны нет опоры для его политического строительства, откуда он *извне* мог бы влиять на ход мирового конфликта.

«Они ошибаются. Как раз позиция «обороны» обрекает русский пролетариат и русскую демократию на полный отказ от самостоятельной политической роли, как привело уже часть запад.-европ. с.-д. к сдаче своих идейных позиций.

«Лозунг «обороны» предлагает прежде всего *единство воли* обороняющейся нации, и чем грознее опасность, тем длительнее и *безусловнее* должно быть это единение. Голосование за военные кредиты—гражданский мир, «священное единение», отказ от классовой борьбы—вот практический вывод из позиции обороны; она обязывает низшие классы к максимальному политич. воздержанию и исключает всякую борьбу за демократизацию страны. Ибо, хотя демократический строй организует страну и увеличивает ее мощь в конечном итоге, итти к нему приходится путем классовых конфликтов, а эти конфликты могут пока что дезорганизовать «оборону».

«Рассчитывать на то, что этого не случится, что борьба за демократизацию проявится, как предполагают иные, в виде краткого решительного удара, или не переступит известной лойяльной черты—нет оснований. Мировой кризис затянул теперь узел классовых противоречий туже, чем когда-либо. Даже в Англии, где политическое самоограничение пролетариата составляет ему еще широкие пределы для защиты его интересов, эта внутренняя защита, как показывает угроза железнодорожников стачкой, может пойти вразрез с обороной внешней. У нас в России, где правящие классы наиболее упорно сопротивляются раскрепощению народа, «оборона» требует не самоограничения даже, а *самоотрицания* пролетариата. У нас в России, где социальные противоречия запутаны и болезненны как нигде,

ее особенно трудно совместить с политической борьбой. Отмежевываясь от анархо-синдик., с.-д. отвергают и признают политически вредной преднамеренную дезорганизацию военной борьбы, но они не могут также во имя двусмысленной «обороны» заранее связывать себя в выборе политических средств.

«Где те ценности, сохранение которых обеспечивается «обороной» и, таким образом, может побудить нас к политическому самоотрицанию? Говорят, что России угрожает экономическое порабощение и политическое расчленение.

«Но повторять сказки об экономическом порабощении России—значит лить воду на мельницу экономической демагогии, исходящей из среды российских синдикатчиков.

«Когда наши синдицированные предприниматели пугают, что будущий русско-германский договор, понизив наши ввозные пошлины, превратит Россию в германскую «колонию» и «убьет» русскую промышленность, это понятно: вздутые пошлины всегда были верным обеспечением их чудовищной сверхприбыли. Но совершенно непонятно, почему эти затасканные аргументы наших классовых врагов пришлись теперь так по душе некоторым русским с.-д. Ведь даже буржуазные экономисты давно уже вскрыли роль высоких пошлин как тормоза русской промышленности, удорожающего предметы народного потребления, закрепляющего «внутреннее засилье» синдикатов, искусственно создававших уже до войны то «голод» чугунный, то «голод» нефтяной. С другой стороны, если бы Россия была экономически столь слаба, как это изображают протекционисты — никакая защита не могла бы спасти ее теперь от «засилья» той или иной из передовых капиталистических стран. Но все дело в том, что экономическое развитие уже ушло так далеко, имеет за собой такую давность, поглотило столько миллиардов иностранных капиталов, что подавить его, превратить капиталистическую Россию в колонию не могут уже никакие договоры, как не могут уже грозить ее существованию и никакие оккупации и аннексии.

«Что касается ограничения вывоза в Германию русского сырья, то в вывозе этом заинтересован сам германский народ, сама германская промышленность, а, с другой стороны, он настолько взвинчен, что только герои укрепления курса русского рубля ценою народного недоедания могут бояться уменьшения нашего вывоза. Наше сельское хозяйство всегда покроет свои временные внешние «потери» на внутреннем рынке, емкость которого быстро растет; быстро капитализируясь, переходя к высшим формам—к вывозу более ценных продуктов – оно уже может не бояться никаких искусственных преград.

«Торговые договоры не грозят нам, таким образом, ни гибелью, ни серьезной задержкой нашего развития.

Диктуемое лозунгом обороны политическое самоотрицание демократии лишь увеличит созданную дезорганизацию, усугубит

все те беды военного времени, которые обрушились на Россию, ибо главнейшей из этих бед является та экономическая разруха, то политическое разложение, к которому вело правительство страну уже до войны, и которое с разразившимся мировым кризисом приняло особенно угрожающие размеры. И до войны наше правительство, как представитель не организующих, а хищнических элементов, подавляя в обществе все организационные процессы, политически и экономически дезорганизовало страну. Теперь, когда война пред'явила максимальные требования в отношении мобилизации творческих сил даже к сильнейшим зап.-европ. державам, дворянско-бюрократическое правительство России, верное своей природе, могло ответить на вставшие перед ним исторические задачи лишь безумным расхищением народных сил, приведшим страну к полному внутреннему развалу.

«Этот развал—вот самая подлинная и реальная опасность, стоящая перед нами. Ее устранит только организационно-созидательная деятельность демократии.

«Война широко развернула уже процесс организации в России общественно-политических сил. Буржуазная «оппозиция», главный грех которой всегда заключался в ее равнодушии к основным организационным задачам русского общества и к попыткам пролетариата приблизиться к разрешению их,—эта оппозиция вступила, наконец, на путь «собирания распыленных общественных сил». В интересах пролетариата поддержать организационно-политическую работу «оппозиции», влить в эту работу силы широкой демократии, укрепить и расширить национально-общественное строительство и весом народа определить его содержание.

«Поскольку в ряде требований это содержание будет сближать пролетариат с другими классами и политическими группами, постольку он не должен отказываться от участия в коалиции оппозиционных сил, пути которых в данный момент совпадают с его путями, должен положить в основу своей тактики принцип координирования политических действий. Свои первые удары он должен обратить не на противников будущей полной демократизации России, а на сторонников нынешней дворянско-бюрократической диктатуры. Стремясь к созыву учредительного собрания, пролетариат в интересах организации демократии и мобилизации творческих сил страны должен поддержать буржуазию в ее требовании смены власти, демократизации самоуправления, свободы коалиции и свободы печати.

«Его очередные организационные шаги должны быть направлены по пути намечающихся общих организационных процессов в стране, через продовольственные ячейки, военно-промышленные комитеты, через всякого рода общественные организации, служащие собиранию народных сил. Однако, участвуя в них, пролетариат вложит в свою организационную работу

иное содержание, нежели буржуазные группы. Так, вступая в военно-промышленные комитеты, он займется там выдвиганием очередных требований демократии и пролетариата, собирая вокруг них силы, расширяя организационные рамки своей деятельности, добиваясь созыва рабочего с'езда.

«Только идя таким тактическим путем, только увеличивая свою роль в развертывающемся в стране организационно-политическом движении, а не оставаясь в стороне от него, русский пролетариат увеличит свое значение в политической жизни страны и мобилизует свои силы.

«И только накопив таким путем политическую энергию и создав широкую политическую организацию, он представит собой веский фактор при решении судеб страны внутри и при решении их вне в вопросе о войне и мире.

«Связав свое политическое строительство с центральным фактом нынешнего дня, с войной и связанной с ней государственной «разрухой», пролетариат придаст своей политической борьбе наибольший размах и наибольшую силу.

«Выдвинув во имя устранения той же разрухи лозунг *борьбы за мир*, он свяжет свою внутреннюю политическую борьбу с классовой борьбой интернационала, свои национальные задачи с задачами международными.

«В обстановке нынешней войны с.-д. отвергает лозунг «обороны», который неизбежно окрашивается в цвета буржуазной идеологии и, вызывая в пролетариате реакцию против него, толкает рабочих в сторону анархо-синдикалистского толкования тезиса «у пролетариата нет отечества», порождает и усиливает бойкотизм и даже питает вредные «пораженческие настроения».

«Наоборот, выдвигая лозунг борьбы за мир и связывая с мобилизацией творческих сил народа во имя истинного освобождения его от засилья внутреннего и внешнего, с.-д. найдет живой отклик в народных массах, пробудит подлинное гражданское чувство, не отравленное демагогией и шовинизмом.

«Борясь за мир, с.-д. не сыграет на руку реакции, тогда как неясность в этом вопросе—готовность буржуазных верхов «воевать до конца» при молчании и апатии или озлоблении народа—способна сыграть такую роль. Вопрос о мире должен быть поставлен сейчас—в выступлениях с думской трибуны (они уже были), в требованиях к господствующим классам открыто и точно формулировать мыслимые ими условия прокламируемого будущего «прочного мира», в формулировке самой с.-д. этих условий (самоопределение национальностей, отказ от аннексий, международный представительный орган для улаживания международных отношений) и в требовании признания за народным представительством верховных прав в области внешней политики.

«Петроградская с.-д. инициативная группа.
«Московская группа с.-д. меньшевиков.»

В этой платформе авторы довольно основательно разбивают принципиальные позиции «оборонцев», но в то же время остаются «полны обманчивых надежд» в отношении буржуазной «оппозиции». Когда еще в июне месяце в связи с неудачами на фронте буржуазная оппозиция возвысила голос и готова была пойти на созыв Государственной Думы явочным порядком, трезвый политик Милюков сказал: «нельзя шутить с огнем»... «напряжение достигло последнего предела, все в таком состоянии, что достаточно неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар. И храни нас бог,—в ужасе восклицал он, — увидать этот пожар»... [1]).

Буржуазная «оппозиция» больше боялась «ужасного русского бунта и вакханалии черни», чем желала демократических реформ и ограничения самодержавия. Тот же Милюков в своей речи на июньской конференции партии народной свободы это достаточно ярко выразил словами, сказав: «какова бы ни была власть—худа или хороша, но сейчас твердая власть необходима более, чем когда-либо»... И вот в эту оппозицию авторы платформы хотели «влить силы широкой демократии» для того, чтобы «укрепить и расширить национально-общественное строительство», т.-е. продовольственные ячейки, военно-промышленные комитеты и другие подобные организации, и «весом народа определить его содержание». Но одно—желать, другое—мочь, а не строить иллюзии. Положительная же часть этой платформы была сплошным обманом несбыточных надежд, и к тому же тащащих пролетариат в то же болото «оборончества». Работа в органах обороны, хотя бы и не в интересах организации победы, а только для усиления «оппозиции», несомненно затемняла в глазах масс принципиальную линию отношения пролетариата к войне и делала всю первую часть платформы чистым пустословием и только. Практика же достаточно ясно показала, как у этих «интернационалистов» слово расходилось с делом. Рост антиоборонческих настроений в рабочих массах вынуждал неустойчивые колеблющиеся элементы с.-д. отдавать должную дань на словах интернационализму, а на деле—тащить пролетариат к оборончеству, к участию в органах обороны и прививать ему неверные представления о революционных настроениях буржуазии, стараясь этим оправдать свой союз с буржуазией.

Но история их не оправдала.

Русская действительность не пошла по пути, ими указанному. Через год буржуазная «оппозиция» отвернулась от революционной демократии и позволила царскому правительству без стеснения расправиться не только с революционными рабочими организациями, но и с такими невинными учреждениями как рабочие группы военно-промышленных комитетов.

---

[1]) См. доклад начальника охр. отд. о конференции к.-д. в приложении т. I.

Глава VI.

Московские рабочие и военно-промышленные комитеты.—Для чего понадобилось представительство рабочих.—Роль рабочего отдела В. П. К. в организации выборов. — Состав выборщиков в В. П. К.—Собрание выборщиков.— В рабочих районах.—Приезд Скобелева и Чхеидзе.—Наказ уполномоченных в В. П. К.—Выпуск меньшевистской листовки.—Рабочие в В. П. К.—Декларация рабочей группы.—Связь с петроградской группой.

Вопрос о привлечении в В. П. К. представителей рабочих был поднят в центральном военно-промышленном комитете по инициативе А. И. Гучкова, второго кандидата в спасители России [1]). Выпущенное В. П. К. воззвание отличалось уже деловым тоном и содержало выработанные на совещаниях с рабочими правила для выборов по заводам представителей от рабочих в военно-промышленный комитет. Предупредительность к рабочим распространялась так далеко, что А. И. Гучков предоставлял в распоряжение рабочих представителей свой автомобиль, о чем с надлежащим пафосом сообщали бульварные газеты. Но и на гучковском автомобиле представители рабочих недалеко уехали. Бойкотистское настроение было довольно сильно. «Для чего понадобилось военно-промышленному комитету представительство рабочих»,—недоуменно спрашивали рабочие. И единственный уцелевший рабочий орган «Вопросы Страхования», отвечая на этот вопрос, писал:

«Ответ ясен и давно уже дан самой жизнью Правительство и буржуазия не в состоянии справиться своими собственными силами с колоссальными задачами, которые поставила перед ними военная оборона страны. Необходимо участие рабочих, конечно, не только для того, чтобы поставить эту оборону на должную высоту, но так же и для того, чтобы возложить ответственность за нее на массы населения.

«В течение целого года буржуазия и правительство всячески игнорировали рабочих.

«Как град сыпались на их головы административные кары и преследования. Сотнями арестовывались и высылались в места

[1]) Первым мы считаем кн. Львова, воззвание которого цитировали на стр. 30—31.

«не столь отдаленные» наиболее активные и энергичные работники. До тла разрушены все культурные и профессиональные организации. Осуждены и отправлены в Сибирь рабочие представители. А на ряду с этим—нищета, безработица и самая беззастенчивая, ничем не стесняющаяся эксплоатация.

«Нет таких обид и оскорблений, которые бы не пришлось испытать за этот краткий, но тяжелый промежуток русскому рабочему, вплоть до расстрелов в Костроме и 10 августа в Иваново-Вознесенске.

«Когда началась война, его не спросили, как он относился к ней. Зачем? Можно было обойтись и без этого.

«Когда он вздумал заговорить об этом сам, ему зажали рот и сказали—молчи.

«И он молчал... поневоле.

«Скованный по рукам и ногам, он был и мог только быть наблюдателем.

«Но он знал, что придет еще и его время.

«Может ли он теперь взять на себя ответственность за все происшедшее.

«Ответ очевиден [1])».

Несмотря на все это, гучковские автомобили и колоссальнейшая организационная и агитационная работа военно-промышленного комитета все же дали известные результаты. Рабочие целого ряда заводов и даже городов решили участвовать в выборах.

В Москве 10 ноября состоялись по фабрикам и заводам выборы выборщиков, число которых определялось из расчета, что каждая полная тысяча рабочих избирает одного выборщика, при чем фабрики и заводы с числом рабочих от 500 до 1.000 человек избирали так же одного выборщика. Выборы прошли на 62 фабрично-заводских предприятиях с общим контингентом рабочих или избирателей в 89.948 человек и составом рабочих в отдельных случаях от 500 до 855 человек.

Придавая огромное значение технике выборов, рабочий отдел военно-промышленного комитета, как об этом писал в своем отчете председатель комитета, *Ю. Поплавский*, уделил им большое внимание. В итоге этой работы из 89.948 избирателей-рабочих, привлеченных к выборам, приняли участие в выборах и подали 45.987 избирательных записок, т.-е. в избрании выборщиков участвовало 51,12% общего контингента избирателей. В числе поданных записок оказалось 4.883 вовсе не заполненных (бойкотистских), или 10,61% общего числа поданных записок; 1.307 записок неразборчивых (2,85%) и 916 с различными подписями (1,99%). Таким образом, годных к учету записок баллотировочные ящички всех 62 предприятий

---

[1]) „Вопр. Страх.“, № 7, 1915 год.

дали 38,881, т.-е. 43,23% всего числа привлеченных к участию в выборах избирателей [1]).

Установив итоги выборов в первой стадии, рабочий отдел В. П. К. немедля приступил к проведению их во второй и окончательной стадии, назначив днем собрания выборщиков для избрания десяти представителей от рабочих в комитет 15 ноября. Повестки выборщикам-рабочим рассылались отделом через предприятия, на которых выборщики работали. В своевременности уведомления приглашавшийся выборщик должен был расписаться на самой повестке, при чем подлинность этой подписи удостоверялась на той же повестке заведывающим предприятием. При входе в помещение избирательного собрания подпись выборщика на возвращенной им повестке сличалась с подписью его на листе присутствовавших на собрании и, таким образом, устанавливалась подлинность выборщика, как правомочного члена собрания.

Собрание для выборов представителей рабочих в Московский Областной Военно-Промышленный Комитет состоялось 15 ноября в помещении Московской биржи.

На это собрание явились избранные 10 ноября 1915 г. рабочими фабрик и заводов города Москвы выборщики: т.-е. уполномоченные фабрик и заводов:

1. Александров Степан Николаев.	Акц. О-во Густав Лист (Софийск. зав.)
2. Артемов Никита Петрович.	Т./Д. Е. и Е. Леновы.
3. Барабошкин Николай Васильев.	Русск. Т-во торг. металлами Изпосков Зуккау и К⁰ б. зав. Т./Д. бр. Гантерт.
4. Бардонов Иван Никифор.	Т-во Московского Металлического з.
5. Березин Степан Семенович.	Акц. О-во Густав Лист (Бутырский з.).
6. Безобразов Василий Ефимович.	Ткац. ф-ка Р. Симон и К⁰.
7. Бирюков Василий Васильевич.	Акц. О-во „Поставщик“.
8. Богачев Михаил Иванович.	Генеральн. О-во франц. ваксы б. А. Жако и К⁰.
9. Болдин Иван Сергеев.	Акц. О-во „Марс“ б. Т./Д. Мандль и Райц.
10. Брейкш Петр Иванович.	Акц. О-во К. О. Жиро С-вья.
11. Брюмчугин Алексей Михайлов.	О-во „Богатырь“.
12. Белов Кирилл Васильевич.	Т-во И. Н. Кушнерев и К⁰.
13. Петр Васильевич (без фамилии).	Т-во Прохоровской Трехгорной М-ры.
14. Воеводин Михаил Андреевич.	Акц. О-во „Марс“ б. Т./Д. Мандль и Райц.
15. Волынкин Родион Осипович.	Т-во Шелковой М-ры.
16. Воронин Григорий Иванович.	Т-во ткац. М-ры В. И. Белова.
17. Воронов Илья Ефимович.	Акц. О-во А. Катыков и К⁰.
18. Вязков Иван Григорьевич.	Т-во Губкин-Кузнецов и К⁰.
19. Гаврилова Александра Андреевна.	Т-во кондитерской ф-ки „Реномэ“.
20. Гаврилов Трофим Гаврилович.	Т-во Даниловской М-ры.
21. Ганичев Иван Гаврилович.	Т-во П. Д. Каверина.
22. Голицын Василий Семенович.	Акц. О-во Бенно Ронталер.
23. Голосков Николай Мартынов.	Т-во Московск. Голутвинск. ткацк. М-ры.
24. Григорьев Матвей Логинович.	Т-во сит. м-ры Альберт Гюбнер.
25. Громов Николай Андреевич.	Адм. п./д. А. И. Абрикосова С-вей.

[1]) Деятельность Московского Об. В. П. К. по 31/I—1916 г., стр. 60.

26. Демидов Сергей Яковлевич.	Акц. О-во „Марс“ б. Т./Д. Мандль и Райц.
27. Денисов Афанасий Иванович.	Т-во Р. Келлер и К⁰.
28. Дюжиков Василий Федорович.	Акц. О-во „Поставщик“.
29. Евдокимов Михаил Михайлов.	Акц. О-во К. О. Жиро С-вья.
30. Константин Евграфович (без фам.)	Табачная ф-ка Т-во „Дукат“.
31. Ермолаев Илья Ермолаев.	Т-во Московск. Металлич. завода.
32. Ершов Александр Васильевич.	Т-во Брокар и К⁰.
33. Жуков Сергей Петрович.	Т-во Семенов. ткацкой белил. фабрик.
34. Задуров Иван Семенович.	Т-во Моск. сах.-раф. завода.
35. Захаров Василий Игнатьев.	Акц. О-во „Дукс“.
36. Зудин Степан Петров.	Т./Д. Гандшин и Вирц.
37. Иванов Ефим Константин.	Моск. Воен.-Артил. зав. Русск. О-ва „Всеобщ. Компан. Электричества“.
38. Казеннов Петр Васильев.	Т-во М. И. Бостонжогло.
39. Калабаева Марфа Дмитриевна.	Акц. О-во „Поставщик“.
40. Калиничев Михаил Иванович.	Т-во М-р Бр. Носовых.
41. Каменский Дмитрий Иванович.	Акц. О-во „Поставщик“.
42. Капралов Прокофий Михаилов.	Т-во Даниловской М-ры.
43. Караваев Николай Семенов.	Акц. О-во „Маркс“ б. Т./Д. Мандль и Райц.
44. Кирилин Ларион Иванович.	Акц. О-во „Поставщик“.
45. Кормилицын Степан Иванов.	Т-во Даниловской М-ры.
46. Корочаров Федор Никит.	Акц. О-во „Марс“ б. Т./Д. Мандль и Райц.
47. Кривов Алексей Никит.	Т-во А. Спу и К⁰.
48. Кудряшов Николай Нефедович.	Акц. О-во „Марс“ б. Т./Д. Мандль и Райц.
49. Кузьмин Иван Кузьмич.	О-во „Богатырь“.
50. Левин Иван Филиппович.	Т-во Ивановы и Марков.
51. Логачев Павел Осипович.	Адм. п./д. А. И. Кольберг.
52. Любимов Павел Васильевич.	Т-во А. Спу и К⁰.
53. Мазурин Кирилл Анисимович.	О-во Моск. обозн. мастерск. Гл. Интенд. Управления.
54. Мазуров Сергей Григорьевич.	Т-во Прохоровской Трехгорн. М-ры.
55. Малыгин Евгений Дмитриевич.	Ткацкая фабр. Ф. Михайлов и Сын.
56. Мартынов Иван Иванович.	Т-во Московской Вознесенской М-ры М. Т. Константинова.
57. Молоткович Иван Федорович.	Адм. п./д. Добровых и Набгольц.
58. Морозов Егор Иванович.	Красильн. ф-ка О. Г. Хишина.
59. Муравьев Фотий Николаевич.	Московское Т-во соединенных ф-к Влад. Алексеев, П. Вишняков, А. Шамшин.
60. Николаев Михаил Филиппович.	Т-во Московской Кружевной ф-ки.
61. Новичков Иван Кузьмич.	Т-во Высоцкий и К⁰.
62. Панферов Михаил Сергеев.	Анонимное О-во прядилин коконного отбр.
63. Петров Петр Петрович.	Т-во М-р Эмиль Циндель.
64. Потапов Николай Иванович.	Акц. О-во „Поставщик“.
65. Принцев Николай Иванович.	Т-во Ф. Гакенталь и К⁰.
66. Прохоров Михаил Васильевич.	Акц. О-во „Поставщик“.
67. Розанов Александр Николаевич.	Т-во Прохоровской Трехгорной м-ры.
68. Савин Алексей Федорович.	Т-во Даниловской камвольной прядильни.
69. Самарин Николай Павлович.	Т-во А. Ралле и К⁰.
70. Семенов Александр Максимович.	Т-во В. К. Ферейн.
71. Смирнов Михаил Сергеевич.	Т-во Даниловск. сах.-раф. завод.
72. Страхов Тимофей Егорович.	Т-во И. Бутикова.
73. Страхов Федор Иванович.	Тюлево-кружевн. ф-ка Т. Флетчер.
74. Тулушин Тимофей Никанорович.	Т-во Даниловской М-ры.
75. Тужилкин Иван Григорьевич.	Акц. О-во К. О. Жиро С-вья.
76. Усов Яков Ильин.	Акц. Общ. В. Бонакер.
77. Федоров-Девяткин Алекс. Федор.	Т-во И. Д. Сытин.

78. Федоров, он же Соколов. Емел. Фед.	Т-во Август Шрадер.
79. Харламов Василий Варлаамов.	Т-во М-ры Эмиль Циндель.
80. Холодков Федор Демид.	Т-во Г. Симонов и К°.
81. Хохлов Василий Гурьевич.	Т-во Прохоровской Трехгорн. М-ры.
82. Червяков Гавриил Михайлович.	Т-во Шелковой М-ры.
83. Черегородцев Василий Александр.	Акц. О-во механ. зав. Бр. Бромлей.
84. Черногубов Федор Александр.	Т-во Эйнем.
85. Чистяков Иван Иванович.	Адм. п./д. Т-ва А. И. Абрикосов С-вей.
86. Шамин Иван Георгиевич.	Т-во Прохоровской Трехгорн. М-ры.
87. Шеберстов Иван Васильевич.	Т-во Даниловской М-ры.
88. Шнырев Андрей Алексеевич.	Русск. электр. О-во „Динамо".
89. Шульгин Петр Андреевич.	Т-во Московск. Металлич. завода.
90. Яковлев Иван Яковлевич.	Акц. О-во „Поставщик".

Не явился только один уполномоченный, избранный от Т-ва Скоропечати А. А. Левенсон—Алексей Васильевич Бочаров.

После проверки полномочий собрание было открыто П. П. Рябушинским.

По предложению одного из уполномоченных была почтена вставанием память члена Государственной Думы от с.-д. фракции Ломтатидзе.

Затем П. П. Рябушинский обратился к собранию с речью, в которой приветствовал рабочих города Москвы за их желание принять участие в работах по снабжению армии.

«Нельзя закрывать глаз,—говорил П. П. Рябушинский,—на то, что наш враг более силен, чем мы, своими фабриками, заводами, своим оборудованием и рабочей армией. Нам же нужно удесятерить свои силы в настоящий момент, ибо нам приходится перестраивать весь свой промышленный и технический строй во время войны. Нам необходимо затратить огромные усилия, чтобы справиться с врагом. Не станем скрывать, что слишком поздно призваны для совместной работы общественные силы; таким образом, во многом была непроизводительно потеряна прошедшая зима, когда наш враг усиленно готовился. Но теперь призваны, наконец, все те круги и силы, которые взяли в свои руки дело снабжения и снаряжения армии. До сих пор нас заставляли стоять в стороне, но теперь, когда мы призваны, на нас всех и на вас, на всех общественных силах России лежит огромная ответственность.

«Эмблемой многих рабочих организаций являются крепко сжатые руки в знак единства. Пусть эти руки протянутся к тем, которые искренно ждут победы России. Пусть во всю ширь развернется сила нашего народа, пусть наша способность сопротивления, наша чуткая к правде народная душа поведет нас к конечной победе.

«Мы все любим Россию славную, Россию—освободительницу, Россию, полную искренних чувств, способную на великие жертвы, часто забывающую себя. Мы все любим Россию, беспомощно молящую о правде и справедливости, Россию оскорбленную. Мы все любим ее как родную мать, и мы все должны принести последнюю, великую искупительную жертву для буду-

щего. Пусть нашему мысленному взору грезится правда будущего, которая должна воссиять над великой нашей родиной. Забудем наши партийные распри и счеты, отсрочим все до конца войны. Пусть тогда наступит или день правды или день расплаты. А теперь для всех нас должна существовать лишь единая Россия.

«Армия и народ,—закончил оратор,—полны надежды, ждут от вас, стоящих у машин и станков, и нас, работающих в промышленности, великого до самозабвения вдумчивого, сознательного труда для победы России. В этой победе—все наше будущее».

После этого были открыты прения по вопросу о выборах представителей в комитет. В прениях отчетливо обозначались два течения: одно определенно стало на точку зрения бойкотистскую и доказывало, что рабочие не должны участвовать в военно-промышленном комитете, другое—заняло позицию прямо противоположную, отстаивало необходимость осуществить выборы.

Представители бойкотистского течения в ряде речей мотивировали свое отрицательное отношение к участию в комитете тем, что выборы от рабочих были произведены неправильно. Рабочим не была предоставлена возможность обсудить вопрос, выяснить задачи и состав военно-промышленного комитета и значение участия в нем рабочих. Указывалось на то, что в комитете сидят одни промышленники, и они хотят создать из участия рабочих что-то в роде декорации и переложить на них ответственность; при таких условиях рабочие будут лишены возможности принести пользу и действовать в интересах рабочего класса.

Некоторые из отстаивавших отрицательное отношение к выборам подводили под такое отношение и иной еще фундамент, в связи с отрицательным отношением вообще к этой войне, как начатой буржуазией.

Представители другой части уполномоченных, стоявшие за выборы, не отрицали ненормальности обстановки производства выборов; но из этого,—говорили они,—отнюдь нельзя сделать тот вывод, что рабочие не могут и не должны участвовать в военно-промышленном комитете.

«Бойкотисты всегда совершали ошибку,—говорил один из уполномоченных—отказываясь от тех прав, которые им предоставлялись. Участие в комитете даст рабочим возможность контроля, даст известное влияние в интересах рабочего класса».

Отвечая тем, которые настаивали на невозможности работать с буржуазией, один оратор напомнил слова Бебеля: «Я пойду работать с самим чертом и его бабушкой, если это будет только в интересах рабочих». Не следует заранее предрешать положение рабочих в комитете. У них всегда будет возможность уйти из комитета».

Некоторые предлагали войти в комитет с тем, чтобы возбудить вопрос о созыве Всероссийского рабочего с'езда.

В прениях выяснилась необходимость устроить частное совещание уполномоченных, чтобы наметить кандидатов. П. П. Рябушинский предложил воспользоваться для частного совещания перерывом. Перед перерывом решено послать приветственную телеграмму рабочим союзам Франции и Англии. Большинством голосов председателем частного совещания избран И. П. Чистяков.

На частном совещании возобновились и носили очень оживленный характер дебаты по вопросу об участии в военно-промышленном комитете. Сторонниками и противниками участия были снова развиты те точки зрения, которые указаны выше. Между прочим, по поводу тактики германской социал-демократии одним из ораторов было сделано горькое замечание: является ли нормальным такое положение, чтобы организованные германские рабочие били нас, неорганизованных русских рабочих, на поле сражения.

Понемногу отчетливо оформились два мнения: одно—отказаться от участия в выборах, не предрешая вопроса о ходе работы в комитете до созыва рабочего с'езда, и другое—принять участие в выборах.

Большинством 69 голосов против 21 совещание высказалось за участие в выборах.

После перерыва возобновилось официальное заседание, на котором Рябушинский огласил текст приветственной телеграммы рабочим Англии и Франции следующего содержания:

«Собрание выборных от города Москвы, состоявшееся сегодня, 15 ноября, для избрания своих представителей в военно-промышленный комитет, приветствует своих товарищей—рабочих Франции и Англии и желает им успеха в их великих трудах по снабжению армии всем необходимым для достижения конечного торжества права и правды в великой мировой борьбе».

Большинством голосов против 15 текст этот принят. Решено послать приветствие французским рабочим на имя Альберта Тома и рабочим Англии—на имя Асквита.

Председатель частного совещания рабочих И. П. Чистяков доложил о результате совещания: об его решении произвести выборы представителей в военно-промышленный комитет.

После провала бойкотистской точки зрения и принятия оборонческого приветствия к рабочим Франции и Англии, представитель бойкотистского течения сделал заявление о своем отказе присутствовать в заседании во имя чистоты принципов рабочего класса [1]). К нему присоединились его единомышленники,

---

[1]) По данным газеты „Утро России" (№ 314—16/XI—1915 г.) резолюция оппозиции гласила:

„Мы заявляем, что не можем считать правильным произведенные выборы выборщиков, так как предвыборные собрания по фабрикам и заводам не были допущены. Мы не являемся представителями пославших нас, но мы не знаем их мнения даже о том, следует ли представителям рабочего класса участвовать в военно-промышленных комитетах. Поэтому мы отказываемся от выборов в мо-

и группа из 21 человека вышла из залы. П. П. Рябушинский, обращаясь к собранию, сказал, что к этому факту нужно отнестись спокойно; здесь нет демонстрации, здесь только последовательное проведение своих взглядов. Собрание должно продолжать свое дело.

Через некоторое время ушедшие возвратились и заявили, что представитель полиции записывает их имена и не выпускает из помещения. Это вызвало в собрании волнение. П. П. Рябушинский поспешил к выходу, об'яснился с представителем полиции. Инцидент был улажен. Список уполномоченных со сделанными пометками об ушедших из собрания был отдан П. П. Рябушинскому. Бойкотисты разошлись. Собрание возобновило свои занятия.

После ухода бойкотистов были произведены выборы путем подачи записок, при чем избранными оказались следующие лица: 1) И. Г. Вязгов (56 голосами, от товарищества Губкина и Кузнецова); 2) Константин Евгеньевич (без фамилии, 26 голосами, уполномоченный от фабрики Дукат); 3) С. Г. Мазуров (27 голосами, от товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры); 4) Е. П. Морозов (31 голосом от красильной фабрики О. Г. Хишина); 5) М. Ф. Николаев (36 голосами, от товарищества Московской кружевной фабрики); 6) Н. И. Потапов (35 голосами, от общества «Поставщик»); 7) А. П. Розанов (38 голосами, от товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры); 8) А. Ф. Федоров-Девяткин (53 голосами, от товарищества типографии И. Д. Сытина); 9) Е. Ф. Федоров, он же Соколов (23 голосами, от товарищества «Август Шрадер»); 10) В. А. Черегородцев (48 голосами, от общества механического завода «Бр. Бромлей»).

Кампания по выборам рабочих представителей в В. П. К. значительно оживила партийную работу, поставив перед рабочими задачу немедленной оценки момента и определения своего отношения к войне и всем другим задачам, вытекающим из нее. Вопрос быть или не быть рабочим представителям в В. П. К. неизбежно выдвигал все эти вопросы, и рабочие массы должны были их решить. Организованный авангард рабочего класса в лице его партии большевиков должен был помочь ему разобраться во всех этих вопросах и все большевистские группы и ячейки с головой бросились в эту работу. Работать пришлось в значительно лучших условиях, чем раньше. Уже не требовалось выдумывать повод для агитации. Его давал факт выборов в В. П. К. Вопрос о выборах рабочих представителей стал злобой дня рабочих районов. Каждого с новым словом, отличным

сковский военно-промышленный комитет и слагаем с себя звание уполномоченных".

Нужно полагать, что резолюция значительно сокращена, так как нет того места, на которое указывает в своем слове Рябушинский, а так же отчет „Русских Ведомостей" (экстр. прилож. к № 263), говоря о „чистоте принципов рабочего класса".

от буржуазных призывов, здесь радостно встречали. Большевиков уже никто и не думал обзывать немецкими шпионами, несмотря на то, что они еще с большей силой выступали против войны и Государственной Думы, ставшей в то время для интеллигенции и мелкой и крупной буржуазии единственной надеждой.

Началась страда в нашей партийной работе. Эта кампания впервые за время войны открыто и легально ставила перед рабочими вопросы внутренней и международной политики царизма. И рабочие не преминули широко использовать открывшуюся возможность. На заводах устраивались собрания, на которых происходила встреча двух мировоззрений — революционного интернационализма, знавшего одно только отечество рабочего класса—социалистический строй, и другого, примиренческого оборончества, находившего «отечество» рабочих даже в условиях царизма. Гнусная обстановка внутри страны связывала руки социалистам-патриотам, и поэтому социалистическая газета «Рабочее Утро», учитывая революционное настроение питерских рабочих, играла на «боевизме»—приглашала рабочих, «ежели их не пустит туда буржуазия»,—а буржуазия на самом деле очень усердно их туда заманивала,—«мозолистыми руками самим отворить их затворы». Думская же фракция с.-д., обессиленная внутренним расколом — откровенным патриотизмом Чхенкели и Хаустова,—занимала в вопросе об участии в Военно-Промышленных Комитетах колеблющуюся позицию. Н. С. Чхеидзе, считавшийся левее других, все же стоял за «вхождение представителей от рабочих в В. П. К. в интересах организации рабочих и для организации антиправительственных сил».

Москва тоже имела честь видеть этого представителя в Думской с.-д. фракции и слышать его мнение по этому вопросу. Приезжал он в Москву в начале сентября, а немного позже приехал и Скобелев. В Москве Чхеидзе выступал в обществе взаимопощи торговых служащих, Симоновской больничной кассе и у студентов Коммерческого института. Во всех этих выступлениях он еще был более левым, чем через какую-нибудь неделю после. По данным Поскребухина («Евгения») на докладе в обществе взаимопомощи торговых служащих по вопросу об участии в военно-промышленном комитете, он развил такую мысль, что прежде чем участвовать, пролетариат должен потребовать свободных условий для устройства фабрично-заводских и общегородских собраний, общероссийского с'езда для разрешения вопросов: «нужно ли итти», «как итти» и «зачем итти», а так же свободного существования рабочей прессы и рабочего центрального органа из представителей рабочих организаций всех городов России.

«Только при осуществлении минимума политических и гражданских свобод пролетариат может практически подойти к разрешению этой задачи.

«Аналогично мнение Чхеидзе и по вопросу о национальной обороне—«прежде созыв учредительного собрания и только там сам народ решит, хочет он участвовать в обороне страны, или нет» [1]).

«Выступавший в прениях Одноблюдов [2]) указывал, что фракция не имеет лозунгов и нет общего взгляда на то, что должна делать русская с.-д., исходя из той политической ситуации, которая создалась в России.

«Кроме Одноблюдова в прениях принимали участие: Матеранский [3]), Кассиор [4]), Рогов [5]), присяжный поверенный Катанян, Смыслов и неизвестный.

«На собрании присутствовали члены правления: Петров, Сергей Николаевич, Мудров, Иван Андреевич, Шишкин, Алексей Алексеевич, Матеранский, Петр Мартынович, Кассиор, Станислав Викентьевич, Мумриков, Леонид Осипович, Гончаров, Николай Кузьмич, Козырев, Михаил Иванович, Поскребухин [6]), Алексей Алексеевич и Сурков, Филипп Иванович.

«Члены Общества: Фролов, Катанян (присяжный поверенный), Смыслов, Одноблюдов, Василий Николаевич, Каптырева, Мария Ивановна, Рогов, Михаил Иванович, Кондратенко, Стефания Силовна, Тихомиров, Александр Георгиевич, Булин, Антон, Пылаева, Анна Николаевна, Голято, Михаил Васильевич, Андреев, Александр Демьянович, Ефимов, высланный, кажется из Иркутска, Вишман, Борис Сергеевич, Розенгольц, Аркадий Павлович, Царик, Лидия Дмитриевна, Заблудовский, Лев Матвеевич, Гавеман, Борис Викторович, Белоусова, Головчинер (сестра Сольца), неизвестный по фамилии конторщик из Симоновской больничной кассы, Мошечков, Леонид Владимирович и др., всего около 60 чел.»

Скобелев также выступал на нескольких рабочих собраниях в Москве, обсуждавших вопрос об участии рабочих в В. П. К. По данным „Штурмана“ [7]), Скобелев знакомил московских рабочих с отношением питерских рабочих к этому вопросу и рекомендовал Москве принять этот же метод. По его словам, большинство сознательных рабочих Петрограда сходятся на необходимости участия в выборной кампании и меньшинство стоит и за участие в органической работе самих военно-промышленных комитетов.

Большинство рабочих высказывается за создание, пользуясь этими выборами, «Совета рабочих депутатов».

---

[1]) „Аг. Зап.“—„Евгений“, № 163, 11/IX 1915 г.

[2]) Одноблюдов, Василий Николаевич.

[3]) Матеранский, Петр Мартынович, сын дворянина.

[4]) Кассиор, Станислав Викентьевич, кр. Седлецкой губ., Венгровского у., гмины Старовес.

[5]) Рогов, Михаил Иванович. Московский мещ. Хамовой слободы.

[6]) Поскребухин,—провокатор, кл. „Евгений“.

[7]) „Агент. Зап“.— „Штурман“ № 186, 23/IX 1915 г.

Григорий Кондратьевич В е р е в к и н (198, 202, 274—304).

Эдуард Карлович Б е р з и н (55, 56, 67, 257—272).

«Там, по заводам и фабрикам, заводские комиссии для подсчета голосов, по выборам выборщиков, будут играть роль местных ячеек и имеют превратиться в местные заводские ячейки (к-ты).

«Собрание выборщиков, выбранных на каждом заводе (всего около 210 человек), составит Петроградский Совет рабочих Депутатов, который по разным вопросам будет самочинно собираться, указанные 210 человек выберут 10 человек, которые от себя по двухстепенной системе выборов, выберут 1 делегата в военно-промышленный комитет.

«Указанные 10 человек составят руководящую и исполнительную комиссию при Петроградском Совете Рабочих Депутатов.

«Большевики и меньшевики расходятся в оценке момента, когда именно необходимо будет об'явить гласно собрание выборщиков «Советом Рабочих Депутатов»; ме-ки говорят, что пока следует это наименование законспирировать и об'явить себя «Советом Рабочих Депутатов», только когда наступит соответствующий момент.

«Бе-ки находят, что об'явить себя «Советом Рабочих Депутатов»—названному собранию выборщиков—надо немедленно».

Насколько действительно в Петрограде так вопрос ставился, нам здесь не место разбирать, но следует все же отметить, что мысль самочинного возникновения «Совета Рабочих Депутатов» возникла в связи с постановкой либеральной буржуазией вопроса о создании центральной организации всех, так называемых, общественных организаций. Эта организация должна была носить строго легальный характер—разрешать задачи, вызванные войной, но действительный замысел сводился к тому, чтобы незаметно создать политическую организацию, которая могла бы властно заявить свои политические требования [1].

Мысль создания боевых революционных рабочих организаций под флагом обороны в 1915 году усиленно пропагандировалась социалистами всех мастей, кроме большевиков, которые решительным образом отказались чем-либо себя связать с работой на оборону или что-либо такое сделать, что бы могло в глазах рабочих масс затемнить большевистскую линию в этом вопросе.

Большевики и не ошиблись—принятие на словах обороны не дало нам ни «Советов Рабочих Депутатов», ни «Рабочего С'езда», а только одних военно-промышленных социалистов, крепко себя приковавших к колеснице войны. Когда еще в первых числах июня, во время приезда в Москву из Петербурга присяжного поверенного Соколова, в квартире Яхонтова при участии Смидовича и Милютина была принята написанная

[1] Об этом смотрите Ив. Меницкий—Рабочее и с.-д. подполье Москвы, изд. 1923 года, стр. 114—116.

Яхонтовым декларация *об отношении к военно-промышленным комитетам и другим подобного рода организациям* [1]), то против ее меньшевики возражать и не думали. Уклоняясь от принципиальных споров, они заводили речь о том, что все это хорошо и только плохо, что большевики не хотят использовать легальные возможности для организации рабочего класса и в частности В. П. К. Только потом они сбросили маски и открыто облачились в защитный цвет. Скрывая свое истинное лицо, они звали нас на свой скользкий путь. Но обмануть им нас так и не удалось. Наша ясная линия в вопросе об использовании легальных возможностей дала нам возможность легче решить вопрос об участии в В. П. К-ах.

Когда еще в первых числах сентября, в связи с предложением В. П. К. больничным кассам дать своих представителей для работы в В. П. К., 5-я центральная больничная касса, не ожидая решения представителей рабочих организаций об отношении к В. П. К., избрала в таковой своего представителя в лице товарища председателя Карасева И. А. [2]), то на одном из совещаний представителей рабочих организаций,—как об этом сообщал осведомитель «Кондуктор» [3])

«действия 5-й центральной больничной кассы были признаны неправильными и вынесено постановление предложить ей отозвать Карасева из военно-промышленного комитета. Присутствующий здесь же Карасев заявил, что об этом постановлении он лично доложит правлению больничной кассы и добавил, что он лично согласен с решением настоящего собрания, но затрудняется заранее сказать, как отнесется к таковому правление больничной кассы, постановлению которого он обязан подчиниться».

Карасев, будучи народником, в оборончестве был уже раньше замечен и на этом собрании, оказавшись не в состоянии защитить своей позиции, смолодушничал и спрятался за спину правления. Поведение Карасева характерно для многих оборонцев того времени: сталкиваясь с последовательными марксистами и зная, что за их оборончество по головке их не погладят, они скрывали свои убеждения и только в среде восприимчивой к оборончеству давали волю своим чувствам и языку.

Организованные рабочие города Москвы в этом вопросе были на стороне большевиков и когда начались выборы уполномоченных, то большевистский *наказ уполномоченным по выборам в военно-промышленный комитет* на всех рабочих собраниях, где только был предложен, проходил единодушно. Наказ этот гласил:

«Собрание уполномоченных по выборам в военно-промышленный комитет, обсудив вопрос о своем отношении к комитету,

---

[1]) Текст этой декларации приведен в той же моей работе, стр. 99.

[2]) Карасев, Иван Алексеевич кр., Московской губ., Клинского уезда, Соболевской волости, дер. Максимовка. Народник.

[3]) „Агент. Зап.“, „Кондуктора“, № 48, 8/IX 1915 года.

приняло следующую резолюцию, которая должна в то же время служить наказом нашему уполномоченному:

«1. Современная война —есть война буржуазная. Начатая вопреки желанию народа и во вред ему, эта война в то же время всей своею тяжестью ложится на плечи неимущих слоев населения.

«Международный пролетариат не сможет связывать с этой войной никаких положительных задач. Идя к своей основной цели, рабочий класс должен использовать современный военный кризис для об'единения всех живых сил пролетариата для осуществления своих классовых задач.

«Наша задача—не сотрудничество с буржуазными классами в деле организации войны, а борьба с ней в интересах классовой самозащиты и классового освобождения. Эти задачи могут быть достигнуты не участием во враждебных нам буржуазных организациях, а в создании и укреплении *своих классовых организаций.*

«2. Военно-промышленные комитеты есть классовая организация русской буржуазии. Об'единяясь вокруг комитетов, буржуазные классы пытаются использовать военный кризис для укрепления своего политического и экономического господства.

«Мобилизуя промышленность под знаменем «защиты отечества», военно-промышленные комитеты дают возможность промышленникам за счет народа нажить громадные состояния. Под знаменем патриотизма происходит расхищение народных средств. «Защита отечества» стала выгодным предприятием.

«Создав для себя привилегированное положение, русские промышленники в союзе с правительством пытаются закрепостить рабочих путем введения милитаризации труда, чрезмерных сверхурочных работ, усиления эксплоатации женского и детского труда и использования труда желтых рабочих.

«Переживаемый страной экономический кризис обострил классовые противоречия. Невыносимые условия жизни вынуждают рабочий класс напрячь все силы для того, чтобы дать решительный отпор «патриотизму эксплоататоров».

«Только сплачивая свои силы в *своих рабочих организациях*, сумеем мы дать им надлежащий отпор.

«3. Исходя из этих соображений, мы заявляем, что участие русских рабочих в военно-промышленных комитетах является изменой делу международного пролетариата и принесет глубокий вред русскому рабочему движению. На призыв буржуазных классов принять участие в работах военно-промышленного комитета для сотрудничества с нею в деле организации войны, мы, рабочие, должны ответить отказом от участия в комитете и приложить свою энергию к тому, чтобы укрепить существующие и создать всюду новые *свои рабочие организации.*

«Призывая рабочих города Москвы к отказу от выборов в военно-промышленный комитет, мы вместе с тем обязываем нашего уполномоченного на собрании уполномоченных отстаивать вышеуказанные наши положения и голосовать против *выборов* в военно-промышленный комитет».

Ко дню выборов «Московский с.-д. рабочий коллектив» меньшевиков выпустил листовку о предстоящих выборах в военно-промышленный комитет; листовка эта, как совершенно верно сообщал осведомитель «Босяк» [1]), не удовлетворила даже самих меньшевиков, которые были в недоумении, для чего понадобилось выпускать нелегальным путем листовку, содержание которой можно было бы с успехом напечатать в любой легальной газете тем более, что напечатание ее стоило 100 рублей.

«Недовольно большинство» меньшевиков и выставлением в листовке требования: «полновластной Думы» вместо «Учредительного Собрания» и «свободы коалиции» [2]) и т. д.

«Эти листовки из типографии были доставлены в контору фабрики Винокурова, а затем переданы бывшим служащим союза потребительных обществ Щепотину [3]) и Орлову [4]), которые и распространяли их по профессиональным обществам, однако они почти не получили распространения, так как большинство профессиональных обществ их уничтожило».

Уничтожая меньшевистские листовки, рабочие организации в то же время жадно искали большевистских листовок. После ареста техники «Тверской группы», в Москве у большевиков не было ни одной техники с типографским шрифтом. Меньшевики типографии тоже не имели, но у них был фабрикант Винокуров, который их листовку отпечатал за свой счет в хорошей легальной типографии. Но это не остановило выпуска большевистской листовки. Последняя была издана «Пресненской группой Р. С. Д. Р. П. [5]). В этой листовке клеймились изменниками и предателями все, кто вступит в В. П. К. Кроме того, в ней мы находим и другой лозунг, в других большевистских листовках того времени не встречавшийся,—это бойкот военной промышленности. «Товарищи, бегите из снарядных мастерских. Приготовление снарядов—позорный предатель-

---

1) „Агент. Зап.“, „Босяк“, № 223, 29/X 1915 г.

2) Листовка эта печаталась в типографии, постоянно исполняющей заказы фабрики Винокурова, при чем за печатание 100 рублей были уплачены лично Винокуровым из собственных средств. Винокуров, Дмитрий Федотович, личный почетный гражданин.

3) Щепотин Иван Семенович, кр., Калужской губ., Малоярославецкого уезда, Неделинской волости и села.

4) Орлов Михаил Иванович, мещанин города Тулы.

5) Листовка эта была размножена весьма оригинальным образом. На гладком цинковом листе китайской тушью оборотными буквами писался оригинал, потом места не покрытые тушью протравливались кислотой, и получался стереотип, с которого потом с помощью валика и типографской краски печаталось неограниченное количество экземпляров.

ский труд. Плоды его—снаряды полетят в нас» и т. д., читаем мы в этой листовке. Все это звучит немного утопически, пацифически, хотя, однако, сейчас этот лозунг приводится Коминтерном во Франции, Англии и других странах, где борьба против войны между прочим ведется и под этим практическим лозунгом, выражающимся в саботаже военной промышленности и транспортирования военных грузов и. т. д. [1]).

---

[1]) Листовка эта мною уже была напечатана в сборнике „Накануне Великой Революции", текст ее следующий: „Товарищи-рабочие! Накануне настоящей великой войны русское самодержавное правительство занималось азартной игрой в европейское равновесие. Эта игра требовала раздела, то Турции, то Болгарии, то еще какого-либо государства в Европе и Азии. Наблюдая за этой игрой, реакционеры и либералы давали советы, рекомендовали не стесняться попиранием народных прав и интересов и предрекали неизбежность завершения предательской игры мировой войны. И вот господа сызнова бросили на игральные весы миллионы человеческих жизней, плоды долголетних народных трудов. Ручьями потекла кровь народная. Во мгновение ока уничтожилось то, что создано годами. За свободу и процветание, будто бы, Сербии отдано на растерзание и уничтожено народа в десять раз больше, чем его было в Сербии. Игра уже близится к концу: шуллерские свечи одурачивания народа догорают. Крупные ставки проиграны, на карту ставятся последние остатки народных сил". И по мере того, как стало очевидно, что позорная ответственность за позорную игру не по плечу правительству и буржуазии, они придумали привлечь к игорному столу народ—они приглашают рабочих в военно-промышленные комитеты. Хитроумные шуллеры, крепостники и соратники реакционной буржуазии стараются хоть под конец завлечь в азартную игру нас, чье благо и жизнь уже проиграны. Рабочих хотят соблазнить неожиданным вниманием: приглашают отыгрываться. *Все это делается для того, чтобы ответственность за поражение свалить на народ*, чтобы отнять у народа право на требование отчета, возмездие за классовые жертвы.

Товарищи рабочие! Правительство и буржуазия стараются избежать народного гнева, народного суда, которого они боятся больше, чем германских орудий.

Пусть же свершится этот суд. Товарищи, берегите свои силы для борьбы с вековыми врагами—крепостническим правительством и беспощадными крепостниками. Не должно быть у нас союза с нашими угнетателями, коварными врагами, обманувшими нас в 1905 году. *Всякий, кто вступит в военно-промышленный комитет, будет изменником народа, нашим врагом. Он должен быть навсегда заклеймен печатью предателя.*

Товарищи, Народу нужен мир, Народу нужен свободный труд и все плоды его. Приготовление снарядов—позорный предательский труд. Плоды его—снаряды полетят в нас: помните же 1905 год. А что у нас теперь. У нас нет никаких гражданских прав. У нас ничего нет и не будет, если мы будем в союзе с нашими врагами.

Товарищи! бегите из снарядных мастерских! Бегите из фабрик, где труд тяжелый оплачивается грабительски, где в рабочем не хотят видеть человека,—знайте, чем скорее кончится война, тем лучше для вас. Не следует ожидать полного поражения или победы: и то и другое нам принесет еще худшее порабощение. Мы должны сделать все, чтобы немедленно заключить мир на более выгодных теперь условиях, а не затягивать игру до последнего солдата, до последней копейки.

Долой тех, кто работает на снарядных заводах, кто идет в военно-промышленные комитеты.

Да здравствует мир! Да здравствуют всемогущие, создающие новую светлую жизнь труженики! Да здравствует свободный прекрасный труд!

Да здравствует учредительное собрание и демократическая Республика!

Пресненская группа Р. С. Д. Р. П".

Кампания по выборам в В. П. К. потребовала колоссального напряжения наличных партийных сил Москвы, раздробленных, друг с другом не связанных, а потому и оказавшихся не в силах обслужить все выборные собрания.

Техника Поплавского, проведенная рабочим отделом В. П. К., принесла желанные результаты. Бойкотистов-большевиков оказалось 21 из 90. Оказавшись в меньшинстве, им ничего другого не оставалось, как демонстративно уйти, огласив свою декларацию,—что они и сделали.

Избранная десятка рабочих представителей в московский областной В. П. К. весьма скоро убедилась, что, попав в общество зубров, ей совсем не легко защитить не только рабочий класс,—где уже об этом думать,—а свою собственную самостоятельность.

«В течение первых трех месяцев, читаем мы в годовом отчете группы, рабочая группа почти лишена была возможности плодотворно работать вследствие крайней неопределенности ее положения в комитете. Почти все внимание ее было сосредоточено в это время *на борьбе за самостоятельность* рабочей группы. Комитет решительно отказался признать группу самостоятельным отделом, ссылаясь на наказ комитета, по которому каждый член В. П. К. может записаться в любой отдел его, между тем доступ в рабочую группу был бы для других членов закрыт. После долгих прений пришли, наконец, к тому, что группа образует под'отдел отдела промышленного труда; разница между под'отделом и отделом заключается, главным образом, в том, что под'отдел не имеет возможности совершенно самостоятельно сноситься с внешним миром, так как порядок отсылки корреспонденции под'отдела определяется отделом. Из-за нашей корреспонденции группе пришлось выдержать упорную борьбу в комитете, и вопрос этот до сих пор не получил еще окончательного решения. В остальном нам предоставлена относительная самостоятельность: мы имеем отдельное помещение, особых приглашенных нами служащих (секретаря и переписчицу), имеем право самостоятельно образовывать комиссию и приглашать как в заседания группы, так и в комиссии посторонних (сведущих) лиц; на расходы группы нам ассигнуются особые средства. Из всех этих вопросов вызывает нередко трения с комитетом вопрос об устройстве заседаний комиссий с участием посторонних лиц».

Борясь за самое себя, рабочая группа время от времени становилась в позу представителя рабочего класса и читала декларации. Если большевики покидали собрание выборщиков и читали свою декларацию то они делали это, как верно заметил Рябушинский, последовательно проводя свои взгляды. Рабочая же группа в своих декларациях, в угоду своим буржуазным коллегам, отходила от своих прежних взглядов, изменяя интернационализму, приковывая себя к колеснице войны.

Первая декларация была оглашена *В. А. Черегородцевым* 30 ноября в первом заседании комитета, в котором присутствовали представители рабочих. В этой декларации, он громко заявил:

«Мы, выборные от 90 тысяч московских рабочих, вступили в состав военно-промышленного комитета, несмотря на то, что не были допущены предварительные собрания, рабочих заставляли выбирать в-темную, благодаря чему многие рабочие отказались участвовать в выборах.

«Мы считаем, что интересы нашей страны и наши рабочие интересы требуют нашего участия в работе военно-промышленных комитетов. Когда стране угрожает опасность, гражданский долг рабочего класса защищать ее от нашествия неприятельских войск, несущих разорение прежде всего и больше всего трудящемуся люду.

«Но вступая на защиту своей страны и борясь против нарушения ее независимости, против ее угнетения и завоевания другими государствами, мы не желаем посягать и нападать на независимость и свободу чужой родины. Защищая Россию, мы будем бороться против завоевания земель других государств и насилия над другими народами, с которыми желаем жить в согласии.

«Мы стремимся к желанному трудящимися всех стран миру, при котором ни один народ не должен подвергаться завоеванию и насилию в какой бы то ни было форме.

«Вместе с рабочими других стран мы будем поддерживать всякий шаг к такому миру.

«Положение России тяжелое, 15 губерний заняты немцами и австрийцами и трудящееся население этих губерний—миллионы стариков, женщин и детей, лишены крова и пищи и бродят по необ'ятной России в поисках пристанища. Миллионы русских солдат, сыны народа, защищая родину, гибнут массами под губительным артиллерийским и пулеметным огнем. А их жены и дети здесь, в тылу, мерзнут от холода и голодают от дороговизны и отсутствия самых необходимых припасов и топлива. И с каждым днем положение становится все более опасным и угрожающим...

«Спасти Россию от бедствий на фронте и в тылу может только об'единение усилий всего народа и организация всех народных сил. Только свободный от всех пут народ может освободить себя.

«А между тем народы, населяющие Россию, попрежнему скованы по рукам и ногам и их деятельность на пользу родины на каждом шагу встречает полицейские препятствия. Собрания граждан не разрешаются, народные и рабочие организации даже для нужд обороны распускаются, инородцы и иноверцы преследуются, рабочие газеты закрываются, люди, полезные родине

в это тяжелое время, арестовываются, а рабочие депутаты, избранники того класса, который производит все предметы, необходимые для армии и обороны, арестованы и сосланы в Сибирь. В ответ на требования общественных с'ездов и собраний призвать министров из среды общественных деятелей, а не чиновников, правительство распустило Государственную Думу и не созывает ее до сих пор, хотя только Государственная Дума могла бы осуществить над ним некоторый контроль и когда положение страны с каждым днем ухудшается.

«При таком положении мы, представители рабочего класса города Москвы, считаем необходимым об'явить во всеуслышание, что успехи обороны и спасение России станут возможны только тогда, когда весь народ будет призван к свободной деятельности, когда дело обороны перейдет в руки народного правительства, опирающегося на все классы и народы, населяющие Россию.

«Военно-промышленные комитеты представляют из себя одну из общественных организаций, ставящих своею целью об'единение промышленных и технических сил для дела защиты—обороны. Лишенные собственных организаций, мы готовы принять участие в их деятельности, хотя не скрываем от себя, что и в вопросе об обороне страны и в решении внутренних вопросов мы во многом разойдемся с большинством членов военно-промышленного комитета.

«Для успеха защиты родины необходимо также, чтобы рабочие, производящие все нужные для армии предметы, были поставлены в человеческие условия жизни, чтобы их семьи могли жить не впроголодь.

«Входя в военно-промышленный комитет, мы будем строго блюсти интересы рабочих, как производителей и трудящихся. Мы будем решительно бороться против всех тех мер, которые предлагаются будто бы в интересах защиты родины, а на самом деле во имя своекорыстных интересов; мы будем бороться против отмены законов, охраняющих труд, против милитаризации заводов, за заработную плату, соответствующую напряженности труда и дороговизне жизни.

«Наша работа может быть успешна только тогда, если наши действия будут выражать желания пославших нас московских рабочих. Поэтому, протестуя самым энергичным образом против недопущения предвыборных собраний, мы настаиваем, чтобы военно-промышленный комитет предпринял немедленные шаги к созыву по фабрикам и заводам собраний для выслушания нашего отчета и ознакомления нас с волею наших избирателей.

«Вместе с тем, исполняя данный нам на собрании выборщиков единогласный наказ, мызаявляем о необходимости созыва Всероссийского рабочего с'езда, который один только может от

имени рабочих всей России сказать свое слово о защите страны и выразить волю всего рабочего класса» [1]).

Через три недели после этого, а именно 23-го декабря, группа выступила с новой декларацией, в которой она выдвинула ряд задач, осуществление которых, как декларация выражалась, необходимо в интересах «всенародной постановки дела самозащиты и поднятия экономического положения рабочего класса до уровня человеческого существования».

Задачи эти следующие:

«а) Устранение препятствий, стоящих на пути существования и действия профессиональных организаций рабочих, как наиболее компетентных и правомочных представителей профессиональных интересов рабочих масс.

«б) Установление при участии рабочих максимума заработной платы, при которой допускалась бы сдача заказов через военно-промышленный комитет частным предприятиям.

«в) Организация примирительных камер для предупреждения и улаживания конфликтов между рабочими и предпринимателями.

«г) Организация повсеместно городских бирж труда на паритетных началах с сохранением полного нейтралитета в борьбе труда с капиталом и уничтожение бюро труда при военно-промышленных комитетах».

Наконец, в том же заявлении от 23 декабря было указано, что в интересах об'единения деятельности рабочих представителей в военно-промышленных комитетах и тесной связи их с их избирателями является необходимым:

1. Созыв Всероссийского Рабочего С'езда.

2. Устройство собраний по фабрикам и заводам для постоянного общения рабочих представителей с их избирателями для выяснения их нужд и требований в области труда.

3. Установление сношений с местными и областными комитетами путем об'ездов и обследований на местах.

Прежде чем выступить с этой декларацией рабочая группа московского областного военно-промышленного комитета посетила Петроград. Знакомилась там с деятельностью центрального военно-промышленного комитета и петроградской рабочей группой. Обе группы имели несколько совместных заседаний, на которых рассмотрели ряд вопросов, имеющих отношение к их участию в военно-промышленных комитетах. На этом совещании выяснилось, что в деятельности обеих групп существует известная согласованность и солидарность во взглядах в отношении к настоящему моменту. Московская группа основывается на принципе участия в обороне страны, тогда как петроградская группа выходит из положения необходимости для рабочих

---

[1]) Декларація эта была опубликована в самарской рабочей газетѣ „Наш Голос“ от 8 декабря 1915 года.

участвовать в спасении страны. Одно и то же, но только немного иными словами обсуждали вопрос о целях и задачах военно-промышленного комитета и сошлись на том, что комитеты не должны ограничиваться узко техническими задачами, но обязаны уделять серьезное внимание вопросам общественного значения. По вопросу о рабочем с'езде были выражены пожелания, чтобы этот шаг практически осуществился в ближайшее время. Были высказаны соображения об институте старост. Совещание нашло, что этот институт может быть весьма полезным в работах по организации с'езда и может служить одной из форм представительства рабочих. Было решено вопрос о с'езде внести для обсуждения в центральный военно-промышленный комитет. При обсуждении вопроса о рабочей политике, совещание высказалось против деятельности центрального комитета в этой области. Рабочие имели в виду ограничение труда женщин и подростков, применение желтого труда и т. д.

По вопросу о биржах труда постановлено содействовать реорганизации муниципальных бирж труда на началах равного представительства организованных промышленников и рабочих. Собрание нашло необходимым предложить военно-промышленному Комитету упразднить свои бюро спроса и предложения труда и направить эти предложения на городскую биржу труда. Затем обсуждались вопросы о профессиональных союзах, примирительных камерах, о минимуме и нормировании заработной платы.

За отсутствием необходимых материалов, никаких решений по этим вопросам принято не было и группы раз'ехались, решив разработать этот вопрос анкетным порядком.

После этого сговора с петроградской группой центрального военно-промышленного комитета положение московской рабочей группы нисколько не улучшилось. Ей и в дальнейшем пришлось затратить много сил для отстаивания своего независимого, разумеется, по видимости, а на самом деле весьма зависимого от промышленников и бесцельного для рабочих существования, пока, наконец, сделавшись ненужной и промышленникам, не была ликвидирована.

ГЛАВА VII.

Жизнь легальных рабочих организаций.—Использование новых общественных организаций в целях об'единения рабочих.—Записка осведом. „Штурмана".—Закрытие больничной кассы типо-литографов.—Резолюция Симоновской больничной кассы от 8/IX.

Немногочисленные легальные рабочие организации, в силу из месяца в месяц продолжающихся арестов и высылок всех сколько-нибудь активных работников, еле существовали. Секретари больничных касс, члены правлений профессиональных союзов один за другим арестовывались и высылались. Их заменяли или менее активные, а то и агенты охранного отделения.

Несмотря на все эти крайне тяжелые полицейские условия, они все же жили и помогали вести партийную работу. Партийные группы при профсоюзах были наиболее сильными и авторитетными.

Когда же деятельность рабочих организаций начала настолько стесняться, что они вынуждались бездействовать, то явилась мысль в целях об'единения рабочих использовать возникшие в связи с войной новые формы общественных организаций.

Эта оппортунистическая мысль, сначала не казавшаяся опасной, подготовила почву для политики рабочей группы военно-промышленного комитета.

По сообщению «Штурмана» [1]) с такою целью в воскресенье 20 сентября состоялось несколько организованных собраний.

Одно из таких собраний в «Обществе помощи жертвам войны» (Настасьинский переулок, д. 7) организовал литератор Евгений Алексанорович Френкель, сотрудничающий в газете «День» под псевдонимом «Адамов».

На собрании было около 40 рабочих.

Были представители от профессиональных союзов: металлистов, поваров, 3, 4, 5 и Симоновской больничных касс и других рабочих организаций.

Рабочие, согласно, заранее условленному плану, явившись в общество помощи жертвам войны, «потребовали отдель-

---

[1]) „Агент. Зап.", „Штурман" 23/IX № 186.

ного помещения для обсуждения своих вопросов, что им и было предоставлено. Обсуждался вопрос об участии рабочих в совещании при названном обществе и об организации комиссии при обществе для оказания трудовой помощи беженцам.

Рабочие, бывшие на собрании, не пришли к определенным решениям и решили сначала по изложенному вопросу столковаться с правлениями тех профессиональных обществ, от которых они были представителями, затем снова собраться в помещении того же «Общества помощи жертвам войны» [1]).

Второе из этих собраний происходило в «Комитете о сельско-хозяйственных и ссудо-сберегательных товариществах». На этом собрании были главным образом народники: Кильчевский, Бонч-Осмоловский, Гурвич, Евдокимов и др., всех около 20 человек.

Собрание не было строго организовано и из присутствующих были и случайно попавшие лица.

Разговор шел о создании при названном комитете «трудовой комиссии» (под этим флагом, конечно, идет сплочение народнических сил—поясняет осведомитель).

На собрании пришли к необходимости создать «трудовую комиссию» и вести в этой области организационную работу.

Третье из этих собраний было собранием наиболее активных с.-д. большевистских сил; собрание было конспиративным. По словам Шишкина, бывшего на этом собрании, там были Милютин и представители местных рабочих организаций, об'единившихся в подпольной работе.

Цель этого собрания—создание организационного нелегального аппарата, который, опираясь на легальные рабочие организации, мог бы в случае необходимости планомерно руководить рабочими выступлениями. Был выбран исполнительный орган, который Шишкин назвал в разговоре «революционным рабочим комитетом». Органу этому решено передать все имеющиеся связи и дать ему права местного комитета, и чтобы обеспечить его от «провалов»—комитет выбран в тройном количестве его членов: видимо человек в 15, с таким расчетом, чтобы активно вела бы работу $^1/_3$ часть этого комитета в 5 человек и в случае ареста их бы заменяла автоматично другая $^1/_3$ [2]).

„С этой же целью 22 сентября предстоят 2 собрания, сообщал другой осведомитель,—одно из которых в «Обществе взаимопомощи торгово-промышленных служащих». Собрание это ставит своей задачей создание комитета из представителей рабочих организаций, комитета, хотя и легального, под

---

[1]) По этому вопросу см. сведения с-ка „Евгения“ от 23 сентября.

[2]) „Переписанное полицией 22 сентября в обществе „Солидарность“ небольшое собрание, с участием Шишкина и Милютина и др. и было видимо собранием названного комитета—„поясняет осведомитель Штурман“.

видом комитета помощи жертвам войны, но, несомненно, имеющего своей задачей подпольную, организационную работу [1])».

Под тем же видом помощи пострадавшим от войны рабочим пытались провести общегородское собрание рабочих организаций, но бдительная администрация не дремала и запрещала.

Сначала такое собрание взялось созвать правление Московской общей больничной кассы типографов. Оно подало заявление градоначальнику о том, что правлением назначено на 23-е августа собрание представителей московских больничных касс. Порядок дня собрания был следующий: 1. Помощь семьям запасных, 2. Помощь беженцам, 3. Помощь рабочим, возвращающимся с войны, 4. Организация комитета больничной кассы для помощи семьям запасных, беженцам и рабочим, возвращающимся с войны. Сначала собрание было разрешено, но 20-го правление кассы было уведомлено, что ему не может быть разрешен созыв собраний представителей всех, вообще, московских больничных касс, как не предусмотренный уставом [2]).

Получив это запрещение, правление кассы подало градоначальнику заявление, в котором указывало, что Государственная Дума и центральный военно-промышленный комитет постановили привлечь к участию в созданных ими комитетах представителей рабочих. Одновременно с этим петроградская городская биржа труда обратилась к рабочим с предложением прислать своих представителей для организации помощи беженцам. Учреждения эти обратились и к больничным кассам, полагая, повидимому, что участие их в различных общественных организациях, возникающих в связи с войной, не только не является чем-либо незаконным, недопустимым, но, наоборот, диктуется интересами самого государства, которое сможет выйти сейчас из создавшегося тяжелого положения только путем исключительного напряжения всех своих живых общественных сил. Но, чтобы больничные кассы могли обсудить вопрос о своем участии в различных организациях, возникших в связи с войной, им должна быть предоставлена возможность созвать собрание своих представителей с целью об'единить разрозненные усилия отдельных больничных касс.

На ряду с этим вопросом перед больничными кассами встал ряд других неотложных задач. Необходима немедленная помощь рабочим-беженцам, продолжающим массами прибывать в Москву. Необходима помощь семьям запасных и призываемых работников 2-го рязряда, инвалидам, безработным и вообще рабочим, в той или иной форме пострадавшим от войны. Для оказания помощи жертвам войны возник целый ряд организаций. Всем слоям и группам населения предоставлена возможность создавать для этой цели свои комитеты. Этого права не могут

---

1) „Агент. Зап.", „Штурман" № 186, 23/IX 1915 г.
2) „Русск. Вед." № 192, 21 августа 1915 г.

быть лишены и рабочие, тем более, что подавляющее большинство потерпевших от войны принадлежит к рабочему аселению.

«Признавая,—говорится далее в заявлении,—что организация московского комитета больничных касс для помощи рабочим, пострадавшим от войны, является неотложной задачей момента к выполнению которой нет формальных препятствий, так как ни законом 23 июня 1912 г., ни уставами отдельных больничных касс членам кассы не воспрещается создавать какие-либо организации, существующие не на средства кассы, а на счет особых сборов среди участников,—правление созывает, на основании закона 4 марта 1906 г. в четверг 3 сентября в 7 час. вечера в помещении поваров (Варварка, Кривой пер., д. 7) собрание представителей московских больничных касс для обсуждения следующих вопросов: 1) помощь беженцам; 2) помощь семьям запасных; 3) помощь рабочим, возвращающимся с войны; 4) организация московского комитета больничных касс для помощи рабочим, пострадавшим от войны; 5) обсуждение вопроса об участии в военно-промышленном комитете и других организациях в связи с войной.

Считая, что в настоящий исключительно тяжелый и ответственный момент всякого рода препятствия на пути стремлений рабочих к активному участию в общественной жизни страны вредят интересам всей страны,—правление полагает, что градоначальник не найдет препятствий к созыву правлением собрания представителей московских больничных касс для обсуждения вышеуказанных вопросов и организации московского комитета больничных касс для помощи рабочим, пострадавшим от войны [1]).

Копия этого заявления была отправлена и в Государственную Думу.

Но все эти аргументы оказались мало убедительными. Градоначальство, располагая сведениями, что все подобные собрания будут использованы в антиправительственных целях, не уступало, и собрание не состоялось.

Еще 1 сентября известный нам «Штурман» — в своей записке от 1/IX за № 147 писал:

«Наиболее активный с.-д. элемент Москвы, желая использовать настоящий момент для наилучшей организации рабочих, обратил особое внимание на больничные кассы, как на одну из форм таковой организации.

Такие лица, как Никитин [2]), Розенфельд [3]), доктор Верховский [4]), Павлуновский [5]), усиленно возятся около больничных касс.

---

1) „Русск. Вед.“ № 200. 30 августа 1915.
2) Никитин, Алексей Максимович, присяжн. поверенный.
3) Розенфельд, Орест Иванов, присяжн. поверенный.
4) Верховский, Глеб Алексеевич, врач.
5) Павлуновский, Иван Петрович, потомственный почетный гражд.

«Больничные кассы намереваются создать комитет помощи жертвам войны, затем об'единить их в одном Ц. комитете больничных касс и профессиональных союзов».

Но страшнее всего были сведения, сообщенные «Евгением» [1]). В своей записке он писал:

«8 сентября состоялось общее собрание членов Симоновской общей больничной кассы, на котором обсуждался вопрос об оказании помощи беженцам, при чем, по предложению делопроизводителя кассы Розенгольца [2]), была вынесена чисто политического характера резолюция, никакого отношения к оказанию помощи беженцам не имеющая.

Эта резолюция гласила:

«Исходя из того, что приток беженцев, преимущественно рабочих, понижает заработную плату, увеличивает заразные болезни, весьма затрагивает интересы рабочих больничных касс в особенности и

«Исходя из того, что помощь беженцам для рабочих является не мерой благотворительности, а классовой самообороной —

«общее собрание уполномоченных считает, что наиболее действительными мерами помощи беженцам—следующие:

1) Введение 8-ми часового рабочего дня и охрана труда.

2) Уничтожение всяких национальных ограничений.

3) Введение страхования от безработицы при помощи профессиональных союзов за счет государства.

4) Введение бирж труда.

5) Развитие профессиональных союзов.

6) Полная свобода деятельности всех рабочих организаций.

7) Полная свобода собраний.

8) Изменение городского положения с предоставлением избирательных прав всем жителям города на основании всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права без всяких ограничений.

9) Коренная реформа с установлением всеобщего, тайного, прямого и равного избирательного права.

10) Ограничение деятельности синдикатов.

11) Передача дел борьбы с дороговизной в рабочие руки.

12) Создание общегородского комитета рабочих фабрик и заводов (по 2 от каждой тысячи).

13) Создание местных комитетов.

14) Все средства по организации помощи беженцам за счет государства.

15) Поручается правлению предпринимать меры для созыва общих собраний участников кассы и общих совещаний представителей больничных касс.

---

1) „Агент. Зап.",№ 164, 11/IX 1915 г.

2) Розенгольц, Аркадий Павлов—Фейвелов кандидат экономических наук 2-го разряда.

16) Выражается протест против действий городского головы и обще-городского с‘езда, не допускающих представителей рабочих на свои заседания».

Полицейские усилия сковать и заморозить работу легальных рабочих организаций толкали руководителей этих организаций на создание руководящего и об‘единяющего органа.

Этот вопрос еще 29 сентября в обществе торговых служащих был всесторонне обсужден с участием депутата Государственной Думы Скобелева. Как доносил об этом осведомитель «Монтер», собрание приняло три предложения:

1) Дыдло [1]), предложившего организовать при обществе торговых служащих бюро по оказанию помощи беженцам, и привлечь к работам представителей от профессиональных обществ.

2) Скобелева—для обсуждения этого вопроса созвать представителей всех профессиональных обществ, если нельзя будет легально, то нелегальным образом и

3) Неизвестного по фамилии («шатен»)—сконцентрировать с.-д. силы в подполье, а потом распределить их по профессиональным обществам, дабы это подполье и об’единило все профессиональные союзы.

Собрание поручило правлению эти три предложения разработать и представить на обсуждение к следующему собранию членов общества торговых служащих, назначенному на 6 октября сего года [2]).

Подобная же работа проделывалась и другими товарищами. Так осведомитель «Кондуктор» в своей записке от 1/X писал: [3])

В Москве образовалась «Организационная комиссия по созданию Московского рабочего Комитета», которая, являясь чисто рабочей, беспартийной организацией, будет представлять из себя нечто среднее между «Центральным бюро профессиональных союзов» и «Советом рабочих депутатов» и ставить целью своей деятельности руководство всеми выступлениями рабочих.

Первое совещание по вопросу о создании такого Комитета состоялось 21 сентября в квартире старого партийного с.-д. работника Василия Иванова Денисова [4]), в коем приняли участие представители некоторых местных рабочих организаций.

Из участников этого совещания известны: Денисов, слесарь завода Трындина, Михаил Савельев [5]) и булочник Королев [6]), член правления проф. о-ва хлебопекарного производства.

---

[1]) Дыдло, Іосиф Леонтьевич, сын коллежского секретаря.

[2]) „Агент. Зап.“, „Монтер“, 20/IX № 195, 1915 г.

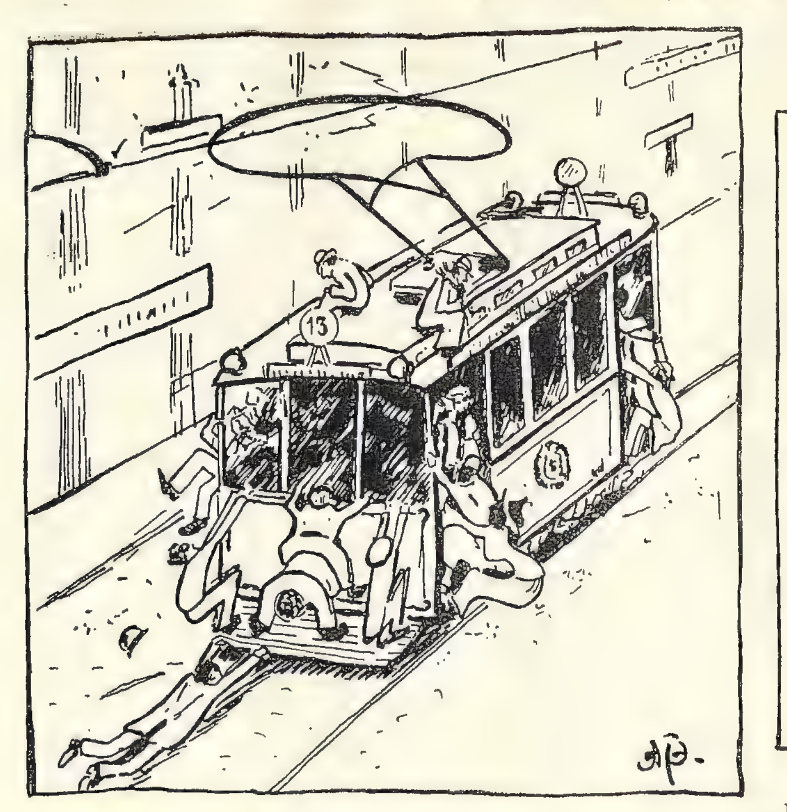
[3]) „ „ „Кондуктор“, № 196, 1/X 1915 г.

[4]) Денисов Василий Иванов, сын коллежского секретаря.

[5]) Савельев Михаил Терентьевич, кр. Можайского у., Боронской вол. с. Нового.

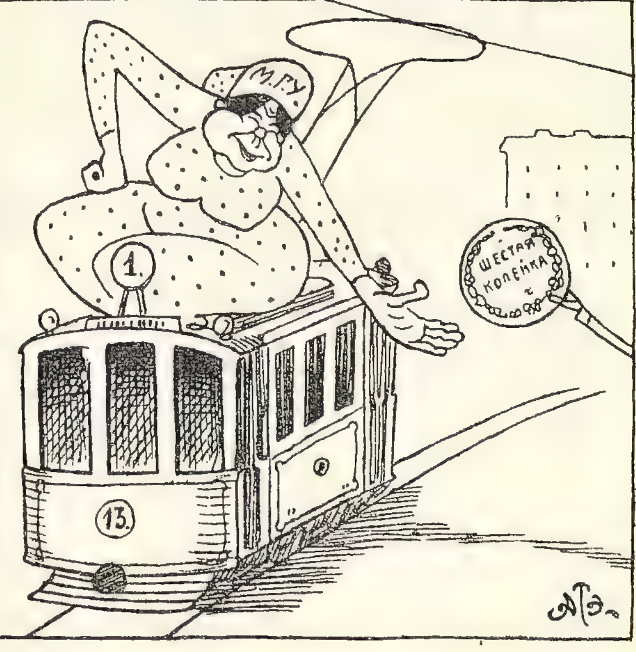
[6]) Королев Андрей Васильев., кр. Калужской губ., Тарусского у., Троицкой вол., сельца Судакова.

Дела трамвайные.

„Раннее Утро". **Возобновление движения.**

ПОДЪ СВѢЖИМЪ ВПЕЧАТЛѢНІЕМЪ.

„Раннее Утро". Трамвайная забастовка дала повод М. Г. Д. повысить плату за проезд в трамвае.

«После совещания «Организационной Комиссией» выпущено гектографированное (отпечатанное на пишущей машине) особое воззвание следующего содержания:

«Товарищи! 21 сего сентября состоялось совещание членов некоторых московских рабочих организаций.

«Совещанию удалось притти к единодушному решению о необходимости скорейшего создания Московского Рабочего Комитета.

«Товарищи! снести напор реакции могут не разрозненные стихийные вспышки, а организационный поток революционной силы народа.

«События не ждут».

«*Необходимы об'единенные действия всех рабочих организаций*».

«Профессиональные союзы, больничные кассы, рабочие кооперативы и другие рабочие организации и группы должны слиться воедино для подготовки и проведения совместных общественно-политических выступлений.

«*Московский рабочий комитет*, оставаясь беспартийным, об'единит все течения рабочей революционной мысли. В него войдут и представители политических партийных рабочих организаций, и он призван отнюдь не заменять их, а действовать в строгом согласии с *рабочим политическим движением*».

«Конечно, комитет поневоле должен оставаться нелегальной организацией.

«Выбрать этот комитет и наметить ближайшие его задачи должно второе совещание. На это совещание каждая организация может делегировать лишь одно лицо.

«Если благоприятствуют условия, выбор делегата следует производить на общем собрании организации или на собрании правления, а если это сделать невозможно (например, в больничной кассе или в кооперативе), то можно послать делегата и от группы членов организации.

«Чтобы рабочий комитет сразу возник, как авторитетный для всех орган, необходимо чтобы в создании его участвовало возможно больше представителей от рабочих организаций. Не будут приглашены лишь те организации или делегаты, о которых будут получены какие-либо неблагоприятные в известном смысле сведения.

«Итак, просим вас, товарищи, сделать необходимый шаг по собиранию распыленных рабочих сил и, соблюдая осторожность, скорей выбрать вашего делегата на предстоящее второе совещание, а делегата просим прибыть, куда будет сообщено, не захватывая с собой ни одного компрометирующего документа, а если он должен будет сообщить что-нибудь, пусть сделает это на память.

«Это наше обращение просим вас не передавать никому на сторону и немедленно его уничтожить, не храня его ни одной лишней минуты.

«Может быть найдутся товарищи, которые не согласятся с решением бывшего совещания и признают самую идею создания беспартийного рабочего комитета или способы его осуществления, не отвечающими интересам рабочего движения. Просим и таких товарищей не уклоняться от совещания, а своим участием в нем помочь найти надлежащий выход.

«*Надо же, наконец, противопоставить организованной и дисциплинированной силе враждебных нам классов не менее организованную и дисциплинированную свою силу*».

Чем кончилась эта попытка создать Совет Рабочих Депутатов ничего сказать нельзя, так как в делах охранного отделения об этом больше ничего не имеется. Но судя по тому, что «Монтер» сумел доставить столь конспиративно распространяемый листок, можно полагать, что если бы эта работа продолжалась, то охранное отделение было бы осведомлено. Хотя впрочем могло случиться, что на второе столь конспиративно собираемое собрание, ни «Монтер», ни кто либо другой из «осведомителей» не попали.

Хотелось бы верить в последнее, но, хорошо зная московскую охранку, в это трудно поверить.

Нужно считать, что создать нелегальный Совет Рабочих Депутатов в 1915 году еще не удалось.

ГЛАВА VIII.

Стачки рабочих в октябре.—Трамвайная забастовка 1—2/X.—Трамвайная забастовка 17—23/X.—Убытки от забастовок.—Городская дума и забастовка.—Условия труда кондукторов и вагоновожатых.—Доходность трамвая.—Вопрос о прибавке трамвайным служащим.—Стачки по фабрикам и заводам.—Обыски, аресты и высылки.

Сентябрьская трамвайная забастовка (4—8 сентября), которую мы уже отмечали, имела последствия: она привела к забастовке. Поводом к этой забастовке послужили произведенные вычеты за дни сентябрьской забастовки, как известно доставившей несколько приятных минут нашим общественным организациям и в частности городской думе, связывавшей ее с протестом против роспуска Госуд. Думы. Буржуазии было приятно, чтобы ее протест против роспуска Государственной Думы нашел поддержку в рабочей массе, а для этого она и провоцировала забастовку, а потом всячески старалась закрепить за нею этот ее характер. Все это в известной мере ей и удалось. Когда же пришло время выдачи жалованья, городская дума решила, что удовольствие это можно отнести на счет рабочих и произвела вычеты. Началась забастовка 30 сентября. «В этот день, как сообщал осведомитель «Медик» [1]), в Миусский парк был вызван помощник управляющего Миглицкий, который раз'яснил служащим, что они три дня не бастовали, а выражали протест правительству против роспуска Государственной Думы».

Видно, ему особенно хотелось, чтоб рабочие подтвердили это обстоятельство и потом отменить произведенное удержание. Иначе его поведения никак нельзя об'яснить.

Но рабочие на это не пошли и заявили, «что говорить и спорить об этом они не желают и сейчас отказываются от своего первого требования об отмене вычетов, а просят увеличить в месяц жалование до 45 рублей, вместо $37^1/_2$ рублей и давать добавок на время войны 10 рублей в месяц». После этого Миглицкий сказал, что ответ он может дать только

---

1) „Агент. Зап.", „Медик", № 63, 1/X, 1915 г.

„Уваровский и Миусский парки отказались получать жалованье на том основании, что в первом вычли за три дня забастовки, а во втором за 2 дня. Деньги вычитались как из жалованья $37^1/_2$ рубл., так и с добавки 5 рублей".

через неделю, но ему было сообщено, что ответ должен быть дан 1 октября в 6 часов утра, иначе трамваи не будут ходить. Вечером от Краузе было передано по телефону, что если 1 октября вагоновожатые и кондуктора не захотят приступить к работам, то их распустят и об'явят, что городская дума никаких уступок не сделает.

1 октября во всех парках собрались к выпуску вагонов.

«В Миусский парк прибыли Краузе и Миглицкий, которые говорили с вагоновожатыми и кондукторами $1^1/_2$ часа, но убедить их не могли. Уваровский и Миусский парки отказались выехать, о чем по телефону было сообщено в другие парки. До получения этих сведений из Ново-Сокольнического было выпущено 12 вагонов, а из Золоторожского—7 вагонов. Получив распоряжение из Миусского парка о прекращении работ, все вагоны были возвращены обратно в парки. Около 10 часов утра всем вагоновожатым и кондукторам было приказано разойтись и очистить дворы парков. Тогда же все эти лица решили следить, чтобы никто из вагоновожатых и кондукторов не смел сегодня зайти в парк».

Давая сведения о наиболее активных забастовщиках, тот же «Медик» сообщал:

«В Золоторожском парке являются более видными лицами:

1) Вагоновожатый № 1551 Пивоваров [1]), выбран новым депутатом от этого парка и получил собранные деньги для поездок депутатов.

2) Вагоновожатый № 329 Бочаров [2]) оратор Ново-Сокольнического парка.

3) Кондуктор № 1318 Клевченко [3]) всех подговаривал бастовать. Он предложил, если полиция приедет для их разгонки, то бить их и гнать из парка.

4) Вагоновожатый № 1967 Козлов [4]) был депутатом 7 сентября.

5) Кондуктор Марков [5]) 1 октября собирал деньги для депутатов.

6) Вагоновожатый № 1020, Степанов [6]), (командированный вожатый)—он получил деньги за время забастовки, так как он на линию никогда не ездил.

---

[1]) Пивоваров, Гавриил Григорьевич, Рязанской губернии, Якимовской волости, села Ягондур.

[2]) Бочаров, Николай Евгеньевич, кр. Калужск. г. и уезда, Лосинской волости, дер. Борисовки, вагоновожатый Сокольнического парка, № 329.

[3]) Клевченко, Тихон Николаевич, кр. Веневского уезда, Ново-Прибаринской волости, села Гремячева.

[4]) Козлов, Василий Александрович, кр. Ярославской губернии, Ростовского уезда, Хорошевской волости, деревни Побычева.

[5]) Марков, Иван Григорьевич, кр. Рязанской губернии, Раненбургского уезда, Ломовской волости, дер. Никова, кондуктор Золоторожского парка.

[6]) Степанов, Илья Селиверстов, кр. Тульской губ., Ефимовского уезда, Павло-Хуторской волости, села Ягондур.

Он пришел 30 сентября к смотрителю парка, бросил деньги и сказал, что он не желает брать их, если товарищам не дадут.

7) Кондуктор Челноков [1])—он говорил, что вагоновожатые и кондуктора успокоятся, если им будет дано разрешение организовать «профессиональный союз трамвайных служащих».

Об этой забастовке «Утро России» в номере 226 от 2/X сообщало:

«С утра 1 октября, вследствие отказа кондукторов и вагоновожатых стать на работы, в Москве было приостановлено движение городского трамвая. Со стороны отказавшихся стать на работы было заявлено требование о выдаче им полностью расчета за время перерыва движения трамвая с 5 по 7 сентября, при чем некоторыми группами рабочих указывалось также на недостаточность размера прибавки по случаю дороговизны, обусловленной военным временем.

«Городская управа, рассмотрев в заседании присутствия 1 октября вопрос, решила обратиться к прекратившим работы служащим со следующим об'явлением:

«Городская управа об'являет служащим трамвая, оставившим 1 октября работы:

1) Вознаграждение за прогульные во время сентябрьской забастовки дни не будет выдано на точном основании закона и правил о найме («лицам, самовольно прекратившим работы или отправление своих служебных обязанностей в указанных в ст. 1 и 3 предприятиях и установлениях, присвоенного им содержания или заработной платы за все время прекращения ими работ или отправление служебных обязанностей не производится» имени, Высоч. Указ. Прав. Сен. 2 дек. 1905 года разд. I, п. 9).

2) Служащим, оставившим работу, предлагается стать на работу с тем, чтобы правильное движение трамваев было немедленно восстановлено.

3) Служащие, не явившиеся на работу и не заявившие о своем желании работать до 12 час. дня 2 октября, будут считаться уволенными.

4) Городская управа в настоящее время занята пересмотром размера пособий, установленных городской думой по случаю военного времени, и предполагает свой доклад по этому вопросу представить городской думе в ближайшее время".

Издавая это об'явление, городская управа действовала вполне в согласии с думой, о настроениях которой великолепно можно судить по отчету, напечатанному в том же «Утро России» [2]), где после оглашения справки о прекращении работ и движения на городском трамвае 1 октября мы имеем такой диалог:

---

[1]) Челноков, Иван Александрович, кр. Московской губернии, Бронницкого уезда, Столпинской волости, деревни Васильева.

[2]) „Утро России", № 275, 7/VIII, 1915 г.

Гласный Королев—сколько раз уже у нас были эти беспроигрышные лоттереи. Они бастуют, а им потом выдают деньги за прогульные дни.

— Нет, мы не заплатили за дни забастовки,—возражает М. В. Челноков.

— Спасибо вам за это—радуется гл. Королев.

— Никогда за дни забастовки не платили — сообщает В. Д. Брянский.

— И очень хорошо.

Далее он предлагает разложить на бастующих убытки трамвая».

Крутые меры управы, с одной стороны, и обещание внести в думу особый доклад об улучшении материального положения трамвайных служащих, с другой стороны, привели к тому, что 2 с 10 час. утра трамвайные служащие начали возобновлять работы. Первым выехал на работы Миусский парк, затем Золоторожский и Сокольнический.

«По мнению представителей трамвайного управления, как сообщало «Раннее Утро» [1]), вспыхнувшую забастовку 2/X можно считать совершенно ликвидированной. С сегоднешнего утра трамвайное движение будет производиться в полном составе вагонов. За первый день забастовки не выручено 65.000 руб. Вчера же при неполном количестве курсирующих вагонов недовыручено приблизительно 25—30.000 рублей».

Дознание по делу этой забастовки, в частности по Уваровскому парку, было направлено судебному следователю 24 участка г. Москвы, но так как забастовка носила экономический характер, то прокурорским надзором дело было прекращено [2]).

Столь легкая и быстрая ликвидация этой забастовки, ограничившаяся лишь одними угрозами репрессий и обещаниями когда то рассмотреть этот вопрос,—нисколько не ликвидировала вопроса, а через две недели привела к новой забастовке.

17 октября к городскому голове явилась депутация от трамвайных рабочих, которая заявила, что произошло недоразумение в отношении заявления управы о рассмотрении и удовлетворении их справедливых требований. Среди рабочих начали ходить слухи, которым многие поверили, что заявление управы является только средством, чтобы заставить рабочих стать на работу и возобновить трамвайное движение после его приостановки 1 октября. Эти слухи внесли в их среду смущение; стала распространяться уверенность, что управа не выполнит своего обещания и к концу октября. Поэтому в парках вечером 15 октября многие рабочие заявили управляющему городскими трамваями М. К. Поливанову, чтобы пред'явленное

---

[1]) „Раннее Утро“ № 227, 3/X 1915 г.

[2]) Истор. рев. архива, дело № 1124, 1915 г.

городской управе заявление об удовлетворении нужд рабочих было немедленно удовлетворено [1]).

В этой как и предыдущей забастовке управа действовала не менее решительно. 16 октября за подписью Челнокова последовало следующее об'явление:

«В виду прекращения служащими городских железных дорог от 16 октября работ, городская управа постановила:

1) Всех служащих, оставивших работу и не явившихся на службу 16 октября, с 17 октября признать уволенными.

2) Всем бывшим служащим об'явить, что обратный их прием будет производиться по рассмотрению прошений об обратном их приеме; прошения эти должны подаваться по месту прежней службы.

3) Кондуктора и вагоновожатые будут приниматьс я на службу с 17 октября только на новых основаниях и при условии внесения ими особого залога, обеспечивающего правильное исполнение ими своих обязанностей».

Того же 16 октября центральная городская электрическая станция, деятельность которой была приостановлена в пятницу в 9 час. утра, к вечеру была пущена в ход при посредстве саперов, и остановившиеся на различных линиях городских железных дорог трамвайные вагоны были отправлены в парки Рязанский и Миусский, откуда они были выпущены утром. 16-го на Центральной станции кроме саперов работала одна треть городских рабочих. Движение трамвайных вагонов началось с утра в обычное время. В обращении было около 200 вагонов. В качестве вагоновожатых были контролеры и конторщики и другие служащие городских железных дорог. Вагоны были переполнены публикой более чем в обычное время.

Обрадованная таким легким успехом, городская управа об'явила, что все трамвайные рабочие, кроме служащих в Рязанском и Миусском парках, увольняются от службы; если кто из них желает работать, то должен вновь подать прошение о принятии на службу, и что вагоновожатые и кондуктора принимаются лишь с внесением залога в 100 руб.

19, как сообщали «Русск. Вед.», по-прежнему в обращении было немного трамвайных вагонов, и ходили они по линиям весьма редко.

Служащие, которым городская управа об'явила расчет, фактически его не получали и одежды своей не сдали.

18 на совещании управы и военной комиссии было сообщено, что теперь находится в движении 250 трамвайных вагонов, на 50 более, чем в предыдущий день. На работу стало всего 450 человек. Записывается на службу масса новых рабочих [2]).

---

[1]) „Русск. Вед.“ № 237, 18/X 1915 г.
[2]) „ „ № 240, 20/X 1915 г.

Со дня начала этой забастовки кондуктора и вагоновожатые заняли выжидательное положение.

Они не шли на уступки.

Ожидали, как отнесется к их требованиям состоявшееся вчера заседание городской думы.

Открытый в конторах парков прием заявлений от забастовавших служащих об обратном приеме на службу не увенчался успехом.

Поступившие прошения исчислялись в очень незначительной цифре. Для укомплектования тех 240 вагонов, которые 18-го действовали по Москве, трамвайному движению пришлось мобилизовать всю свою старую гвардию.

Вагоны трамваев обслуживались за недостатком кондукторов и вагоновожатых техниками, контролерами, старшими вагоновожатыми, в обычное время не ездящими по городу, счетчиками, начальниками станций и другими, не примкнувшими к забастовке служащими.

В виду отсутствия смены, движение по Москве трамвайных вагонов происходило с 8 часов утра до 7 час. вечера, с перерывом на обед с 12 до 3 ч. дня.

На курсах вагоновожатых, находящихся при Миусском парке, производилась усиленная подготовка нового штата вагоновожатых (обучалось около 50 лиц).

Кроме того, несколько лиц подготовлялись к замещению должностей кондукторов [1]).

21-го трамвайное движение поддерживалось 295 вагонами.

На некоторых вагонах в качестве вагоновожатых и кондукторов были городовые.

Несколько лет тому назад, во время одной из трамвайных забастовок, высшие полицейские власти командировали для изучения обязанностей вагоновожатых значительный отряд городовых.

В настоящее время от этого отряда осталась на полицейской службе в Москве небольшая группа лиц, которая и была теперь откомандирована для временного исполнения обязанностей вагоновожатых [2]).

Несмотря на все такие героические меры, темп восстановления трамвайного движения наводил на грустные размышления, и 23 октября «Утро России», подведя итоги недельной забастовки, писало:

«Сегодня прекращение трамвайного движения в Москве празднует свой недельный юбилей, а дело с ликвидацией его подвигается вперед очень медленно. Количество вагонов, находящихся в обращении, с каждым днем увеличивается, но самым незначительным образом. Так, третьего дня их было 300, а

---

[1]) „Раннее Утро" № 242, 21/X 1915 г.

[2]) „ „ № 243, 22/X 1915 г.

вчера 320. Если дело пойдет и дальше таким же темпом, то на возобновление движения потребуется более месяца.

«Почти все уволенные трамвайные служащие уже успели найти другую работу и возвращаются в парки очень неохотно и немногие.

«Пыталась управа призвать имеющихся в запасе кандидатов, проходивших Миусские курсы, в том числе и нескольких бывших городовых. Но число таких лиц в Москве очень невелико и большой пользы они не принесут.

«Из существующего персонала некоторая часть употребляется для санитарных вагонов, служебных и для так называемых «заказных», работающих по перевозке грузов. Поэтому организовать смены почти невозможно, и днем в обеденные часы и позднее 7 час. вечера трамвайное движение почти приостанавливается [1]).

23-го городского голову посетила депутация от кондукторов и вагоновожатых трамвая для переговоров о восстановлении трамвайного движения в полной мере.

Депутация была принята городским головой в его кабинете в здании думы, и беседа продолжалась более часа.

Депутация заявила, что трамвайные служащие готовы возобновить работу тотчас же, как только управа освободит их от обязательств подписать новые условия обратного приема на службу [2]). Городской голова ответил, что он не может обещать депутации отменить сделанные управой распоряжения.

Об этом категорическом решении управы депутация обещала сообщить своим товарищам, но при этом высказала городскому голове предположение, что едва ли это приведет к желанным результатам. Делегаты высказали, что было бы лучше дать возможность трамвайным служащим собраться всем вместе, обсудить решение управы, при чем на собрание рабочих следовало бы прибыть самому городскому голове и лично изложить все, что он говорил депутации относительно необходимости восстановления работ трамвая.

Городской голова согласился с предложениями депутации и разрешил служащим трамвая собраться в Миусском парке. При этом он передал депутации свои визитные карточки с надписью о том, что им разрешено собрание. Карточки должны пред'являться полиции, в случае если она будет препятствовать рабочим собираться. Как только трамвайные рабочие сойдутся

---

[1]) „Утро России“, № 291, 23/X 1915 г.

[2]) Нужно отметить, что еще 17/X рабочие соглашались на этих условиях стать на работу, но как тогда, так и сейчас дума не уступала и требовала, чтобы рабочие признали свою вину (подлинные слова Челнокова) и подавали заявления о своем новом приеме на службу. Это условие не только морально было неприемлемо, но и влекло известные материальные невыгоды, и рабочие упорствовали.

на собрание, городской голова обещал немедленно к ним явиться для переговоров.

В 6 час. вечера в Миусском парке собралось много трамвайных служащих, прекративших работы. Присутствовали служащие не только Миусского парка, но и всех других.

На собрание приехал городской голова М. В. Челноков.

Из речей рабочих, обращенных к городскому голове, выяснилось, почему рабочие настаивают на отмене об'явления о приеме вновь на службу уже на новых основаниях.

Рабочих смущало то обстоятельство, что бастующие служащие будут приняты уже как новые и поэтому лишаются всех тех преимуществ, которые они получали за свою прежнюю службу.

Для выяснения этого обстоятельства трамвайные служащие предложили городскому голове ряд вопросов. Служащие, главным образом, интересовались, сохранят ли они право на периодические прибавки к жалованью, выслуженные ими за прежние годы.

Получат ли они, как старые служащие, наградные к рождеству.

Получат ли пособия в случае, если мобилизация будет об'явлена раньше, чем через 3 месяца, так как по городским правилам новые служащие могут получать пособия лишь по истечении 3-месячной службы.

На все эти ответы городской голова ответил утвердительно.

Затем прения вызвали вопрос о залогах.

Городской голова раз'яснил, что залоги будут считаться принадлежащими рабочим, и на них будут начисляться проценты. Требование внесения залогов будет гарантировать население от того, что забастовку служащие не об'явят так внезапно, как в этот раз, ибо могут лишиться своих залогов.

Служащие возражали, что для урегулирования отношений нужно создать примирительную камеру и добиться разрешения профессионального союза. При наличности таких организаций они охотно внесут и залоги, так как будут уверены, что к забастовке придется прибегнуть лишь в крайнем случае и тогда, естественно, за забастовку заплатит тот, кто ее вызвал.

Городской голова обещал и в этом отношении пойти навстречу желаниям рабочих и заявил, что залоги во всяком случае будут взиматься не сразу, а путем постепенных вычетов из жалования. За это время управа обдумает вопрос, как создать примирительную камеру, выработает условия и будет добиваться создания профессиональной организации трамвайных служащих.

Затем был поднят вопрос об освобождении арестованных товарищей.

Городской голова на это заявил, что он не может дать никаких гарантий, но обещал принять все меры к тому, чтобы участь арестованных была смягчена.

Это об'яснение городского головы, повидимому, произвело весьма благоприятное впечатление на рабочих [1]).

Того же 23-го финансовая комиссия рассматривала доклад городской управы об увеличении временных пособий низшим служащим и рабочим в городских учреждениях и предприятиях.

Вследствие вызванного войной вздорожания продуктов первой необходимости думой установлены были еще в апреле настоящего года на время войны прибавки к окладам всех низших служащих и рабочих городских учреждений и предприятий. Для получающих оклад ниже 20-ти руб. назначено было —3 руб. 50 коп. в месяц, для рабочих с окладом от 20-ти руб. до 50-ти руб.—5 руб., с окладом от 50-ти до 75-ти—7 руб. 50 коп. и для рабочих, с окладом от 75-ти до 100 руб.—10 руб. В виду того, что со времени восстановления этих прибавок дороговизна жизни еще значительно увеличилась, управа признала необходимым пересмотреть размеры установленных прибавок и передала вопрос на обсуждение совещания заведующих городскими учреждениями. Исходя из данных, указывающих, что повышение цен на пищевые продукты в настоящее время почти удвоились против цен, бывших в марте текущего года, совещание признало необходимым удвоить и пособие, выдаваемое теперь большинству низших служащих, и назначить их вместо 5-ти руб. 10 руб., при чем распространить это пособие на всех служащих, получающих от 20-ти руб. и более в месяц основного жалованья. Что же касается служащих, получающих менее 20-ти руб. в месяц, громадное большинство которых представляет собой лиц одиноких и к которым относятся и несовершеннолетние, то совещание, считая, что 10 руб. пособие является слишком большим для этой категории рабочих, признало достаточным установить 7 руб. в месяц. Управа вполне согласилась с мнением совещания заведующих городскими учреждениями и признало необходимым спешно притти на помощь низшим служащим и рабочим в виду продолжающегося возрастания дороговизны жизни. Число низших городских служащих с окладом жалованья в 20 руб. в месяц составляло 6.513 человек, а служащих с окладом от 20-ти до 100 руб. 13.398 человек.

Новая прибавка к их содержанию в виде временного пособия по этому проекту составляла приблизительно 179.571 руб. в месяц. Управа предложила думе: 1) разрешить городской управе выдавать с 1 сентября настоящего года на время войны низшим служащим и рабочим городских учреждений и предприятий пособия по следующему расчету: получающим до 20-ти руб. в месяц—7 руб. в месяц, от 20-ти до 100 руб.—на 10 руб. в месяц.

Финансовая комиссия все предложения управы одобрила [2]).

---

1) „Раннее Утро“ № 245, 24/X 1915 г.
2) „Русск. Вед.“ № 244, 24/X 1915 г.

Группа прогрессивных гласных, 24/X обсудив вопрос о трамвайной забастовке, решила поддержать доклад управы об увеличении пособий, настоять на незамедлительном представлении доклада об увеличении окладов рабочим городских предприятий и на создании организации городских рабочих. Совещание признало, что в забастовке повинна современная организация городского трамвая, и постановила пред'явить к управе требование—представить доклад об изменении порядка управления трамвая с освещением всех вопросов, выдвинутых забастовкой [1]).

После принятых решений финансовой комиссии о прибавках и обещаний Челнокова устранить возможность каких-либо репрессий против забастовщиков, забастовка окончилась, хотя и не громкой, но все же победой трамвайных рабочих. И 24-го трамвайное движение восстановилось в полной мере. С 9-ти часов утра вышла на линию большая часть трамвайных вагонов (до 720-ти) при нормальном составе служащих. Несколько позднее начали становиться на работу и остальные служащие, не приступавшие до сих пор к своим занятиям. В 11 часу утра находились в обращении все вагоны, до 900, и на всех трамвайных линиях восстановилось правильное движение [2]).

25-го московские газеты сообщали—*Ликвидация трамвайной забастовки. Движение восстановлено.*

«Москвичи вчера вздохнули радостно,—писало радостно настроенное «Раннее Утро».

«С утра улицы наполнились гулом проносящихся трамвайных вагонов, дребезжанием звонков,—движение трамвая восстановилось.

«Один за другим выходили на линию вагоны,и скоро в местах обычных трамвайных заторов—на Театральной и Лубянской площади—начали накапливаться вереницы их.

«К вечеру здесь повсюду горели привычные для глаз красные огоньки.

«Поредели толпы пешеходов, заполнявшие тротуары.

«Извозчики стали назначать цены скромнее.

«Кондуктора и вагоновожатые стали на работу, не подавая прошений о зачислении их на городскую службу.

«В городской управе это обстоятельство рассматривают, как весьма серьезное, могущее повлечь за собой в ближайшем будущем нежелательные осложнения, когда управа начнет удерживать из жалованья вагоновожатых и кондукторов известные суммы на получение залогов, согласно новым условиям найма.

«Однако, городской голова считает это обстоятельство простой формальностью и убеждает, что оно никаких осложнений вызвать не может, и в ближайшие дни прошения у всех рабочих будут отобраны.

---

1) „Утро России“ № 293, 25/X 1915 г.
2) „Русск. Вед.“ № 245, 25/X 1915 г.

«Требования вагоновожатых и кондукторов об организации примирительной камеры заставили городскую управу вспомнить, что подобное учреждение было уже проведено в жизнь в 1906 г. даже с одобрения городской думы.

«Организация эта, однако, действовала очень недолго и, кажется, застыла на выборе рабочими своих представителей в эту камеру. Теперь этот проект решено пересмотреть и, может быть, подвергнуть некоторым изменениям в зависимости от условий времени [1])».

Сентябрьские и октябрьские трамвайные забастовки дали городу свыше полмилиона руб. убытка. По сведениям городской управы за время забастовки 4—7 сентября полный убыток городского управления равняется 146.300 руб., за время забастовки 1—2-го октября—70.100 руб. и в течение забастовки 16—23 октября—303.500 руб. Всего полный убыток простирается до 519.900 руб. за время трех забастовок. В течение всех дней этих трех забастовок по смете должно было бы поступить выручки 859.200 руб. Фактически поступило 164.50 руб. и недобор от забастовок выразился в сумме 694.700 руб. Но вместе с тем за все дни забастовок сокращение расходов по эксплоатации выразилось в сумме 174.800 руб. При вычете этой цифры из общего недобора в 694.700 руб. полный убыток выразился в 519.900 руб. [2]).

Понесенные городом вследствии трамвайной забастовки убытки внесли озлобление и недовольство значительной части гласных трамвайными инженерами и всем управлением трамвая. М. К. Поливанова и ближайших помощников обвиняли в том, что они не сумели предотвратить последствий забастовок и вообще ничего не сделали, чтобы отношения между управой и служащими трамвая не принимали такой острой формы. Это недовольство нашло свое выражение в заявлении гласного А. С. Шмакова. В этом заявлении А. С. Шмаков передавал историю с заказом, сделанным военно-промышленным комитетом по цене вдвое выше, чем та, по которой тот же предмет исполняется по заказам Петрограда.

«Указывая на то, что заказ этот подписан председателем секции М. К. Поливановым, А. С. Шмаков выражал сомнение, достаточно ли осмотрительно ведет М. К. Поливанов другое крупное предприятие, во главе которого он стоит, а именно городской трамвай, и не могут ли повторяться подобные факты.

«В городской управе к этому заявлению отнеслись с большим вниманием и между прочим остроумно заметили, что А. С. Шмаков напрасно писал это заявление на имя городского головы. Ему следовало бы направить такое заявление самому себе, как председателю ревизионной комиссии, так как в обя-

---

1) „Раннее Утро“ № 246, 25/X 1915 г.
2) „Русск. Вед.“ № 248, 29 октября 1915 г.

занности этой комиссии входит наблюдение за правильностью расходов, производимых трамвайным управлением [1])».

Смущало членов управы еще и то обстоятельство, что, как известно, трамвайные служащие возобновили работу, не подавая в городскую управу прошений о зачислении их на службу и не выразив своего согласия на внесение залога, обеспечивающего в дальнейшим с их стороны правильное исполнение своих обязанностей.

Рабочие заявили, что в беседе с городским головой перед ликвидацией забастовки они получили согласие М. В. Челнокова на возобновление работы без подачи прошений, как старые служащие.

На собрании рабочих, кроме городского головы, никого из состава управы и администрации трамвая не было. В виду этого, управе было трудно установить, какие в действительности были даны обещания М. В. Челноковым, а сам он и в управе и в администрации трамвая не давал определенного ответа.

Городская управа собрала экстренное собрание, чтобы выработать об'явление к рабочим о подаче новых прошений и о залогах, но окончательного решения по этому вопросу не приняла, так как городской голова должен был экстренно уехать в Петроград.

Эта невыясненность положения вызывала опасения, как бы не вышло новых осложнений с рабочими, тем более, что еще не выяснилось окончательно, какое отношение к деятельности управы и трамвайной администрации проявит городская дума.

Передавали слух, что управляющий трамваем М. К. Поливанов и некоторые из трамвайных инженеров предполагают подать в отставку, если дума выразит недоверие их образу действий во время забастовки. Подобное же течение наблюдалось и в недрах самой управы.

Все это недовольство и вся горечь отцов города по случаю уступок рабочих, наконец, прорвалась в заседании городской думы в первых числах ноября.

С первых слов продседателя было ясно, что предстоит горячий день. Сразу стал вопрос, кому председательствовать, так как предстояло иметь суждения и о действиях городского головы. После разрешения этого вопроса перешли к прениям о забастовке. В этих прениях из группы умеренных и беспартийных гласных выступил целый ряд ораторов с предложением осуждения протекшей забастовки.

Говорили: Н. В. Щенков, А. А. Котлецов, Ф. Ф. Воскресенский, А. С. Шмаков.

Все они указывали, что трамвайные рабочие были поставлены в лучшие условия, и что они своей забастовкой нанесли населению, особенно малоимущей ее части, серьезный ущерб.

---

[1]) „Раннее Утро“ № 2472, 5/X 1915 г.

В частности Ф. Ф. Воскресенский и А. С. Шмаков послали ряд упреков городскому голове и управе за то, что ими не было проявлено достаточно твердости, благодаря чему забастовка и достигла таких значительных размеров.

«Городская управа—говорит Ф. Ф. Воскресенский—не позаботилась заготовить кадр заместителей рабочих на случай забастовки. Городской голова превысил власть, отменив определение управы о новых условиях службы и взимание залогов, обещав вновь вступившим сохранить для них право старых служащих».

«Согласно городовому положению,—об'яснил В. М. Челноков,—городской голова может единолично принимать решения в исключительных случаях, доводя об этом до сведения управы в ближайшее время. Я так и поступил в данном случае. Что же касается прав старых служащих, то, согласно постановлению думы, этих прав лишаются только те служащие, которые возвращаются на городскую сслужбу после полугодичного перерыва».

С резкой и вполне праведливой критикой нынешнего положения трамвая выступил затем В. В. Пржевальский.

Он указывал, что эта забастовка сыграла и хорошую роль,—она заставила отрешиться от убеждения, что наш трамвай настолько идеален, что в нем никаких дефектов нет.

„Теперь — говорил гласный — мы пожинаем плоды этого самодовольства. Пути у нас расшатаны, подвижного состава нехватает, и управление не принимает никаких мер к устранению этого явления. Почему-то даже не пускают летних вагонов, хотя на площадях не менее холодно, чем в таких вагонах; на некоторых линиях почему-то совсем нет прицепных вагонов.

«Одним словом, в трамвае нет хозяина, который любит и знает свое дело.»

Н. И. Астров начал свою речь указанием на то, что в сущности забастовка уже оценена населением и осуждена. Нет надобности дополнять это осуждение особым приговором думы.

Далее он указывал, что для него неясны все причины забастовки. Он усматривает в этом деле какую-то таинственную руку, желавшую забастовкой достигнуть иной цели, поселить вражду в общественных группах.

В заключение оратор внес резолюцию, в первой части которой предлагает осудить забастовку, а во второй—поручить управе представить доклад о реорганизации трамвайного управления и о представительстве рабочих.

Н. В. Щенков, вносивший ранее резолюцию об осуждении забастовки, снял свое предложение, так как формула Н. И. Астрова его удовлетворила.

Последним выступил Н. И. Гучков. Он также присоединился к резолюции Н. И. Астрова, но по адресу городского головы послал ряд упреков.

„Я боюсь, — говорил он,—что неосторожные шаги городского головы приведут в ближайшем будущем к печальным последствиям. В своих об'яснениях с рабочими он свел насмарку определенные требования управы. Это дало повод рабочим говорить, что вырвали у управы удовлетворение их требований, что они победили. Кроме того, обещания, данные городским головой, едва ли выполнимы в полной мере. Представительство рабочих может быть дано в разной форме—и вдруг дума даст его не в той форме, которая удовлетворит рабочих. Они тогда будут говорить, что городской голова не исполнил своего слова". [1])

Сколько ни ругали управу гласные, все же им ничего другого не оставалось как подтвердить все распоряжения городского головы и предложить управе представить доклад о реорганизации управления трамваем, что она и сделала.

Выдача временной в 7—10 руб. прибавки в месяц к моменту принятия ее думой уже не могла удовлетворить трамвайщиков. Дороговизна жизни так быстро росла, что эта прибавка являлась одной лишь насмешкой и только.

Такая почтенная газета как «Утро России», отмечая необыкновенно быстрый рост цен, привела такой довольно характерный анекдот.

«Когда десять лет тому назад (1905 г.) обнаружилась резкая тенденция роста цен почти на все решительно товары, обыватель растерялся и недоуменно вопрошал, почему то и то стало дороже?—ибо видимых причин вздорожания налицо не оказывалось.

«И ему предупредительно отвечали:

— По случаю революции-с.

«И выслушав такое об'яснение, обыватель не то что успокаивался, но как-то примирялся с неизбежностью сдирания с него шкуры.

«Минула революция, водворилось благоденственное и мирное житье, а цены не только не упали, но снова прыгнули кверху.

— По случаю успокоения.

«Теперь цены лезут в гору с небывалой быстротой.

— По случаю войны-с.

„Одним словом цены празднуют именины и на Ивана и на Онуфрия, и только бедному обывателю ни по какому «случаю» нет передышки. [2])»

И вот в силу этих именин перед думой снова встал вопрос о прибавке жалования. Особенно беспокоили их кондуктора и вагоновожатые трамвая. Их условия труда и вознаграждения были в высшей степени неудовлетворительными. В Московских газетах накануне постановки этого вопроса в

---

[1]) „Раннее Утро" № 254, 4/X 1915 г.

[2]) „Утро России" № 339, 10/X 1915 г.

„МАЛА КУЧА".

„Раннее Утро".

„Здесь на оставшихся в тылу русских обывателей обрушились, вооруженные беспощадным капиталом, волчьей жадности купцы и фабриканты"...

городской думе была помещена по этому поводу «справка». Из этой справки мы узнаем, что существующие условия труда кондуктора в и вагоновожатых ведут свое происхождение от 1905 года, когда был установлен основной оклад жалования для кондуктора 30 рублей в месяц, для вагоновожатого 25 рублей в месяц с прибавкой по 1 руб., за каждое из двух первых полугодий службы, так что со второго года своей службы, вагоновожатый получал основной оклад в 27 рублей. Кондуктора и вагоновожатые, живущие на вольных квартирах, получают еще 5 рублей квартирных. Нормальный рабочий день установлен для летнего периода (с 15-го апреля по 15-е сентября) в $9^1/_2$ час., для зимнего—в $8^1/_2$ час., включая сюда 30 мин. для сдачи выручки и для получения билетов. Работы сверх этой нормы оплачиваются в полуторном размере против нормального вознаграждения в расчете на один час.

В 1907 году городская дума повысила основной оклад жалования вагоновожатым до 30 рублей, сравняв его с жалованием кондукторов.

В 1911 году дума несколько упорядочила условия труда кондукторов и вагоновожатых, установив нормальное число рабочих дней этих служащих в 24 дня в месяц. Нормальный рабочий день определен как для зимнего, так и для летнего периода в 9 час., из которых восемь часов служащий проводит на линии, а один час полагается на проезд в парк и на сдачу выручки и вагонов. За работу сверх 24-х дней в месяц и девяти часов в сутки полагается полуторное вознаграждение. За работу от 12-ти часов утра ночи до 7-ми час. утра приплачивалось 25 коп. в сутки, за работу с перерывом—по 50 коп. в сутки. Основной оклад жалованья в 30 р. и оклад квартирных 5 руб. оставался без увеличения против 1905 года.

В том же 1911 году были установлены периодические прибавки кондукторам и вагоновожатым за выслугу лет: за три года—10% жалования, за шесть лет—20%, за девять лет—30%, за 12 лет—35% и за 15 лет—40%.

До 1914 года оставались без изменения те условия труда и вознаграждения, которые были установлены в 1911 году. В 1914 году размер квартирных денег кондукторам и вагоновожатым был повышен с 5 руб. до 7 руб. 50 к. В 1915 году при установлении прибавок по случаю дороговизны кондукторам и вагоновожатым было прибавлено по 5 рублей в месяц.

Сколь же велик при существующих условиях заработок кондукторов и вагоновожатых и как велика продолжительность их рабочего дня?

Ответ на это дает отчет о движении сумм г. Москвы за 1914 год ч. V отчета по городским железным дорогам. Здесь (на стр. 132—133) находим следующие сведения за 1914 год.

Рабочий день и размер заработка кондукторов и вагоновожатых.

	Число их.	Число часов работы. Нормальн.	Вместе с сверхурочн.	Месячная плата с квартирными.
Кондуктора	1.893	7,87	9,53	57 р. 58 к.
Вагоновожат.	1.345	8,00	9,65	56 „ 42 „

Если прибавить к этим средним нормам заработка 5 руб., назначенных по случаю дороговизны в 1915 году, то средний размер теперешнего вознаграждения кондукторов и вагоновожатых окажется весьма близким к 60 р. в месяц.

Однако ясно, что выработать 60 руб. в месяц кондуктор и вагоновожатый может только при условии работ сверх нормального рабочего времени. Вместо восьми часов в сутки кондуктора и вагоновожатые должны работать $9^1/_2$ часов в сутки, не считая времени для пробега вагонов в парк и для сдачи билетов и вагонов. Сверхурочная работа, которая должна была бы составлять неизбежное исключение, возведена в жизни московских городских трамваев в общее правило. Это наглядно видно из составных частей расхода на кондукторов и вагоновожатых.

Заработная плата кондукторов и вагоновожатых по сметам 1913—1915.

	Кондуктора.			Вагоновожатые.		
	Смета на			Смета на		
	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1913 г.	1914 г.	1915 г.
	В тысячах рублей.					
Жалованье	713	787	1.153	527	568	810
Период приб.	63	66	97	30	44	75
Квартирные	11	129	Причисл. к жалов.	88	95	Причисл. к жалов.
Наградные	61	70	84	44	44	60
Премии вагоноваж. за осторожную езду	—	—	—	—	—	59
Сверхурочн. и дополнительн.	251	215	303	157	157	213
Весь расход . . .	1.205	1.267	163	855	908	1.217

Из приведенной таблички видно, что вознаграждение за сверхурочные работы вместе с дополнительным вознаграждением составляли 17%—18% общего заработка кондукторов и вагоновожатых. Если взять одну лишь сверхурочную работу, то

вознаграждение за них составит по смете на 1915 год для кондукторов—200 тыс. рублей, для вагоновожатых—130 тыс. рублей. Только этим сверхурочным заработком кондуктора и вагоновожатые и держали свое вознаграждение на норме около 60 руб.,[1] хотя нужно оговориться, что здесь положение кондукторов и вагоновожатых значительно скрашено. По словам председателя финансовой комиссии городской думы Л. Л. Катуар, лишь только старые служащие, перешедшие на службу города от бельгийского общества, и получают оклад в 60—62 рубля.

Если же мы обратимся к отчетам и сметам трамвая за 1910—1915 г.г., то мы увидим из года в год возрастание чистой прибыли, а также платежей по займам и иным исчислениям. Извлеченные из них общие цифры дохода, расходов и чистой прибыли могут быть сведены в следующей табличке:

Данные о доходности Московского трамвая.

		Валовой доход трамвая.	Расход по эксплоатации.	Превышение дохода над расходом.	Платежи по займам и иные исчисл.	Чистая прибыль предприят.
		В тысячах рублей.				
1910 г.	Действительный доход и расход.	9.284	4.883	4.401	2.550	1.851
1911 „		11.249	5.776	5.473	3.030	2.443
1912 „		13.938	552	6.386	3.366	3.020
1913 „		15.388	8.548	6.840	3.546	3.294
1914 „		16.891	10.014	6.877	3.553	3.324
1915 „	Смета	17.915	10.158	7.757	4.018	3.739

Цифры, как видите, довольно поразительные: на 10.158.000 р. расхода по эксплоатации трамвай имел превышение дохода над расходом в 7.757.000 руб., т.-е. свыше 75%, из которых около половины предназначалось на платежи по займам и иным исчислениям (4.018.000), а остальное зачислялось в чистую прибыль предприятия (3.739.000 р.). Это остальное столь значительно, что на 3.000 кондукторов и вагоновожатых прибавка в размере 5 рублей в месяц—сущие пустяки.

Между тем, когда этот вопрос стал перед городской думой, то, как сообщали «Русск. Ведомости», он «возбудил оживленные дебаты». Гласные правого крыла—Д. П. Резцов, П. А. Работкин, Ф. Ф. Воскресенский, Н. П. Вавилов, М. Г. Холмогоров, Н. А. Крестовников—высказывались против предложения управы и комиссии финансовой и железнодорожной об увеличении в настоящее время оклада жалования трамвайным служащим. Они считали несвоевременным возбуждение этого вопроса и предлагали рассмотреть его по окончании войны вместе с вопросом об увеличении оклада жалования служащим в других

[1] „Русск. Вед.“, № 245, 25/X 1915 г.

предприятиях города. Гласные указывали, что решение финансовой комиссии увеличить жалование принято незначительным большинством. Говорили, что трамвайные служащие получают значительно большее вознаграждение, чем служащие других предприятий. Кондукторы и вагоновожатые оплачиваются не только лучше всех низших городских служащих, но и значительной части высших. Мест кондукторов и вагоновожатых добивается масса рабочих как других городских, так и разных частных предприятий. Городская управа ссылается, что трудно найти умелых служащих для трамвая, но на трамвае исправно работают в качестве кондукторов женщины. Женщины эти, по большей части безграмотные, набирались из жен кондукторов, взятых на войну, и только в недавнее время начали принимать других женщин. Гласные вообще предлагали усилить число женщин в должности кондукторов. Это сделает излишним увеличение прибавки жалования кондукторам, так как теперешнее содержание кондукторов для женщин будет вполне удовлетворительно и даже даст возможность привлечь на эту должность значительное число женщин с образованием.

Ф. Ф. Воскресенский считал большой ошибкой увеличение оклада трамвайным служащим раньше, чем будут увеличены оклады жалования другим категориям городских работников. Именно кондукторы и вагоновожатые не заслуживают увеличения их оклада. В других городских предприятиях не было забастовок, а трамвайные служащие часто прибегают к забастовкам. После забастовки трамвайные служащие сделались особенно грубыми в обращении с публикой.

Товарищ городского головы В. Б. Брянский представил подробное возражение на сделанные замечания гласных правого крыла. Он указал, что повышение окладов происходит не в городских только, но и во всех частных предприятиях. Городскому управлению приходится считаться с повышением окладов в однородных предприятиях. Петроградское городское управление повысило жалование трамвайным служащим. Повышено оно и в разных частных компаниях. В виду этого городу будет трудно найти без повышения окладов хороших служащих. При этом надо иметь в виду, что во многих предприятиях в Москве рабочие освобождаются от призыва на военную службу; трамвайные служащие не пользуются этим правом. Городская управа возвышает оклады не одних только трамвайных служащих, но и служащих всех других предприятий города. Если она в настоящее время представила доклад об увеличении жалования только служащим городских железных дорог, то потому, что не успела собрать данные о положении служащих по другим категориям, но в скором времени предложит повышение жалования рабочим и служащим во всех других городских предприятиях. Почему управа не приглашает женского персонала на должности кондукторов? Потому, что

число неудовлетворительных кондукторов в женском персонале гораздо больше, чем в мужском. Опыт показал, что процент удаляемых женщин гораздо больше, чем мужчин. Затем женщины-кондукторы при несчастных случаях во время движения проявляют большую растерянность и нераспорядительность.

Председатель финансовой комиссии Л. Л. Катуар указал, что высокие цифры заработка кондукторов и вагоновожатых, отмечаемые гласными, относятся либо к старым служащим, перешедшим на службу города от бельгийского общества и получающим основной оклад 62 р. 12 к., либо об'ясняется чрезмерно большим количеством сверхурочных работ, производимых служащими и достигающими у некоторых из них 9-ти и более дней в месяц. Необходимо принять меры к сокращению сверхурочных работ.

В. А. Труфанов, поддерживая предложение управы и финансовой комиссии, доказывал, что в настоящем вопросе должно исходить из основного жалования кондукторов вагоновожатых— 37½ руб. в месяц, добавочное же вознаграждение получается за особый труд. 37½ руб.—весьма небольшое жалование, особенно в данное время, и необходимо его повысить, как предлагает управа, на 5 руб. в месяц.

В заключение дебатов вопрос был поставлен на баллотировку и большинством 37-ми голосов против 23-х Дума утвердила ведомость управы об изменении окладов жалования некоторым категориям низших служащих городских железных дорог и постановила ввести в действие новые оклады с 1-го января 1916 г. Финансовой комиссии поручено ввести в смету 418.632 руб. на расход, связанный с этим повышением.

Эти сущие пустяки, составляющие около 10% чистой прибыли трамвая[1]), рабочие трамвая в результате трех забастовок едва вырвали у наших толстосумых отцов города. Уступая «с зубовным скрежетом», наши городские зубры потребовали увеличения трамвайной платы до шести копеек. Умные думцы, выбросив рабочим 418.632 руб. (прибавки), пожелали взамен получить 1.800.000 руб. дополнительной чистой прибыли, и бедный обыватель со всех столбцов московской прессы был вынужден кричать «караул, грабят!».

Когда же управа ограбляла своих рабочих—трамвайщиков, то обыватель этого не видел и не протестовал, и только от самих рабочих да с.-д. групп и слышались протесты.

В числе с.-д. листовок, выпущенных по поводу этих забастовок, мы имеем листовку «студенческого марксистского коллектива». Увидав в числе штрейкбрехеров и студентов, эта группа писала: «Товарищи! 16-го октября трамвайные рабочие об'явили

---

[1]) 346.000 руб. отчисления на образование возобновительного фонда городских железных дорог мы тоже относим к чистой прибыли (3.739.000 р. + 346.000 р. = 4.085.000 р.).

забастовку. Главными мотивами, побудившими трамвайщиков прекратить работы, являются растущая из дня в день дороговизна продуктов первой необходимости, вызванная войной, низкая заработная плата и провокационная политика Московской городской управы, систематически в течение целого года войны не предпринимавшей никаких серьезных мер к повышению их заработка. Всякие надежды на добросердечие «отцов города Москвы» были 15 октября безжалостно разрушены последним обманом управы, нарушившей свои обещания уплатить заработную плату за дни сентябрьской политической стачки. Остался единственный путь—прекращение работы. Забастовка протекла очень дружно; ни один из рабочих не подавал прошения об обратном приеме, несмотря на военное положение, голод и безработицу. Озлобленные пролетарской солидарностью либералы из городской управы через буржуазные газеты сообщали самые нелепые вести о ходе забастовки; мобилизовали своих доморощенных штрейкбрехеров-кондукторов, обратились к царскому правительству за охранкой, жандармами, полицией и войсками; дело сделано,—с явного и злорадствующего согласия «Челнокова и компании» агенты русского деспотизма производят массовые обыски, хватают десятки трамвайщиков и сажают по тюрьмам; репрессиям нет конца. К нашему сожалению, в этот главный клубок городских заправил с самодержавием запутались студенческие имена. Эти студенты вступили в союз с городской управой, с жандармами против рабочих, чтобы сорвать забастовку.

«Товарищи, должно ли демократическое студенчество молча смотреть, как эти «образованные» штрейкбрехеры совершают свое грязное дело по отношению к рабочему классу? Нет, демократическое студенчество заклеймит позором этих мелких людишек, способных продать «за трешницу в день» рабочее дело; против того, кто создал в мире все — и пышные дворцы, и чудеса искусств, и здания, где слушаем мы лекции, против того, кто творит новую жизнь, кто несет свободу всему человечеству,—не может быть предателей в среде демократического студенчества. Скорей к позорному столбу эти жалкие имена. Да здравствует идея пролетарской солидарности, которую не победят ни произвол самодержавия, ни подлости городской управы. Товарищей демократов призываем к протесту и бойкоту штрейкбрехеров-студентов, к выражению сочувствия и помощи трамвайщикам.

Студенческий марксистский коллектив».

Октябрь 1915 г.

Кроме уже подробно нами освещенных трамвайных забастовок, в этом месяце имел место и целый ряд других, довольно крупных забастовок. По данным общества фабрикантов и заводчиков в октябре имелись случаи забастовочного движения на 25 фабриках

и заводах. Произведя обследование 20 стачек на 18 предприятиях членов своего общества, «Известия» этого общества писали, что полученный материал не исчерпывает и не дает полной картины забастовок, но он вполне достаточен для общей характеристики стачечного движения.

«Во всех отмеченных в октябре забастовках, за двумя тремя исключениями, основное, а в большинстве случаев даже и единственное требование рабочих касалось увеличения заработной платы. В частности, на фабрике Т-ва Э. Циндель 24 сентября забастовали рабочие в полном составе. Стачки закончились лишь 8 октября поражением рабочих. Также неудачно закончилась полудневная стачка 504 ткачей т-ва шелковой мануфактуры и 3-х дневная забастовка 230 ткачей ф-ки Ф. Ф. Коликова, 25 сентября прекратила работы м-ра А. Гюбнер (1.240 рабочих); 9 октября работы возобновились, при чем был увеличен размер пособия, выдаваемого предприятием рабочим в виду обстоятельств военного времени. На Московском военно-артиллерийском заводе в октябре возникли две непродолжительные забастовки (последняя на почве недоразумений рабочих с мастером завода), закончившиеся без каких-либо положительных для рабочих результатов. На заводе о-ва «Динамо» 28 сентября забастовали 280 чернорабочих: стачка была ликвидирована только 21 октября, при чем заработная плата чернорабочих была несколько увеличена. После полдневной стачки 150 рабочих на фабрике инженера В. Гелие была также повышена заработная плата, хотя и не в том размере, на каком настаивали рабочие. Наконец, полностью удовлетворены требования рабочих московского городского чугуннолитейного и механического завода (б. Кертинг).

«Общие результаты 20 стачек на московских фабриках и заводах сводятся к следующему:

«В стачках участвовало 7.647 человек, потерявших 52.697 рабочих дней. Так как для предприятий, на которых возникали стачки, нормальное рабочее время за октябрьский период исчисляется (при общем количестве рабочих в 9.636 человек) в 240.000 дней, то на стачках этими предприятиями было, таким образом, потеряно около 22% рабочего времени. В 11 случаях требования рабочих об увеличении платы были удовлетворены заводоуправлениями полностью или частично, в шести случаях в повышении заработка было отказано, в 3-х случаях, оставлены без удовлетворения требования рабочих об увольнении мастеров [1]).

В это же время бастуют также и фабрики А. С. Косунко по Ярославскому шоссе и слесарное отделение моторов завода о-ва «Гном и Рон» в количестве 153 чел. с пред'явлением экономических требований и 20% надбавки к жалованию; 26 октября

---

1) „Изв. О-ва завод. и фаб.“ № 11—12. 1915 г., стр. 29.

бастует военно-промышленный завод № 2 в количестве 256 чел., требуя зачета 7 часов работы за 10 в субботу и в прочие дни 9 час. за 10 [1]).

Большая забатовка на заводе «Динамо», который, как мы видим, в течение войны бастует не раз, не на шутку тревожит правительство. На этом заводе успешно вырабатывались в большом количестве шрапнельные снаряды.

«Забастовка,—пишет «Социал-Демократ» от 21 декабря 1915 года,—привела к закрытию завода. Военнообязанных (250 чел.) отправили к воинскому начальнику. Завод стоит уже недели две. Охранка работает, как никогда. В одиночках сидят по двое. Обысков почти не делают. Хватают на улицах, «чистят» Москву. «Чистят» и завод «Динамо». «Охранка» заводит специальные списки со сведениями о рабочих «Динамо», арестовывает рабочих в целях содействия прекращению забастовки и составляет «черный список», по которому 70 человек высылаются из пределов Москвы на все время военного положения, 10 человек подвергаются гласному надзору. В этом списке высылаемых мы находим таких испытанных старых большевиков-рабочих, как тов. Владимир Стернин, известный в партии под кличкой «Гриша», «Мохов», работавший в Москве еще в 1905 г., погиб в 1919 г. на революционном посту при отступлении армии из Пятигорска [2]).

На этой значительной забастовке крупнейшего завода мы остановимся подробнее.

Прежде всего — причина забастовки. Данная забастовка, как и большинство других октябрьских забастовок, была прежде всего экономической забастовской. Рост дороговизны, как мы уже отмечали, делал положение рабочих все более и более невыносимым. По сообщению фабр. инспектора 16 уч. от 16/XI за № 593 расценки на заводе понизились приблизительно на 30⁰/₀, а по наведенным справкам среди рабочих приставом 3 уч. Рогожск. ч.—на 50⁰/₀. Вследствие этого многие рабочие ушли с завода, находя невозможным работать при таком положении расценок, каковое заставляет, чтобы обеспечить себе достаточный заработок, работать в сверхурочное время до 2—5 ч. Производительность завода значительно понизилась из-за отсутствия опытных рабочих.

10 октября 1915 г. рабочие завода забастовали и пред'явили требование в прибавке 30⁰/₀.

12/X в 3 часа дня приступили к работам 4 отделения, всего 600 человек и ночная смена в 150 чел. Все стали на работу, кроме токарей, которые пытались снять с работы остальных.

---

1) Дело Моск. охр. отд. за 1915 г., за № 267, том. 3.

2) Войнова, К. И. Рабочее движение в Москве в 1914—1917 г.г. Истор. журн. Истпарта „Пролетарская Революция“ № 2/14—1923 г.

14-го снова все в количестве 2.032 забастовали. 14-го было вывешено об'явление, что все, не явившиеся на работу до 12 час., будут уволены. 400 чел. явилось, но остальные не были допущены к работам. После обеденного перерыва 95 военнообязанных из 264 приступили к работам и только потому, говорит пристав 3 уч. Рогожск. части, что не читали вывешенной прокламации. 16-го к работам приступило 150 чел. Попытки снять не удались вследствие появления нарядов полиции. 16-го было об'явлено об увольнении всех и новом приеме с 17/X в снарядное отделение.

Забастовка, к сожалению, шла не особенно дружно. Две существовавшие на заводе большевистские группы (питерцев и москвичей) действовали не совсем дружно. Осложнилась забастовка арестом двух рабочих завода—Белоусова, Сухобруса и секретаря больничной кассы Розенгольца, А. П.

Рабочие послали к директору завода Геверу депутацию в 8 чел., которые просили заводоуправление ходатайствовать об освобождении арестованных товарищей, но получили новый отказ.

19/X работало 220 чел.

22/X пристав сообщил, что произведенные аресты внесли большое смятение в ряды бастующих и бодрость в партию, стоящую за работу и что уже организуется среди рабочих своя партия, желающая протестовать против насилий и угроз забастовщиков (?!).

21/X рабочие снарядной мастерской в числе 190 человек, явившихся на завод, заявили что к работам приступить не могут, так как уволенные их осуждают и даже избивают. После этого они разошлись. Через час к заводу подошла целая толпа рабочих, человек в 300, и просила администрацию выйти для переговоров, но администрация от всех переговоров отказалась.

Забастовка окончилась полной неудачей. Кроме того, репрессиям подвергались свыше 150 человек, высланных из Москвы, и столько же отправленных на фронт.

Небезынтересны листовки, выпущенные на заводе во время забастовки. Так, листовка, выпущенная 17/X, гласила: «Товарищи, благодаря войне предприниматели открыли усиленный поход против рабочих. Рабочие терпели, а предприниматели больше наседали, прикрывая различные притеснения «защитой родины». Цены же на продукты поднимались теми же предпринимателями и купцами. Наконец, терпение рабочих лопнуло и начался ряд стачек, сначала в Питере и других городах, а потом в Москве. Стачки кондукторов опять возобновились, кроме них бастуют заводы «Динамо», «Гном», «Самсон», «Люберецкий», целый ряд мануфактур и другие заводы. Нам говорят, что мы, бастуя, изменяем родине. Не мы, а предприниматели сами вызывают стачки; призывая нас на жертвы, сами наживают на этой же защите отечества».

«Предприниматели совместно с полицией и военным ведомством применяют везде один и тот же метод борьбы с рабочими. Запугивая расчетом, закрытием завода, а товарищей военнообязанных передовыми позициями. В то же время предприниматели сами противоречат себе: на заводе «Гном», так же, как и на заводе «Динамо», сначала об'явили расчет, а когда рабочие пришли за ним, то расчета не дадим и «не знаем еще, что будем делать». Последнее постановление «динамовцев»: если расчет выставлен в книжках полностью, то брать и в то же время требовать выдачи паспортов и удостоверения, если расчет в книжке не выставлен, то требовать выдачу расчета полностью. После расчета ни один рабочий не имеет права входить в завод на переговоры с администрацией, переговоры должны вестись советом уполномоченных. Места будут считаться под бойкотом».

В другой листовке, написанной печатными буквами карандашем с помощью переводной бумаги, говорилось, между прочим, что солдаты, мобилизованные на работу на заводе, отказались производить работу».

В гектографированной листовке, распространенной 19/X, говорилось:

«Товарищи, ни в какие переговоры с администрацией как в одиночку, так и группами не вступайте и в завод не входите до тех пор, пока не вывесят об'явление, приглашая уполномоченных для переговоров. Товарищи, воздерживайтесь и всячески останавливайте других, в этом верный залог нашей победы. Товарищи, все, как один, ушли с завода, и все, как один, вступим в него».

Проводилась эта забастовка по инициативе так называемой «Питерской группы». «Московская группа» сначала высказывалась против забастовки. На совместном собрании этих групп был выбран стачечный комитет, в который вошли т.т. Антипов, Н., Корзинов, Мохов (Стернин), Кальнин—Григорьева. Под руководством этого комитета и протекала довольно дружно забастовка, хотя и окончившаяся неудачей. Сорвали забастовку военнообязанные, которым грозил фронт, да массовые аресты и высылки всех наиболее активных участников забастовки.

Работа московского охранного отделения в связи с развернувшимся рабочим движением, как уже отмечал «Соц.-Дем.», была необыкновенно энергичной, хватали так много, что, несмотря на печать молчания, какую хранили буржуазные газеты о рабочем движении этого времени, им все же пришлось коечто давать. Так, под заголовком—«*Обыски, аресты и высылки*» они сообщали:

2/X в Симоновском районе среди рабочих произведены массовые обыски и аресты. Арестовано около 40 человек; среди них несколько женщин. При обысках ничего компрометирующего не найдено. Несколько человек уже освобождены. Арестованы: товарищ председателя культурно-просветительного обще-

ства рабочих «Просвещение» — Алешин, члены правления симоновской общей больничной кассы—Галкин, Титов, Андрианов, два брата Шаплигины, Потапов, Парфенов, служащий технического отделения завода, Матвеев, и др.[1]).

14/X—В последние дни арестован председатель профессионального общества рабочих и работниц текстильного производства московского промышленного района—Комаров; произведен обыск в квартире рабочего В. П. Стернина, арестован служащий союза потребительских обществ Н. Ф. Нестеров. В воскресенье, возвращаясь из гостей, на улице арестован заведующий бюро труда при общеземской организации В. П. Милютин. Последнему пред'явлены обвинения в том, что он жил в Москве вопреки состоявшемуся $1^1/_2$ года назад постановлению администрации о воспрещении жительства в столичных городах. Милютин подвергнут в административном порядке аресту на 3 месяца [2]).

13/X секретарем Симоновской общей больничной кассы А. П. Розенгольц получено распоряжение о его высылке в трехдневный срок из Москвы на все время военного положения. Третьего дня такое же распоряжение получено делопроизводителем центральной общей больничной кассы типо-литографии Н. П. Павлуновским. Выслан в трех-дневный срок из Москвы рабочий завода «Динамо»—Белоусов [3]).

16 октября депутация от Симоновской общей больничной кассы посетила градоначальника по поводу высылки делопроизводителя кассы А. П. Розенгольца. Депутация ходатайствовала об отмене распоряжения или об отсрочке высылки, так как работа А. П. Розенгольца крайне необходима кассе, делопроизводство которой, благодаря частой смене делопроизводителей по независящим от правления обстоятельствам пришло в хаотическое состояние.

Градоначальник ответил, что отменить высылку он не в праве, но обещал снестись с соответствующей инстанцией относительно отсрочки высылки [4]).

23/X—в Симоновской слободе арестовано 25 рабочих завода «Динамо», среди них—1 женщина. Подвергнуты высылке из Москвы рабочие того же завода—Макаров, Белкин и Корзинин, которые считались уполномоченными рабочих. Арестовано 10 рабочих на заводе акционерного общества «Гном». В Люберцах—14 человек [5]).

В ночь под 22 октября были произведены массовые обыски и аресты в районе Симоновской слободы среди рабочих. Арестовано около 25 человек. В числе арестованных—предсе-

[1]) „Утро России", № 295, 2/X 1915 г.
[2]) „Русск. Вед.", № 235, 14/X 1915 г.
[3]) „Утро России", № 282, 14/X 1915 г.
[4]) „ „ № 284, 16/X 1915 г.
[5]) „Русск. Вед.", № 243, 23 октября 1915 г.

датель правления общества «Просвещение» Волков, член правления больничной кассы Г. Алешин, Эмилия Кальнин (латышка) и др. Высланы из Москвы: И. Макаров, М. Белкин, Корзинин и другие.

Аресты были произведены среди рабочих и в других районах, где так же арестовано до 24 человек [1]).

25/X на заводе «Динамо» произведен арест еще трех членов правления больничной кассы. Тем самым деятельность больничной кассы фактически прекратилась. Рабочие обращались к администрации завода «Динамо» с просьбой назначить по своему выбору членов правления больничной кассы, чтобы не приостанавливать работы кассы по оказанию помощи больным. Заводоуправление ответило отказом [2]).

Все арестованные в лучшем случае отсылались на фронт или высылались из Москвы.

Так по сообщениям «Русских Ведомостей» 27/X были освобождены из под ареста члены правления симоновской общей больничной кассы Андрианов, Галкин и Титов. В тот же день они получили распоряжение администрации о немедленной высылке их из Москвы на все время чрезвычайной охраны [3]).

28/X—освобожденные из под ареста рабочие: Борисов, Осипов, Плеханов, Чигарев, Купцов, Евсеев, Зиниц, Смирнов, Копылов, Тарасов, Жаворонков, Парфенов, Гагарин, Шаплыгин, опять же в тот же день получили распоряжение администрации о немедленной высылке их из Москвы на все время военного положения [4]).

Но как бы ни тяжелы были понесенные жертвы и несмотря на неудачу большинства этих забастовок, тем не менее в политическом отношении это был большой шаг вперед. Эти забастовки освободили значительные слои рабочих от дурмана шовинизма, и в порядок дня московские рабочие постановили организованную защиту своих классовых интересов.

Забастовщик перестал уже быть провокатором и немецким шпионом, как еще продолжала мыслить буржуазная и соглашательская интеллигенция, но рабочие уже раскусили эту сказку.

---

[1]) „Утро России", № 291, 23/X 1915 г.
[2]) „Русск. Вед.", № 245, 25/X 1915 г.
[3]) „ „ № 247, 28/X 1915 г.
[4]) „Утро России", № 297, 29/X 1915 г.

ГЛАВА IX.

Меры борьбы с забастовками.—Проекты гласных Котлецова и Урусова.— Меры полицейского воздействия.—Вопрос о прикреплении рабочих к предприятиям (милитаризация).—Заводское совещание в борьбе с рабочим движением.— Особое по делам об обществах присутствие и его борьба с рабочими организациями.—Закрытие о-ва торговых служащих.

Рост забастовочного движения настолько серьезно обеспокоил отцов города, промышленников и градоначальство, что все они занялись этим вопросом. Вопрос о мерах борьбы с забастовками стал в порядок дня и был предметом многочисленных дискуссий.

В связи с трамвайной забастовкой в городской думе обсуждались целых два таких проекта. Один был внесенный гласным А. А. Котлецовым, предлагавшим милитаризацию городских железных дорог, как единственное средство гарантировать от возможности забастовок в трамвае. Котлецов предлагал думе возбудить ходатайство, чтобы служащие трамвая были избавлены от мобилизации, но считались на военной службе и на них распространялись бы все обязанности, которые в военное время распространяются на железнодорожных служащих. Кроме того, в такое же положение ставятся шофферы и рабочие на городских грузовых автомобилях.

Этот же Котлецов предлагал думе жестоко наказать забастовщиков, лишив их целого ряда преимуществ, связанных с выслугой лет. «Если мы восстановим все права забастовщиков,— говорил он,—то мы окончательно утратим авторитет, и на всякую нашу репрессию рабочие будут смотреть с улыбкой» [1]).

Второй же проект принадлежал члену Управы Л. Г. Урусову, предложившему новый порядок найма трамвайных служащих.

Л. Г. Урусов предлагает учредить трудовую артель трамвайных служащих на основании закона об артелях (ст. 2198, т. X, ч. I).

«Учреждение трудовой артели трамвайных служащих на основании этого закона—говорил Л. Г. Урусов,—даст возможность раз навсегда покончить с забастовками в трамвае, со-

---

1) „Раннее Утро“ № 247, 27/X 1915 г.

вершенно нетерпимыми и неоправдываемыми ни с какой точки зрения, не исключая и классовой, так как забастовка трамвая поражает прежде всего трудовые классы населения.

«Городское управление должно разработать устав этой артели, финансировать артель приблизительно одним миллионом рублей паевого капитала с удержанием из жалованья артельщиков определенных вычетов на погашение этой ссуды, и пригласить артель на службу, как трудовое товарищество.

«В эту артель должны войти все желающие из прежних служащих и другие лица, пригодные для дела. Наметить предварительно взаимоотношения артели с управлением трамвая надлежит поручить управлению трамвая. В дальнейшем возможно участие артели в прибылях трамвая. Таким образом, служащие трамвая явятся вдвойне заинтересованными в правильном действии трамвая, как рискующие своими паями, обеспечивающими правильную службу артели, и лишением причитающейся доли прибыли от предприятия» [1]).

Кроме этих организационных мер в борьбе с забастовками, как мы уже отмечали, охранное отделение проводило свою программу—арестов, высылок и т. д. На ряду с этими мерами градоначальство время от времени громогласно напоминало населению об этом «биче божием».

Так с возникновением сентябрьских забастовок московский градоначальник Е. К. Климович об'явил населению:

«4 сентября в Москве часть рабочих прекратила работу в отдельных предприятиях и в том числе, к сожалению, даже на некоторых фабриках и заводах, занятых изготовлением военных заказов, обслуживающих нужды родной нашей армии.

«Такое прискорбное явление вынуждает меня напомнить населению столицы и рабочим, что в настоящее трудное время, переживаемое нашей родиной, когда для облегчения подвигов наших братьев, жертвующих жизнью за нас, необходимо непрестанное и нелицемерное напряжение сил народных для удовлетворения нужд армии всем,—всякая забастовка, неизбежно вызывая промедление в снабжении армии припасами, является явной помощью нашему врагу и есть не что иное, как злое предательство наших доблестных воинов и измена родине.

«Приглашая население столицы к спокойствию, я вместе с тем подтверждаю, что всякое посягательство на нарушение порядка и мирного течения труда будет мною прекращено самым решительным образом» [2]).

Итак, всякая забастовка является явной помощью нашему врагу и есть не что иное, как злое *предательство* наших доблестных воинов и измена родине. Об'являя об этом, градоначальник обещал самые решительные меры.

---

[1]) „Раннее Утро", № 247, 27/X 1915 г.
[2]) „Утро России" № 245, 5/IX 1915 г.

Интересно отметить, что в июле месяце градоначальник совсем не говорил таким языком. Тогда в приказе по московскому градоначальству и столичной полиции от 6 июля он предлагал г.г. приставам раз'яснить рабочим. Он писал:

«В виду повторения случаев самовольного оставления рабочими работ на фабриках и заводах, изготовляющих предметы, необходимые для снабжения армии, приостановление деятельности которых угрожает безопасности государства, предлагаю г.г. приставам ряз'яснить рабочим, что подобного рода деяния ослабят мощь русской армии и таковое самовольное оставление работы составляет преступное деяние, предусматриваемое ст. 1.359³—1.359⁴ Угол. Улож., караемое заключением виновных в тюрьме на время от 4 мес. до 1 года 4 мес. О всех случаях самовольного прекращения работ на заводах, изготовляющих заказы для военного ведомства, предлагаю производить подробные дознания и направлять их по подсудности, донося о приступе к дознанию по команде и сообщая прокурорскому надзору» [1]).

Сейчас, видя, что раз'яснения не действуют, он перешел к угрозе, обещая скорпионы всем забастовщикам и изменникам.

Но и эти решительные меры, широко примененные, не помогали. Забастовочное движение все больше и больше росло.

Когда же начались октябрьские забастовки, то тот же Климович, обнародывая свои новые полномочия как градоначальника при военном положении, писал:

«От московского градоначальника об'является во всеобщее сведение, что командующий войсками московского военного округа 7 октября сего года, на основании 3 отдела именного высочайшего указа правительствующему сенату, 2 октября данного, уполномочил меня в пределах московского градоначальства:

«1) Подвергать виновных в нарушении изданных им обязательных постановлений, а также совершивших нарушения по делам, обращенным им на основании положений, к административному разрешению, взысканиям, означенным в пункте 2 ст. 19 означенных правил.

«2) Требовать от прокурорского надзора московской судебной палаты и московского окружного суда представления для просмотра на срок не свыше 2 недель каждого отдельного следственного производства или дознания, не переданного еще в судебное установление, означенные же производства по получении их от прокурорского надзора препровождать для доклада ему через прокурора московского военно-окружного суда.

«3) Воспрещать всякие народные, общественные и частные собрания.

---

[1]) „Русск. Вед." № 155, 7 июля 1915 г.

«4) Делать распоряжения о закрытии всяких вообще торговых и промышленных заведений на известный срок или на все время об'явленного военного положения.

«5) Воспрещать отдельным лицам пребывание на местах, об'явленных на военном положении.

Градоначальник генерал-майор Климович.

10-го октября 1915 года [1]).»

На ряду с этим тот же градоначальник широко начинает применять награды полицейских чинов за «задержание подстрекателей к забастовке», за нападки на правительство и полицию и т. д. [2]).

По стопам градоначальника пошло и железнодорожное начальство.

Одновременно с опубликованием об'явления градоначальства от 4 сентября мастерские и другие помещения для рабочих украсило следующее обязательное постановление коменданта управления дороги:

«1) Воспрещается умышленное уклонение служащих, мастеров и рабочих дороги от несения своих служебных обязанностей или от исполнения порученной работы, а также небрежное исполнение таковых;

«2) В случае болезни, препятствующей исполнению служебных обязанностей, служащие, мастеровые и рабочие обязаны немедленно уведомить свое начальство о невозможности явиться к установленному сроку с пред'явлением явленного у железнодорожного врача медицинского бюллетеня.

«Виновные в нарушении сего обязательного постановления подвергаются в административном порядке аресту до 3 месяцев или штрафу до 500 рублей [3]).»

Безрезультатность всех этих полицейских мер снова вернула к вопросу о милитаризации рабочих.

Но выдвигая этот лозунг, заводчики и фабриканты обосновывали его по разному. Одни, более откровенные, ставили вопрос открыто и прямо, другие же подобно группе кожевенных заводчиков, выставляли более скромные требования—ограничение права перехода рабочих с завода на завод.

Это свое «скромное» требование они в поданной в В.П.К. записке обосновывали следующим образом:

«В последнее время, с появлением громадного спроса на рабочих нашей отрасли, стали учащаться случаи самовольного ухода рабочих с фабрик и перехода их, главным образом,

---

[1]) „Утро России“ № 279, 11/X 1915 г.

[2]) Городовому 2 уч. Сретенской части Парамонову за задержание лица, подстрекающего рабочих типографии к забастовке, градоначальник приказом по полиции на сегодня об'являет свое спасибо и назначает в награду 3 рубля из остаточных сумм полиции“ („Утро России“ № 282—14 X 1915 г.).

[3]) „Раннее Утро“ № 245, 5/IX 1915 г.

Московскіе отклики.

Недѣля москвича.

...Въ связи съ развившейся фальсификаціей въ Москвѣ въ послѣднее время участились случаи отравленія: много ихъ зарегистрировано, но еще больше не зарегистрировано.
..Отравилось 67 рабочихъ.

(*Изъ хроники*).

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

... Третій день не топятъ въ квартирѣ... Пришелъ домой и засталъ жену въ слезахъ: мечется и дыханіемъ отогрѣваетъ окоченѣвшіе пальчики 6-лѣтнему сыну Костѣ. Совсѣмъ замерзъ мальчишка!.. Посовѣтовали вино. Съ большимъ трудомъ досталъ бутылку «мадеры» (цѣна бѣшеная). Далъ рюмку сыну. Подѣйствовало. Мальчикъ замолчалъ сразу... Прибывшій докторъ констатировалъ:

— Онъ отравился!

ВТОРНИКЪ.

«Мадеру» повезли на аналистическую станцію. Одобренія не получила. Жена въ слезахъ. Теща ворчитъ и ругается. Сѣли обѣдать. Мы ничего не ѣли, но теща набросилась на икру. Прибывшій врачъ констатировалъ:

— Она отравилась!

СРЕДА.

Похоронили в тещу... Плакало небо... Справляли поминки. Что-то ѣли... Что—уже не помню,—не до того было. Я воздержался. Но жена совсѣмъ отощала, и я почти насильно заставилъ ее съѣсть отбивную котлету. Совсѣмъ маленькую котлетку...

Прибывшій докторъ констатировалъ:

— Она отравилась!

На аналистической станціи сказали причину:

— Топленое масло, фальсифицированное насчетъ разныхъ жировыхъ веществъ...

Шелъ снѣгъ. Мрачно двигались погребальныя дроги

ЧЕТВЕРГЪ.

Я лишился жены, тещи и сына. Сразу. Рѣшилъ отравиться. Благо въ рукахъ былъ рецептъ, по которому я могъ достать яду. Послалъ въ аптеку. Принесли. Выпилъ и ждалъ. Часы тянулись долго. Безконечно долго.

Увы!—остался живъ.

Докторъ констатировалъ:

— Ядъ оказался... фальсифицированнымъ.

ПЯТНИЦА.

Слухъ о томъ, что я принялъ яду, облетѣлъ моихъ знакомыхъ. Пришли справляться о здоровьѣ. Между прочимъ, зашелъ мой единственный другъ. Просидѣлъ у меня весь вечеръ... Захотѣлъ ѣсть... Послали за рыбными консервами... Ѣлъ съ удовольствіемъ...

Прибывшій врачъ констатировалъ:

— Онъ отравился!..

СУББОТА.

Похоронилъ и пріятеля и принялся за чтеніе отчетовъ московскаго городского гигіеническаго института. И вотъ сижу и изучаю:

— Что можно ѣсть и что можно пить москвичу?

Увы!—то, что я прочелъ въ этихъ отчетахъ, заставило меня ужаснуться еще больше.

Судите сами: почти всѣ произведенныя изслѣдованія дали отрицательные результаты.

Положительные результаты дали только три случая: осьмушка чая, медъ и такъ называемые сушеные фрукты.

Послалъ за чаемъ, послалъ за медомъ, послалъ за сушеными фруктами.

Послѣ недѣльной голодовки набросился на нихъ, какъ голодный волкъ...

..Прибывшій врачъ констатировалъ:

— И я отравился!..

Наконецъ-то!..

ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Меня хоронили. Въ мой гробъ, согласно моему завѣщанію, положили отчеты городского гигіеническаго института: ихъ похоронили вмѣстѣ со мной. Говорятъ, многіе плакали. Потомъ городская дума почтила мою память вставаніемъ и рѣшила сдѣлать мнѣ памятникъ съ надписью въ назиданіе потомству:

— Онъ умеръ на славномъ посту московскаго обывателя!..

Съ подлиннымъ вѣрно:

МОЛОТЪ.

манскаго
докладыва
Скамью
группа пр
одна женщ
Андрей
Александр
ковъ, Ни
Уваровъ.
Ихъ прес
просто. Ут
въ квартир
Шарпенак
громили кв
Часть по
Манежева,
служилъ м
Подсуди
участіе въ
правда, бы
го было лю
Прокуро
назиданія
всѣхъ обви
Защитни
снисхожден
Особое п
вѣщаніе, а
являетъ ре
— Всѣх
аресту при
го.
Радостн
осужденны
ся своей р
и знакомым
сѣданія.
Ихъ мѣс
29-лѣтній в
Обвините
уже больше
толпы, не
тиру герм

Даже „Раннее Утро“ не молчало.

в предприятия, хотя и однородные с нашими по названию, но совершенно не связанные непосредственно с военным ведомством постоянными контрактными поставками. Эти предприятия, исполняющие случайные заказы, большею частью мелкие, без всякой промышленной организации и в деле снабжения армии роли почти не играют. Принимая какой-нибудь случайный заказ срочного характера, такое предприятие, не имеющее постоянного комплекта рабочих, не обремененное дорого стоящей фабричной организацией и не связанное никакими обязательствами по отношению к военному ведомству, не стесняется предлагать рабочим временно и для одной какой-либо работы сильно повышенную против нормы заработную плату. Начинается переманивание такими предприятиями рабочих других фабрик... Для военных фабрикантов создается невыносимое положение: с одной стороны, им грозит огромная неустойка и уголовная ответственность за неаккуратное выполнение заказов, а с другой стороны, рабочие, от которых зависит срочное исполнение, вольны в любой момент бросить работу, несмотря на колоссальные заработки (?!), которые они имеют у нас» [1]).

Из этих слов заводчиков можно вынести впечатление, что недостаток рабочей силы породил переманивание рабочих и в особенности в мелкое производство, а в силу этого и заработок рабочих должен был бы значительно возрасти. На самом же деле ничего подобного не было.

На с'езде представителю военно-промышленных комитетов (25 — 27 июля 1915 г.), где также пытались ставить этот вопрос, представитель рабочей группы Г. Егоров на вопрос, почему рабочие бегут с одного предприятия на другое, сказал: «Г. председатель говорит, что тут играет роль заработная плата. Я скажу, что тут играет роль не только заработная плата, а и те гигиенически санитарные условия, которые на этих фабриках существуют. Я думаю, что, если вы хотите правильно, без всяких колебаний и без всяких трений среди рабочих осуществить эту работу, этого можно избежать только одним путем. Если один фабрикант будет жаловаться, что уходят рабочие к такому-то фабриканту, то пускай центральный комитет или представители рабочих расследуют: если рабочие ушли по причине низкой платы, то пускай прибавят плату, а если рабочие уходят из-за того, что там невозможные гигиенически-санитарные условия, пускай улучшат их; если там рабочий день длинен, а в других предприятиях на один час меньше, и рабочие поэтому туда бегут, то пускай в длине рабочего часа сделают равные условия с другими предприятиями. Другими путями вы вопроса не разрешите [1]).

---

[1]) „Изв. О-ва завод. и фабрик“ № 7, стр. 7.

[1]) Труды с'езда представителей В.П.К. 25—27 июля 1915 г. Изд. 1915 г. стр. 198.

После этой речи за поздним временем прения по этому вопросу не велись, и С'езд ограничился принятием постановления «*обратить внимание* подлежащих ведомств, занятых ныне разработкой вопроса о милитаризации промышленных предприятий, работающих для обороны, *на деликатность и сложность* этого вопроса, требующего весьма осторожного к себе отношения; признало также необходимым, чтобы к рассмотрению положений о милитаризации промышленности был привлечен представитель В. П. К-та».

Конечно признать деликатным и сложным вопрос и попросить своего участия в этом «деликатном» вопросе все это С'езд мог, но отвергнуть в принципе идею милитаризации, как это настоятельно предлагал Егоров с'езд, конечно не мог. Проект нес не только опасения, но и надежды легче связать и за бесценок приковать рабочих к предприятиям и они решили поговорить «с надлежащим ведомством».

Надлежащим же ведомствам интересы предпринимателей и без того были близки. Даже такое учреждение, как особое совещание для об'единения мероприятий по обороне государства с его заводскими совещаниями заботилось прежде всего об интересах предпринимателей и об обороне их от забастовок и повышения заработной платы.

Так заводское совещание по московскому району защите этих интересов уделило изрядное количество внимания. Состояло это совещание из председателя уполномоченного особого совещания генерал-майора С. И. Чердынцева, его заместителя генерал-майора С. С. Дурново и членов генер.-лейт. Акермана; Н. Н. Вашкова (от земского союза), проф. В. П. Гриневецкого, П. Н. Коваленского, В. П. Лебедева, кн. П. И. Пестича, Ю. И. Поплавского, проф. П. Ф. Черновского, проф. А. Е. Чичибабина и др. [1]).

На одном из совещаний представителей всероссийских земского и городского союзов в заводских совещаниях (31/I—2/II—1916 г.) эта роль заводских совещаний получила некоторое освещение. Так, выступавший на этом совещании представитель земского союза в Московском заводском совещании А. А. Эйлер, как передает отчет об этом совещании [2]), остановился на попытках о-ва фабрикантов и заводчиков под флагом военно-промышленного Комитета) использовать заводское совещание в целях соответствующего интереса предпринимателей в регулировании заработной платы.

«Пункт 6 Положения о заводских совещаниях,—развивал свою мысль А. Эйлер,—дает право председателю заводского совещания делать представления председателю особого сове-

---

[1]) „Изв. О-ва завод. и фабр.“ № 10 ст. 25—1915 г.

[2]) „Извест. Главного Комитета по снабжению армии № 13, 1/III, 1916, стр. 20—25.

щания о мерах к урегулированию рабочей платы. Такое право заводского совещания дает о-ву фабрикантов и заводчиков повод всякий спор о размере платы переносить в заводское совещание и в глазах рабочих представлять его как такую инстанцию, которой нельзя миновать во всех случаях изменения расценок. Этим рабочие сознательно и явно вводятся в заблуждение относительно роли и задач заводского совещания. Такая тенденция красной нитью проходит через отношения заводоуправления к рабочим Московской губернии. Наблюдается несомненное стремление со стороны фабрикантов их борьбу с рабочими перелагать на заводское совещание и указывать рабочим, что виной всему последнее.

«Заводские совещания по существу расценок не утверждают, но москов. заводское совещание представляемые ему расценки принимает к сведению и утверждению.

«Подобное понимание закона ведет к фиксации заработной платы».

Такое явление, по мнению того же Эйлера, ненормально, придает остроту рабочему вопросу и об'ясняется «особыми условиями Московского заводского совещания».

Но что это за «особые условия», мы узнаем из доклада другого представителя земского союза Н. Н. Вашкова.

«Представители общественных организаций, сказал это либерал-земец, составляют в Московском заводском совещании незначительное меньшинство. Но при этом следует учесть, что представительство от Московского военно-промышленного комитета, который также относится к общественным организациям, представляется по своему характеру несколько своеобразным.

«Московский военно-промышленный комитет по структуре своей значительно отличается от Центрального военно-промышленного комитета. Центральный военно-промышленный комитет является в известной степени равнодействующей тех общественных сил, из коих вышли элементы, его составляющие, и поэтому к нему вполне приложимо наименование общественной организации.

«Такой равнодействующей Московский военно-промышленный комитет не представляет, а носит на себе определенный характер чисто промышленной предпринимательской организации.

«Таким образом, состав Московского совещания по количеству очень беден общественными силами, существенной руководящей роли они и в нем не играют.

«В частности по рабочему вопросу естественным докладчиком является представитель военно-промышленного комитета, т.-е. de facto представитель о-ва фабрикантов и заводчиков.

«Благодаря такому положению дел в совещании, представителям общественных начал нередко приходится переживать в нем тяжелые минуты.

«Надо заметить, что заводское совещание по многим вопросам, восходящим на его решение, своих, добытых собственными средствами материалов не имеет. А так как с самого начала деятельности Московского заводского совещания уполномоченный ген. Чердынцев усвоил к представителям общественных организаций отношение, исполненное доверия и благожелательности, то всякая справка, исходящая от общественных организаций, принимается им, а следовательно и большинством совещания, состоящим из военных чинов, с полным доверием. Поэтому таким же доверием пользуются те данные, которые исходят от общества фабрикантов и заводчиков.

«Такое отношение общество фабрикантов и заводчиков сумело в достаточной степени использовать, руководствуясь не общественными пользами и нуждами, а своими классовыми интересами.

«И вот благодаря тому, что все справки и весь тон заводскому совещанию диктуют представители о-ва фабрикантов и заводчиков, Московское заводское совещание сошло с пути государственно-общественных интересов, на который, повидимому, твердо стало Петроградское совещание, и мало-по-малу превращается в орудие защиты интересов предпринимателей.

«В результате отмеченных влияний все противоречия заводской жизни, как доходят на разрешение совещания, рассматриваются под углом зрения представителей В.-Пр. комитета и получают санкцию в желательном для них направлении. В конце концов, как итог деятельности заводского совещания, в перспективе рисуется милитаризация московской промышленности, понимаемая как прикрепление рабочих и к тем предприятиям, на которых они работают. Повидимому, такое прикрепление рисуется в виде девственного и простого средства достижения спокойствия и порядка в заводской жизни».

Переходя к подтверждениям сказанного, докладчик между прочим указал и на следующее: «На одном из заседаний заводского совещания было заслушано распоряжение председателя ген. Чердынцева, явившееся в результате отказа рабочих работать по об'явленным им расценкам, такого рода: «рабочих, отказывающихся работать по новым расценкам,—рассчитать, списки отказавшихся представить по принадлежности и сообщить всем заводам Московского и смежных районов с предписанием таких рабочих не брать и т. д., вплоть до закрытия завода и роспуска рабочих в течение 3-х дней».

«В связи с такими тенденциями должно было, естественно, появиться стремление к собиранию справок полицейско-сыскного характера, к выяснению, — есть ли на таком-то заводе партия оборонцев, или нет и т. п. При известной обстановке заводское совещание может стать de facto средством осуществления со стороны предпринимателей своих стремлений, своих желаний,

ничего общего не имеющих с задачами, возложенными на него законом и требованиями жизни».

Выступив же в прениях, Н. Н. Вашков еще сильнее подчеркнул, что *«предприниматели оценили роль, которую может сыграть заводское совещание в их интересах*, и проявили вполне сознательное желание использовать его как свое орудие» (стр. 26).

Выступавшие по докладу В. И. Гриневский и Н. Ф. Черновский,—читаем мы в одном из заявлений рабочих групп в В.П.К., еще более резко подчеркивали эту антиобщественную роль в заводском совещании представителей Московского военно-промышленного комитета. Другие же, признавая, что Н. Н. Вашков «принципиально прав», находили его освещение несколько суб'ективным.

Начальство же на это выступление, как видно, посмотрело немного иначе, и Н. Н. Вашков «вышел» из состава совещания.

Выступление Вашкова и его «уход», как видно, ничего не изменил, в жизни заводского совещания, и рабочая группа военно-промышленного комитета, обратившая в декабре месяце внимание на это учреждение, прилагая копию черного списка, разосланного председателем заводского совещания в промышленные предприятия Московского промышленного района «к *точному* исполнению», и прочего материала, характеризующего деятельность Московского заводского совещания, как органа боевой предпринимательской политики, предлагала бюро В.-П. Комитета:

«1. Созвать пленарное заседание комитета для выслушания и обсуждения доклада представителей комитета в заводском совещании о рабочей политике заводского совещания и

«2. Пригласить в это совещание (с совещательным голосом) представителей земского и городского союзов в Московском заводском совещании и вышедшего уже из состава совещания Н. Н. Вашкова.

Но «храбрых генералов» да промышленников словами нельзя запугать, и Московское заводское совещание чем было тем же и осталось и не меньше прежнего трудилось над «черными списками» и над борьбой с забастовками.

Не меньшие заслуги в отношении рабочих имеет и другое учреждение. Это — особое по делам об обществах присутствие. Этот домоклов меч все время грозно висел над головой рабочих организаций, то и дело умерщвляя то одну, то другую.

Между прочим, постановлением этого присутствия от 7/XII—1915 г. было закрыто общество торговых служащих. Поводом послужило следующее обстоятельство: 31 октября происходило заседание культурно-просветительной комиссии, носившей официальное название группы по устройству лекций, спектаклей, концертов, экскурсий и т. п.

На это заседание явилась полиция и произвела проверку присутствующих. Полиция установила, что в числе присутству-

ющих оказались 4 студента и 10 человек не имели членских билетов. Принадлежность их к обществу была здесь же удостоверена представлением канцелярией их заявлений. Спустя некоторое время, приставом были вызваны представители общества для соответствующих об'яснений. Пристав запросил представителей: было ли заявлено администрации о заседании указанной комиссии? Почему были на заседании студенты, и на каком основании присутствовали лица, не имеющие членских билетов, а только заявления? Последние ряз'яснили, что культурно-просветительная комиссия, официально носившая название группы по устройству лекций, спектаклей, музыкально-литературных вечеров и т. п., называлась так для сокращения ее длинного названия. О собраниях этой комиссии или группы, как и остальных существующих при обществе групп, было заявлено еще в августе с. г. градоначальнику с указаниями дней заседания этих групп.

По второму вопросу они сообщили, что проверять, — студент-ли вступающий, или не студент,—ни для правления, ни для канцелярии нет возможности. В случае же обнаружения обстоятельств, препятствующих лицам, принятым в члены, быть ими, правление на основании § 31 устава просто исключает их из числа членов общества.

По третьему: в виду быстрого развития дел общества, обслуживающего, главным образом, наименее обеспеченную часть торгово-промышленных служащих, и вследствие этого, ограниченности средств и массового вступления новых членов, канцелярия не успевала выдавать билеты. Да и членские билеты почти нигде не выдаются немедленно [1]).

Несмотря на эти исчерпывающие об'яснения, повторенные представителями общества и в заседании присутствия, последнее все же было закрыто.

«Закрытое общество торговых служащих,—писали «Русск. Вед.», было наиболее деятельной организацией торгово-промышленных служащих Москвы. Начав деятельность 4 июня 1907 года, при небольшом количестве членов, общество за последние три года стало быстро развиваться и обслуживало главным образом наименее обеспеченную часть служащих. Число членов достигло теперь 1.400 чел.; влияние общества заметно росло; к голосу его стали прислушиваться самые разнообразные группы торгово-промышленных служащих. Общество отзывалось на запросы и нужды торгово-промышленных служащих. Оно выдвинуло и разрешило, поскольку ему позволили обстоятельства, ряд важных для интересов этих служащих вопросов.

«Общество принимало энергичное участие в подготовке и работах 4-го с'езда торгово-промышленных служащих; много уделяло внимания вопросу о созыве областного с'езда; вело

---

[1]) „Русск. Вед." № 282, 9/XII 1915 г.

энергичную кампанию за проведение закона о договоре найма, отклоненного, как известно, Государственным Советом, деятельно участвовало в противоалкогольной кампании, и в работах общегородского с'езда по борьбе с дороговизной.

«Для обслуживания экономических и культурно-просветительных нужд своих членов, общество организовало ряд начинаний, получивших за последнее время широкое развитие. Так при обществе было организовано несколько профессиональных групп: служащих в книжных магазинах, конторщиков, приказчиков, кооперативных служащих, страховая группа по подготовке служащих в больничные кассы и др. Группы эти обслуживали специальные интересы той или иной отрасли труда служащих. Для безработных членов общества было открыто рекомендательное бюро, успешно подыскивавшее места в Москве и провинции. За последнее время бюро определило на работу много беженцев. Более широкой и глубокой помощи беженцам обществу оказать не удалось, так как на соединенное заседание всех профессиональных обществ не последовало разрешения.

«Широко была поставлена работа культурно-просветительной комиссии, устроившей много разнообразных концертов, лекций, докладов и т. п. Много устраивалось общеобразовательных экскурсий.

«Общество разработало коллективный договор с московским союзом потребительских обществ, имеющий важное значение не только для кооперативных, но и для торгово-промышленных служащих [1]).

И эта энергичная деятельность Общества, как видно, и послужила причиной его закрытия.

---

[1]) „Русск. Вед.“ № 283, 10 декабря 1915 г.

ГЛАВА X.

Массовые отравления.—Санитарные попечительства.—Суррогаты, фальсификация, „хлеб бедняков“, „мочка“.—Эпидемические заболевания.

Низкая заработная плата и необыкновенный рост цен на продукты первой необходимости вынуждали рабочих довольствоваться часто совсем испорченными продуктами. Учитывая все это, торговцы перестали стесняться и выбрасывали на рынок всякую падаль и отбросы,—все это великолепно шло на обогащение их кармана. Городская Дума, в лице ее санитарных учреждений, и не думала с этим бороться. Буржуазия была спокойна; первосортные товары были вне подозрения, и это ее успокаивало, а то, что продукты, покупаемые рабочими и другой беднотой города, отравляли не только организм рабочих, но и воздух соответствующих районов, это ее не касалось. В эти районы она не совсем любила ходить, а если и приходилось пройти около такой лавочки подвала, то, заткнув платком нос, она благополучно его обходила.

Но рабочие организации не могли быть довольны таким положением и начали создавать так называемые санитарные пепечительства. Но не успела развернуться работа этой организации, постоянно администрацией тормозимая, как уже за один день 1-е декабря, по сообщениям московских газет, в одну Старо-Екатерининскую больницу поступило 67 человек с «признаками сильного отравления каким-то ядом».

По этому поводу «Раннее Утро» [1]) писало:

«Вчера медицинский персонал Старо-Екатерининский больницы был завален неожиданной экстренной работой.

«До глубокой ночи, начиная с середины дня, медицинский персонал работал, не покладая рук.

«В больницу один за другим стали поступать больные с признаками отравления неизвестным ядом.

«Иногда привозили сразу по несколько человек. Так, например, из кондитерской «Сан-Риваль» на 1-й Мещанской ул. доставлено 29 человек; из дома Егорова по Глинистому пер.—

---

[1]) „Раннее Утро“, 277, 2/XII 1915 г.

13 человек, из дома Морозова по этому же пер.—3-е больных, остальных привозили в одиночку.

«Все отравившиеся были из разных домов и квартир, но все из одного района, большинство—с 1-й Мещанской ул. и Глинистого пер.

«В больнице отравившимся были сделаны промывания желудка и подкожные вспрыскивания.

«Благодаря быстро принятым мерам, жизнь всех заболевших вне опасности.

«Больные, получив облегчение, раз'езжались по своим квартирам.

«При опросе больных стали выясняться обстоятельства, при которых произошло отравление.

„*Заболевшие принадлежат к рабочему и бедному классу.* Продукты, которые служили им в этот день питанием,—сало, постное масло и щучья икра--были куплены в лавке Шелопанова, на 1-й Мещанской ул., в Глинистом пер.

«Вчера же вечером в названную лавку был командирован врач, который взял пробы всех вышеназванных продуктов и отправил их на анализ.

«Заподозренные в недоброкачественности продукты опечатаны.

«По делу производится дознание».

На следующий день заболевания не только не прекратились, а приняли еще большие размеры, и то же «Раннее Утро» писало:

«Случаи заболевания не только не прекратились, но снова повторились, при чем число пострадавших превысило цифру заболевших накануне.

«Одна Старо-Екатерининская больница приняла до 170 человек. Многие же не обращаются за медицинской помощью и обходятся «своими средствами».

«Врач, дежуривший в Крестовской аптеке, на 1-й Мещанской ул., до 3 ч. дня принял свыше 30 человек, но больные являлись в аптеку и после его от'езда.

«Смертных случаев не было и вчера.

«Большинство заболевших после промывания желудка и подкожного вспрыскивания получило значительное облегчение и раз'езжалось по домам».

«Молва об отравлении идет по всей Мещанской, сильно будоража население.

«У ворот типично-мещанских домиков в переулках Мещанской улицы вчера до поздней ночи стояли группы встревоженных обывателей, обмениваясь новостями и впечатлениями дня.

«Среди них много и жертв загадочного отравления.

«Они вышли «на воздух» освежиться:

— Все как-будто полегче.

Дома лежишь—тянет рвота. Душеньку вытянуло.

«В переулках Глинистом и Банном, должно-быть, нет ни одной семьи, где не было бы отравившихся.

«Отравлялись семьями, человек по 5—10.

«Отравлялись целыми артелями.

«Так, отравилась в Глинистом переулке артель столяров из 17 человек.

«На кондитерской фабрике Сан-Риваль сразу отравилось около 30 работниц [1]).

3-го отравление жителей района 1-й и 2-й Мещанских улиц продолжалось, хотя уже в меньших размерах.

«В переулках все еще попадаются бледные, землистые лица. Жалуются на головную боль.

«На «трясение», на рвоту.

«До 3 час. дня в Старо-Екатерининскую больницу поступило 23 человека. У всех легкое отравление.

«В Крестовскую больницу обращалось за день до 40 чел. с теми же симптомами.

«На Собачьей площадке и в Солнцевом проезде заболели 12 водовозов после того, как они поели хлеба. Хотя водовозы к больничному лечению не обращались, но чувствовали себя настолько плохо, что в течение двух дней не могли доставлять воду для обывателей [2]).

По отзывам врачей Старо-Екатерининской больницы, как сообщали «Русс. Ведом.», куда поступило наибольшее число больных с признаками отравления, массовые отравления в Москве произошли от фальсификации продуктов, вызванной дороговизной. *Отравления происходят главным образом на фабриках, заводах, мастерских, где рабочие пользуются недоброкачественными продуктами.* Производится фальсификация сала, масла, хлеба, муки и при невежестве фальсификаторов попадают в эти продукты отравляющие вещества. При обращавшихся в Старо-Екатерининскую больницу свыше 150 больных с острыми признаками отравления тяжело больных было только 3, а все остальные были с легкими заболеваниями. Врачи высказываются за необходимость усиления санитарного надзора за продажей продуктов первой необходимости.

Для исследования причин отравления массы лиц, *принадлежащих* в большинстве случаев *к рабочему классу,* 3/XII Городская управа отправила в санитарный отдел полученные ею пробы, взятые из заквасок, теста, хлеба и муки в двух хлебопекарнях Тихомирова и из хлебопекарни Борзенкова. В лаборатории отдела будет произведен тщательный анализ для выяснения, какое ядовитое вещество попало в хлеб. Осмотр продуктов в лавках, расположенных на 1-й Мещанской и Глинистом пер., не дал тех результатов, какие первоначально предполагались.

---

1) „Раннее Утро“ № 278, 3/XII 1915 г.
2) „ „ № 279, 4/XII 1915 г.

Продукты оказались доброкачественными, и пока существует предположение, что отрава была в черном хлебе [1]).

Итак, только на третий день городская управа «отправила в санитарный отдел полученные ею пробы».

«Заведующий лабораторией фармацевт-лаборант г. Кайзер, сообщил нам, — писало «Утро России», — что результат будет известен не ранее, как через неделю.

«Между тем, желательно было бы ускорить химический анализ продуктов, так как население района, подвергшегося этой «напасти», переживает очень тревожные дни.

«Признаки отравления наблюдались у лиц, не евших кислого хлеба, но были и у тех, кто ел все, кроме кислого хлеба.

«Под подозрением оказались масло, крупа, соленая рыба, консервы, мясо, хлеб, молоко, пшено, соленые грибы и пр.

«До тех пор, пока не будет выяснена причина отравлений, обыватели Мещанской части будут поститься, опасаясь всех пищевых продуктов».

Пока управа и санитарный отдел не торопились с выяснением причин отравления, каждый старался вырешить этот вопрос для себя. «Где отрава». «Чего больше всего опасаться», каждый тревожно спрашивал себя и отвечал по разному.

«Хлеб вне подозрения», твердили одни и ели только один хлеб.

«Это доверие к хлебу закончилось неблагополучно для одного, проживающего в Глинистом переулке столяра, — писало «Раннее Утро».

«Когда уже здесь стало известно о загадочном массовом отравлении, этот столяр отказался от ужина:

— Теперь в лавках вместо пищи отпускают в продуктах яд. Заморю голод хлебом.

«Вскоре после того, как этот, бережно относящийся к своему здоровью столяр поел хлеб, у него обнаружились все признаки отравления.

«Когда же пострадавшими была установлена ядовитость ржаного хлеба, остатки его были выброшены в помойные ямы на дворах.

«Сердобольный дворник дома № 7 по Глинистому пер. покормил выброшенными остатками хлеба дворовых собак.

«Все 9 собак заболели, у них началась рвота.

«Даже заболели поклевавшие выброшенного хлеба куры в доме № 19 по Глинистому переулку.

И дальше под заголовком «Хлеб бедняков» газета писала:

«В столярной мастерской Костюхина мастера указали нашему сотруднику:

— Взятый нами накануне дня отравления ржаной хлеб обращал на себя внимание горьким привкусом».

---

[1]) „Русск. Ведом.“, № 278, 4 декабря 1915 года.

«В сторярной мастерской Колобродова уверяли:

— Два дня в течение последнего месяца из местной булочной нам отпускали ржаной хлеб с запеченным в нем битым стеклом».

Но отравления были и у тех, кто не ел никакого хлеба.

— Поела только каши,—говорит одна женщина.—Через четверть часа началась рвота.

— С чем была каша.

— С русском маслом. Второй сорт. На него и думаю.

«Большинство страдает именно из-за этого второго сорта, писало «Раннее Утро».

«Коровье масло второго сорта стоит только 50 копеек.

«Ржаной хлеб второго сорта, кислый (в отличие от «сладкого», стоящего 5 коп.), продается по $4^1/_2$ коп. за фунт.

«Сомнений не может быть в том, что отравление было в связи со «вторым сортом» [1]).

Кроме того, писала та же газета:

«Между прочим, обнаружено, что в булочных для того, что бы тесто в квашнях скорее поднялось, пекаря кладут в незначительном количестве купорос. Возможно, что в какой-нибудь из булочных доза купороса была случайно чрезмерно увеличена, что и повлекло за собой отравление».

«Один же из мастеров-хлебопеков, работающих в городской пекарне, в беседе с сотрудником газеты «Раннее Утро» указал на следующее:

— Во многих частных пекарнях заквашивают хлеб на так называемой «мочке».

«В «мочку» входят различные куски и отбросы хлеба, приобретенные пекарями из бакалейных лавок, торгующих хлебом. Эти куски хранятся в лавках крайне небрежно: обычно их собирают в грязный ящик, находящийся под прилавком.

«В этих лавках ведется борьба с одолевающими бакалейщиков крысами. Возможно, что ядовитая, отрава для крыс попала на собираемые лавочником куски завалявшегося хлеба.

«Эти отравленные куски, возвращенные из лавки в пекарню, были употреблены в «мочку» и, таким образом, отравили своим ядом приготовленный для продажи только что выпеченный хлеб».

Пока городская управа молчала, та же газета обратилась к доктору М. Г. Коган, принимавшему больных в аптеке, с вопросом, нет ли у него подозрений относительно массового психоза. Коган ответил категорическим утверждением, что ему пришлось иметь дело с настоящим отравлением.

«Но установить, какой именно яд, пока нет возможности.

«С такого же рода вопросом газета обращалась к профессору Н. Н. Баженову.

---

[1]) „Раннее Утро“ № 279, 4/XII 1915 г.

«Проф. Баженов, ссылаясь на незнакомство с признаками отравления на Мещанской ул., все же сомневается в наличии массового психоза. Слишком легко допустить действительное отравление. «Фальсификация, становится все беззастенчивее, принимает страшно широкие размеры».

И только 11 декабря городская управа опубликовала предварительное сообщение городской санитарной станции по поводу исследования продуктов, употреблявшихся заболевшими с признаками отравления, обратившимися в Старо-Екатерининскую больницу. Для исследования на станцию было представлено масло, хлеб и другие продукты. Станция произвела пока исследование хлеба, так как предполагалось, что отравление происходило главным образом от потребления хлеба. Из семи образцов хлеба в пяти найден мышьяк. Образцы были взяты из того хлеба, который был разными лицами приобретен в булочной Федора Тихомирова, на 1-й Мещанской. Исследование остальных продуктов на станции продолжается, и подробное заключение будет представлено по окончании работ [1]).

Как видите, городская санитарная станция совсем не торопилась с производством исследований, а делала все это с прохладцей. Между тем, отравлениям сопутствовал и рост так называемых эпидемических заболеваний.

Так «Раннее Утро» 16 декабря, сообщая о том, что истекшая неделя была не многим благоприятней для города в смысле развития эпидемических болезней, исчисляла общее число заразных больных—1.891. Заболевания брюшным тифом—372; возвратным тифом—90 случаев, скарлатиной—309; оспой—53; дифтеритом—138; корью—251 случай [2]).

Но ведь известно, что эпидемические заболевания страшны прежде всего рабочему и бедноте. Изнуренные, недоедающие, ютящиеся в грязи подвалов, вот кому страшны эпидемии, а не «отцам города» и ее избирателям—буржуазии, роскошествующей и наживающейся на бедствии народном.

---

[1]) „Русск. Вед.“ № 284, 11 декабря—1915 г.
[2]) „Раннее Утро“ № 289, 16/XII 1915 г.

ГЛАВА XI.

Работа московских большевиков (октябрь-ноябрь).—Попытка создания М. К.—Арест временного московского комитета.—Пресненская группа.—Студенческие группы и их листовки.

Волна сентябрьских и октябрьских стачек, вызванная пробуждением рабочих масс, поставила колоссальной трудности задачи по руководству этим движением пред организацией большевиков, организацией распыленной, не об'единенной. Все же попытки созвать конференцию московских с.-д. большевистских групп для избрания московского комитета никак не удавались. Между тем потребность в таком центре все больше и больше чувствовалась. «Исходя из этих соображений, группа с.-д деятелей во главе с Смидовичем и Милютиным, как сообщал «Кондуктор» [1]), предложила местным с.-д. организациям, не ожидая созыва конференции, теперь же произвести выборы во временный московский комитет, которому и предоставить самому выработать платформу по об'единению всех городских большевистских организаций.

«Выборы по районам в этот комитет должны быть произведены в ближайшее время, а в Симоновском районе уже даже намечен кандидат в этот комитет,—кажется, Михаил Белкин».

Такой способ организации комитета оказался наиболее целесообразным, и временный комитет вскоре был создан.

Просуществовал этот комитет весьма недолго. 5 ноября начальник охранного отделения в своем докладе писал:

«Имею честь доложить его превосходительству, что имевшимся наблюдением за лицами, входящими, по сведениям агентуры, в состав комитета, около 9 часов вечера, было установлено место собрания (Благушин Фортунатовская ул., д. № 13), в виду чего в 10 часов вечера в квартиру, куда были проведены наблюдаемые, был введен наряд полиции, задержавший следующих лиц: кр-на Московской губернии, Рузского уезда, Судниковской волости, Андрея Андреева Андреева, кр-на Московской губернии, Серпуховского уезда, Туровской волости, Петра

---

[1]) „Аг. Зап.“ „Кондуктор“ № 196, 1/X 1915 г.

Петрова Щербакова, кр-на Московской губ., Бронницкого уезда, Жирошкинской волости, Николая Иванова Соколова, мещанина гор. Ейска Кирилла Иванова Шутко и кр-на Московской губ., Серпуховского уезда, Бадеевской волости, Александра Иванова Остроумова.

«Тотчас по задержании означенных лиц, у них в квартирах были произведены обыски, а в связи с этим были также обысканы нижеследующие лица, близко стоящие, по сведениям агентуры, к названному выше комитету: назвавшиеся кр-ном Бессарабской губ., Хотинского уезда, Новоселицкой волости, Василием Степановым Сидоровым и дворянкой Татьяной Николаевной Цорн (оба, по сведениям агентуры, прибыли из-за границы и являются лицами нелегальными), присяжный поверенный Валериан Иванович Яхонтов, дворянин Петр Германов Смидович, кр-нка Московской губ., Клинского уезда, Верклинской вол., Мария Александрова Гончарова и дочь личного почетного гражданина Ольга Самойлова Вейланд, в квартире которой была обнаружена проживавшая без прописки, назвавшаяся мещанкой г. Вознесенска Ольгой Петровой Бош.

«Из перечисленных лиц пока задержаны Сидоров и Цорн, а сегодня будут задержаны находящиеся в наблюдении Вейланд и Бош.

«По обыскам обнаружена разная литература и переписка, осмотр коих производится.

«О всех вышепоименованных лицах возбуждается в порядке военного положения переписка».

Что же касается тех сведений, которыми располагало московское охранное отделение относительно арестованных лиц, то они, по имеющимся в делах справкам, таковы:

«1. Андреев, Андрей Андреевич, кр. Московской губернии, Рузского уезда, Суднинской вол., д. Соснина, род. 1875 года. Известен охранному отделению, как один из наиболее активных представителей центрального района московской городской организации РСДРП. После майской ликвидации в 1910 г. исполнительной комиссии моск. ком., взял на себя инициативу в деле подготовительных работ к новому сформированию таковой. Находился в непосредственных сношениях с прибывающими в Москву представителями партии и руководил агитацией и пропагандой среди рабочих портняжных заведений г. Москвы.

«19 сентября 1910 г. был задержан на собрании в квартире Константиновича, где должны были рассматриваться следующие вопросы: 1) об официальном признании существования временного испол. ком. М. К. РСДРП и 2) об осуществлении местных и областных собраний для выбора делегатов на проектированную общерусскую конференцию. Этот арест закончился высылкой под гласный надзор полиции в Вологодскую губернию сроком на 3 года. Во время пребывания в ссылке за участие в незаконном собрании подвергнут был месячному аресту при полиции.

«Прибыв по окончании гласного надзора полиции 14 февраля 1914 г., в г. Москву, вновь приступил к партийной подпольной работе и 17 марта 1914 г. был арестован на собрании в помещении профессионального общества рабочих и работниц портновского производства.

«В том же 1914 г. отмечался агентурой, как инициатор уличной демонстрации рабочих в день рабочей печати (22 апреля) и агитатор демонстративных выступлений в день 1 мая.

«В октябре 1915 г. он, как член местной с.-д. группы при профессиональном союзе рабочих и работниц портновского производства, вошел в состав сорганизовавшегося в г. Москве временного московского К. РСДРП, на первом собрании которого 4 ноября с. г. в квартире крестьянина Остроумова был арестован и выслан вместе с Шутко и Щербаковым по этому делу на 3 года в Иркутскую губернию». [1])

«2. Щербаков, Петр Петрович, кр. Московской губернии, Серпуховского у., Туровской вол., род. 1887 г.

«По сведениям Охр. отд. в октябре месяце 1915 г. вошел в состав Временного Московского Комитета РСДРП. Устраивал в своей квартире собрания членов Лефортовской организации РСДРП. 4 ноября 1915 г. был арестован на кв. Остроумова, на первом заседании этого комитета и выслан по этому делу вместе с Шутко и Андреевым на 3 года в Иркутскую губернию. [2])

«3. Шутко, Кирилл Иванович, мещанин г. Ейска, Кубанской области, род. 1884 г.

«В 1905 г., состоя студентом Моск.Тех. училища, агитировал среди рабочих гор. Москвы за продолжение происходившей в январе месяце забастовки. 26 мая того же года был арестован в Орловской роще, близь г. Москвы, где была организована Московской с.-д. группой сходка рабочих, участники которой числом до 400 чел. при приближении войскового наряда и чинов полиции, предупрежденные выставленным патрулем выстрелом из револьвера рассыпались по роще, при чем было задержано 10 чел., из которых двое оказали вооруженное сопротивление.

«1 июля 1908 г. был внов арестован в г. Москве за переговоры с политическими арестованными, содержавшимися в Арбатском полицейском доме.

«В 1910 г. принимает активное участие в деле восстановления связей между отдельными организациями и группами центральной промышленной области с заграничными верхами партии, для чего ездил за границу и привез оттуда ряд конспиративных адресов для сношений. В этом же году занимался организацией сходбищ и совещаний для проектируемой Ц. К. партии общерусской конференции; принимал деятельное участие в распространении нелегальной литературы, и 19-го сентября

---

[1]) Охр. Отд., дело № 1320—1915 г.
[2]) Там же.

Примѣчаніе: Прежде чѣмъ наклеивать изготовленныя фотографіи слѣдуетъ провѣрить, удовлетворяютъ-ли снимки указаннымъ ниже основнымъ требов. суд.-полиц. фотографіи.

Фотографія въ 1/7 натур. величины. Ретушированіе не допускается. Волосы на головѣ и бородѣ пригладить.

Шутко Кириллъ

1) Профиль съ правой стороны, оставляя открытымъ все ухо. (Эта фотографія въ профиль важнѣе всего!)

2) Спереди (en face) совершенно прямо, не наклоняя головы ни впередъ, ни назадъ, ни въ стороны. Оба плеча должны быть видны.

Одежда снимаемаго безъ верхняго платья должна быть на немъ въ порядкѣ, не допуская снижанія воротника и т. п. умышленной небрежности.

3) Во весь ростъ, стоя, въ 3/4 въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платьѣ и обуви, въ котор. былъ задержанъ. Если носитъ очки, то одѣть.

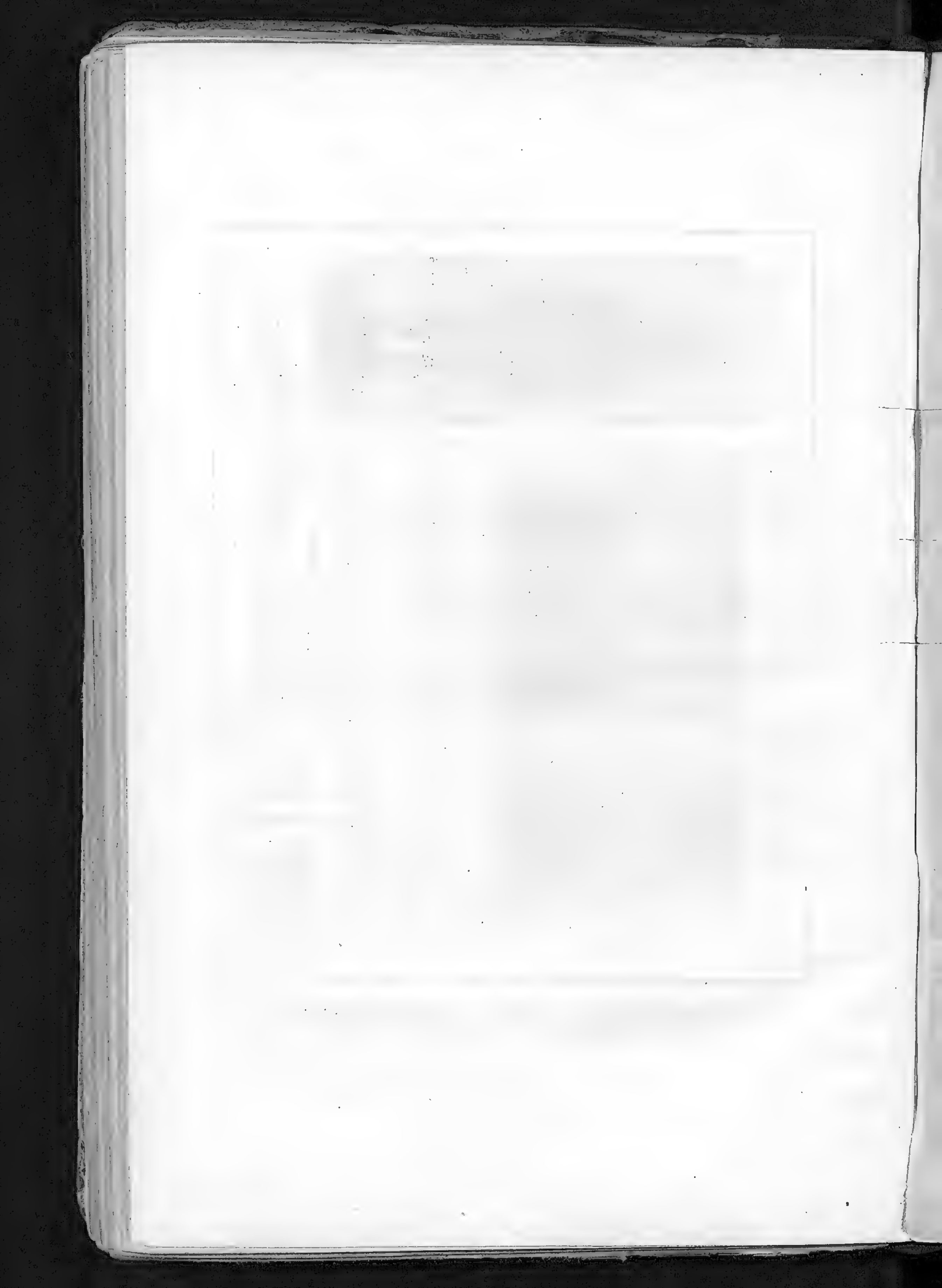
СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТЪ.

Возрастъ по нар. виду 25–28 Ростъ 1 метръ 68 сант. Раса (если цвѣтнокож.)

1. Лобъ. 2. Носъ. 3. Губы. 4. Подб. рот. 5. Оч. проф. 6. Пр. ухо. 7. Борода. Вол. 8. Брови. 9. Вѣки. 10. Глаз. 11. Глазницы. 12. Разст. между глазъ. 13. Морщ. 14. Выраженіе. 15. Слож. фор. гол. 16. Из лиц. 17. Усы.

Шутко

Регистрационная карточка Московского Охранного отделения на Кирилла Ивановича Шутко (191, 192, 193).

1910 г. был арестован в г. Москве на собрании главных деятелей по организации в Москве кружков РСДРП на квартире Константиновича, за что был выслан в Вологодскую губернию сроком на 3 года.

«За время пребывания в ссылке в г.Великом Устюге Шутко состоял во главе существовавшего там с.-д. кружка ссыльных и был членом правления тайной кассы взаимопомощи ссыльных. 4 июля 1912 г. за распространение среди рабочих Красавинской фабрики воззваний от «группы рабочих с.-д.» был выслан в более отдаленный в Устьсысольский уезд, село Усикулово и там за участие в незаконном собрании подвергался аресту сроком на 1 месяц.

«По возвращении из ссылки в 1915 г. входил в состав Петербургского Комитета РСДРП, и чрез его связи листовки последнего получили распространение и в Москве.

«4 ноября 1915 г. присутствовал на собрании Врем. М. К. в квартире Остроумова, где и был арестован и выслан в Иркутскую губернию сроком на 3 года.[1])

4. «Остроумов, Александр Иванович, родился 12 августа 1883 г., кр. Московской губернии, Серпуховского уезда, токарь завода «Полка».

«К нему зашли Шутко, Щербаков, Розмирович, Елена Федоровна, прибывшая из-за границы и живущая по паспорту Татьяны Николаевны Цорн. Так как по сведениям охр. отделения здесь должно было состояться заседание соргонизовавшегося «врем. московского с.-д. комитета», то в квартире был произведен обыск и аресты.[2])

«Н. И. Соколов рабочий завода «Динамо», брат известного провокатора—«Кондуктор», с октября являлся представителем Симоновской группы. В своих воспоминаниях относительно связи с М. К. он писал:[3]) «Я был у Чичерова Ильи, ходил с ним на явочную квартиру к Щербакову, рабочему фабрики Ронталлер. Через несколько дней был созван новый М. К. Второе собрание, на которое был приглашен от литературной группы т. Смидович, от симоновской я, от портных Андреев А. А., от лефортовцев Шутко, Щербаков, Нина и Чичеров. Смидович доказывал, что нужно держаться не на линии наименьшего зла, не на актуальном мире, а держать курс на мир всего мира. Против него говорили т. Нина и Чичеров. Это было до стачки на заводе.

«Третье собрание было после стачки, и я должен был кончить представлять собой Симоновскую организацию, как уже не существующую. Из видных товарищей остался только Уха-

---

1) Охр. отд., дело № 1320, 1915 г.

2) „ „ „ № 1193, 1915 г.

3) „Динамо“ изд. „Московский Рабочий“. 1923 г., стр. 52.

нов. Остальные уволены и высланы. Третье собрание было опять на квартире тов. Остроумова, рабочего завода «Полка». Этот завод изготовлял подковы и находился на Благуше. Собрание подходило к концу, когда пришла полиция и нас арестовала. Были арестованы: Шутко, Щербаков Николай Ник. (убитый в Октябрьские дни у Кадетских корпусов), Остроумов Александр и я».

Вслед за арестом «временного с.-д. московского комитета» 5/XI был арестован Николай Васильевич Крыленко.

О нем в делах охранки имеются следующие данные:

«Родился 2 мая 1885 г. в Сычевском уезде, Смоленской губ., сын чиновника, учился в Люблинской гимназии, окончил Петроградский университет по филологическому факультету и Харьковский по юридическому, прапорщик запаса.

Революционная деятельность Н. В. Крыленко охр. отдел. отмечается с 1906 г. В этом году он подлежал аресту за принадлежность к Петроградской организации РСДРП, но от ареста успел скрыться. 5-го июня 1907 года он был задержан полицией на заводе Крейтон за агитацию среди рабочих и при задержании назвался екатеринославским мещанином Владимиром Николаевичем Постниковым, по документу которого и проживал в Петрограде. При обыске у него обнаружен лист бумаги, на коем написано: «удостоверяем нуждаемость члена с.-д. группы товарища Николая Васильевича Крыленко. Секретарь бюро с.-д. группы Н. Борисов». Произведенным при петроградском губернском жандармском управлении дознанием по делу об'единенного комитета РСДРП не было добыто в отношении Крыленко достаточных данных и потому он был признан по суду оправданным и из-под стражи освобожден; 13 сентября 1907 года Крыленко в числе других лиц, возбудивших сомнение в политической благонадежности в момент прибытия в столицу, был арестован на Финляндском вокзале при возвращении из Финляндии; переписка о нем при том же жандармском управлении была прекращена, а по ходатайству петроградского охранного отделения петроградским градоначальником, на основании п. 4 ст. 16 Положения о государственной охране, ему было воспрещено жительство в Петрограде впредь до распоряжения. По имеющимся у заведующего политическим розыском в Люблинской губернии сведениям, Крыленко состоял в 1908 г. в боевой дружине Люблинского отдела и вращался в Люблине среди людей, враждебно настроенных против России. В декабре 1908 г. Петроградским градоначальником ему было разрешено жительство в Петрограде до 1 июня 1909 года для держания экзаменов в университете. В это же время Крыленко послал письмо в Саратов, в котором упоминает о своей революционной деятельности в Могилевской организации.

В 1910 г. Крыленко, разочаровавшись в с.-д. партии, написал книгу с резкой критикой всей тактики социал-демократов и примкнул к группе синдикалистов, но, избежав ареста при

ликвидации этой группы, снова перешел к с.-д. большевикам. По сообщениям департамента полиции от 3 декабря 1912 г. за № 109700 на имя начальника Петроградского охранного отделения, «Абрам» (партийная кличка Крыленко) в период 1906 и 1907 г.г. играл роль серьезного партийного агитатора и, помимо переправки литературы и партийных лиц через границу, два раза лично отвозил транспорты в Петроград.

«В 1910 и 1911 г. Крыленко является одним из главных руководителей забастовок, выступал на митингах в качестве оратора, распространял нелегальную литературу, принимал деятельное участие в предвыборной комиссии в 4-ю Государственную Думу, состоял сведующим лицом при думской с.-д фракции и принимал деятельное участие в организации и работе петроградского комитета, входя в него, как член исполнительной комиссии, имея отношение к транспортировке заграничной с.-д. литературы.

«Как убежденный и опытный социалист-агитатор, Крыленко избрал себе профессией педагогическую деятельность, как наиболее удобную для безнаказанного пропагандирования социалистических взглядов и убеждений учащейся молодежи. В декабре 1913 г. состоял в Петрограде под наружным наблюдением, каковым было отмечено неоднократное посещение им квартиры с.-д. Думской фракции большевиков, редакции газеты «Правда» и Елены Федоровны Розмирович. Кроме того, он посетил присяжного поверенного Николая Дмитриевича Соколова и ряд других лиц, известных департаменту полиции, как передаточные адреса переписки большевиков. 12 декабря 1913 г. был подвергнут в Петрограде обыску, коим у него отобраны в большом количестве №№ газет и журналов «Печатное Дело», «Пролетарская Правда», «Новая Рабочая Газета» и др. брошюры по социально-политическим вопросам, на которые наложен арест судебными установлениями. Рукопись корректурная «К истории фабричной инспекции в России» и другие рукописные заметки по рабочему движению и относящиеся к РСДРП; почему он того же числа арестован и привлечен к переписке в порядке охраны, по рассмотрению которой особым совещанием был выслан из столицы и в г. Харькове водворен под надзор на два года, т.-е. по 25 февраля 1914 г.

«В Харькове с 20 марта 1914 г. Крыленко посылал в рабочие газеты статьи за подписью «А. Брам», освещая в них рабочий вопрос в духе с.-д. Член Государственной Думы Муралов указал на него харьковским большевикам как на крупную величину среди центральных работников.

«По сообщениям департамента полиции от 19 июня 1914 г. за № 172915, Крыленко должен был войти в состав «Организационной комиссии по устройству на юге России с'езда членов РСДРП Ленинского течения».

«20 июня 1914 г. он был подвергнут в гор. Харькове обыску в связи с ликвидацией лиц, принадлежащих к местной с.-д. организации, коим у него обнаружено: 28 листов с отпечатанными на пишущей машинке статьями, видимо для газеты или для доклада, озаглавленными «На злобу дня», «К задачам момента» и «В мире рабочих», за подписью «А. Брам». В них автором излагаются мысли о необходимости и путях об'единения большевистского и меньшевистского течения с.-д. партии.

«27-го июля Крыленко снова обыскан по тому же делу, коим у него обнаружено: № 6 за 1914 г. журнала «Работница», № 22 за 1913 г. газета «За Правду», № 22 за 1914 г. газета «Наша Рабочая Газета» и № 68 за 1914 г. газета, на которые арест утвержден судебными установлениями. После этого обыска скрылся и розыскивался циркуляром департ. полиции от 26 августа 1914 г. за №№ 155034 и 30944.

«В сентябре месяце 1915 г. Крыленко из заграницы прибыл в Москву и проживал здесь под именем и по паспорту крест. Бессарабской губ., Харитонского уезда, Новоселецкой волости, Василия Семеновича Сидорова.

«По полученным охранным отделением сведениям Крыленко приехал в Москву вместе с Е. Ф. Розмирович (нел. Цорн), они вошли в сношение с некоторыми наиболее видными представителями местного с.-д. подполья, предполагая создать при «Московском с.-д. комитете» особую литературную комиссию для обслуживания литературных нужд подполья, транспортировки из заграницы изданий и для сношения с заграницей по партийным делам. Крыленко является видным партийным деятелем и находится в непосредственных сношениях с Лениным.

«Обыскан и арестован 5/XI в связи с арестом 4/XI «Временного моск. с.-д. комитета». Розмирович сейчас же была опознана как розыскиваемая циркуляром 1914 года за № 155037/294 с Б. 31267, личность же Крыленко удалось выяснить опросом Марии Станиславовны Черлюнчакевич, мужу которой им было послано письмо. В этом письме Крыленко между прочим писал: «надо отдать справедливость, охранка мастерски работает». Эта похвала противнику видно понравилась, и эти слова в деле подчеркнуты [1]).

5. Розмирович Елена Федоровна, по мужу Трояновская (нелег. Цорн; «Галина») по данным охранного отделения принимала участие в 1913 г. в совещании за границей ленинского Ц. Комитета РСДРП. Получив полномочия этого к-та, как секретарь думской «шестерки», в том же году выбыла из-за границы в Петербург. В июне 1913 г. вошла в сферу наружного наблюдения по Киеву, под кличкой «Тифлисская», как принимающая

---

[1]) Охр. отд., дело № 1301, 1915 г.

участие, по сведениям д-та пол., в подготовительных работах по созыву конференциии РСДРП. В 1914 г. получила от Моск. информационного к-та 3.000 р. для пересылки их за границу Ленину. По постановлению М-ва В. Д. от 18 апреля 1914 года подчинена гласному надзору полиции в избранном месте жительства, за исключением столиц и столичных губерний, сроком на 5 лет. В октябре 1915 г. прибыла в Москву из-за границы от Ленина вместе с нелегальным Сидоровым (Н. В. Крыленко), предполагая обосноваться в Москве и работать в подполье. В Москве проживала под фамилией Цорн. Предложила организовать при московском комитете РСДРП литературно-техническую комиссию для сношения с заграницей и обслуживания нужд М. К. в смысле оборудовании техники и выпуска листовок. В том же октябре связалась с некоторыми членами местной литературной с.-д. группы (интеллигентской), а также отдельными партийными работниками из рабочих. 4 ноября арестована в Москве и постановлением м-ра В. Д. выслана под гласный надзор полиции на 5 лет в Иркутскую губ.»

Одновременно с ликвидацией «временного московского комитета» был обыскан В. И. Яхонтов, о котором в делах охранки имеется следующая запись:

«Яхонтов В. И., прис. поверенный. В 1913 г. Яхонтов состоял в редакц. центре рабочей с.-д. большевистского направления газеты «Наш путь» и избран в редакц. коллегию газеты. В августе того же года эта газета была закрыта. В этот же период времени Яхонтов принимал активное участие в проведении в жизнь постановлений «летнего» ленинского совещания, касающегося местных районных и губернской (Московск.) конференций. В 1914 г. участвовал в составлении резолюции, указывающей на полную недопустимость и преступность самовольного ухода Малиновского, и организовал в связи с этим фактом «юридическую комиссию» с целью выяснить, могут ли быть взамен Малиновского избраны в Гос. Думу выборщики, состоящие в наст. время под глас. надз. полиции. Старался провести в Гос. Думу с.-д. Савинова. В августе 1914 г. присутствовал на об'единенном совещании с.-д. Моск. губ. В 1915 г. Яхонтов отмечается агентурой, как центр, вокруг которого группируются наиболе активные с.-д. большевики, а также является инциатором местных и провинц. с'ездов; организовал «Московск. комитет» об'единяющего характера в составе 9-ти членов; агитировал в с.-д. большевистском духе в об-ве взаимопомощи торг.-служ., а также в профессион. организациях; входил в состав «бюро», об'единяющего рабочие организации по вопросу о борьбе с дороговизной; составил от моск. рабочих резолюцию с требованием амнистии осужденным депутатам с.-д. фракции Гос. Думы; работает (1915 г. 13 ноября) над проектом новой легальной с.-д. газеты для рабочих Москвы; в конце сентября 1915 г. стал во главе моск. большевиков и поднял вопрос об

об'единении работы в подполье. В виду имевшихся агент. сведений о близости Яхонтова к „Временному моск. с.-д. к-ту» 6 ноября он был подвергнут обыску, не давшему, однако, положительных результатов».

Недели через две после ареста «временного московского комитета» охранным отделением была произведена ликвидация так называемой «Пресненской группы» (в ночь на 17 ноября). Группа эта сложилась еще в 1914 году при университете Шанявского и в течение весны и лета 1915 г. развернула довольно широко агитационную работу. Выпустила целый ряд уже нами отмеченных листовок и установила связи с.-д. группами профсоюзов и студентов государственного университета, с.-х. и коммерческого институтов, высших женских курсов и так далее. Организовала на отдельных заводах свои группы, между прочим в типографии Машистова, в которую входил и т. Михайлов[1]).

Группа была ликвидирована с помощью видных провокаторов—Николаева, Марош, Поскребухина и др. Из слушателей Нар. У-та имени А. Л. Шанявского были арестованы: Веревкин, Григорий Кондратьевич, Меницкий Иван (Ян) Антонович и Канделаки, Давид Владимирович, составлявшие комитет этой группы[2]).

Об этом аресте мы имеем в деле следующую запись:

«16 ноября 1915 г. в г. Москве на улице был задержан по принадлежности к преступному сообществу неизвестный человек, проживающий в Москве под именем кр. Григория Петровича Захарова и в действительности оказавшийся кр. Григорием Кондратьевичем Веревкиным. При обыске у него были отобраны различные записки (л. д. 5,81).

«В ночь на 17 того же ноября в Москве в квартире кр. Матрены Ларюшкиной, в которой проживал ее сожитель, названный Веревкин, а также в комнате, которую занимал ее жилец мещ. Евграф Михайлович Кубанин-Дубакин, был произведен обыск, при чем были отобраны различные вещи и документы. В это же время в квартире Ларюшкиной был обнаружен и задержан подозревавшийся в принадлежности к тому же преступному сообществу дворянин Иван Антонович Меницкий, у которого при обыске были отобраны различные записки (л. д. 6,70).

«В ту же ночь в Москве был произведен обыск в квартире названного Меницкого, при чем были найдены различные записки (л. д. 10,82) и в квартире дворянина Давида Владимировича Канделаки, также по подозрению в принадлежности его к тому же сообществу, при чем у него были отобраны 1) вырезанная домашним способом на куске резины печать: «Пресненский Комитет Р. Соц.-Д. Раб. Парт.», 2) коробка с подушкой, пропи-

---

[1]) Ныне член ЦК и секретарь МКРКП (б.).

[2]) Рындич, Адриан Николаевич, входивший в комитет группы, ко времени ареста комитета в виду мобилизации отошел от активной работы комитета, а потому временно уцелел и был арестован лишь в 1916 году.

танной краской, для печати, 3) семь—воспроизведенные с помощью мимиографа или гектографа экземпляров воззвания, начинающегося обращением «Товарищи рабочие» без обозначения сообщества, которым оно издано. В этом воззвании указывается, что русское правительство, занимавшееся накануне войны «игрой в европейское равновесие», уже начинает проигрывать и, боясь ответственности, решило привлечь «к игорному столу народ». там же рабочие призываются «беречь свои силы для борьбы с вековым врагом—крепостническим правительством и беспощадным капитализмом», не вступать в военно-промышленные комитеты, бежать из снарядных мастерских и домогаться немедленного заключения мира». 9 экземпляров листовки «Народ бесправный» и 4 листовки к студентам, одна листовка к солдатам под заголовком «Приготовление снарядов—позорный труд», и т. д.

«У Меницкого,—текст резолюции о причине дороговизны, проект декларации рабочих с'езда по борьбе с дороговизной, резолюция рабочих (политическая), запись о расходовании средств группы и заметки революционного содержания.

«21 ноября был арестован квартирант Веревкина, Евграф Михайлович Кубанин (Дубакин[1]).

Кроме этих четырех, потом преданных военно-окружному суду, были арестованы и административно высланы 5 человек, о которых охранное отделение имело следующие удивительно верные сведения.

1) Надзирадзе, Александр Феофанович, сын священника, студент Московского императорского университета, — входил в состав «Пресненской группы РСДРП», являясь «пропагандистом» в рабочей среде. 1-го ноября был на собрании рабочих типографии Мамонтова в квартире Ивашечкина, где агитировал за необходимость связаться рабочим ячейкам с «Пресненской группой» путем выборов туда своих представителей.

2) Ивашечкин, Григорий Антонович, крестьянин Калужской губ., Перемышельского у., Куринической волости, деревни Детина, неоднократно предоставлял свою квартиру для собрания рабочих типографии Мамонтова с целью сорганизовать рабочую с.-д. ячейку.

3) Исполатов, Борис Николаев, дворянин, студент Московского императорского университета. Входил в состав «Пресненской группы РСДРП". 7-го ноября присутствовал в студенческой столовой на собрании, где обсуждались вопросы: о принятии нового члена в группу, о приобретении литературы и о необходимости установить связь с рабочими.

При обыске у Исполитова обнаружен проект воззвания к булочникам о борьбе с буржуазией. Поправки в тексте сделаны студентом Чернавским.

---

[1]) Дубакин к группе не принадлежал, но как сочувствующий помогал тов. Веревкину в печатании листовок и другой технической работе.

4) Чернавский, Павел Дмитриев, студент Московского императорского университета, член «Пресненской группы» РСДРП 7 ноября присутствовал на этом же собрании.

5) Тербушко, Демьян Евстихиев, студент М. и. у-та принимал участие в работе «Пресненской группы» РСДРП., имея связи с рабочими Бутырского района и с железнодорожниками. При обыске у него обнаружен: 1) проект листовки преступного содержания, призывающий к борьбе с самодержавием и 2) записки по социальным и аграрным вопросам.

«В тот же день 17 ноября — день ликвидации «Пресненской Группы» по наблюдению за Канделаки были произведены обыски 1) у бывшего студента Технического училища Карапетова, 2) студента М. и. у-та Квятковского, 3) домашнего учителя Ковригина, 4) студента Московского Лазаревского института Лобачева, 6) живописца Зарубина и 7) кр-ки Тульской губернии Лягищевой. Обыск не имел никаких результатов, и все они остались на свободе».

В день ликвидации этой группы (17/XI) охранка между прочим сообщила следующее:

«Агентурой было выяснено, что состав организации, присвоившей себе наименование «Пресненской группы РСДРП.», состоит всего из нескольких лиц, во главе с комитетом из 4-х, при чем связи с рабочими до последнего времени почти не имелось, но за последнее время связи стали приобретаться, и этой группой был создан кружок рабочих типографии Мамонтова, были получены связи с портными, кондитерами и булочниками, а также с социалистическими группами студентов императорского Московского университета, коммерческого и сельскохозяйственного института и высших женских курсов».

«Хотя, кроме вышеуказанного с.-д. кружка рабочих типографии Мамонтова «Пресненской группы» до настоящего времени и не было создано никаких оформленных подпольных групп, и сама «Пресненская группа» не была еще связана с существующими уже в Москве с.-д. организациями, тем не менее названной группой начали делаться усиленные попытки к созданию в Москве ряда партийных — вернее внепартийных — социалистических ячеек, производились сборы денег в фонд комитета этой группы, и предполагалось поставить подпольную типографию и будто бы даже оборудовать лабораторию для приготовления разрывных снарядов.

«Кроме того на созванном комитетом 11 ноября в дачной местности «Люблино» собрании было решено комитет «Пресненской группы» переименовать в «Московский Центральный С.-Д. Комитет», от имени которого впредь и выпускать листовки».

Охранка верно отмечает, что, начиная с осени, работа группы значительно развернулась в ширь и глубь. Это и понятно: интеллигентные силы группы — студенчество — летом уезжало

на каникулы. Комитет же с оставшимися работниками вел издательскую и другую необходимую работу, по поддержанию связей и обслуживанию пропагандистами своих ячеек. Кроме этих частных причин, влияющих на работу группы, были и причины общего характера. Это значительный перелом в настроениях не только рабочих, но и обывательских масс. Насколько это было действительно так, можно судить хотя бы и по выступлениям 10 августа. В этот день организованная в связи с опубликованием «Вечерн. Изв.» о взятии Дарданел патриотическая манифестация у памятника Скобелева вылилась в форму протеста против освобождения от мобилизации полицейских, и выступавшие ораторы—офицеры требовали отправки на фронт всех разжиревших в тылу полицейских. А через пять дней мы имели не менее интересный и показательный факт, о котором охранка в департамент полиции сообщила следующее: «15 августа в 6 часов вечера на Хитровом рынке толпа хитровцев напала на городового, который вел пьяного, избила его, почему городовой стрелял. Вызванный наряд полиции был встречен градом камней, почему также вынужден был сделать несколько выстрелов, коими один из нападавших убит и один мальчик ранен. Собравшаася толпа около 2.000 была рассеяна, при чем часть ее в соседнем переулке остановила вагон трамвая, но была тотчас же рассеяна. Арестовано 75 человек».

А 14 сентября произошли так называемые сентябрьские события на Страстной площади, характеризующие еще больше недовольство широких масс. В ноябре же, когда началась отправка на фронт рабочих с бастующих заводов, голос протеста рабочих еще больше увеличился. Петроградский комитет, в связи с мобилизацией на фронт забастовавших 600 рабочих завода «Феникс» и 2.000 с шрапнельной мастерской Парвайнена, выпустил листовку с призывом к всеобщей политической стачке и дал лозунг: «От обороны к нападению».

Таким образом создались условия, не только благоприятствующие развертыванию партийной работы, но и настоятельно требовавшие широкой и более серьезной ее постановки. Временный же моск. комитет был разгромлен 4/XI. Все это привело к созыву 11 ноября в Люблине организационого собрания, на которое проникли два провокатора охранки Николаев, Адриан Николаевич и Марош, Мария Владимировна, сумевшие потом в течение недели группу ликвидировать.

Группа имела связь с кружками портных, булочников, печатников, трамвайщиков, железнодорожников и др. Был разработан план регулярных кружковых занятий, назначены руководители из числа студентов, и некоторые из них уже вели регулярные занятия.

Если осень 1914 г. можно охарактеризовать, как период наибольшего под'ема шовинистической волны, то осень 1915 г. можно рассматривать, как время необыкновенного наростания

оппозиционных настроений во всех слоях общества. Таким образом создались более благоприятные условия для развертывания широкой партийной работы. Идя по этому пути, группа решилась пойти навстречу выборности и согласилась на создание выборного руководящего центра, каковой решено было составить из представителей ячеек. Было создано два коллектива: коллектив студенческих ячеек и коллектив рабочих ячеек. Комитет группы пополнялся одним представителем от каждого коллектива. От студенческого коллектива в комитет был включен Чхенкелли, а от рабочего коллектива сильно старался пройти провокатор Николаев. Намечался переплетчик типографии Мамонтова Гутаренко, но он был скоро арестован (вероятно с целью убрать конкурента Николаеву). Организационно связав в коллективы рабочие ячейки и ячейки студенческие и будучи с ними связанными чрез их представителей, комитет предполагал предоставить этим коллективам широкую самостоятельность под его общим руководством.

К этому времени к группе успели присосаться три провокатора—Бускин В. М., Николаев А. Н. и Марош М. В. Бускин не отставал от Гутаренко и выпытывал от него все, что тот знал; Марош—достигла полного доверия у Канделаки и 11 ноября предоставила в Люблине свою квартиру для совещания, созванного группой по инициативе третьего провокатора Николаева—для обсуждения вопроса о создании М. К.

С октября месяца охранкой было установлено наблюдение за Меницким, Канделаки, Рындичем, Нидзирадзе, Гутаренко, Иващенко, Скворцовым, Виктором и др. 28 октября на докладе о деятельности Пресненской группы градоначальник Климович решил судьбу группы, наложив следующую резолюцию: «Не давайте развиваться, а раз группа проявила определенную противоправительственную деятельность,—надо ее ликвидировать по выяснению, чтобы не разрослась. — Климович». Это выяснение потребовало трехнедельной работы троих провокаторов; когда же состоялось совещание в Люблине и о нем было доложено Николаевым и Марош, градоначальник начертал: «Однако эти самозванцы все же выпускают листочки, почему и заслуживают внимания; так же возможно, что в головах у них сидят экспроприаторские планы. 16/XI—Климович».

В тот же вечер было приступлено к ликвидации группы.

И 17-го ноября в телеграмме в департамент полиции полковник Мартынов писал:

«*Дпрпол* —В дополнение к агентурной записке сего числа нумером 293121 в ночь на сегодня арестованы члены комитета Пресненской есде группы: студент московского университета Александр Феофанович Надирадзе и слушатели университета Шанявского—Давид Владимирович Канделаки, Ян Антонович Меницкий и Григорий Кондратьевич Веревкин, назвавшийся при задержании крестьянином Григорием Петровичем Захаровым.

Обысками отобрано: каучуковая печать Пресненского комитета, ручной типографский станок, валики для печатания, гектограф, различные печатные принадлежности, много прокламаций Пресненской группы, оригиналы и переводные листы этих прокламаций, квитанции по сбору денег в фонд Пресненского комитета, денежный отчет за октябрь и смета на ноябрь и декабрь, текст доклада, указанного в агентурной записке нумер 293121, различные рукописи, заметки и много заготовленной для прокламации бумаги. Подробный осмотр производится, и связи будут ликвидированы. Дело передано прокурору Палаты № 289518. Полковник Мартынов».

После ареста комитета и ряда активных работников группа распалась, передав все свое наследство (к сожалению с провокаторами) так называемой: «группе марксистов», в состав которой вошел уцелевший от ареста т. Рындич [1]).

В первой своей записке об этой группе провокатор Николаев писал [2]):

«Вышедший, благодаря несогласиям, из состава комитета Пресненской группы «Адриан Филиппович» [3]) предлагает организовать особую марксистскую группу, в которую первоначально войдут исключительно слушатели народного университета Шанявского, а затем будут приниматься и рабочие.

«Одновременно с созданием этой группы «Адриан Филиппович» намерен оборудовать и технику для печатания листовок и для этой цели предлагает использовать предназначавшийся для типографии «Пресненской группы» шрифт, но не полученный ею и находящийся пока на квартире у печатника типографии Сытина, Николая Порфирьевича Воронцова [4]), проживающего по М. Дворянской улице, д. № 34, кв. 12.

«Воронцов лично ни к какой организации пока не принадлежит и достал шрифт исключительно по просьбе одного лица, близко стоящего к «Адриану Филипповичу», однако по убеждениям он является определенным соцал-демократом».

Об этом же Воронцове в делах охранного отделения имеется следующая справка:

«Воронцов, Николай Порфирьев, крестьянин Смоленской губ., Духовщинского уезда, Сущевской волости, наборщик типографии Сытина. В 1906 году Воронцов был привлечен при Саратовском губернском жандармском управлении к дознанию в качестве обвиняемого по делу „О тайной типографии, обнаруженной в ночь на 30 сентября того же года в квартире прожи-

---

[1]) Более подробные данные об этой группе имеются в моих воспоминаниях—Сборник „Нак. Вел. Рев."—Меницкий—Пресненская группа, стр. 77—116.

[2]) „Аг. Зап."—Андреев, № 249—24/XI—1915 г.

[3]) „Адриан Филиппович"—Рындич, Адриан Филиппович, кр. Новозыбковского у., Семеновской вол., д. Семенка, фельдшер.

[4]) Воронцов, Николай Порфирьевич, кр. Смоленской г., Духовщинского у., Сущевской вол.

вающего в Саратове Альберта Ретлинг». Дознание это рассматривалось Саратовской судебной палатой, приговором которой от 27 марта 1909 года Воронцов был присужден к заключению в крепость на 2 года.

«В 1909 году Воронцов, по распоряжению судебного следователя 3 уч. гор. Саратова, содержался в Саратовской тюрьме, как обвиняемый в грабеже по 13 и 1642 ст.ст. Улож. о нак.

«По агентурным сведениям отделения за 1914 г., он принадлежит к РСДРП большевиков; входил в руководящий коллектив, сорганизованный в типографии Сытина, в состав которого входило несколько человек печатников, по партийности с.-д. большевики. По инициативе его, в типографии Сытина намечались попытки к организованию нелегального руководящего органа на почве проведения идей «последовательного марксизма». По тем же сведениям за 1915 год Воронцов у себя на квартире хранит шрифт, предназначавшийся для типографии «Пресненской с.-д. группы».

«Созданная «Адрианом Филипповичем», совместно со слушателем народного университета имени Шанявского, Георгием Авксентьевичем Пагава [1]), марксистская группа из слушателей названного университета вошла в состав студенческого социал-демократического коллектива, именующегося в настоящее время просто социал-демократическим коллективом.

«В состав этого коллектива входят марксистские группы: Императорского университета, Коммерческого института и Народного университета имени Шанявского. Наиболее видными членами этого коллектива являются: универсант Чхенкели [2]) (брат депутата), коммерсант Фокин [3]) и шанявцы: «Адриан Филиппович» и Пагава.

«Коллектив в вопросе об отношении к войне стоит на большевистской точке зрения. По словам Пагавы, сообщал тот же Николаев [4]), в распоряжении коллектива имеется свыше 500 рублей денег, и они озабочены постановкой хорошей техники, предполагают купить «американку», типографский же шрифт для этой техники в количестве двух пудов уже имеется, да еще около 20 фунтов они получат от печатника типографии Сытина—Воронцова [4]), который должен на днях этот шрифт доставить студенту Коммерческого института некоему «Амвросию Ермиловичу» [5]), проживающему на Зацепе, дом № 23, кв. № 5.

---

[1]) Пагава, Георгий Авксентьевич, кр. Кутаисской г., Сенакского у., Нахумовского общества, студент Московского университета.

[2]) Чхенкели, Петр Иванов, студент Московского университета, сын священника.

[3]) Фокин, Александр Никитин, студ. Коммерческого университета.

[4]) „Аг. Зап.", Андреев—№ 251.

[5]) Амвросий Ермилович Бахтадзе, Амвросий Ермилов, студ. Коммерч. инст. из кр. Кутаисской губ. и уезда, местечка Хони.

«Пагава находится в приятельских отношениях со старым партийным с.-д. работником Хундадзе [1]), известным в партийных кругах под кличкой «Алексей Московский», который в настоящее время хоть и отошел от активной партийной деятельности, но, видимо, оказывает известное содействие».

Временный Московский комитет погиб, не успев что-либо сделать для периферии. Пресненскую группу тоже разгромили. Периферия же все больше и больше оживала. Листовки и воззвания не переставали появляться все новые и новые. Студенческие группы продолжали работать весьма энергично.

Так студенческой группой за подписью «группа марксистов» выпущена следующая листовка:

Страна в опасности.

«После года неслыханных в мировой истории кровопролитий наиболее развитые в экономическом, политическом и культурном отношении части России заняты неприятелем. Ближайшие к ним области охвачены всеистребляющими пожарищами. Сотни тысяч людей, а может быть миллионы заливают грозными потоками нищеты, горя и болезни и бесприютности города и села тыла. А там дальше глубина России изнывает от дороговизны, от расстройства всей экономической жизни, от неуверенности в завтрашнем дне и ужасов сегоднешнего.

«Страна в опасности. Это значит, что поставлен вопрос,— быть ли России страной с развивающейся промышленностью, со свободным самодеятельным и культурным народом, или превратиться в азиатскую державу с правительством военно-полевых судов.

«Страна в опасности. Это значит, что поставлен вопрос, создадутся ли нормальные социально-экономические условия для развития классовой борьбы, для материального, духовного и организационного роста рабочего класса и других слоев демократии,—или же мы будем иметь затхлый общественный строй с дикими помещиками, культурно и духовно дряблой и лакейской буржуазией, темным нищим крестьянством и приниженную феодальными порядками и слабым развитием производительных сил рабочую массу. Поставлен роковой для истории России вопрос. И легкомысленно думать, что ответ на него могут дать только крепости, пушки и снаряды. Судьба России решается не только на полях сражения, какие бы вести оттуда не шли. Судьба России решается внутри России тем, что захочет и сможет сделать народ, сознавший грозящую стране опасность. Как бы ни кончилась война, когда-б она ни кончилась, вопрос

---

1) Хундадзе Гавриил Иванов, дворянин Кутаисской губернии.

о будущем России этим не решается. Ни разгром Германии, ни мир сам по себе не несут еще стране счастья и свободы, ибо перед народом все же будет стоять грозная по своему смыслу задача раскрепощения и освобождения России. Кто эту задачу решит. Устремившись на лоне «единения», либералы говорили стране, что она будет решена на передовых позициях. Но страна была обманута. Оттуда к нам пришла не свобода, оттуда пришли вести об ужасах и преступлениях. Говорили, что победа принесет свободу и что война эта освободительная. Но свободы не хотели, а победить пока не сумели. Повернутый лицом к фронту народ увидел преступность, бездарность и ложь. Тогда поднялся вопль ужаса и негодования. Повернувшись лицом внутрь страны, народ увидел картину, не менее гнетущую. Он увидел власть, занимающую старые позиции, власть, которую даже страшные уроки войны мало чему научили. Вместо старых имен он услышал новые имена, новые имена творили и творят то же, что и старые. Тогда он в надежде обратил свое лицо к народным представителям и он увидел кучку политиканов, безсильных, дряблых, боящихся народа, кучку, чуждую ему, заискивающую перед ним громкими фразами только для того, чтобы тем временем сойтись с теми, кто поставил страну на край пропасти. На передовых отступали перед ураганным огнем неприятеля, в Государственной Думе отступали перед ласковыми, тихими словами о благожелательстве. Восторгались в Государственной Думе геройскими подвигами солдат и позорно трусливо бросили свои политические позиции. Оставалась еще мобилизация промышленности и мобилизация общественных сил. Первая превратилась, главным образом, в орудие наживы и эксплоатации, а мобилизация общественных сил в либеральное для этого прикрытие. Дальше об'единения крупных капиталистов и цензовиков городского и земского самоуправления мобилизация не пошла, а встретившись с рабочими, мобилизация превратилась в милитаризацию. Так рассеялись все иллюзии. Надеяться больше не на кого. Опасность, надвинувшаяся на страну, не устранена Борцов с ней не могут дать ни Государственная Дума, ни промышленники, мобилизующие не столько промышленность, сколько свои доходы, ни виновники свалившихся на страну несчастий. Клич: «страна в опасности» должен об'единить массы народа, должен зажечь их сердца пламенной любовью к свободе, пламенной энергией в борьбе за нее.

«Только народ, сознавший огромную историческую опасность, создавшуюся для России, только новые свободно избранные на основании всеобщего, прямого, тайного и равного избирательного права представители его в *учредительном собрании* смогут сказать решающее слово о войне и мире. Передовые элементы народа и в особенности рабочего класса должны отбросить все происходящие споры и разногласия, проникнуться общим чувством опасности и общими силами ее предотвратить.

«Спасение России в борьбе демократических сил за немедленный созыв *учредительного собрания.*

Группа марксистов».

Кроме собственных листовок появились перепачатки статей из «Соц. Дем.». Широко распространялась статья «Мир», по данным охранки написанная неизвестным нелегальным Блюмфельдом, кличка «Учитель»[1]). Статья эта, помеченная—«Париж 3 октября» была следующего содержания:

Мир.

«Хотя война находится еще в самой начальной своей стадии, хотя решительных ударов еще ни один противник не нанес другому, хотя ни одна сторона не может считаться еще разгромленной, и хотя даже не все возможные участники войны заняли боевые позиции (Румыния, Италия, Турция), тем не менее разговоры о заключении мира уже нарушают гармонию воинственных призывов. Это знаменательный факт. Он свидетельствует о том, что с самых первых шагов этой войны на сознание ее участников давит мысль о роковом трагизме и исторической катастрофе, о ненужности войны и ее ужасов, он говорит о том, что у самих виновников войны возникает опасение за дальнейшие ее последствия, что в их душах зарождается стремление остановить их усилиями разнузданный процесс. Он говорит о том, что если самый факт войны был пощечиной международному пролетариату, то страх перед продолжением войны, начинающий охватывать его врагов, есть страх перед *Немезидой* пролетарской революции.

«Первые разговоры о мире, первые нащупывания почвы в Вашингтоне или Антверпене могут не иметь никаких практических последствий, могут быть только слабыми симптомами реакции против войны. Дальнейшие ужасы осложнения и особенно экономические последствия войны неизбежно усилят эти симптомы, умножат эти попытки. Социализм должен учесть этот факт и занять определенную позицию в данном вопросе.

«Как всегда принципиально-непримиримый ответ будет для социалистов и наиболее действительным с точки зрения практической политики.

«Таким ответом может быть только один: возможно скорейшее прекращение войны и возможно более радикальный шаг в сторону разоружения.

«Этот ответ уже заранее встречает возражения со стороны социалистов, которые с началом войны ввели свое политическое мышление в фарватер национальной ограниченности.

«Как,—восклицают во Франции,—заключить мир прежде, чем будет в корне разрушен германский милитаризм—основа европейской реакции и угроза миру.

---

1) Перепечатка из „Голоса“ № 19.

«Как,—вторят им в Германии,—мир, заключенный прежде, чем разрушена сила царизма, угрожающего существованию Германии. Им вторят голоса русских либералов, не допускающих мысли о мире, который не будет сопровождаться развалом Австрийской монархии и решением национального вопроса для Польши и Сербии.

«Мы не будем спорить с русскими либералами: их идеология допускает искреннее убеждение в пригодности Бисмарковского милитаристического решения «огнем и железом» проклятых вопросов истории.

«Оставаясь в кругу социалистов, мы предлагаем им держаться базы тех взглядов на современный милитаризм и империализм, которые, будучи признаны всеми течениями интернационала, продиктовали его конгрессам директивы войны против войны.

«Современному интернационалу совершенно чуждо признание того, чтобы в нынешней стадии капиталистического развития буржуазные или феодально-буржуазные государства могли еще сыграть роль факторов политического и культурного прогресса орудием войны, решающим запутанные исторические проблемы.

«Ни в одном из решений интернационала за 25 лет не найдете намека на то, чтобы польский, балканский, эльзас-лотарингский вопрос или вопрос о демократизации Германии, Австрии или России мог решиться войной.

«Поэтому ждать от продолжения войны, от логического развития переживаемого Европой кризиса благодетельных для человечества результатов нам не приходится.

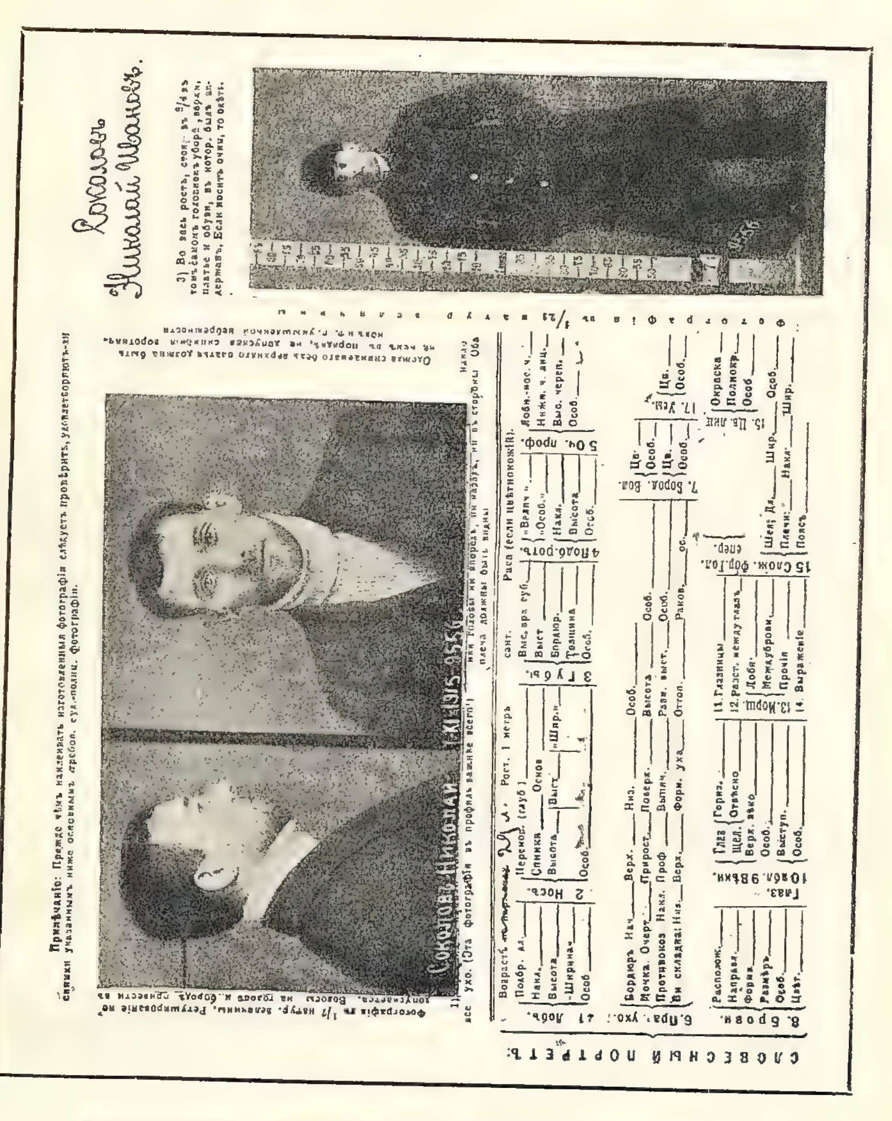
«Продолжение войны, еще глубже внедряя деморализацию в народные массы, еще более разрушая производительные силы, еще более укрепляя националистическую реакцию, должно при всяком исходе ее лишь еще более затруднить решение поднятых войной национальных и интернациональных проблем.

«Пусть Германский народ свергнет монархию,—говорит Э. Вальян,—и тогда мы согласимся на мир. Вальян участвовал в свержении монархии Наполеона III в 1870 году и должен знать, что правящая Германия не остановила войны в ответ на это вторжение, что дало ему право обещать от имени *русского царизма* неприкосновенность и мир германской республике.

«Мы, русские социалисты, более компетентные в этом вопросе, можем ручаться, что правящая Россия не протянет оливковой ветви временному республиканскому правительству Берлина.

«Э. Вальян должен был бы помнить, что в совете союзников голос царской России будет, во всяком случае, иметь более веса, чем голос демократии.

«Революционные последствия данной войны могут наступить только в процессе борьбы с силами, вызвавшими и ведущими войну.

Примѣчаніе: Прежде чѣмъ наклеивать изготовленныя фотографіи слѣдуетъ провѣрить, удовлетворяютъ-ли снимки указаннымъ ниже основнымъ требов. суд.-полиц. фотографіи.

Фотографія въ 1/7 натур. величины. Ретушированіе не допускается. Волосы на головѣ и бородѣ привести въ

Соколовъ Николай 1-XI-1915 9556

1) ... все ухо. (Эта фотографія въ профиль важнѣе всего!)

Одежда снимаемаго безъ верхняго платья должна быть въ немъ въ порядкѣ, не допуская спиданія воротника ... наклоняя головы ни впередъ, ни назадъ, ни въ стороны. Оба плеча должны быть видны.

Соколовъ Николай Ивановъ.

3) Во весь ростъ, стоя, въ 3/4 въ томъ самомъ головномъ уборѣ, верхн. платье и обуви, въ котор. былъ задержанъ. Если носитъ очки, то въ нихъ.

Фотографія въ 1/23 натур. величины

СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТЪ:

Возрастъ 29 л. Ростъ 1 метръ сант. Раса (если цвѣтнокожій).

1. Лобъ: Подбр. дл. Накл. Высота Ширина Особ.
2. Носъ: Перенос. (глуб.) Спинка Основ. Высота Выст. Шир. Особ.
3. Губы: Выс. вер. губ. Выст. Бордюр. Толщина Особ.
4. Подб. ротъ: Величина Особ. Накл. Высота Особ.
5. Оч. проф.: Лобн.-нос. ч. Нижн. ч. лиц. Выс. череп. Особ.
6. Прав. ухо: Бордюръ Нач. Верх. Низ. Особ. Мочка. Очерт. Прирост. Поверх. Высота Особ. Противокоз Накл. Проф. Выпян. Разв. выст. Особ. Ви складка: Низ. Верх. Форм. уха Оттоп. Раков. ос.
7. Борода. Вол.: Цв. Особ. Цв. Особ.
17. Усы: Цв. Особ.
8. Брови: Располож. Направл. Форма Размѣръ Особ. Цвѣт.
Глаз. 10 обл. 9 Вѣки: Глаз. Гориз. Щел. Отвѣсно Верх. вѣко Особ. Выступ. Особ.
11. Глазницы
12. Разст. между глаз.
13. Морщ.: Лобн. Межбровн. Прочія
14. Выраженіе
15. Слож. фор. гол. спер.: Шея: Дл. Шир. Особ. Плечи: Накл. Шир. Поясъ
16. Цв. лиц.: Окраска Полнокр. Особ.

Регистрационная карточка Московского Охранного отделения на Николая Ивановича Соколова.

«И первым словом *борьбы* против них должно быть провозглашение лозунга: *мир.*

«Как только опасность разгрома, уничтожение одного государства другим минует, социализм должен со всей энергией провозгласить этот лозунг.

«Даже в период войны общественное мнение есть сила, и мнение пролетариата не совсем ничтожный фактор в образовании общественного мнения.

«Пусть наш лозунг не будет услышан сегодня: настанет момент, когда бремя войны станет испытываться массами, как нечто столь невыносимое, что все может быть предпочтено ему.

«Тогда нас услышат, тогда наш лозунг повторят те, кто теперь будет готов распять нас за слова человеческие, непрошено вторгшиеся в тоне голосов звериных.

«Мир, когда германская армия, выброшенная из пределов Франции, несет германскому народу весть о том, что нельзя силой одного оружия раздавить культурную нацию.

«Мир, когда вторжение германских миллионов в Россию покажет русскому народу, что не полководцам царизма играть роль полководцев Наполеона, шутя разрушавших великие империи.

«Мир, когда полное изгнание австрийцев из Сербии отвратит от Балканского славянства опасность поглощения сильным соседом. Мир, когда еще одно морское сражение покажет английским джингоистам, что невозможно одним ударом истребить могущество конкурента.

«Мир, во что бы то ни стало.

«В устах пролетариата этот лозунг приобретет глубоко революционное содержание.

«Побудить правящие классы, опираясь на железную экономическую необходимость и на раздирающие их лагерь внутренние противоречия, остановить войну до ее «логического конца»—до уничтожения одной из противных стороны—значит нанести смертельный удар милитаризму.

«Пусть германские солдаты вернутся домой, констатируя бесцельность войны с точки зрения обещанных пангерманистами результатов. Поверьте, что тогда и только тогда свержение Вильгельма, юнкерства и прусского милитаризма впервые станут на очередь дня.

«И то же будет по другую сторону всех границ.

«Только война, остановленная под давлением прозревших народов, положит конец войне и милитаризму.

«Тысячу раз поэтому правы итальянские социалисты, содействующие этому исходу тем, что удерживают свою страну от расширения плоскости войны. Тысячу раз правы английские социалисты, продолжающие вести пропаганду за мир в самом разгаре войны.

«Декларация русских социал-демократов в Думе заявила: *пусть условия мира будут продиктованы самими народами.*

«Для этого пусть самый мир будет навязан народами своим правительствам прежде, чем они получат возможность доказать наемным людям, каким утопическим вздором является ждать прогрессивного решения исторических проблем от военной победы русского царизма, германского полуабсолютизма или Лондонского Сити».

Л. М.

23 октября при обыске студентов Московского Университета Никифора Владимировича Масалкова и Александра Францевича Витольд в число революционной литературы, листовок и резолюций как с.-р., так РСДРП, был найден гектографированный в 10 страниц студенческий журнал «Пробуждение», ставящий своей целью: «содействовать словом и делом, чтобы ни одна капля крови, ни одна пролитая слеза не пропала бесследно, чтобы не только наше будущее поколение, но чтобы даже мы, переживающие это кровавое время, смогли бы жить, если не в царстве братства, то хотя бы равенства и свободы».

На первой странице напечатано нижеследующее стихотворение:

„Прочь с дороги, злые силы,
Вас давно уж ждут могилы.
Молодая Русь идет
И могучими рядами,
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет“!..

В этом журнале помещены следующие статьи:

1) Путь к новой школе, 2) Кассо, 3) Заметка о том, какому классу государства выгодна война и какому невыгодна, 4) Беседа вторая о войне, 5) На темы дня, 6) Стих Каляева: «Пусть грянет бой».

2) Воззвание об'ед. кол. с.-д. фракции высш. учебн. завед. г. Петрограда—«Тов., 4 месяца уже грохочут пушки», заканчивающееся призывом к борьбе за скорейшее прекращение войны.

3) Манифест о войне ЦК РСДРП. [1]).

В сельскохозяйственном институте распространялась гектографированная листовка, по словам студентов, изданная студентами коммерческого института [2]). В этой листовке мы читаем:

«В основе современного уклада жизни лежит насилие,—экономическое в форме прямого и косвенного ограбления и насилие физическое в самых разнообразных, неожиданных и унизительных формах. Остаться нейтральным, т.-е. получить право смиренно доедать в своем углу остаток своего куска,—можно только при полной приниженности, при полном согласии

---

[1]) Охр. отд., дело № 889 1915 г.

[2]) „Агент. Зап.“ „Радищев“, № 9, 24/X 1915 г.

по первому требованию угнетателей отдавать свои средства, свои лучшие годы и безропотно подчиняться всякому (порой случайному) произволу. Сознательный человек, обладающий понятием справедливости и чувством собственного достоинства, восстает против этого уклада жизни во имя себя и во имя других. Но повседневная жизнь свидетельствует, что восставший честно и последовательно будет уничтожен путем непосредственного или медленного убийства. Таким образом, сама жизнь вынуждает перейти в роль нападающего, т.-е. стать революционером. Так бывает при повседневном течении жизни. Но иногда насилие проявляется в чрезвычайно повышенной форме: войне и тогда все меняется. Трудовые массы народов по самой природе миролюбивы, и совершенно не склонны к взаимному истреблению. Они видят, что в ходе их взаимной жизни не произошло ровно ничего,—что причина скрывается где-то там: в господах и царях. И начинает устанавливаться причинная связь между самим существованием господ и царей и гнетущим населением. А так как война главной тяжестью ложится на трудовые массы, то создается могучий добавочный импульс, способный поднять уже не исключительных лиц, а целые массы до уровня революционности. И тогда открываются великие горизонты, и тысячелетиями заплетавшийся узел насилиями может разрубиться одним сознательным восстанием. Правительства знают опасность и спешат затемнить понимание народов, подтасовав свои личные, междуправительственные интересы и раздув их до уровня причин всеоб'емлющих[1] . . . .
. . . . , чтоб на них навалили подобные ужасы без чрезвычайных причин. Здесь открывается исходная точка обязанностей не только каждого революционера, но каждого честного человека: осветить истинную причинную связь и своевременно направить сознание масс на восстание. В войне, где дело идет об уничтожении главного гнезда принципиального милитаризма и гнета, от последствий которой зависят судьбы всех народов—революционная задача принимает характер обязательства. Косвенным указателем грядущих возможностей является то никогда небывалое и совершенно несвойственное войне, всеоб'емлющее и непоколебимое ожидание каких-то огромных и светлых итогов войны. Вторым, еще более ярким показателем возможного мирового значения текущей войны, служит тот страх перед подавлением немецких начал, какой уже проявился в лагере насильников (См. «Знамя»—«Рус. Вед»). Сейчас это два призывных сигнала от более чутких людей, скоро они превратятся в два могучих русла: в одном—все, привыкшее угнетать и паразитировать, в другом же—жаждущее свободы и новой жизни. Что-ж это за возможности от последствий войны, если они внутри одного и

---

[1] Текст неразборчив.

того же народа повергают одних в омерзение и страх, других в радостное ожидание. Ясно, что они не в победе, самой по себе,—и не в том: будет угнетать Польшу прусское или русское юнкерство. Ясно так же и то, что они не упадут с неба, как манна, что их нужно, сознательно готовясь, ждать и взять собственными руками, что разгром немецких начал будет сделан после окончания войны дома, а поражение Германии создаст только необыкновенно благоприятный момент, ибо Вильгельм тогда не сможет притти на помощь к родным и подавить русское восстание, что угрожало в 1905 году. Еще более ясно и то, что если война окончится обычным порядком, а итоги определяются в семейном кругу царями, связанных дальним родством и общностью основных интересов, и—если массы покорно войдут в старую колею привычного рабства и лишь тогда все спохватятся и скажут: во имя чего были жертвы. Это будет означать, что люди собственными ногами попрали бывшие возможности, ибо ни судьба ни история дважды не позволяют пренебрегать собой. Тогда результаты войны будут сведены к пережитым ужасам и многолетнему, всеобщему разорению, как следствию войны. Призыв к восстанию будет тогда обидно запоздавшим, а смиренные намеки о подачке во имя понесенных жертв были бы унизительны и бесплодны. Революционная задача момента достаточно определилась, а всеобщая выбитость из колеи облегчает ее первый шаг. Звать людей от жизни, хотя бы и очень тяжелой, от обыденно протекающей к внезапному выступлению—задача невыполнимая. Но когда над головой все равно веет смертью—тогда дело лишь в понимании мотива, что это: еще лишь одно напряжение заодно. Предполагать, что призыв останется без ответа, основываясь на упорной десятилетней спячке сознательной части внепролетарского элемента, было бы заблуждением, так как: во-первых, широкие задачи могут базироваться только на широких трудовых массах, во-вторых, потому, что значение их как пример и авторитет для пролетариата—после случайного и поверхностного участия в 1905 г. стоит очень невысоко. Что же до пролетариата, то последние десять лет... ширина и глубина размахов, начинающихся перед самой войной на глазах у всех. Ясно, что успех задачи призыва сводится к своевременности его, общедоступности и достаточной слышности. В каждом революционном восстании, где силы подготовляются тайно во множестве пунктов и не имея возможности во время централизоваться,—страшной, иногда роковой помехой является невозможность иметь определенную дату выступлений. В данный исторический момент, где победа на войне имеет внутреннее соотношение с самой революционной задачей, это затруднение разрешается блистательно и, притом, естественным ходом; датой естественной и не подлежащей спору может быть только момент окончания войны. Из этой даты естественно вытекают важные

данные для боевого выступления, т.-е. вопросы об оружии. Все способные на восстание и призванные сейчас не в армию, после окончания войны, при каждой иной дате, лишились бы не только тесно установившегося в отряде единения друг с другом, но главное утеряли бы прямо из рук боевое оружие, так как были бы немедля распущены. Если бы русская, народившаяся во имя не ослабления германизма, придворная партия взяла бы окончательно верх и свела бы на нет всю пролитую народную кровь, в этом случае дата приобретает добавочное естественное значение, совпадая со взрывом всеобщего гнева. Второе слабое место восстания—его программный девиз. Несколько разнопартийных девизов расхолаживают внепартийную массу и тормозят единение партий. Восстание, на горизонте которого—возможность полной победы над существующим строем, должно ярко отметить то, что задача революций — всеобщая справедливость, т.-е. нерушимое право не только каждой народности, но каждого теоретического течения, не исключая и правых партий. При этом условии девиз восстания становится идеалом всеобщим, за исключением тех, кто сознательно и упорно хочет угнетать и паразитировать. Третье слабое место восстания—это неопределенность отношения к арестам. Становясь перед восстанием массовым, они не только выхватывают множество активных людей и дезорганизуют; но главное, самый факт покорности глашатаев восстания страшно деморализует революционно-накрепшую массу. Выход один: когда чувствуется, что восстание назревает, каждая попытка ареста должна быть встречена боевым порядком. Став систематическим, подобное отношение не только сохранит многих, но создаст чудную атмосферу и может естественно и незаметно развиться в начале восстания. Такова в основе задача, которую ставит жизнь, давно желаемая, наследственно ожидаемая задача. Программный девиз ее достаточно высок, чтобы вызвать наружу все честные силы. А успех разрешения сводится к тому, чтобы сознание неповторяемости ее при исключительной обстановке и всеобщность принятия были достаточно своевременны. Дело большое и спешное, а время не ждет» [1]).

---

[1]) Разгром руководящих организаций и опустошительные аресты партработников неизбежно сказались в выпущенных листовках, в которых мы находим такие лозунги как „всеобщая справедливость“ и проч...

ГЛАВА XII.

Партработа в декабре.—Среди студенчества.—„Студенческий с.-д. коллектив".—Среди рабочих.—Артиллерийский завод фабрики Циндель.— Жел. дорога.—Латышская организация Р. С.-Д. Р. П.—Работа в войсках.—Шляпников и Сапронов о положении дел в Москве в декабре месяце.

Последовавший в ноябре месяце разгром «врем. московского комитета», а затем и «Пресненской группы» вызвали временную задержку, или, вернее, временно ослабили темп партийной работы. Декабрь был спокойнее октября и ноября. Спокойнее и только, так как уцелевшие товарищи посильно делали свое дело. Так, по сообщениям осведомителя «Пелагеи»[1]):

«Проживавшей в Москве сестрой «Ленина»—Марией Ильиничной Ульяновой были получены из-за границы, через Петроград №№ 41—42 «Социал Демократа»—центрального органа Р. С.-Д. Р. П., из каковых номеров ею перепечатаны на пишущей машине в нескольких экземплярах статьи: 1. «Об амнистии и ее пророках», 2. «Еще о Мартове», 3. «Софизм социал-шовинистов», которые и даны ею некоторым партийным работникам. В подобной перепечатке разных статей из-за граничных с.-д. изданий Ульяновой раньше помогала Ольга Самуиловна[2]), близко стоявшая к приехавшей в конце сентября сего года из-за границы женщине, которая печатала их на пишущей машине, имевшейся у Константинович,[4]) проживающей в дачной местности «Пушкине», или у каких то ее, Константинович, знакомых, теперь же, вследствие ареста «Ольги Самуиловны», Ульянова не имеет возможности перепечатать многих статей, так как некому печатать».

Одновременно с этим недавно возвратившийся в Москву типограф Борщевский[5]) получил от кого-то и распространял отпечатанные типографским способом резолюции совещания кавказских организаций РСДРП.

---

1) „Аг. Зап." „Пелагея" № 250, 1/XII 1915 г.

2) „Ольга Самуиловна"—Вейланд Ольга Самуиловна, дочь личн. поч. гражданина.

3) Константинович, Анна Евгеньевна, вдова потомст. дворянина.

4) Борщевский, Александр Степанов, ремесленник гор. Москвы.

В среде студенчества революционная пропаганда в декабре месяце велась не в меньшей степени.

«По словам студента коммерческого института Фокина, писал Поскребухин[1])—в Москве существует студенческий с.-д. коллектив, об'единивший с.-д. группы студентов некоторых местных высших учебных заведений, из коих наиболее оформленной является с.-д. группа студентов коммерческого института, при которой образован особый кружок, носящий наименование «Кружок помощи ссыльным и заключенным имени Ломтатидзе».

«Коллектив в настоящее время озабочен постановкой подпольной типографии для печатания листовок и обслуживания вообще литературных нужд местного с.-д. подполья. Коллектив уже обладает средствами в сумме 600 руб., образовавшимися от делаемых отчислений с устраивавшихся различными студенческими землячествами вечеринок и концертов, при чем предполагается в целях увеличения этих средств продолжать устройство подобных вечеринок. Следует отметить, что вечеринки эти обыкновенно устраиваются бесплатными, концерты-же хотя и платными, обыкновенно даже с благотворительной целью, но большая часть собираемых денег все-таки поступает на партийные цели. Дело в том, что главным источником доходов с этих вечеринок является продажа по «вольной» цене программ, открыток и т. п., а также буфет, что совершенно не поддается никакому учету. Наиболее видными членами коллектива являются студенты—коммерсанты Фокин[2]) и Мышкин[3]) (парт. кличка «Князь»), которые находятся в постоянных сношениях с присяжным поверенным Яхонтовым[4]), видимо и являющимся главным руководителем коллектива.

«Кроме вышеуказанного с.-д. коллектива, некоторыми студентами во главе со слушателем частного юридического института Виктором Самуиловичем Перлиным[5]) организуется какая-то группа, которая так же будет именоваться социал-демократической, но в действительности, как можно заключить из слов Перлина, она скорее будет какой-то революционно-анархической, а никак не марксистской.

«По словам того же Перлина, 26 ноября состоялось первое предварительное собрание как-бы членов учредителей этой группы в числе шести человек, а именно: Перлина, студента—коммерсанта Ивана Шишова[6]), студента сельскохозяйственника, некоего, Никитина и трех неизвестных.

---

[1]) „Аг. Зап.“ „Евгений“ № 252,—1/XII 1915 г.

[2]) Фокин, Александр Никитич, студ. коммерч. института, мещанин гор. Владимира.

[3]) Мышкин, Георгий Сократович, студ. коммерч. института, сын врача.

[4]) Яхонтов, Валериан Иванович, присяжн. поверен.

[5]) Перлин, Виктор Эмануилович, мещанин гор. Подольска.

[6]) Шишов, Иван Александрович, студ. коммерческого института.

«На этом собрании обсуждались вопросы: 1. О создании денежного революционного фонда, 2. О координировании действий по добыванию оружия, 3. Об отношении к настоящему моменту.

«Для создания денежного фонда решено устраивать, под флагом землячеств, вечеринки, при чем одну из таковых предложено устроить в ближайшее же время в столовой коммерческого института.

«По второму вопросу окончательного решения не вынесено, а по третьему решено, открыто высказавшись против войны и правительственной политики, выступить с призывом, активно препятствовать затягиванию войны, однако, как следует понимать это последнее решение, т.-е. активно препятствовать, видимо, сами участники этого собрания ясно не представляют».

27 ноября, около 10 часов вечера, в о-во взаимопомощи торговых служащих совершенно неожидано приехал член с.-д. фракции Государственной Думы Скобелев, сделавший краткий доклад о состоявшихся на Кавказе большевистском совещании и меньшевистской конференции, при чем им было дано несколько печатных экземпляров резолюций совещания. По его словам, на большевистском совещании присутствовало всего 5 человек, являвшихся представителями организаций: Бакинской, Тифлисской и Кавказской областной.

На этом же совещании и было создано кавказское бюро РСДРП.

На меньшевистской конференции, по его же словам, были представители всех Кавказских меньшевистских организаций.

«Между прочим Скобелев сообщил, доносил «Евгений», что между 11 и 18 декабря в Москву приедет депутат Чхенкели [1]), который прочтет какую-то лекцию.

«Служащим в союзе потребительских обществ Шамариным [2]) заказаны в какой-то типографии открытки группы осужденных 5 депутатов с.-д. рабочей фракции Государственной Думы, которые им и распространяются в большом количестве, при чем каждая группа этих депутатов, воспроизведенная фотографическим способом, продается по 25 коп. и дороже за экземпляр.

«Собираемые от продажи этих групп деньги идут на партийные цели».

Не в меньшей степени велась работа и на фабриках и заводах. Так, по сообщению осведомителя «Кузьмича» [3]):

«19 декабря во дворе Артиллерийского завода, при фабрике Циндель, состоялось собрание рабочих в числе до 200 человек, для обсуждения вопроса, как реагировать на распоря-

---

[1]) Чхенкели, Акакий Иванович, член Госуд. Думы IV созыва.

[2]) Шамарин, Павел Васильевич, кр. Смоленской губ., Гжатского уезда, Корытовской вол., дер. Хвощовки.

[3]) „Агент. Зап.“ № 142, 19/XII 1915 г.

жение генерала Чердынцева о вычете с рабочих за двухдневную забастовку. Это собрание выбрало уполномоченных в числе 5-ти человек, из которых известны: Зар, Досов и Никитин, для переговоров с генералом и для требования уплаты за эти два дня.

«На этом же собрании Никитин, Досов и Федосеев говорили, что им известно, что на фабриках и заводах в Петрограде неспокойно и что в случае каких-либо выступлений петроградских рабочих, их надо поддержать в Москве. После этого собрания рабочие в числе 8-ми человек собрались в подвале. Из числа этих восьми известны:

«Зар»—Мартын Мартынов, кр. Лифляндской губ., Рижского уезда.

Досов—Ювкин—Досов, Михаил Степанов, кр. Самарского уезда, Буянской волости.

«Никитин»—Никитенко, Яков Андреев, кр. Харьковской губ. Изюмского уезда, Царе-Борисовской волости.

«Федосеев», Петр Федосеев, кр. Московской губ., Волоколамского уезда, Аннинской волости и села.

Никитенко, Яков Андреев, кр. Херсонской губ., Изюмского уезда.

«Володькин»—Володин, Георгий Яковлев, кр. Московской губ., Звенигородского уезда, Аксиньинской волости.

«Володькин говорил, что он имеет связи с Петроградом и что он получил оттуда сведения, что там готовится общая забастовка.

«Тот же Володькин предлагал присутствующим поддержать петроградских рабочих распространением по заводам вообще, а главным образом на артиллерийском заводе на Лесной, прокламаций, которые он имеет возможность получить в нужный момент.

«Собрание вынесло решение вести агитацию за общую забастовку и в Москве, в случае об'явления таковой в Петрограде.

«В частности, этим же собранием решено, в случае отказа генерала Чердынцева в уплате за два дня забастовки, агитировать за частную забастовку на артиллерийском заводе как при фабрике Цинделя, так и на Лесной».

В течение недели велась на заводе усиленная агитация за забастовку.

«Во вторник, 25 декабря—писал тоже «Кузьмич» [1])—в клозете состоялось собрание рабочих, в числе 30—35 человек, из которых человек 12 высказались против забастовки, указывая, что долг патриотизма не позволяет в настоящее время бастовать, на что Володькин говорил, что эта война рабочим не нужна и совершенно не затрагивает их интереса, не рабочими она начата и не им разбираться в вопросах войны.

---

[1]) „Агент. Зап." „Кузьмич" № 153, 25/XII 1915 г.

«После чего это собрание обсуждало вопрос об обеспечении рабочих при массовом увольнении рабочих за забастовку, а равно вопрос о том, как рабочим реагировать на распоряжение администрации об этом; собранием была избрана комиссия в составе Федорова, Никитенко, Володькина и двух неизвестных, которая с 5 января должна разобрать этот вопрос. Вопрос о забастовке отложен до 5 января, когда и будет решен всеми рабочими при смене дневных и ночных рабочих (в 6 час. 15 мин. вечера).

«Из рабочих, бывших на вышеуказанном собрании, высказавшихся за забастовку, кроме вышеназванных, известны:

«Силин, Ян Янов, кр. Лифляндской губ., Рижского уезда, Слайской волости. Богданов—Минов, Ефим Агафонов, кр. Витебской губ., Двинского уезда, Ворковской волости.

«Федоров и Володькин говорили, что в случае если завод их забастует, то их поддержат рабочие с завода на Лесной».

О положении дел на этом заводе дает сведения и другой осведомитель «Максим». В своей записке от 28/XII, за № 154, он так описывает положение дел на заводе.

«При открытии лекальной мастерской на военно-артиллерийском заводе при фабрике Циндель (приблизительно месяца два тому назад) расценок на сдельную работу был об'явлен слишком неправильный: за лекало, стоющее шесть рублей, требующее следовательно меньше труда и времени для изготовления, платили 26 рублей, а за стоющее 50 рублей платили 15—12 рублей и т. д.

«В виду чего в начале ноября месяца сего года рабочие всего завода забастовали и пред'явили требование об удалении лекального мастера и о пересмотре и урегулировании расценка на сдельную работу.

«Администрация завода мастера удалила, относительно же расценки предложила рабочим избрать из своей среды уполномоченных для совместной с администрацией завода выработки новых расценок.

«18 сего декабря рабочие выбрали трех уполномоченных: Кожевникова, Досова и Федосеева, которые выработали расценки, одобренные рабочими, правда несколько высокие, и предложили их администрации завода.

«Эти расценки однако утверждены не были и 22 декабря администрация завода вывесила новые расценки, составленные без участия выбранных рабочих, значительно пониженные.

«Означенное понижение расценки взволновало рабочих.

«На заводе происходили частные летучие собрания рабочих, говорили о необходимости защищать свои интересы путем забастовки.

«Решение бастовать в лекальном отделении единогласное. Рабочими против новых расценок заявлен протест. Из рабочего

лекального отделения более других агитируют за забастовку Володькин, Досов, Федосеев [1]) и Кожевников. [2])

«Завод имеет несомненную связь с таковым же заводом на Лесной и, в случае возникновения здесь забастовки или вообще какого-либо движения рабочих, завод на Лесной примкнет к таковому.

«До настоящего времени многие лекала не сданы рабочими, хотя и готовы. Администрация вывесила об'явление, что лекала должны быть сданы к 31 декабря.

«В последнее время на заводе разнесся слух об ожидающемся, якобы, в Москве общем выступлении рабочих с протестом против войны, что собственно и задерживает забастовку на заводе, рабочие которого ожидают этого общего выступления».

Не совсем благополучно обстояло и на железной дороге. Даже железнодорожные телеграфисты и те запротестовали и «ходатайствовали» об уменьшении рабочего времени.

Телеграфисты ст. Москва—Александровская 4 декабря послали на имя начальника Алексан. ж. л. телеграмму, в которой ходатайствовалось об изменении существующего на ст. Москва II ч. дневного дежурства, лишающего обеда, что вызывает частые заболевания, что существующий график вредно отражается на интенсивности труда и т. д.

Расследование, произведенное охранным отделением, установило, что элементом недовольных являются телеграфисты, прикомандированные с Привисленск. ж. д.—поляки. [3])

Большее беспокойство, чем поляки, принесли охранному отделению эвакуированные из Риги латыши. Об этом беспокойном элементе мы имеем сообщения двух осведомителей—«Майского» и «Молодого».

Первый писал. [4])

«Со времени эвакуации части населения из Риги в гор. Москву, рижская организация латышской СДРП район своей деятельности перенесла в г. Москву.

«В настоящее время в Москве существует 9 кружков СДРП, которые, имея каждый в отдельности, по одному своему представителю, об'единяются московским комитетом рижской организации латышской СДРП.

«Из состава этого комитета известны Карл Крумин, проживающий в Ново-Проектированном переулке, Карменский тупик, д. № 3, кв. 8, подлежащий призыву на военную службу, но на освидетельствование пославший вместо себя другого,

---

1) Федосеев Петр Федосеев, кр. Московской губернии, Волоколамского уезда, Аннинской волости и села.

2) Кожевников Яков Николаевич, кр. Самарской губернии, Богурусланского уезда, Сосновской волости, дер. Пригодиной.

3) Охр. отд. дело, № 1217, 1915 г.

4) „Агент. Зап.“ „Майский“ № 254, 9/XII 1915 г.

почему и освобожден вовсе от службы по болезни; Блумфельд Алекс Юрьевич (нелегальный), проживающий там же, партийная кличка по Риге и здесь «Учитель»; Рудер Мария (нелегальная), проживающая ранее в селе Всехсвятском, Исаевский проезд, д. Свирина, кв. Гиршт; посещающий эту квартиру неизвестный, партийная кличка «Янц»,—высокого роста, блондин, без бороды, маленькие усы, худощавое лицо, лет 28, высокая заячья шапка, черное драповое пальто; также посещающий эту квартиру неизвестный, партийная кличка «Саймнекдельс» («хозяйский сын»), нелегальный, маленького роста, лет 24, блондин, маленькие усы, черная шапка, драповая с отворотами на уши.

«Вышеуказанная организация насчитывает в Москве до 100—150 членов и имеет четыре конспиративные квартиры: 1) вышеуказанная по Ново-Проектированному переулку, где более часто и происходят собрания уполномоченных от 9 вышеуказанных групп, 2) на Миуссах в д. 12, кв. 2 у «Катия», 3) Остоженка, д. № 31, кв. 3, у Калнина и 4) 3 Сокольничья, д. № 20, кв. 6, где комитет на этих днях предполагает поставить шапирограф, работать на котором будет Крумин.

«Комитет получает листовки из Риги на латышском языке и из Петрограда и Ростова на русском языке.

«Имеет связи с Харьковом, где по переписке много партийных лиц, но неорганизованных. У вышеуказанных членов комитета есть листовки и в данное время.

«Листовки из Риги пересылаются на имя «Саймнекдельс».

«В распоряжении комитета имеются адреса многих членов организации. В настоящее время Комитет разрабатывает вопрос о созыве специально латышской конференции от крупных городов, за границей, по этому поводу идет переписка с Петроградом, Ростовом, Ригой и Харьковом. [1])

«Представителями в московский комитет латышской СДРП от девяти существующих в настоящее время в Москве, кружков этой организации состоят: [2])

«1) Рудер, Мария Александровна, проживающая в Ново-Проектированном переулке, Карменский тупик, д. № 3, кв. 8, она же входит в состав Комитета. Рудер—нелегальная. Перешла в нелегальное положение после побега из Иркутской г., куда была выслана после предварительного заключения в Ли-

---

[1]) Крумин Карл Петров, кр. Лифляндской губ., Рижского уезда, Именовской волости; Калнин, Оскар Юрьев, кр. Лифляндской губернии, Рижского уезда, Икскюльской волости; Пурин, Петр Яков, кр. Ковенской г., Ново-Александровского уезда. Он же нелегальный Винтер, Альфред Кристанов, кр. Курляндской губернии, Митавского уезда, Наудитонской волости; Рудер Мария—Елизавета Александрова, рижская мещанка. „Блумферт", Алекс Юрьев, есть Блумфельд, Фридрих Юрьев, кр. Курляндской губ., Доблепского уезда, Грос-Вирцавской вол.; „Янц"—Зарин, Альфред Петров, кр. Лифляндской губернии, Рижского уезда, Дреймонской волости; „Саймнекдельс"—Карклин, Артур Янов, кр. Курляндской губернии.

[2]) „Агент Зап." № 255—„Майский", 11/XII 1915 г.

бавской тюрьме по подозрению в участии в Латышской боевой организации. По обыску ее в Либаве у ней обнаружены прокламации и патроны. Побег совершила и перешла на нелегальное положение года два назад.

«2) «Аннет», проживающая в д. № 22, кв. 7, по Пыхову переулку там же, где проживала Звагуль, работавшая на фабрике «Унион». Эта Звагуль в состав московского комитета не входила, но была представительницей латышского кружка на фабрике «Унион», при помощи которой этот кружок связывался с комитетом. Она известна, как деятельная партийная работница, по партийной кличке «Анце». В настоящее время Звагуль выбыла в Харьков, где и проживает на Примеровской улице, д. № 24, кв. Спигис.

«3) Миле, проживающая на М. Грузинской, Ниж. Тишинский переулок, д. № 3, кв. 6.

«4) Калнин, проживающий—Остоженка, д. № 31, кв. 3, у него же и конспиративная квартира.

«5) Принц, проживающий—Покровская улица, д. № 3, Покровской Общины, в настоящее время переехавший на другую квартиру.

«6) Катия, проживающая—4-я Миусская улица, д. № 12, кв. 2, у нее конспиративная квартира, где бывают чаще всего собрания.

«7) Неизвестный, по партийной кличке «Брилайнаис» (носящий очки).

«8) Неизвестный по партийной кличке «Пуйсис», проживающий—Стромынка, фабрика Алексеева, д. № 1, кв. 3.

«9) Мария Оше, получающая письма по адресу Покровка 41, работает на фабрике «Унион».

«Вышеозначенная латышская организация имеет в Москве своих пропагандистов, из числа которых известны:

«Клокс»—Клок, Вильгельм Иоганов, мещ. гор. Газенпота, Курляндской губ.

«Сева»—Сыщикова, Елена Яковлева, приписана к Лифляндской губ., Юрьевского уезда, Ратогофской волости.

«Вирс»—Сыщиков, Михаил Иванович, приписан к Лифляндской г., Юрьевского уезда, Ратогофской волости.

Из числа членов этой организации известны:

«Зельма»—Вельмер, Зельма Леонтина Марцева, кр. Лифляндской г., Венденского уезда, Драбужской волости.

«Смильдис»—Смильге, Лавшо Янова, кр. Курляндской губ., Гельдингенского уезда, Борщевской волости.

«Тейн», проживающий—Московская улица, д. 43, кв. 19.

«Крузе,» Жанно Фрицев, кр. Курляндской губ., Туккумом. уезда, Анненгофской волости.

Паунит, проживает там же под нелегальной фамилией, нелегальным документом его снабдил Блумфельд (партийная кличка «Учитель»).

Лепин-Лепинг Вильгельм—Эдуард Фрицов, мещ. г. Гробина, Курляндской губернии.

7—36 (неизвестные по кличкам: «Мирдза», Кришус, Паула, Оля; Христина, Вилис, Фрицис, Зельма), Аннета, Эльза, Лиля, Ваня, Межонис, Мария, Янцис, Аптекарь, Бринянаис, Сева, Пуйсис, Мета, Бирс, Принц, Кате, Вера, Амалия, Рава Эрна, Саймудилс, Вестес и Вите, многие из них известны Лифляндскому губернскому жандармскому управлению по фамилиям.

«Члены латышской организации постепенно завязывают сношения с местными социал-демократами, из которых известны комитету и вступили в члены организации—проживающий по Измайловскому шоссе, в д. 22, кв. 3, неизвестный интеллигент высокого роста, шатен, с бородой, лет 28, одет—черное пальто с хорьковым воротником, круглая меховая шапка. Он почти ежедневно посещает «Учителя» и принят в организацию исключительно для связей с московскими рабочими, по-латышски он не говорит, не понимает. Второй русской, посещающей квартиру «Учителя», является Тихонова, [1]) работающая на фабрике «Унион» и проживающая на Лесной.

«На фабрике «Унион» существуют три кружка, входящих в латышскую организацию.

«Главным руководителем латышской организации в Москве является Блумфельд «Учитель». Он ведет с Ригой партийную переписку по адресам: Матвеевская д. 13/11, кв. 50 «Stabueela» 81. 21. д., Васильевская 6/7, кв. 10 Витель.

Кактынь, Ян Янов, кр. Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Буртиенской волости.

«Аннет»—Бредс Анна—Августа Августова, кр. Лифляндской губ., Валского уезда, Старо-Гульюсиской волости.

Звагуль, Анна Карлова, кр. Курляндской губ., Газенпотского уезда, Рутбаронской волости.

Калнин, Оскар Юрьев, кр. Лифляндской г., Рижского у., Икскюльской волости.

«Оше Мария» Оша Марина, Альвина Яковлева, кр. Лифляндской г., Рижского уезда, Нурмижской волости.

«Кришус» есть Канберг, Криш Анеев, кр. Курляндской г., Туккумского уезда, Экендарфской волости.

«Оля» есть Даугул Ольга, Мария Яковлева, кр. Лифляндской г., Вольмарского уезда, Итской волости.

«Христина» есть Мусин, Кристина Петрова, кр. Лифляндской г., Вольмарского уезда, Вондалиской волости.

«Межонис»—Межелейт, Бенкамин Георгиев, мещ. г. Волковышки, Сувалкской губернии.

«Кате»—Кляверюк—Рикке—Катте Андреева, кр. Курляндской г., Бausского уезда, Нейгутской волости.

---

[1]) Тихонова Мария Андреева, кр. Вологодской губ., Никольского уезда, Вознесенской волости, деревни Папитовой.

«Витте»—Витте, Нганно Анеев, кр. Курляндской губернии, Гольдингенского уезда, Швარденской волости.

«Указанная выше большевистская организация была создана в Москве еще летом текущего года и ею тогда несколько раз устраивались массовки, на одной из которых каким то «заграничником» [1]) читался доклад о войне и о настроении партийных кругов за границей.

«Часть членов этой организации была летом арестована, оставшимися же на свободе, к которым присоединились еще и многие другие, прибывшие в Москву из Риги социал-демократы (латыши), удалось к настоящему времени восстановить распавшуюся было из-за арестов организацию, которая ныне состоит из 9 фабрично-заводских кружков (10-й интеллигентский образовывается) во главе с комитетом из шести лиц. Кроме комитета, играющего роль исполнительного органа, в организацию входит так называемый «падом» («совет»), состоящий из представителей кружков по одному из каждого. Независимо от этого представителя от каждого кружка избирается еще один представитель, связывающий члена «падома» («совета») с кружком, не входящий однако в состав «падома» («совета»).

«В состав вышеуказанного комитета входят: 1) Блюмфельд, Алекс Юрьев (нелегальный) партийная кличка «Учитель» состоит секретарем Комитета; 2) Мария Рудер; 3) неизвестный, по партийной кличке «Янц» высокого роста, блондин, маленькие усы, без бороды, лет 28, худощавое лицо, высокая заячья шапка, черное драповое пальто; 4) неизвестный, партийная кличка «Саймнекдельс» (хозяйственный сын) нелегальный, маленького роста, лет 24, блондин, маленькие усы, черное пальто, черная драповая с отворотами на уши шапка; 5) Карл Крумин, казначей, лет 24, среднего роста, светлый шатен, плотного телосложения, усы и борода, брюнет, полное и круглое лицо: одет темнозеленое пальто, черная фетровая мягкая шляпа; 6) Клокс—пропагандист, по профессии портной, высокого роста, лет 25, блондин, маленькие усы, бороду бреет, одет: брюки на выпуск, черные с белой полоской, пальто с черным барашковым воротником.

«Эта организация является большевистской, хотя в ее состав входят и меньшевики, признающие подполье.

«13 декабря состоялось собрание членов нового десятого кружка этой организации. В состав этого кружка входила исключительно латышская интеллигенция. На вышеуказанном собрании было 10—12 человек. Из членов Комитета присутствовали «Янц», который читал там реферат, составленный «Учителем» о роли, которую играет самодержавие в настоящей войне».

---

[1]) „Заграничник“ Станислав Вольский (Соколов) есть Соколов, Андрей Владимиров, помощник присяжного поверенного.

Освещает эту организацию и другой осведомитель—«Молодой», давший об ней свою первую записку 15 декабря. В этой записке он писал: [1])

«С лета текущего года, в связи с наступлением германских войск многие социал-демократические деятели рижской организации выехали из Риги во внутренние губернии России частью вместе с эвакуированными заводами, а частью самостоятельно. Большинство их находится в г.г. Москве, Петрограде, Харькове, и Архангельске. В настоящее время в Москве насчитывается значительное число рижских социал-демократов, которыми и создана здесь самостоятельная латышская с.-д. организация — большевистского направления. Эта организация состоит из нескольких фабрично-заводских кружков, во главе с особым советом «padome» и комитетом. Каждый кружок имеет одного представителя, являющегося и руководителем кружка, с одним из членов совета, вошедшим в состав совета их кружка, совет («padome») есть высшее партийное учреждение данной организации, направляющее всю деятельность таковой, исполнительным же органом является комитет, подчиненный в своей деятельности совету. Выборы совета и комитета производятся следующим образом:

«Каждый кружок выбирает двух уполномоченных, которые на общем собрании всех уполномоченных избирают Комитет (обыкновенно в составе 5—7 чел.), а из оставшихся избирается совет, причем число членов совета должно соответствовать числу кружков.

«Из числа членов местного комитета пока известны Крумин [2]) и Адольф [3]), проживающие вместе в доме № 3, кв. 8, по Корелинскому тупику, что у Ново-Проектированного переулка. Из членов Совета известны Артур Карклин, [4]) проживающий по Ново-Проектированному пер., д. № 22, кв. 8.

«Из наиболее же видных членов кружков следует отметить работающих на заводе «Унион» (на Лесной улице): Кристину Мусин [5]) и Ольгу Даугул [6]), работающего на какой-то постройке в Сокольниках Мартина Клявина [7]) и безработных Катта Клявин. [8]) Паулу Муцинек, [9]) Криша Канберг [10]) (мужчина).

---

[1]) „Агент. Зап.“ „Молодой“ № 256, 15/XII 1915 г.

[2]) Крумин, Карл Петров, кр. Лифляндской губернии, Рижского уезда.

[3]) „Адольф“ Блумфельд, Фридрих Юрьев, кр. Курляндской губернии, Добленского уезда, Грос-Вирцавской волости.

[4]) Карклин, Артур Янов, Курляндской губ., Добленского уезда и волости.

[5]) Мусин, Кристина Петрова, кр. Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Вандалинской волости.

[6]) Даугул Ольга—Мария Яковлева, кр. Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Итской волости.

[7]) Клявин Мартин—Клявеннок—Гринне, Марин Андреев, кр. Курляндской губернии, Бауского уезда, Нейгутской волости.

[8]) Клявин Каттэ—Кляввеннок Гринне, Каттэ Андреева, кр. Курляндской губернии, Бауского уезда, Нейгутской волости.

[9]) Муцинек, Пауле есть Муцинек Трине-Паулина Янова, кр. Курляндской губернии, Добленского уезда, Берсолиской волости.

[10]) Канберг, Криш Анеев, кр. Курляндской губернии, Туккумского уезда, Экендорфской волости.

ПРЕСНЕНСКАЯ ГРУППА

Григорий Кондратьевич Веревкин.

Иван Антонович Меницкий.

Адриан Филиппович Рындич.

Р.С.-Д.Р.П.

«В настоящее время комитет озабочен постановкой подпольной типографии для печатания листовок, при чем часть типографских принадлежностей привезена из Риги, однако, оборудовать типографию вряд ли удастся в ближайшее время.

«Кроме того, предполагается издавать в Москве на латышском языке легальную газету «Дербе» (Труд), и уже подыскиваются издатель и редактор. Газета эта будет чисто рабочей— большевистского направления.

«Указанный выше член совета Артур Карклин ведет деятельную переписку с оставшимися в Риге социал-демократами, при чем получает оттуда нелегально там издающуюся газету «Penotafas».

Кроме Риги, данная организация еще поддержала связь с целым рядом других городов, как-то: Тулой, Харьковом, Саратовом и др. Эта связь нашла некоторое освещение в агентуре «Майского». 9-го декабря он писал: [1])

«Латыш-об'езчик сегодня был у «Учителя» с 4 до 5 часов дня до $6^1/_2$ часов вечера. Он немного заболел и в Саратов не поедет, а решил ехать в Харьков, где он постоянно проживает. Поедет он в Харьков вместе с «Учителем». Латыш выезжает завтра в 2 часа дня в Тулу с Курского вокзала, «Учитель» же выезжает в Харьков завтра же вечером, а в Туле его встретит латыш и далее они поедут вместе. В Туле латыш будет видеться с тульскими латышами».

Наблюдая за приезжающими и от'езжающими, осведомители весьма часто нападали на своего брата. Так осведомитель «Леонидов» 24 декабря в записке № 262 писал:

«В Москву приехал из Петрограда соц.-дем. Попок[2]); он около недели тому назад проживал в Москве у с.-д. Галято,[3]) имел у себя отдельные номера издания соц-дем. литературы; Попок сообщил, что в Петрограде замечается в настоящее время оживление партийной работы соц.-рев. и предполагается издание с.-д. легальной газеты «Голос Труда». У Голято недавно было собрание рабочих с участием студентов; одним из студентов был некто «Васильевский»,[4]) работавший ранее на заводе «Динамо». Галято осведомлен, что его единомышленники заняты вопросом об об'единении соц.-рев. на почве выработки общей тактики, отвечающей настоящему моменту.»

---

[1]) „Агент. Зап."—„Майский"—№ 260, 19/XII 1915 г.

[2]) Попок, Фаддей Николаев, кр. Виленской губ., Свенцянского уезда, Ясевской волости, д. Краски— провокатор".

[3]) Голято, Мина Васильев, кр. Могилевской губ., Сененского уезда, Замочской вол., д. Хотлино.

[4]) Васильевский, Борис Викторович, студент Технического училища.

Кроме связи с другими городами латышская организация была связана с фронтом, где к концу 1915 г. начало пробиваться недовольство войной и усиливаться революционная агитация. На одном из собраний этой организации присутствующие три нижние чина, недавно прибывшие с фронта докладывали собранию[1]):

«Нижние чины на фронте только и ждут какого-либо выступления в тылу, хотя бы и незначительного, чтобы примкнуть к общему движению и поддержать его. Они же говорили, что у них вблизи позиций в лесах происходят частые собрания нижних чинов, эти собрания посещают даже офицеры русской армии и нижние чины и офицеры германской армии. На этих собраниях говорят о необходимости прекратить бесцельную войну, немецкие нижние чины говорят, что если русские солдаты сделают почин и первые положат оружие, немцы сейчас к ним присоединятся и тогда воюющим государствам ничего не остается делать, как заключить мир. Условия заключения мира для нижних чинов как России, так и Германии безразличны, так как выгодами его они все равно пользоваться не могут. Война же чем дальше, тем больше требует жертв от народа и чем дальше, тем больше разоряет тех же воюющих солдат, которые после войны превращаются в того же пролетариата, которым были и до войны.

«Эти собрания вблизи позиций, по словам вышеуказанных нижних чинов, происходят все чаще и чаще, солдаты охотно их посещают, совершают из-за них самовольные отлучки от своих частей, несут дисциплинарные наказания, но число участников этих собраний не уменьшается, а увеличивается.

«Солдаты ждут результата работы своих штатских товарищей в тылу и достаточно им узнать хотя бы о малейшем выступлении их, как они оборотят свое оружие на другого врага и на фронте произойдет такой взрыв, какого история еще не видела.

«Нижний чин, выступавший с докладом, агитировал за возможно более энергичную подпольную работу, говорил, что партийные работники с 1905 до 1906 года ничего активного не предпринимали, а ограничивались одними только словами, с которыми далеко не уедешь, что настоящий момент самый удобный для активной работы и проч.

«Присутствующие на собрании вполне разделяли взгляд говорившего нижнего чина, высказывались за необходимость начать энергично, активно работать—выпускать прокламации и открыть народу глаза на действительное положение вещей.

«Тут же было высказано предположение о могущих быть при такой работе арестах, на что хозяин квартиры заявил, что арестов в смысле ущерба делу бояться не следует, так как в

[1]) „Агент. Зап."—„Майский" № 266, 28/XII 1915 г.

Риге организация настолько поставлена прочно, что в случае убыли одного партийного работника, из Риги сейчас же будет прислан на его место новый земеститель, кто же боится арестов по своим личным соображениям, то пусть из общего дела уходит, как приносящий делу не пользу, а вред.

«Собрание окончилось около 11 часов вечера сбором денег на партийные нужды, было собрано 9 рублей 50 коп., которые и поступили к находящемуся здесь же Крумину».

«Приезжавший в декабре месяце в Москву уполномоченный Ц. К. партии, т. Шляпников, в своих воспоминаниях так описывает положение дел в Москве[1]):

«В конце декабря выбрался в Москву. Явку имел к Петру Гермогеновичу Смидовичу. У него же нашел и приют, перебираясь на ночь в соседнюю квартиру. И он и его жена Софья Николаевна вели партийную работу и состояли под весьма усердным наблюдением охранки.

«В этот приезд познакомился с И. И. Скворцовым (Степановым). Там же встретил тов. Милютина, взявшего на себя работу в Поволжьи и товарища М. А. Савельева, приехавшего с фронта. Устроили небольшое собрание у доктора Обухова, на котором были: т. т. «Макар», В. П.; Ногин, М. С.; Ольминский; Яковлева, П. Г. Смидович и некоторые другие москвичи. Предположение создать Всероссийское бюро центрального комитета эти товарищи встретили весьма радушно. От товарищей москвичей узнал многое о состоянии партийной работы в области и рабочем движении в том же районе. Москва становилась центром всяческих легальных с'ездов — коопераций военно-промышленных комитетов, по борьбе с дороговизной и т. п., в которых принимали участие и рабочие, иногда выносившие резолюции в интернационалистическом духе, как на с'езде по борьбе с дороговизной.

«Во всех районах Москвы велась с.-д. работа нашей партии. Однако все попытки об'единить эту работу и централизировать путем создания единого для всех в Москве партийного комитета не удавались. Как только наши товарищи начинали вести в этом направлении свою работу, созывали конференцию, намечали «московский комитет», так следовали аресты, и всяческая деятельность нарушалась. Такое положение дела указывало на работу провокаторов. Москвичи чувствовали это, некоторых подозревали, но вскрыть не могли за отсутствием точных данных.

«Июль и август 1915 г. прошли в московском промышленном районе довольно бурно. Движение началось на почве борьбы с дороговизной путем введения такс, но закончилось революционным выступлением, окончившимся в Орехове и Иванове расстрелами рабочих. Повсюду происходили митинги-массовки.

---

1) Шляпников. „Канун 17 года,“ стр. 168.

Движение в Москве совпало с роспуском Гор. Думы, и это дало повод думать, что московский пролетариат поддерживает прогрессивный блок».

«После ареста Андреева и др.,—пишет в своих воспоминаниях т. Сапронов,[1])—московского комитета некоторое время не существовало. Об‘единяющим партийным органом было Ц. Б., которое превратилось потом в городской партийный комитет. В декабре 1915 г. городской комитет избрал рабочее бюро из трех лиц. В него вошли тов. Чихуралидзе, официант, кавказец, Николаев, печатник (оказался провокатор) и третий (Сапронов). Бюро было поручено оборудовать типографию, наладить связь с районами и организовать М. К.».

Так, несмотря на колоссальные потери людьми, понесенные в этом полугодии московской организацией, она все же не погибла. Уцелевшие товарищи привлекли молодежь, построили заново организацию и вступили в 1916 г. с задачей все же организовать М. К.

Но об этом в следующем, III-м томе.

Ив. Меницкий.

---

[1]) „Накануне Великой Революции“—сборник изд. „Новая Москва, стр. 63.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. **Сведения о провокаторах, работавших в Москве в военные годы.** (Буксин, В. М., Гааке, С. В., Голубев, А. А., Комаров, И. С., Котов, Е. П.).

II. **Доклад начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве** по РСДРП с начала войны по 3/X—1915 г.

III. **Тверская группа РСДРП.** Обвинительный акт.—Протокол судебного заседания Московской суд. палаты.—Приговор.—Особое мнение сословного представителя Урусова.—Указ правительствующего сената.

IV. **Пресненская группа РСДРП.** Обвинительный акт.—Протокол судебного следователя.—Справка о судимости.—Приговор Новочеркасской суд. палаты.—Вопросный лист.—Резолюция.—Приговор Московского Военно-Окружного Суда.

V. **Именной и предметный указатель.**

Приложение первое.

Н. ФЕНСТЕР.—Сведения о провокаторах, работавших в Москве в военные годы.

Буксин, Валентин Михайлович. Гааке, Сергей Викторович. Голубев, Александр Александрович. Комаров, Иван Степанович. Котов, Евгений Петрович.

Буксин Валентин Михайлович—партийн. кл.: «Мамонтовец», кл. наблюдения: «Шрифт». Крестьянин Смоленской губ., Сычевского уезда, Воскресенской вол., села Воскресенска. Родился в 1895 году. Образование получил на родине в сельской школе. По окончании военной службы в 1910 году поступил типографом в типографию Мамонтова в г. Москве. В 1916 году был избран: членом «правления о-ва разумных развлечений», членом правления проф. о-ва рабочих печатного дела, членом культурно-просветительной комиссии проф. о-ва рабочих печатного дела, от о-ва печатников в «организационную комиссию при Рогожском Народном Доме, от о-ва народных развлечений в лекционную комиссию Рогожского Народного Дома. Социал-демократ.

С 1911 по 1916 год Буксин под кличкой охранки: «Воскресенский» состоял осведомителем Московского охранного отделения по рабочему движению в г. Москве.

По сохранившимся агентурным запискам б. Московского охранного отделения за период с 1911 по 1916 год у «Воскресенского» числится 130 донесений. Донесения «Воскресенского» освещают работу О-ва печатников, О-ва разумных развлечений, отдельных с.-д. В числе этих донесений «Воскресенского» имеются доносы на родного брата Илью Буксина.

Первая агентурная записка «Воскресенского», сохранившаяся в делах архива, датирована 7/V—1911 г., затем следует перерыв, и осведомитель возобновляет работу в 1913 году и заканчивает ее 14 декабря 1916 г. В сохранившихся в небольшом количестве архивных материалах за 1917 год кличка «Воскресенский» нами не встречена.

В ниже помещенной сводке мы отметим часть донесений «Воскресенского».

В 1911 г.: 7 мая и 5 июля о лицах, имеющих оружие и ядовитые вещества. 24 мая доносит на с.-р. на заводе Г. Лист.

21 июня—доносы на с.-р. Малахова и Родионова с приметами (Густав Лист), 21 и 22 июня на отдельных лиц, как принадлежащих к р. С.-Д. Р. П., 16 августа — донос на с.-р. Борисова, служащего в школе «Детский труд и отдых», 12 ноября — на рабочих фабрики Исаджаева: Синодального, Антонова, Лукианова за принадлежность к с.-д.

В 1913 г.: 21 апр. Союз печатного искусства, агитация в связи с празднованием 1-го мая, фамилии агитаторов. 18 мая—донос на печатника Жежуру тип. «Печатник». 24 июня—донос на нелегального Седунова, резол.—«арестовать». 9 ноября—печатники, переплетная Петцмана. 16 ноября—Союз печатников, движение в типографии Мамонтова, фамилии. 27 ноября—о совещании на квартире А. М. Никитина, об устройстве в Москве отделения «Новой рабочей газеты». Присутствовали: Илья и Валентин Буксин и неизвестный.

В 1914 г.: 4 января—о правлении о-ва печатников. 23 января—о-во печатников, фамилии. 5-го февраля — биржа труда, общество печатников, фамилии. 8 февраля — донос на печатников: Р. С. Царского и П. И. Гончарова. 5 марта—об избрании правления о-ва рабочих печатного искусства, характеристика членов правления, собрания. 8 марта — печатники. 29 марта — касса союза типо-литографов 13 и 14 апр. — о-во печатного искусства, фамилии. 9 мая—о-во рабочих печатного искусства, ряд лиц (пом. прис. пов. Каплан). 14 мая—печатное искусство, фамилии. 16 мая—доклад петербургского делегата Иванова о готовящейся забастовке у Левенсона. Резол. моск. охр. отд.:—«Принять самые решительные меры, чтобы типография Левенсона не бастовала». 27 мая—о большой экскурсии рабочих на Рублевский водопровод. 30 мая — состав инициативной группы меньшевиков: А. М. Никитин, пом. прис. пов. Каплан, родной брат Буксина — Илья. 31 мая — донос на брата. 10 июня — об экскурсии в Бескудниково. О речах, о докладе депутата Бурьянова. 18 июня — донос на А. В. Курицыну. 21 июня — по о-ву печатного искусства донос на ряд лиц. 26 июня—о выборах на социалистический конгресс в Вене. Избран И. Буксин.

В 1915 г.: 14 марта—комиссия при клубе «Просвещение», Анна Додонова. 8 апреля—с.-д. организация, приезд из Петрограда инженера Чернова, заседание в клубе «Просвещение». 20 апреля—о связях между московскими и петербургскими с.-д., фамилии, рабочие собрания. 13 мая—кружок железнодорожников, руководимый Батуриным. 20 мая—экскурсия кожевников, доносы на отдельных с.-д. 3 сентября—рабочие клубы, фамилии типографщиков с.-д. 5 сентября—собрание металлистов, руководимое С. И. Соколовым. Забастовка портных. 6 сентября—собрание металлистов, приезд Чхеидзе. 7 сент. — собрание о-ва металлистов «Единение» по вопросу о войне, учредительном собрании, с.-д. ораторы по фамилиям, участвующие. Резол. градоначальника: «запросить деп. полиции о высылке указанных

участников». 10 сентября—собрание о-ва народных развлечений, ораторы. 13 сентября — собрание металлистов. 15 сентября — то же. 21 сентября—на типолитогр. Николаева и А. Додонову. 24 сент.—о-во народных развлечений, ораторы. 4 октября—рабочая школа в Хамовниках, Анна Додонова. 9 окт. — с.-д. агитация в о-ве печатников, фамилии. 13 окт.—доносы на пропагандистов с.-д. 14 окт.—с.-д. фамилии. 15 окт.—о-во народных развлечений. 21 окт.—Никитин и пом. прис. пов. Плесков организуют санитарные попечительства. 29 окт.—собрание рабочих Мамонтова, фамилии. 2 ноября—собрание с.-д. у Ивашечкина, большевистская агитация, доклад Плескова о санитарных попечительствах. 4 ноября—на с. д. Гутаренкова—агитирует. 9 ноября—опять Гутаренков, Ивашечкин, с.-д. работа у Мамонтова. 18 ноября—забастовка у Мамонтова, выдает Ивашечкина, как главного агитатора... «Ивашечкин арестован». 24 ноября—о-во народных развлечений, общее собрание, обзор деятельности, выборы ревиз. комиссии. 3 декабря—заседание лекционной комиссии о-ва народных развлечений.

В 1916 г.: 19 января—лекция Грановского при Рогожском Народном Доме, агитация Лидии Мальгиной. 25 января — организационная комиссия при Рогожском Народном Доме. Ряд фамилий. 25 февраля—о-во народных развлечений, сбор на политических заключенных в заседании о-ва. 3 марта—будет неразрешенное собрание в Дорогомиловской школе, будут Соколова и Уварова. 21 мая — экскурсия Таганской школы Мальгина, доклад Розанова. 22 мая—донос о приезде нелегального Леонида Федорова—«арестовать». 14 июня—общее собрание о-ва печатного труда. 23 июля—о Д. А. Розанове. 6 сентября — агитация анархистов, донос на М. Н. Соколову. 12 сентября—о том же. 15 сентября—о том же. Соколова 16 сентября 1916 г. арестована. 12 ноября — лекции, доклады, доклад Керенского А., настроение рабочих с.-д., деятельность сестер Мальгиных. 25 ноября—доносы на ряд лиц, распространение речи Чхеидзе, правление проф. о-ва печатников. 14 декабря—о лекции Кривцова о Наполеоне, о французской революции, о крепостном праве России. Присутствующих на лекции. Рез. нач. охр. отд. «в докладе градоначальнику ходатайствовать о воспрещении лекции Кривцову». О собрании в 100 чел. в проф. о-ве печатников. Выборы в культурно-просветительную комиссию, фамилии [1]).

В «Комиссии по обеспечению нового строя» в 1917 г. [2]), находившийся под следствием В. М. Буксин («Воскресенский») показывает, что его трехлетняя военная служба в Сибири оказала на него пагубное влияние. По возвращении в 1910 году в

[1]) Моск. ист. рев. архив.—„Агентурные записки" Моск. охр. отд. Номера агентурных записок и даты донесений „Воскресенского" обозначены в конце сводки.

[2]) Моск. истор. рев. арх. „Дело комиссии по обеспечению нового строя", № 121.

Москву, его вызвали в московское охранное отд., где был известен его брат, член РСДРП, Илья Буксин, и там его уговаривали поступить на службу осведомителя, на что он дал согласие. Вследствие неразвитости и отсутствия связей, приблизительно на год прервал связи с охранным отделением. В 1913 г. (он) был вызван ротмистром Ганько [1]... «он принуждал меня к даче показаний,... в конце 1916 года, когда я хотел уйти, меня стали вызывать в охранку, Ганько мне всячески угрожал... должен сказать, что Ганько, приглашая меня на службу, принуждал не угрозами, а уговаривал и доказывал, что с.-д. идут против государя. К угрозам Ганько стал прибегать только последнее время»... говорит в своем показании В. Буксин. Из того же показания видно, что он взял у сестер Мальгиных [2]) прокламации и, вопреки инструкции охранного отделения, по которой он должен был выследить Мальгиных для ареста, часть прокламаций роздал, а часть представил охранке, за что и был уволен.

В показаниях, данных той же комиссии, ротм. Мишиным [3]), последний, подтверждая причину увольнения «Воскресенского», говорит следующее: ...«мне рекомендовал его («Воскресенского») ротмистр Зубковский как ретивого сотрудника. Получал Буксин последнее время 50 руб. По распоряжению Мартынова [4]) Буксин был удален от работы по подозрению в провокации, так как однажды, принеся 30—40 прокламаций, не мог об'яснить источника их происхождения, хотя и назвал Веру Ивановну Мальгину, от которой эти прокламации получил. Прокламации исходили от группы меньшевиков-интернационалистов».

После февральской революции Буксин, Валентин Михайлович, он же «Воскресенский», был арестован в Москве и содержался вначале в 1-й Хамовнической части, потом в военной тюрьме.

Постановления суда о нем в материалах архива не имеется. Опубликован как секретный сотрудник в книжке С. Б. Членова: «московская охранка и ее секретные сотрудники». По данным комиссии по обеспечению нового строя.

Во время своего сотрудничества в охранном отделении им даны следующие донесения:

21/IV, 28/VI, 13/XI—1911 г. («Агент. Зап.» № 2), 24/V, 21/VI, 16/VIII — 1911 г. («Агент. Зап.» № 29), 7/V, 5/VII — 1911 г. («Агент. Зап.» № 68), 21/IV, 18/V, 24/VI, 27/XI, 14/XII— 1913 г. («Агент. Зап.» № 9), 9/XI, 16/XI, 27/XI—1913 г.

---

1) Ротмистр Ганько—заведывал при московском охранном отд. агентурой, освещавшей деятельность местной социал-демократической организации.

2) Сестры Мальгины Л. И. и М. И. с.-д. служили в школе для рабочих Половинкиной.

3) Ротмистр Мишин, состоя помощником ротмистра Ганько при Московском охранном отд., заведывал агентурой, которая давала сведения о настроении подпольных и революционных группировок в рабочей среде.

4) Начальник Московского охранного отделения.

(«Агент. Зап.» № 11), 12/III, 29/III, 13/IV, 14/IV, 9/V, 14/V, 16V, 21/V, 29/IX — 1914 г. («Агент. Зап.» № 74), 5/VII, 29/VII, 31/VIII, 12/IX, 12/X — 1914 г. («Агент. Зап.» № 97), 14/III, 8/IV, 20/IV, 13/V, 20/V, 3/IX, 5/IX, 6/IX, 7/IX, 10/IX, 13/IIX 15/IX, 21/IX, 24/IX, 4/X, 9/X, 11/X, 13/X, 14/X, 15/X, 21/X, 24/X, 25/X, 28/X — 1915 г. («Агент. Зап.» № 14), 2/XI, 3/XI, 4/XI, 9/XI, 18/XI, 24/XI, 3/XII—1915 г. («Агент. Зап.» № 15), 31/X, 12/XI, 25/XI,—1916 г. («Агент. Зап.» № 17), 7/XI, 8/XI—1916 г. («Агент. Зап.» № 86), 19/I, 25/I, 25/II, 10/II, 3/III, 21/V, 22/V, 14/VI, 28/VI, 23/VII, 30/VII, 1/VIII, 5/VIII, 6/VIII, 4/IX, 12/IX, 23/IX, 29/IX, 28/XI, 30/XI, 14/XII—1916 г. («Агент. Зап.» № 62), 4/IX, 6/IX, 12/IX, 15/IX—1916 г. («Агент. Зап.» № 65), 16/III—1916 г. («Агент. Зап.» № 111).

Гааке, Сергей Викторович—рижский цеховой, по Петроградскому подполью 1910—11 г.г., известен под кличкой «Глеб Выборгский». Кличка охранного отделения по наблюдению: «Орел». Революционная деятельность Гааке до 1915 года по материалам архива Московского охранного отделения освещена следующим образом: 30/XI 1907 года был обыскан по совместному жительству с лицом, вошедшим в ликвидацию группы максималистов с.-р., 5-го сентября 1910 г., вследствие имевшихся указаний в Петроградском охранном отделении на принадлежность Гааке к Петроградской социал-демократической партии, на работу его в партии в качестве техника-организатора нелегальной типографии он был арестован и, по окончании о нем производства, выслан под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на три года, считая срок с 10 января 1911 г. Отбывал ссылку первоначально в г. Пинеге, а затем в г. Онеге, Кеми и Архангельске. 21-го февраля 1913 г. Гааке от надзора освобожден и выехал в Петроград. В 1915 году состоял статистиком в Правлении северного страхового о-ва в г. Москве[1].

В этот период Гааке послал чрезвычайно любопытное письмо в Московское охранное отделение, которое приведем полностью:

Господину начальнику Московского охранного отделения.

> «Имею необходимость лично беседовать с вами. Для этого прошу распорядиться арестовать меня *на улице* от $5^1/_2$ до 6 час. вечера ежедневно. В это время я иду со службы домой—с Никольской ул. по Никитской на Пресню. Прошу этого сделать скорее. Пусть доставят *прямо к вам.*
> Бывший политический ссыльный Арханг. губ. Сергей Гааке.
> Кам. Кол. Вал 20, кв. 7».

Просьба Гааке была исполнена в точности охранным отделением. Он был аресован на улице 15 октября 1915 г. и на допросе показал, что, отбыв ссылку и вернувшись в Москву,

---

[1]) Моск. историко-рев. архив, Моск. охр. отд., дело № 995, 1913 г.

постоянно находится под страхом быть арестованным за свои «прошлые грехи», хотя от партийной с.-д. деятельности отошел... «Я имею желание убедить начальника отделения, что я более не принадлежу к противоправительственной партии и хотел выдать соответствующую росписку. К этому особенно побудила меня предстоящая моя женитьба и вообще я сильно устал от высылки и постоянных опасений, что меня арестуют» [1]).

«Росписка» была дана моск. охр. отд. донесениями секретного сотрудника «Петроградского»—«Петербургского» [2]).

Часть донесений секретного сотрудника под кличкой «Петроградский» следующего характера:

В 1915 г.: 7 марта—у окончившего Моск. унив. И. С. Кизельштейна имеются стенограммы речей депутатов Чхеидзе и Керенского, запрещенные к публикованию. Кизельштейн намерен распространять указанные стенограммы. 2 апреля—об организации среди юнкеров Алексеевского военного училища марксистской группы—руководителем юнкер 4-й роты Жданов. 12 сент.—о предстоящей общегородской конференции местных с.-д., на которой должно участвовать 26 человек от 11 с.-д. групп. 5 мая Кизельштейн, с.-д. осведомлен, что в Харькове арестован Зарудный, Александр Сергеев. Зарудный переписывается с волей через тюремного надзирателя.

В 1914 г.: 8 ноября—о собрании марксистской группы студентов-армян для обсуждения вопроса об отношении армян к войне. 1 декабря—по словам приехавшей Татьяны Ивановны Бекзадян (ур. Чухаревой) в Тифлисе организовалась подпольная группа, поставившая своей задачей социалистическую пропаганду в войсках.

Все донесения сотрудника «Петроградского» в сохранившихся документах охраннного отделения распределяются следующим образом:

8/XI, 1/XII—1914 г. («Аг. Зап.» № 33 и 71), 17/III, 2/IV, 12/IX—1915 г. («Агент. Зап.» № 14), 5/V—915 г. («Агент. Зап.» № 129), 12/IX—915 г. («Агент. Зап.» № 15).

Часть донесений секретного сотрудника под кличкой «Петербургский» содержит следующее:

За 1913 г.: 20 ноября—о приезде из Харькова с.-р. Федора Ивановича Лелюка, повидимому, для партийной работы. Лелюк отбывал высылку в Онеге, бывш. председатель или секретарь проф. о-ва булочников в Петрограде. 22-го ноября—о приезде в Москву присяжного поверенного Николая Александровича Козлова, с.-р. отбывал ссылку в г. Онеге—имеет большие партийные связи. О том, что у Лелюка с.-р. имеется тетрадка с адресами партийных. 30 ноября—из-за границы по подложному

---

[1]) Моск. историко-рев. архив, Моск. охр. отд., дело № 995, 1913 г.

[2]) В книжке С. Б. Членова „Московская охранка и ее секретные сотрудники“ указано, что Гааке, Сергей Викторович работал под двумя кличками: „Петербургский“ и „Петроградский“.

паспорту думает приехать в Россию Бекзадян Александр Артемьев. Присяжный поверенный Козлов, Николай Александрович думает организовать коалиционную комиссию из соц.-рев. и соц.-дем. для транспорта литературы. 10 декабря—о приезде Бекзадяна. Дальнейший план Бекзадяна по приезде. На вокзале будут встречать его известный Гааке и брат Рубен. О чтении Рубеном, Бекзадяном лекций в вечерней воскресной школе. 20 декабря—Бекзадян А. в Петрограде, 22—23 приедет в Москву. 27 декабря—о задержке А. Бекзадяна и его сестры в Петрограде. О даче телеграммы в день выезда. Представил фот. карточки Елены и Рубена Бекзадяна. 1 февраля—о проезде соц.-рев. Трутовского, отбывавшего ссылку в Онеге и Архангельске. 12 августа—в Москву прибыл с.-р. Мордух Ааронов Слепян, был в административный ссылке в Архангельской губернии. Приметы.

«Петербургским» даны сведения:

22/XI, 29/XI—913 г. («Агент. Зап.» № 9), 22/XI,29/XI—913 г. («Агент. Зап.» № 11), 20/XI, 22/XI, 30/XI, 10/XII, 20/XII, 27/XII («Агент. Зап.» № 32), 14/XI, 20/XI—913 г. («Агент.» Зап.» № 57), 1/II, 10/II, 13/II, 16/II, 3/III, 14/III, 28/III, 16/IV, 24/IV, 4/V, 5/V—914 г. («Агент. Зап.» № 13), 1-II, 12/VIII—914 г. («Агент. Зап. № 33«).

По сведениям, поступившим в 1917 г. из Всероссийского земского союза, в комиссию по обеспечению нового строя Гааке Сергей Викторович, служивший с октября 1915 г. в комитете западного фронта умер в гор. Ялте 20 февраля 1917 г. Гааке был опубликован как провокатор в 1917 году [1]).

Голубев, Александр Александрович, крестьянин Симбирской губернии, Ардатовского уезда, Апраксинской волости. дер. Семеновки. Родился 15/IX 1887 года.

Его революционная кличка: «Александр», кличка наблюдения „Средний“.—Социал-демократ. Член Моск. обл. комитета РСДРП в 1910 году.

С 1910 по 1917 год (до февральской революции) Голубев А. А. под кличкой «Монтер» состоял секретным сотрудником Московского охранного отделения. По сохранившимся архивным материалам Московского охранного отделения за «Монтером» числится сто одиннадцать донесений. В своих донесениях сотрудник «Монтер» тщательно «информирует» московскую охранку о работе,—намечаемых планах, деятельности отдельных лиц Российской социал-демократической партии в Москве за период 1910 г.

...«Чувство стыда и совести побуждает меня покорнейше просить вас по поводу моего сотрудничества в Московском охранном отделении освободить меня от личных об'яснений и

---

[1]) Моск. истор. рев. архив. Дело комиссии по обесп. нового строя, № 28.

вместо таковых принять нижеследующее письменное заявление:...»—пишет находившийся под следствием комиссии по обеспечению нового строя в 1918 году Голубев, Александр Александрович, и далее подробно повествует о своей прошлой революционной деятельности и о своем нравственном падении...

В 1903 году Голубев вступил в Сормовскую организацию РСДРП, в 1905 году состоял членом центрального коллектива Сормовской организации РСДРП, в 1906 г. избран представителем последней и членом Нижегородского комитета РСДРП В это же время избран на Нижегородскую конференцию с.-д. по вопросу об отношении к I Государственной Думе. Вскоре был арестован с группой товарищей по обвинению в принадлежности к меньшевистскому Сормовскому коллективу РСДРП, но за недостаточностью улик постановлением Московской судебной палаты все были освобождены. После освобождения был направлен Сормовской организацией РСДРП в село Кулебяки в качестве организатора. Вскоре был избран на Владимирскую конференцию РСДРП, по возвращении в село был арестован и просидел в Нижегородской тюрьме 1 год. После освобождения направился в Москву, где выполнял различную партийную работу.

Последующий период в Москве является преддверием связи Голубева с охранным отделением.

Об этом периоде Голубев в своем заявлении говорит так:... «не одаренный природой физическим здоровьем, прошлая тюремная и общественная жизнь... полуголодное существование в течение 4—5 лет надломили не только физические силы, но и духовные, я постепенно стал отходить к рядам уставших. Заботы о личном здоровьи и так называемом материальном благополучии стали доминирующими»...

10 мая 1910 года Московским охранным отделением был арестован нелегальный В. П. Мезенцев и проживающий с ним Голубев А. А.

Этим арестом датирует Голубев в своем заявлении начало своего сотрудничества в «Охранке». Мне было заявлено, говорит он,... «что если я хочу избежать преждевременной смерти при моей слабости здоровья от тюремных и ссыльных условий... то было бы с моей стороны благоразумно стать их сотрудником». Мое молчание, повидимому, было для них согласием, немедленно из кабинета ротмистра меня освободили и я почувствовал, что нравственно пал [1]).

Ниже мы помещаем краткое содержание некоторых донесений сотрудника «Монтера»:

В 1910 г.: 10 июля—о Шульпине, Чугурине, Красильникове—с.-д. Сормовской организации. Приметы—адреса. 29 июля—о высланном из Москвы Карпенко, проживающем под фамилией

---

[1]) Моск. истор. револ. архив. Дело комиссии по обеспечению нового строя, № 393.

Фидунова. 20 сент.—Муренко—ведет кружок высшего типа с.-д. 27 сент.—о Муренко. 9 октября—фамилии членов с.-д. р. п.—их работа в партии. Распространение нелегальной литературы фамилии. 23 октября—о собрании с.-д. в о-ве потр. «Жизнь». О предполагающемся собрании сознательных рабочих в Мытищах. 28 октября—о собрании меньшевиков—решение признать формы подпольной организации неблагоприятными для ведения партийной работы. 4 ноября—дополнительные сведения, как о серьезном работнике по организации кооперативного движения об арестованном Иванове, Мих. Андр.

В 1911 г.: 9 февр.—о создании в Благушах смешанного кружка из раб. с.-д. и с.-р.—постановлено заниматься усиленным изучением подпольной литературы и политической экономии. Фамилии. Резол. охр. отд.: «Разработать для ликвидации». 6 марта—сведения об арестованном Красильникове с.-д.—играл видную роль в Сормове в 1906—7 г.г. 4 апреля—о предстоящем собрании на пасхальной неделе отдельных «партийных личностей», оставшихся на свободе, по вопросу о подготовке к 1-му Мая. 12 апреля—о Благушинском с.-д. кружке. 13 мая—о том же. Ряд фамилий с.-д. Мих. Малиновский. 26 мая—о предстоящем собрании с.-д. представителей латышской группы—представляют собой подпольную с.-д. организацию. 3 июня—об организации в Благушах кружка «сознательных» рабочих. О стремлении рабочих сорганизоваться. 25 июня— о собрании в Благушинском лесу вновь сформировавшейся комиссии районного Лефортовского района. Список присутствующих. «Был на собрании приехавший из Москвы Александр Александрович». 27 июня—о следующем собрании там же. Фамилии. Порядок дня. Предполагается собрание представителей Семеновского подрайона.

В 1912 г.: 31 марта—о собрании в квартире портного Кузнецова по вопросу об издании легальной с.-д. «Рабочей Газеты». 4 апреля—о том же. Фамилии присутствующих на собрании. 19 апреля—о настроении среди типографщиков и портных по поводу выступления петроградских рабочих в связи с Ленскими событиями. 26 апреля—о забастовке в типографии Щетинина и Мартынова, подстрекатель Чубраков. Резол. охр. отд: «Тотчас же арестовать и оставить в кв. засаду». Арестован 30 апр. 30 апреля—о возможности выпуска гектографир. первомайск. воззвания. 1 мая—арест Чупракова произвел устрашающее впечатление на рабочих фабрики. 18 июня—о Чупракове и его намерении организовать с.-д. группу. Резол. охр. отд.: «Арестовать Чупракова». 19 октября—о передаче городовым арестанского дома писем заключенных на волю.

В 1913 г.: 26 февраля—о кружковой с.-д. работе в Лефортовском районе. Монахов, Камков.

В 1914 году подозревался организацией в провокации. Сведений за этот период «Монтера» в архивных материалах нет.

В 1915 г.: 2 сентября—ряд фамилий. Распространение прокламаций Тверской группы под заглавием «Что делать». В о-ве коммерческих служащих идет сбор на рабочую газету. 7 сентября—о собрании депутатов от профессиональных обществ в городской думе. Порядок дня. 21 сентября—совещание в о-ве коммерч. служащих организационного характера. 28 сентября—о поездке Горячева на Кавказ во избежание военной службы. Рез. охр. отд.: «Выяснить, куда выехал Горячев для его задержания». 30 сентября—о собрании в о-ве торг. служащих. Порядок дня. Информация члена Государственной Думы Скобелева о многочисленных арестах в Петрограде—растущей реакции правительства. 7 октября—собрание в о-ве торговых служащих членов о-ва. 21 октября—об образовавшемся кружке по подготовке агитаторов и пропагандистов. 23 ноября—об оказании помощи пострадавшим политическим рекомендательным бюро по приисканию мест при о-ве торг. служ. 18 декабря—о ликвидации о-ва торг. служ. Настроение в о-ве.

В 1916 г.: 23 января о поступающих заявлениях членов бывш. о-ва торг. служ., о принятии в члены о-ва коммерческих служ. 26 февраля—о заседание членов правления о-ва ком. служащих. О решении служащих союза потребительск. о-в забастовать с пред'явлением экономических требований. Отношение о-ва к этому отрицательное. 6 марта—о пред'явлении служащими потребительск. о-в требов. о прибавке жалования с угрозой забастовать в случае неудовлетв. 23 марта — в о-во коммерческ. служ. подано до 150 заявлений о принятии в члены со стороны членов закрытого о-ва торг. служащих. 22 апреля—предполагавшаяся лекция Никитина по кооперации не состоялась. 22 мая—в о-ве ком. служащих заметна агитация за проведение в о-во большевиков. Рез. охр. отд.: «К сведению и к делу об о-ве». 4 июня—о представлении о-вом коммерч. служащ. по требованию особого по городским делам присутствия списков членов о-ва, при чем скрыли профессии тех членов о-ва, кои по профессии состоять в о-ве не могут. 22 июня—о общем собрании членов о-ва коммерческих служащих. Доклад о деятельности правления. Выборы в члены правления. Фамилии. 21 сент.—собрание в о-ве коммерч. служащих—решение издавать собственный печатный орган. О В. Горячеве, который проживает в Москве как нелегальный. Резол. охр. отд.: «По установке арестовать». Арестован 24 октября 1916 г. 20 сентября—о возбужденном настроении в Москве по поводу дороговизны. 3 декабря—о бывшем редакторе «Вестник Приказчика» Скворцове. 20 декабря—о-во счетоводн. знаний ходатайствует о разрешении в Москве 17 января Всероссийского с'езда бухгалтеров для вынесения своего отрицательного отношения к вырабатываемому по поручению правительства проф. Вормсом законопроекта об институте присяжных бухгалтеров. Резол. град.: «никакого с'езда бухгалтеров допущено не будет».

Котов, Евгений Петрович—осведомитель Московского Охранного отделения, работавший под кличкой „Радищев“ (68, 210, 244—249).

В 1917 г. 16 февраля—о собрании 13 февраля в о-ве коммерч. служ. Порядок дня: вопрос о безработице торгово-промышл. служ. Выбрана комиссия для подыскания мест безработным. Окончание собрания было закрытым. Присутствовали члены правления и Иванесов. Заявление Иосифова о предполагающемся активном выступлении при поддержке рабочих 14 февраля для пред'явления политических требований.

По датам донесения «Монтера» распределяются следующим образом:

10/VII, 29/VII, 20/IX, 27/IX, 9/X, 23/X, 28/X, 4/XI—1910 г. («Агент. Зап.» № 1), 10/VII, 29/VII—910 г. «Агент. Зап.» № 89), 9/II—911 г. («Аг. Зап.» № 2), 6/III, 4/IV, 12/IV, 13/V, 26/V, 3/VI, 25/VI, 27/VI—911 г. («Агент. Зап.» № 3), 7/VII, 24/XII—911 г. («Агент. Зап.» № 4), 3/X, 19/X, 8/XII, 31/XII—912 г. («Агент. Зап.» № 6), 31/III, 4/IV, 19/IV, 26/IV, 30/IV, 1/V 8/V, 10/V, 18/VI—912 г. («Агент. Зап.» № 7), 26/II, 17/III—913 г. («Агент. Зап.» № 9), 2/IX, 7/IX, 21/IX, 24/IX, 28/IX, 30/IX, 7/X, 21/X, 23/XI, 18/XII—915 г. («Агент. Зап.» № 15), 23/I, 15/II, 2/II, 26/II, 6/III, 23/III, 22/IV, 22/V, 4/VI, 22/VI, 26/VII, 20/VIII, 7/IX, 5/IX, 21/IX, 21/IX, 30/IX—916 г. («Агент. Зап.» № 62), 24/X, 5/XI, 24/XI, 3/XII, 20/XII—916 г. («Агент. Зап.» № 86).

Опубликован как провокатор в книжке С. Б. Членова «Московская охранка и ее секретные сотрудники». По данным комиссии по обеспечению нового строя.

Комаров, Иван Степанович, кр. Рязанской губ. Пронского уезда, Перевлевской вол., с. Перевля. Родился в 1888 г. Образование получил на родине в сельской школе. В 1914 г. в городе Москве служил столяром на фабрике Левенсона. В 1915 и 16 г. состоял: преседателем о-ва содействия устройству общеобразовательных народных развлечений, членом о-ва «Разумный Отдых», членом правления клуба «Просвещение», членом Центрального бюро профессиональных союзов. Социал-Демократ.

С 1915 г. Комаров под кличкой охранки «Рязанский» состоял секретным сотрудником Московского охранного отделения.

По архивным материалам поступление на «службу» и «работа» там Комарова—«Рязанского» рисуется следующим образом:

11-го июля 1914 года... «за агитацию протеста и демонстративные выступления в гор. Москве для выражения солидарности с бастующими рабочими гор. С.-Петербурга»... по распоряжению Московского Отд. был заключен под стражу [1]).

20-го июля 1914 г. по постановлению главноначальствующего гор. Москвы генерал-маиора Адрианова Комарову было об'явлено: «воспретить жительство в гор. Москве и пределах

---

[1]) Моск. истор. рев. арх. дело № 1025, 1914 г. Моск. охр. отд.

московского градоначальства Ивану Комарову на все время действия в них исключительного положения.

Из административной ссылки в сентябре 1914 г. Комаров подал прошение на имя начальника московского охранного отделения, в коем он писал: «...проживаю на родине, обременен большой семьей, не могу найти заработка по своей специальности, в виду вышеизложенного покорнейше прошу разрешить мне вернуться в гор. Москву. При чем обязуюся впредь ни в какие рабочие организации не вступать, а в случае надобности могу предложить охранному отделению свои услуги в качестве агента. Иван Степанов Комаров, 1914 г. сентября 19 дня»

Повидимому, заманчивое предложение было принято «охранкой», и результаты этого не замедлили сказаться: 28-го сентября 1914 г. последовало следующее распоряжение главноначальствующего гор. Москвы Адрианова: «...рассмотрев ходатайство ...И. С. Комарова о разрешении ему возвратиться на жительство в Москву и признавая ходатайство это заслуживающим уважения, ...постановление о воспрещении названному Комарову жительства в Москве и пределах Московской губ. отменить...»

Ротмистр Мишин, находясь в 1917 г. под следствием Комиссии по обеспечению нового строя, дал следующую характеристику секретному сотруднику «Рязанскому»: «Комаров Иван Степанович (кличка «Рязанский»). Жалованье 45 руб. потом 50 руб. Давал сведения по заводу Дукс мало, но точно. Ганько и Зубковский рекомендовали Комароза как правдивого сотрудника [3])».

Ниже мы помещаем краткое содержание части донесений «Рязанского», а также даты донесений и номера агентурных записок.

«Рязанский» донес в 1915 г.: 13 января—заседание лекционной комиссии О-ва Народных развлечений. Список присутствующих. О предложении Савельевой—Ржевской почтить память погибших 9-го января вставанием. 18 февраля. О Савельевой—распространение листовки с речью Чхеидзе, запрещенной к публикованию. О листовке Петроградского Комитета Р. С.-Д. Р. П. «К солдатам и рабочим». 13 мая—О большой экскурсии рабочих различных профессий в Измайловский зверинец, ряд фамилий. 12 августа—о нелегальном Васильеве, Н. В., в действительности Маркове Михаиле Емельяновиче, бежавшем с позиции. 16 августа—Об экскурсии в лес при ст. Бескудниково. 26 сентября—О распространении Абентумом—кондитером о-ва рабочих кондитерского производства листовок Пресненской группы Р. С.-Д. Р. П. «Говарищи—рабочие». 2 октября—О забастовочном настроении в Рязанском, Миусском, Уваровском трамвайных парках. Назвал Фомина С. Г.—кондуктора Рязанского парка, Мишина И. А., Донскова П. Ф.—кондуктора, Ожигова И. М., Туманова И. М.,

---

[3]) Моск. истор. рев. арх. дело комиссии по об. н. стр. № 118.

1 ноября—об экстренном заседании Комитета о-ва народных развлечений. Ряд имен,—между ними Буксин Валентин Михайлович. Доклад Яхонтова по вопросу о санитарных попечительствах. 22 ноября—о собрании в о-ве народных развлечений для выборов К-та. Списки избранных в Комитет и ревизионную комиссию. Председателем Комитета—Комаров И. С. (деревообделочник). О продаже открыток с портретами осужденных депутатов. Фамилии. Рез. охр. отд.: «обыскать Гутилину». 5 дек.—о несостоявшемся докладе Кусковой о кооперации в Родительском клубе. О настроении собравшихся. Фамилии. 31 дек.—О сборе денег Соловьевым—секретарем о-ва народных развлечений на выпуск к 9-му январю листовок.—«Соловьев охр. отд. арестован 8 января».

В 1916 г.: 18 янв.—О заседании в о-ве народных развлечений. Выборы лекционной комиссии: Буксин В. М., Шамарин Павел Васильев, Лычагин Николай Емельянов [1]). 24 января—О лекции Переверзева на тему «Тургенев». 7 февраля—Об избрании комиссии при о-ве содействия устройства общеобразовательных народных развлечений для организации лекций в день 23-го февраля. Фамилии. 25 февр.—О выдаче десяти руб. из сумм о-ва народных развлечений Брежневой Е. М.—уполномоченному группы по оказанию помощи политическим заключенным. 10 марта.—О представлении Брежневой оправдательного документа на полученные деньги. Документ за подписью Л. Чеховой, представлен в охранку секр. сотр. 28 марта—О лекции Переверзева на тему: «Буржуазные и пролетарские писатели». 4 мая—Об экскурсии, устраиваемой о-вом народных развлечений для рабочих в Измайловский дворец. 19 мая—О организации центрального бюро профессиональных союзов для об'единения нелегальной работы всех профессиональных организаций. Фамилии. 22 мая—О том же. 25 мая—О первом собрании лиц, избранных в Центральное бюро профессиональных союзов. Комаров И. С., Туманов И. Р., Кузоваткин А. Ф. 14 июня—О высланном Гусеве Иване Ивановиче, проживающем в Москве без прописки. 20 июня—О закрытии о-ва народных развлечений и настроении в нем в связи с ликвидацией о-ва. 22 июля—Экскурсия в Останкино. 21 сент.—Заседание членов правления портмонетчиков. Присутствовало 45 чел. 24 сент.—О распространении работающим на заводе Михельсона Широковым Дмитрием Яковлевичем нелегальных брошюр. Рез. охр. отд.: «Обыскать». Обыскан 26 сент. 14 дек.—О совещании рабочих в помещении Всероссийского Союза городов по продовольственному вопросу. Подробное содержание вынесенной резолюции с требованием скорейшаго заключения мира самим народом—без аннексий и контрибуций.

За 1917 г. донесения «Рязанского» не сохранились.

За время сотрудничества им даны следующие донесения:

---

1) Лычагин Н. Е., провокатор. Опубликован.

18/II, 2/IV, 13/V, 5/VI, 12/VIII, 16/VIII, 26/IX, 27/IX—1915 г. («Агент. Зап.» № 14). 1-XI, 31-XII—1915 г. («Агент. Зап.» № 16). 7/IX, 26/IX, 27/IX, 1/XI, 22/XI, 1/XII, 5/XII, 31/XII—1915 г. («Агент. Зап.» № 15). 7-IX, 2-X, 22-XI—1915 г. («Агент. Зап.» № 23). 7/IX, 2/X («Агент. Зап.» 24—не имеются). 13/I, 1/XII, 5/XII—1915 г. («Агент. Зап.» № 73). 18/I, 24/I, 27/I, 7/II, 25/II, 10/III, 28/III, 4/V, 19/V, 22/V, 25/V, 14/VI, 20/VI, 3/VII, 22/VII, 23/VII, 30/VII, 7/VIII, 8/IX, 10/IX, 14/IX, 21I/X, 24-IX—1916 г. («Агент. Зап.» № 62), 14/XII, 14/XII—1916 г. («Агент. Зап.» № 86).

Комаров Иван Степанович опубликован как секретный сотрудник Московского охранного отделения в книжке С. Б. Членова «Московская охранка и ее секретные сотрудники». По данным комиссии по обеспечению нового строя, стр. 67.

Котов Евгений Петрович, рев. кличка «Виктор», кличка наблюдения: «Растительный» [1]), родился 28/II 1893 г. в местечке Завидово, Клинского уезда, Московской губ. Сын купца 2-й гильдии. В 1911 г. по окончании Московского коммерческого училища поступил для продолжения образования в сельскохозяйственный Институт в гор. Москве. С 1910 г. Котов Е. П. состоял в кружке учащихся высших и средних учебных заведений эсеровского направления, позже работал в студенческой читальне сельскохозяйственного института, кружке общественной агрономии, библиотеке общего самообразования.

С осени 1912 г. по февраль 1917 г. Котов Евгений Петрович под кличкой охранки «Радищев» состоял осведомителем. За свою «работу» получал 75 руб.

По сохранившимся агентурным запискам бывш. Московского охранного отделения за «Радищевым» числится 126 донесений. Донесения касаются общественно-партийной деятельности отдельных, зачастую видных социал.-революционеров, работ кружков и настроения учащихся высших учебных заведений, но, главным образом, осведомитель концентрирует свою работу на освещении общественно-партийной деятельности и настроения в стенах сельскохозяйственного института.

В ниже помещенной сводке мы отметим часть донесений «Радищева»:

В 1913 г.: 5 янв.—на члена смешанной с.-д. и с.-р. группы Егорова. 15 янв.—группа Шильниковского—выпуск воззваний памяти Сазонова. 19 янв.—О Шильниковском. 3 февр.—О группе с.-р. левого направления во главе с Шильниковским. Рез. Моск. охр. отд.: «За группой иметь наблюдение, при первой попытке к технической работе—ликвидировать». 5 марта—выпуск группой

---

[1]) Кличка наблюдения присваивалась взятому в наблюдение охранным отделением. При даче ее охранные отделения (филеры) соображались с внешностью наблюдаемого, зачастую костюмом или профессией.

Шильниковского прокламаций по поводу 300-летия дома Романовых. Библиотека общего самообразования. Представители левого течения. 11 марта—О Шильниковском. 20 марта—Пропаганда в с.-р. кружках—завод Густав Лист—«Жорж». 25 марта—о несостояшемся собрании с.-д. и с.-р. рабочих кружков благодаря ст. «Джорджу». Рез. охр. отд.: «Подтвердить о необходимости более деликатного наблюдения и требовать от агентов наружного наблюдения более умной работы». 27 марта—о собрании с.-р. кружков—Шильниковский «Жорж». 5 апр.—собрание портных о забастовке. 2 мая—ст. сельско-хоз. и-та Шабалин распространяет журнал «Заветы» и газету «Трудовой Голос». 7 мая—о собрании студ. на квартире Шильниковского по вопросу о воссоздании при у-те фракции с.-р. Фамилии присутствовавших. 7 сент.—о деятельности Шильниковского в Великом Устюге и Костроме, о намерении связаться с членами петербургской Сазоновской группы для получения нелегальной литературы. 24 сент.—о конференции в Финляндии петербургских с.-р. содержание. 7 окт.—о намерении Шильниковского организовать кружки с.-р. напр. среди портных,—пропагандисты имеются. Рез. охр. отд.: «Направить агентуру на выяснение пропагандистов для скорейшего ареста». 17 окт.—о поездке Шильниковского в Тверь. Рез. Моск. охр. отд.: «Шильниковского задержать в Москве по возвр.». 17 окт.—о собрании представителей организ. журнала «Студенческое Дело». 11 ноября—о том же, ряд фамилий. 22 ноября—о том же, арест Шильниковского,—передача связей через Котова Е. П.

В 1914 г.: 17 янв.—студ. Зельгейм переправлял неизвестного за границу. 28 янв.—квартира курсистки Минюхиной служит приютом для политических. Рез. охр. отд.: «За квартирой иметь наблюдение». Ряд фамилий с.-р. 7 февраля—о собрании по вопросу о борьбе с раздробленностью студенчества на кв. прис. пов. Выдрина. 28 февр.—о влиянии большевиков на журнал «Студенческое Дело».—Охлопков, Маторин. 6 марта—о собрании по этому поводу. Характеристика собрания. 16 марта—на студента Шанявского у-та Пономаренко. 28 марта—о приезде из Петрограда студента по вопросу об организации студенческого с'езда. 31 марта—собрание редакции «Студенческое Дело»,—фамилии. 1 апр.—приезд 3 представителей из Киева для ознакомления с экономическими организациями, возможности осеннего выступления. 26 апр.—собрание редакции закрытого журнала «Студенческое Дело»,—порядок дня. 30 апр.—посылка сочувственной телеграммы Чхеидзе. 7 мая—сбор денег в сельско-хозяйственном институте. 1 мая—на студ. газеты. Фамилии. 27 июня—состав Красного Креста: Черников, Яснев. Сбор денег на побег неизвестного. 24 августа—о законспирированной группе с.-р. в Москве. Состав. 19 сент.—о намерении Шильниковского прожить в Воронежской губ. по подложному паспорту. 14 окт.—о собрании в сельскохозяйственном институте,—постановление

выпустить воззвание с критикой правительства. Ряд фамилий: Степанов с.-д., Выдрина с.-д., Гречанинов народник, Вишневский с.-р. и др. Рез. охр. отд.: «Арестовать комиссию и всех главных деятелей... до выпуска воззваний». 17 ноября—собрание в сельскохозяйственном институте по оказанию помощи жертвам войны—фамилии избранных в комитет. 28 ноября — отдельных студентов-народников.

В 1915 г.: 1 янв.—о народн. газете «Наша жизнь». 10 января—пропаганда в лазаретах Артемьевск. р., о собрании студентов с целью организовать группу анарх. Коммерческий инст. Фамилии. 13 февр.—о собрании народников по вопросу об отношении к войне. Присутствующие. 2 марта—о газете «Призыв». 3 марта — об организации типографии «Призыв». 14 марта — о том же. 31 марта—о связи студента Криницкого с с.-д. 10 апр.— о разногласиях между «техникой» и редакц. «Призыва». 1 июня—о распространении среди студентов-кавказцев Моск. сельскохозяйственного и-та прокламаций о национальном вопросе. 18 авг.—фамилии лиц, имевших отношение к выпуску с.-д. прокламаций—Вольский Виктор — ст. сельскохозяйственного и-та распространял прокламации. 2 окт.—о состоявшемся в Москве по инициативе Керенского собрании народников. 20 октября — о подписке на «Нар. Газ.». 6 ноября—работа по нелегальному Красному Кресту—Вучетич. 16 ноября—о предложении связать Пресненскую группу РСДРП с рабочими Бутырского района [1]. 15 декабря—о продаже открыток осужденных с.-д., предполагается вечеринка в столовой коммерч. и-та «антиоборонческого настроения».

В 1916 г.: 17 янв.—Эмме в Петрограде. 13 мая—недавно закрытый студенческий орган «Вестник студенческой кооперации» скоро появится под другим названием. 6 июня—об адресе с выражением сочувствия Горькому и Суханову за твердо отстаиваемую позицию по отношению к войне. 7 июля—об издательстве «Студенческая библиотека». Раков. 12 ноября — о собрании народников по инициативе Веры Фигнер, по поводу издания народнической газеты в Нижнем-Новгороде. 20 дек.—о настроении служащих Всеросс. земск. союза, о настроении в обществе по поводу убийства Распутина.

В 1917 г.: 7 января—о Артемьеве. 16 января—адрес Кондратьева служит для сношений с харьковской газетой «Мысль». 3 февр.—о получении из Екатеринослава статей для печатания подпольным путем.

В архиве охранного отделения хранится дело «О студенте Московского сельскохозяйственного института Евгении Петровиче Котове». Мы позволим себе несколько остановиться на настоящем деле, ибо по нем можно предугадать, во что вылилось в дальнейшем для Котова первое столкновение с охранкой,

---

[1]) М. ист. рев. арх. Дело комиссии по обеспеч. н. строя. № 155, 1917 г.

а также еще потому, что в нем отразился один из способов вербовки секретных сотрудников охранкой [1]).

15 мая 1912 года Котов был арестован... «вследствие агентурных сведений, имеющихся в Московском охранном отделении, указывающих на политическую неблагонадежность Котова». Среди вещей, отобранных при обыске, был обнаружен карманный блок-нот с цифровой или, как указало охранное отделение, шифрованной записью. Последняя привлекла особое внимание жандармов. Они добивались узнать ключ шифра.

На допросе 19 мая Котов говорит: ...«цифровая запись в виде дробей представляет собою переписанное мною из-за любопытства с одной записки найденной в книге... мне кажется, что она представляет шифрованную запись, так как цифры разделены буквой «Ю». Ключа я не знаю [2]).

4-го июня в прошении на имя начальника Московского охр. отд., Котов, убеждая охр. отд., что далек от каких-либо социалистических и оппозиционных взглядов, просит простить и пощадить расстроенное здоровье его (Котова) и утешить родителей, обещая больше политикой не интересоваться. Прошение осталось без внимания,—жандармы ждали дальнейших признаний. Они не ошиблись.

7 июня Котов просит вызвать его на допрос: «...я хотел бы указать на одно обстоятельство, которое может быть даст возможность найти ключ к найденной у меня шифрованной записи».

Из протокола допроса Котова от 13 июня 1912 г. видно, что Котов раскрыл ключ шифра, дал кой-какие сведения об упоминаемом в записи Никитине и того же числа был освобожден.

Не трудно догадаться, что здесь было положено начало сотрудничеству Котова с охранным отделением.

Находясь под следствием комиссии по обеспечению нового строя в 1917 году, Котов дает ряд об'яснений по поводу своего сотрудничества в охранном отделении [3]):

«...Мой арест был тяжелым ударом для моей семьи. Я знал, что если бы мне дали каторгу, мать не пережила бы. На втором допросе мне предложили уничтожить все документы, относящиеся к моему делу, если я соглашусь давать московской охранке кой-какие сведения. Я думал так, если я дам им со-

---

[1]) Моск. ист. рев. арх., д. № 803—1912 г. Вопросу об организации охранного отделения посвящены следующие издания: В. Б. Жилинский. „Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти". Оттиск из № 9—10 „Голос Минувшего" за 1917 год, М. А. Осоргин. „Охранное отделение и его секреты". Издательство „Грядущее". С. Б. Членов. „Московская охранка и ее секретные сотрудники". По данным Комиссии по обеспечению нового строя.

[2]) Подчеркнуто составителем.

[3]) М. ист. рев. арх. Дело комиссии по обеспечению нового строя, № 155—1917 г.

гласие, тогда они уничтожат документы и показания по моему делу, а я, приехав осенью в Москву, в охранку не явлюсь. И они забудут обо мне. Я согласился»...

Охранное отделение, как следует из того же показания, не забыло о Котове. По приезде осенью в Москву за ним тщательно следили филеры, в университете об'явили об исключении. «...Я понял, что «охранка» и здесь заготовила ловушку. Я пошел к директору института И. А. Иверонову, он послал меня к градоначальнику, а последний в охранное отделение»...

Вскоре по вызове в охранное отделение Котов стал постоянным осведомителем.

В 1914 году Котов Евгений Петрович был подвергнут гласному надзору полиции, что Котов об'ясняет нажимом на него охранки вследствие высказанного им желания уехать из Москвы. «...повидимому р. Знаменский видел, что из меня, благодаря моему безволию и длительному испугу, можно сделать все, что ему угодно, и поэтому старался удержать около себя».

Факт нажима подтверждается письмом Моск. охр. отд. в департамент полиции от 18 ноября 1914 г. следующего содержания:

«...Прошу благосклонного содействия вашего превосходительства к разрешению представленной переписки в отношении привлеченных к переписке лиц при вверенном мне отделении об «инициативной группе сельскохозяйственного института» подчинением их гласному надзору полиции на два года, что является настоятельной необходимостью для сохранения агентуры вверенного мне отделения».

За время своего сотрудничества им представлены следующие агентурные записки:

14/III, 17/III, 31/III—1912 г. («Агент. Зап.», № 84), 20/III, 25/III, 27/III, 1/IV, 3/IV, 5/IV, 25/IV—1912 г. («Агент. Зап.», № 45), 19/I, 3/II, 5/III, 11/III, 20/III, 25/III, 27/III, 1/IV, 3/IV, 5/IV, 25/IV, 2/V, 7/V, 12/V, 31/V, 2/VII, 7/IX, 24/IX, 7/X, 17/X, 11/XI, 22/XI, 28/XI, 9/XII, 15/XII—1913 г. («Агент. Зап.» № 32), 6/III—1914 г. («Агент. Зап.», № 13), 28/II, 16/III, 28/III, 31/III, 1/IV, 18/IV, 26/IV, 30/IV, 7/V, 27/VI, 30/VI—1914 года («Агент. Зап.», № 74), 17/I, 28/I, 7/II, 27/V, 27/VIII, 19/IX, 19/IX, 11/X, 10/XI, 17/XI, 28/XI—1914 г. («Агент. Зап.», № 33), 25/IX, 14/X, 15/X, 17/X, 17/XI—1914 г. («Агент. Зап.», № 71), 25/IX, 2/III, 24/II, 24/I, 14/III, 31/III, 4/IV, 10/IV, 15/IV, 22/IV, 28/IV, 2/V, 21/V, 25/V, 15/V, 22/IX, 2/X, 20/X, 21/III — 1914 г. («Агент. Зап.», № 49), 7/X, 17/X, 11/XI, 22/XI, 28/XI, 9/XII — 1914 г. («Агент. Зап.», № 47), 31/III, 1/IV, 4/VII, 18/VIII, 27-VIII—1915 г. («Агент. Зап.», № 14), 20/X, 15/XII—1915 г. («Агент. Зап.», № 15), 24/I, 24/II, 4/IV, 10/IV — 1915 г. («Агент. Зап.», № 73), 30-X—1915 г. («Агент. Зап.», № 34), 9/II—1915 г. («Агент. Зап.», № 64), 1-VI, 15-XII—1915 г. («Агент. Зап.», № 85), 10/I, 28/IV, 2/V, 2/III, 14/III, 31/III, 22/IV, 7/V,

20/V, 4/VI, 27/VIII, 22/IX, 9/X, 20/X, 30/X, 23/XII—1915 года («Агент. Зап.», № 129), 19/III, 13/III, 18/VII, 12/X, 24/X, 5/XII, 20/XII—1916 г. («Агент. Зап.», № 62), 9/III, 21/III, 30/III, 4/IV, 26/IV, 13/V, 13/VI, 6/VI, 18/VI—1916 г. («Агент. Зап.», № 52), 24/X—1916 г. («Агент. Зап.», № 111).

Котов Евгений Петрович опубликован как секретный сотрудник в книжке С. Б. Членова. «Московская охранка и ее секретные сотрудники» по данным Комиссии по обеспечению нового строя.

Приложение второе.

РС-ДРП в Москве с начала войны по 3-е октября 1915 г.

Секретно.

Доклад
НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛЕНИЯ
по охранению
Общественной Безопасности и
Порядка
в гор. Москве.

По Российской социал-демократич. рабочей партии по гор. Москве.
(С начала войны).

Составлен 3-го октября 1915 г.

Непосредственно перед началом войны с Германией, т.-е. в первых числах июля месяца 1914 года, настроение московских рабочих в связи с происшедшим в Петрограде кровавым столкновением рабочих Путиловского завода с полицией было весьма приподнятое, и руководители местного социал-демократического подполья намеревались использовать таковое в партийных целях, почему и вели упорную агитацию за об'явление в Москве забастовки для поддержания петроградских рабочих.

Однако в связи с об'явлением Германией войны России настроение большинства рабочих резко изменилось, и было решено, в виду нахождения отечества в опасности, не чинить правительству затруднений и воздержаться от демонстративных выступлений.

Этот патриотизм рабочих сильно обеспокоил социал-демократических деятелей «большевиков», которыми, основываясь на полном противоречии социал-демократии, было решено заявить протест против войны и выпустить соответствующие листовки, в коих, подробно осветив войну с точки зрения марксизма, указать призванным запасным и ополченцам, что только путем социальной революции русский народ может по-

лучить гражданские свободы, и что поэтому необходимо, воспользовавшись войной, произвести государственный переворот.

Некоторые московские «меньшевики» первоначально также заняли явно враждебную позицию и пытались доказать, что в случае победы России восторжествует реакция и все достигнутое рабочим классом за последнее десятилетие пропадет даром.

Однако, эта точка зрения части московских «меньшевиков» совершенно не встретила сочувствия в широких «меньшевистских» кругах как внутри России, так и за границей, и «меньшевики» решили, что до всестороннего обсуждения создавшегося в связи с войной положения отказаться от каких-бы то ни было демонстративных выступлений и занять выжидательную позицию.

Это отчасти об'ясняется еще тем, что меньшевики первоначально не представляли себе ясно, какую именно ведет Россия войну, т.-е. наступательную или оборонительную.

«Большевики» напротив, не только остались на первоначально-занятой позиции, но, выставив, лозунгом: «война—войне», стали даже проповедывать необходимость превращения настоящей войны в войну гражданскую для проведения социальной революции и учреждения демократической республики.

Часть же «большевиков», преимущественно из числа проживающих за границей, во главе со своим лидером «Лениным», доказывали, что только поражение России приведет к революции, а потому рабочий класс и должен содействовать этому поражению.

Тем не менее, вначале агитация «большевиков» в широких рабочих кругах, в то время достаточно патриотично настроенных, не имела большого успеха, и даже наиболее видными представителями местного «большевистского» подполья было признано неприемлемым предложение «Ленина» агитировать за поражение России, и они ограничивались лишь агитацией за необходимость, как сказано выше, превращения настоящей войны в войну гражданскую и указывали, в виду своего определенно отрицательного отношения к войне, на необходимость не только не оказывать хотя бы пассивное содействие, но всеми средствами стремиться к скорейшему заключению мира.

«Меньшевики» первые месяцы войны по указанной выше причине не проявляли собственно никакой активной деятельности, ограничиваясь выяснением и определением создавшегося положения.

Такое относительное затишье наблюдалось почти до конца 1914 г., и даже арест в ноябре месяце на конференции в дачной местности «Озерки», близ Петрограда, членов социал-демократической рабочей фракции Государственной Думы хотя несколько и взволновал рабочие круги, но особого влияния на их настроение не оказал, и это событие не было в Москве отмечено никакими демонстративными выступлениями.

С этого же времени, т.-е. с конца 1914 года, в социал-демократической «большевистской» среде стало замечаться стремление к организованности и сплочению разрозненных пролетарских масс, при чем в первых числах января месяца текущего года в Москве состоялось об'единенное совещание московской и петроградской интеллигенции социал-демократии для обсуждения вопросов: 1) об отношении к социал-демократической (меньшевистской) фракции Государственной Думы, 2) об отношении к бюджету и 3) об отношении к войне.

На этом собрании, однако, был рассмотрен только первый вопрос, при чем была вынесена резолюция, хотя и признающая в силу ареста «большевистских» депутатов с.-д. фракцию Государственной Думы единственной представительницей российского пролетариата, но требующая от нее в своей деятельности в одинаковой степени руководствоваться как постановлениями «меньшевиков», так и «большевиков».

Два других вопроса были перенесены на следующее такое же собрание, которое, однако, так и не состоялось.

В первых числах февраля уже была сделана попытка к проведению в день суда над рабочими депутатами в знак протеста однодневной забастовки с уличными демонстрациями, и даже предполагалось к этому дню выпустить соответствующую листовку.

Однако попытка эта не имела успеха, так как хотя принципиально и признавалось желательным отметить чем-нибудь этот день, но в виду несорганизованности рабочих масс было решено не производить никаких демонстративных выступлений и лишь выпустить листовку, которая хотя и была отпечатана на гектографе, но распространения не получила, благодаря принятым отделением мерам.

Стремление к сорганизованности с этого времени начинает наблюдаться не только в рабочих массах, но и в студенческой среде, при чем организовываются особые марксистские группы при императорском техническом училище, императорском университете, коммерческом институте и народном университете имени Шанявского, которыми выпускается несколько гектографированных листовок о текущем моменте.

Эти листовки, с одной стороны, благодаря отсутствию у студенчества связи с рабочими, а с другой,—благодаря своевременно принимавшимся отделением мерам, почти не имели распространения в рабочей среде.

Наибольшее оживление в местном социал-демократическом подполье стало наблюдаться с весны, когда из Петрограда в Москву, по поручению «Петроградского Комитета РС-ДРП», временно видимо выполнявшего функции Центрального Комитета, стали приезжать видные партийные деятели, имевшие определенные поручения по воссозданию в Москве оформленных партийных организаций.

Из этих лиц заслуживает быть отмеченной жена дворянина Вера Степановна Арнольд, имевшая поручение воссоздать партийные организации в ряде городов, связав их как между собой, так и с Петроградом.

Хотя Арнольд и не удалось, благодаря принятым мерам, выполнить возложенное на нее поручение по г. Москве, однако, ее приезд несколько расшевелил местных с.-д. деятелей и подготовил почву для деятельности прибывшего вслед за ней в Москву также по поручению «Петроградского Комитета Р. С.-Д. Р. П.» бывшего секретаря издававшейся в Петрограде рабочей, социал-демократического направления, газеты «Правда», студента Петроградского политехнического института Вячеслава Михайловича Скрябина, которому при содействии местных партийных деятелей в сравнительно короткий срок удалось сорганизовать в различных районах гор. Москвы несколько самостоятельных с.-д. «большевистских» групп.

К этому же времени относится и получение в Москве ряда листовок издания «Петроградского Комитета Р. С.-Д. Р. П.», частью получивших распространение и влиявших в сторону сорганизованности рабочих масс.

Первоначально эти группы действовали обособленно, но затем им удалось при содействии того же Скрябина связаться, благодаря чему на очередь был поставлен вопрос об об'единении всех этих групп в одну организацию во главе с общегородским комитетом, и для этого было решено созвать на 7-е июля общегородскую конференцию.

Однако вследствие произведенной 6-го июля ликвидации наиболее видных партийных деятелей во главе со Скрябиным конференция не состоялась, и вопрос об об'единении остался открытым, а также сразу заметно ослабела преступная работа этих групп, оставшихся без руководителей.

Вскоре, однако, благодаря поднятому вопросу о привлечении представителей рабочих организаций к работам созывающегося Главным Комитетом Всероссийского союза городов, с 11 по 13-е июля в гор. Москве общегородского совещания по борьбе с дороговизной и по снабжению армии предметами снаряжения и продовольствия, деятельность с.-д. подполья снова оживилась, и опять был поднят вопрос о созыве общегородской с.-д. конференции, которую, однако, созвать не удалось.

К вопросу об участии рабочих в этом с'езде «большевики» и «меньшевики» отнеслись различно.

Первые, совершенно отрицательно относясь к с'езду, предполагали использовать таковой только в партийных целях, намереваясь, явившись на с'езд и прочтя особую декларацию об отношении к войне, провозгласив лозунг: «война—войне», уйти со с'езда, не принимая участия в его работах, т.-е. предполагали устроить демонстрацию; вторые, напротив, настаивали на необходимости принятия рабочими активного участия в ра-

ботах с'езда, что, по их мнению, заставило бы правительство пойти в рабочем вопросе на известные уступки.

Соглашения между «большевиками» и «меньшевиками» по этому вопросу так достигнуто и не было, и уже лишь после избрания рабочими организациями делегатов на с'езд последние, образовав особую рабочую группу, об'единились, решив прочесть на с'езде выработанную «большевиками» декларацию и в то же время принять участие в работах с'езда, использовав таковой, однако, главным образом, в партийных целях.

Это решение было приведено в исполнение, при чем, помимо участия в с'езде, социал-демократическими представителями рабочей группы под прикрытием с'езда было устроено с участием члена Государственной Думы Скобелева чисто-партийное с.-д. собрание, на котором делались доклады с мест и была вынесена особая резолюция.

Следует тем не менее отметить, что практического значения это партийное собрание не имело.

Самый с'езд, а главным образом выступления рабочих на нем, безусловно подняли настроение рабочих масс, которыми начали устраиваться различные собрания, на коих обсуждались подымавшиеся на с'езде вопросы и выносились соответствующие резолюции.

Эти собрания, главным образом, устраивались под прикрытием загородных экскурсий, устраивавшихся обществом содействия устройству общеобразовательных народных развлечений.

Необходимо также отметить, что оживлению деятельности местного социал-демократического подполья сильно способствовала эвакуация в Москву из Риги некоторых заводов, с которыми сюда прибыло значительное число весьма видных с.-д. деятелей—латышей, которыми, совместно с проживавшими уже ранее в Москве латышами, преимущественно слушателями народного университета имени Шанявского, была сорганизована особая марксистская группа, присвоившая себе наименование «Тверской группы Р. С.-Д. Р. П.».

Эта группа, насчитывавшая в последнее время около 100 человек членов, за сравнительно короткое свое существование (с лета текущего года) оборудовала подпольную типографию и выпустила три листовки: «Что делать», «Товарищи рабочие и солдаты» и «Проклятие убийцам».

Первые две листовки получили незначительное распространение в Москве, большинство же их было из'ято мерами отделения, последняя же, предполагавшаяся к выпуску по случаю происшедших 10 августа в г. Иваново-Вознесенске, Владимирской губернии, событий, вышла только в единичных экземплярах, так как почти все отпечатанные экземпляры были отобраны при обыске, при чем была арестована и самая типография, в которой печатались эти листовки.

Дело об обнаружении этой типографии было передано прокурору Московской судебной палаты, и ныне судебным следователем Московского окружного суда по особо важным делам Р. Р. Вольтаневским производится предварительное следствие, по которому в качестве обвиняемых привлечены пока трое.

Деятельность этой латышской (Тверской группы Р.-С.-Д. Р. П.) группы в значительной степени способствовала оживлению деятельности и других московских марксистских групп, временно после произведенных ликвидаций почти бездействовавших, почему опять возник вопрос об об'единении, а в связи с этим о созыве общегородской конференции для избрания Московского с.-д. комитета.

С этой целью была избрана особая исполнительная комиссия по созыву общегородской конференции, «которой в течение последнего времени неоднократно и делались попытки к созыву конференции; однако, благодаря предварительным и своевременно принимавшимся мерам, созвать конференцию до настоящего времени не удалось».

На ряду с вышеуказанной деятельностью «большевиков», выразившейся в последнее время в выпуске еще 4-х листовок, из коих две—«Товарищи рабочие» и «Товарищи солдаты» выпущены «Пресненской Р. С.-Д. Р. П.», а одна—«Страна в опасности» — группой студентов императорского московского университета и одна —группой студентов коммерческого института, получивших незначительное распространение, «меньшевики» так же начали проявлять деятельность и, по инициативе лидера местных «меньшевиков»—присяжного поверенного Алексея Максимовича Никитина, в Москве сорганизовалась группа, присвоившая себе наименование «Московского рабочего социалдемократического коллектива», в состав которого частью вошли члены существовавшей до войны «Инициативной группы».

Пока эта группа собственно ничем себя не проявила, и вся деятельность этой группы выразилась в делегировании своего представителя на состоявшуюся в г. Туле с 20-го по 21-го сентября областную конференцию с.-д. «меньшевистских групп» Центрального Промышленного района и города Петрограда и в выпуске листовок с призывом к участию в военно-промышленных комитетах.

В настоящее время эта группа, благодаря произведенным арестам и высылке нескольких наиболее видных ее членов, распалась, и пока никаких попыток на ее воссоздание не наблюдается.

В общем следует отметить, что в настоящее время как у «большевиков», так и у «меньшевиков» определенно замечается стремление к сорганизованности и сплочению разрозненных пролетарских масс, и с этой целью ими используются всякие возможности.

Заслуживает внимания и быть отмеченным, что в целях об'единения рабочих масс предполагалось создать при «музее

содействия труду» особую «трудовую комиссию» из рабочих по оказанию помощи беженцам,—эта комиссия до настоящего времени еще не создана,—сорганизовать особые «страховые комиссии», ввести рабочих в городские «санитарные комиссии» и в широкой степени использовать предвыборную кампанию в военно-промышленный комитет, при чем вопрос о самом участии пока остается открытым, и есть основание полагать, что от участия в работах комитета рабочие откажутся.

Все эти вопросы в настоящее время всесторонне обсуждаются на устраиваемых в профессиональных обществах и больничных кассах собраниях, некоторые из коих происходили с участием члена социал-демократической фракции Государственной Думы Скобелева, делавшего доклад о течении предвыборной кампании в военно-промышленные комитеты в Петрограде и вообще о рабочем движении, при чем им указывалось на необходимость использования предвыборной кампании в целях созыва «Всероссийского рабочего с'езда» и создания своего рода «Совета рабочих депутатов», который мог бы быть образован из числа выборщиков в военно-промышленные комитеты.

Попутно с сим необходимо указать, что «большевиками» (инициатива исходит от «Петроградского Комитета Р. С.-Д. Р. П.) поставлен на очередь вопрос о созыве «Общерусской с.-д. конференции» «большевистских» групп для обсуждения создавшегося в связи с войной и последними событиями положения и выработки регламента к предполагаемому созыву партийного с'езда.

Кроме того следует также отметить, что в настоящее время замечается повсеместное оживление деятельности в социал-демократических кругах, выражающееся в восстановлении старых и создании новых партийных организаций и выпуске листовок с освещением с точки зрения социал-демократии настоящего момента.

Так, по имевшимся в отделении сведениям, 13-го сентября в гор. Твери состоялась общегородская конференция, на которой был вынесен ряд резолюций и постановлено выпустить соответствующую листовку, которую предполагалось отпечатать в городе Москве.

Однако, попытка выпустить таковую листовку не увенчалась успехом, так как 18-го сентября лица, печатавшие ее (в числе трех), были арестованы во время самого печатания, и дело о них передано на рассмотрение прокурора судебной палаты.

Одним из арестованных оказался только накануне приехавший в Москву из Твери по поручению городского г. Твери с.-д. комитета студент императорского Московского университета Александр Иванов Криницкий, привезший в Москву и указанные выше резолюции Тверской общегородской с.-д. конференции.

Полковник **Мартынов.**

Верно: Ротмистр (подпись).

ТВЕРСКАЯ ГРУППА

Элла Крастынь.

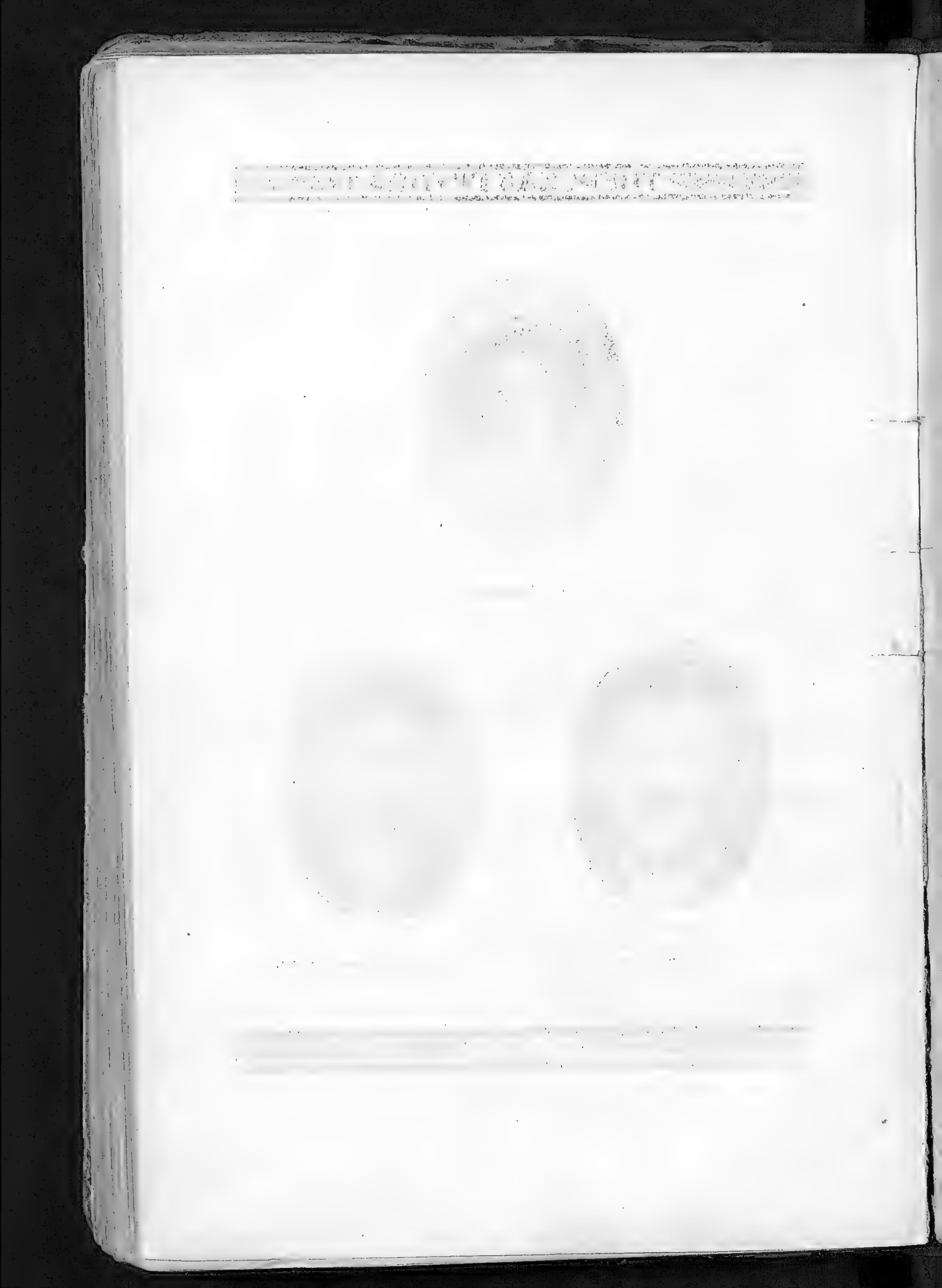

Ян Янов Грунт.

Эдуард Карлович Берзин.

Р.С.-Д.Р.П.

Тверская группа РС-ДРП.

Обвинительный акт о Я. Грунте, Э. Крастынь, Э. Берзине.—Протокол заседания Московской судебной палаты. — Приговор. — Особое мнение Урусова.—Указ правительствующего сената.

Обвинительный акт

о крестьянах *Яне-Альфреде Грунте, Элле Гансовой Крастынь и Эдуарде Карлове Берзине* [1].

По сведениям московского охранного отделения, летом 1915 года в Москве организовалось преступное социал-демократическое сообщество, присвоившее себе наименование «Тверской группы российской социал-демократической рабочей партии»; в состав группы вошли, по преимуществу латыши из слушателей народного университета имени Шанявского. Вскоре в распоряжении группы оказались технические средства, давшие возможность приступить к размножению преступного характера воззваний (л. 83). Как видно из «протокола июньского заседания тверской группы», обнаруженного у крестьянина Эдуарда Карлова Берзина, обвиняемого по настоящему делу, в этом заседании участвовало 10 членов и были вынесены резолюции следующего содержания. 1) По вопросу о войне: «пролетариат всеми силами должен бороться с существующим строем, как единственною причиною войны; настоящая война должна быть превращена в войну гражданскую, которая ниспровергла бы буржуазные правительства и на их развалинах создала демократические европейские соединенные штаты». 2) По вопросу об отношении к социал демократической фракции Государственной Думы: «в виду того, что сейчас в Государственной Думе нет наших представителей обратиться к социал-демократической фракции с предложением прочесть с трибуны Государственной Думы: предложенную нами декларацию». 3) Об отношении к с‘езду по национальной обороне: «участие в с‘езде не желательно». 4) Относительно практических шагов: «признается

---

[1] Историко-рев. архив, дело московской судебной палаты 2-го уголовного департамента, № 44. 1915 г.

желательным воздействовать на мнение масс по затронутым вопросам путем выпуска летучек о позиции пролетариата в вопросе войны, о призыве ратников 2-го разряда и о необходимости нелегальной организации» (л. 60).

В исполнение этого постановления группа в июле отпечатала типографским способом воззвание от своего имени под заглавием «Что делать», которое и было затем распространено в Москве (л. 104). Распространение означенного воззвания было отмечено в августе также и в Харькове (л. 144). Содержание воззвания сводится к доказательствам, что современная война явилась результатом соперничества капиталистических классов, что международный пролетариат совершенно не заинтересован в войне, и что поэтому русские рабочие «должны стремиться превратить эту войну в гражданскую войну» и укреплять свою нелегальную организацию для решительной борьбы с царской монархией. Воззвание заканчивается призывами: «Долой царскую монархию! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика» (л. 147). Далее, в августе было установлено обширное распространение в Москве печатного воззвания к рабочим и солдатам от имени комитета названной группы. В этом воззвании по поводу призыва на военную службу ратников ополчения второго разряда, заявляется следующее: «война нужна не рабочим, а буржуазии. Что же делать рабочим. Послушаться ли приказу правительства и пойти на братоубийственную войну верными слугами царизма? Нет, товарищи. С правительством не может быть никакого примирения. Мы до конца останемся его врагами... Надо смести всех палачей от царя и министра до урядника... Будем сплотняться в нелегальную организацию вокруг красного знамени социал-демократии... Рабочие и солдаты! Чем помирать за врагов своих, помрем на баррикадах за постоянный мир, за свободу» (л. 53). В приведенных выдержках из воззвания обращают на себя внимание обороты речи, несвойственные русскому языку.

По имеющимся в деле сведениям, в первой половине августа воззвания, тождественные по содержанию с воззванием к рабочим и солдатам, распространились в городе Иваново-Вознесенске и Харькове. Хотя эти воззвания изданы от имени— первые «Иваново-Вознесенского временного Областного организационного комитета российской социал-демократической рабочей партии», а вторые—от имени «комитета Харьковской организации» той же партии, но те и другие, по заключению сведущего лица, отпечатаны с того же набора, с которого отпечатаны воззвания от имени «Тверской группы» (л. 144, 147, 155, 180, 176, 179).

В том же августе в московском охранном отделении были получены сведения, что комитет «Тверской группы» предполагает выпустить новое воззвание к рабочим по поводу столкновения рабочих с полицией, имевшего место 10 августа в Иваново-

Вознесенске. Наблюдением, установленным за лицами, подозреваемыми в участии в этом преступном сообществе, было выяснено, что 18 августа из дачи № 32 в Петровско-Разумовском близ Москвы, занимаемой лицом, проживавшим под именем крестьянина Василия Созонтьева Тимошенки, были отправлены свертки, повидимому, с печатными произведениями. В виду этого в ночь на 19 августа были произведены обыски в квартире Тимошенки и в квартире крестьянина Лифляндской губернии, Венденского уезда, Сермушской волости Эдуарда Карлова Берзина, по профессии слесаря, проживающего в доме № 11 по Грузинскому Камер-Коллежскому валу (л. 197). Явившийся для производства обыска в квартиру Тимошенки околоточный надзиратель Михайлов обнаружил там, кроме самого Тимошенки, двух женщин; одна из них назвалась женой Тимошенки Еленой Тихоновой, другая же оказалась крестьянкой Курляндской губернии, Добленского уезда, Гарозенской волости Эллой Гансовой Крастынь. По об'яснению Крастынь, она пришла в гости к супругам Тимошенки и осталась ночевать у них; каких-либо вещей, а равно и паспорта при Крастынь не было найдено. В спальне Тимошенки, на полу был обнаружен типографский набор в деревянной раме и кроме того: 974 недавно отпечатанных и еще не просохнувших воззвания от имени «Комитета Тверской группы российской социал-демократической рабочей партии» под заглавием «Проклятие убийцам», валик для накатывания на набор типографской краски, валик, служивший для прокатывания положенной на набор бумаги, стеклянная банка с черной типографской краской, кисть, служившая для смывания краски с набора, стеклянка с остатками скипидара, трубочка с фиолетовой копировальной краской и флакон гектографских чернил. Внутри дивана, на котором спала Элла Крастынь, оказалась нераспечатанная стопа писчей бумаги и около $1^1/_2$ стопы такой же бумаги без обертки. В письменном столе Тимошенки обнаружена различная переписка. Когда чины полиции по окончании обыска стали завязывать раму с типографским набором, этот набор рассыпался (л. 73).

В комнате, занимаемой Берзиным, был найден сверток с 1755 экземплярами упомянутого выше воззвания под заглавием «Проклятие убийцам», а в карманах его пиджака обнаружено описанное выше воззвание к рабочим и солдатам и различные документы и переписка. Берзин не пожелал дать производившему обыск помощнику пристава Володарскому никаких об'яснений по поводу результатов обыска (л. 71).

Осмотр на предварительном следствии воззваний, писем и документов, отобранных у назвавшего себя Василием Тимошенко и у Эдуарда Берзина, установлено следующее:

Воззвание под заглавием «Проклятие убийцам» снабжено заголовком «российская социал-демократическая рабочая партия» и девизом этой партии—«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

и заключает в себе обращенный к рабочим призыв «заявить голос протеста против излюбленного правительством средства успокоения—расстрела» при подавлении в августе в Иванове-Вознесенске вооруженной силой возникших там беспорядков. Воззвание заканчивается так: «Да увидит Москва грандиозную демонстрацию наших сил, да затрепещут царские палачи. Проклятье убийцам! Смерть врагам! Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует демократическая Республика!» Внизу воззвания напечатано: «Москва, август, выпуск V, 10.000 экземпляров».

Среди переписки, обнаруженной у лица, назвавшего себя Василием Тимошенко, оказалось обращенное к какой то женщине письмо Тимошенки; в этом письме сообщается о необходимости для «Жени», проживавшей вместе с автором письма, переехать на другую квартиру вследствие того, что автор занят в настоящее время таким делом, риску из-за которого нельзя подвергать «Женю».

Кроме того, среди вещей Тимошенки оказались—гимназический аттестат на имя мещанки Сарры Зелевинской и членский билет на 1914—1915 г. правления общества взаимопомощи слушателей народного университета имени Шанявского на имя члена общества Софьи Андреевны Ковалевой (л. 56—58).

Среди документов, обнаруженных у Берзина, имеют значение для дела следующее: 1) исполненный на пишущей машинке экземпляр «протокол июньского заседания тверской группы», содержание которого приведено выше, 2) экземпляр исполненного на пишущей машинке через переводную бумагу «проекта резолюций рабочих города Москвы»; в «проекте резолюций» заявляется, что «организованные рабочие Москвы обращаются к товарищам рабочим с призывом об'единиться для борьбы за прекращение войны, полную демократизацию в стране и немедленный созыв учредительного собрания... для свержения царского правительства и установления демократической республики», 3) исполненный на пишущей машинке экземпляр резолютивной части изложенного «проекта резолюции», с незначительными редакционными изменениями, и 4) блок-нот, на одной из страниц которого записано несколько телефонных номеров и среди них № 4-57-35, принадлежащий всероссийскому союзу города, в котором состояла на службе Элла Крастынь (л. 60—62, 169).

При осмотре с участием сведующего лица типографского шрифта, обнаруженного в квартире лица, назвавшегося Тимошенко, оказалось, что этот шрифт, по форме и размеру называемый цицеро кегль № 12, носит следы свежей типографской краски и представляет собою просыпанную гранку типографского набора, из которого сохранились следующие слова: туман застилает», «малейший» и «Вознесенских»; все эти слова имеются в воззвании под заглавием «Проклятие убийцам». В виду этого и полного тождества шрифта с тем шрифтом, которым

напечатано воззвание «Проклятие убийцам», эксперт пришел к заключению, что этот шрифт представляет собою рассыпанный набор означенного воззвания, а также, что количество имеющегося в раме шрифта вполне достаточно для набора его текста, и что набор был произведен не в квартире Тимошенки, а в каком-либо ином месте, так как в той квартире не было обнаружено верстаток, касс и запасного шрифта.

По сличении упомянутых выше воззваний 1) под заглавием «Что делать», 2) «К рабочим и солдатам» и 3) под заглавием «Проклятие убийцам» эксперт высказал заключение, что все воззвание «Что делать» и вторая часть воззвания к солдатам и рабочим набраны тем же шрифтом—цицеро кегль № 12, коим набрано и воззвание под заглавием «Проклятие убийцам», первая же половина воззвания под заглавием «Что делать» набрана петитом кегль № 8 (л. 77—79).

Послужившее поводом для производства обыска в квартире Тимошенки предположение об отправке из этой квартиры отпечатанных там воззваний получило подтверждение не только в результатах обыска у Берзина, но так же и в том, что уже после ареста названных лиц, в Москве были отмечены случаи распространения того же воззвания под заглавием «Проклятие убийцам», а именно в ночь на 20 августа в Петровском парке вблизи ресторана Димитрадзе, городовой Фролов нашел разбросанные 15 экземпляров воззвания «Проклятие убийцам» (л. 30,72) тогда же неподалеку от этого места городовой Филиппов усмотрел привязанный к дереву красный флаг, на котором изображены посредством золотой бумаги слова «Долой войну» (л. 71 об. 55); в ту же ночь городовой Шляпин обнаружил около фабрики Прохоровской мануфактуры на Нижней Пресне четыре экземпляра воззвания «Проклятие убийцам» и красный флаг с такой же надписью, как и на флаге, найденном городовым Филипповым (л. 72 об.; 51).

Осмотр программы российской социал-демократической рабочей партии, в составе которой возникла «Тверская группа», установил, что эта партия ставит своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой (л. 49).

На основании этих данных были привлечены к следствию в качестве обвиняемых в участии в преступном сообществе—«Тверской группы» российской социал-демократической рабочей партии лицо, назвавшееся Василием Тимошенко, Эдуард Берзин и Элла Крастынь, а также женщина, назвавшаяся Еленой Тимошенко и впоследствии оказавшаяся мещанкой Саррой Абрамовной Зелевинской, скрывшейся в июне 1914 г. из Нарымского края, где она состояла под гласным надзором полиции (л. 160). Зелевинская до привлечения к следствию успела скрыться, и розыски ее остались безрезультатными (л. 185). Остальные обвиняемые не признали себя виновными, при чем Берзин отка-

зался дать какие-либо об'яснения (л. 43), а назвавшийся Тимошенко и Крастынь об'яснили следующее: первый,—что накануне обыска товарищ, назвать которого он не желает, обратился к нему с просьбой предоставить на одну ночь помещение для постановки тайной типографии социал-демократической рабочей партии с целью отпечатания каких то воззваний; он, обвиняемый, согласился из сочувствия взглядам социал-демократов; к вечеру неизвестные лица привезли в его квартиру типографские принадлежности и приступили к печатанию, в котором он не принимал участия; с Эллой Крастынь его жена—Елена Тимошенко познакомилась за 3—4 месяца до обыска в университете Шанявского; Крастынь 18 августа пришла к ним в гости и осталась ночевать, никакого отношения к тайной типографии она не имеет; Эдуарда Берзина он совсем не знает (л. 41).

Крастынь об'яснила: что она служила в статистическом отделе всероссийского союза городов; получив 7-ми дневный отпуск, она решила отправиться к родителям в Прибалтийский край, но доехала только до Валки, так как поезда далее не ходили, и возвратилась в Москву вечером 18 августа; она брала с собой в дорогу только небольшой узелок с вещами, где находился и паспорт; этот узелок она потеряла на пути в Москву; не заезжая в свою квартиру на Б. Никитской улице, она с вокзала отправилась в Петровско-Разумовское к Тимошенко узнать, нет ли писем на ее имя, так как дала этот адрес некоторым лицам для извещения ее о месте нахождения родителей; в квартиру Тимошенко она приехала в 10-м часу вечера, никого постороннего там не застала и осталась ночевать; доказательств того, что она выезжала из Москвы в Прибалтийский край, представить не может (л. 45, 82).

При дальнейшем производстве предварительного следствия возникло предположение, что лицо, назвавшееся Василием Тимошенко, в действительности носит другую фамилию. При дополнительном допросе по этому поводу обвиняемый заявил, что он не Тимошенко, а крестьянин Ян-Альфред Янов Грунт, и что женщина, которую он выдавал за свою жену Елену Тихонову, в действительности мещанка Сарра Зелевинская; он, обвиняемый, и Зелевинская состояли слушателями университета Шанявского, он под именем Михаила Ивановича Шерер, а Зелевинская—под именем Софьи Ковалевой (л. 80).

Эти об'яснения нашли подтверждение на следствии, причем было установлено, что Грунт под именем Ивана Ивановича Шерер состоял с января 1915 г. заведующим потребительской лавки студентов Московского сельскохозяйственного института (л. 159, 114). По имеющимся в деле сведениям, Ян Грунт приговором временного военного суда в гор. Ревеле от 24 сентября 1908 г. был осужден за участие в 1906—7 г.г. в преступном сообществе, принявшем наименование «социал-демократии латышского края», имевшем в своем распоряжении склады оружия

(л. 107). По отбытии наказания по этому приговору Грунт возвратился в Лифляндскую губернию и вступил в «рижскую организацию партии социал-демократов латышского края»; за эту противоправительственную деятельность по постановлению Особого совещания, утвержденному министром внутренних дел 1 марта 1913 г., Грунт был выслан в Нарымский край Томской губернии под гласный надзор полиции сроком на три года, но оттуда скрылся в июне 1914 г. (л. 160).

На основании изложенного крестьяне: Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Кокенской волости, Ян-Альфред Янов Грунт, 23 лет; Курляндской губернии, Добленского уезда, Гарозенской волости Элла Гансова Крастынь, 25 лет и Лифляндской губернии, Венденского уезда, Сермушской волости, Эдуард Карлов Берзин, 33 лет, обвиняются в том, что в 1915 г. в Москве, приняли участие в преступном сообществе, образовавшемся в составе российской социал-демократической рабочей партии, присвоившем себе наименование «Тверской группы» названной партии и заведомо для них, обвиняемых, поставившем целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России основными законами образа правления на демократическую республику, при чем для осуществления задачи этого сообщества в качестве его членов направили совместно, с другими его членами, свою деятельность на революционизирование рабочего населения г. Москвы посредством распространения отпечатанных от имени группы и ее комитета воззваний заведомо для них, обвиняемых, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния и содержащих оскорбительные для царствующего государя императора выражения, с целью возбудить неуважение к его императорскому величеству, так как в этих воззваниях рабочие призываются укреплять свою нелегальную организацию для решительной борьбы с царской монархией и «смести всех палачей от царя и министра до урядника».

Грунт и Крастынь, кроме того, 18 августа 1915 г. в квартире Грунта, проживавшего в видах конспирации под фамилиями Тимошенко и Шерера, размножили с принадлежавшего группе типографского набора, с целью распространения, воззвание от имени комитета группы под заглавием «Проклятие убийцам», заведомо для них, обвиняемых, возбуждающее к учинению бунтовщического деяния, так как в этом воззвании заключается призыв к низвержению самодержавного образа правления и замене его демократической республикой.

Берзин, кроме того, хранил с целью распространения 1755 экземпляров означенного выше воззвания под заглавием «Проклятие убийцам», заведомо для него возбуждающего к учинению бунтовщического деяния, а так же имел в своем распоряжении «Проект резолюций рабочих города Москвы» с призывом к об'единению для борьбы за прекращение войны и немедленный

созыв Учредительного собрания для установления демократической республики.

Это преступное деяние предусмотрено 1 ч. 102 ст. уст. угол. улож.

Вследствие сего и согласно 2 п. 1032 ст. уст. уг. суд. названные Грунт, Крастынь и Берзин подлежат суду Московской судебной палаты с участием сословных представителей.

Составлен 19 октября 1916 г. в гор. Москве. Товарищ прокурора судебной палаты (подпись).

Протокол заседания Московской судебной палаты.

1915 года декабря 16-го дня, Московская судебная палата по особому присутствию, с участием сословных представителей, в городе Москве в здании суд. установл. в 12 часов 15 минут пополудни открыла публично судебное заседание в следующем составе.

И. д. председателя 2 уголовного департамента Д. В. Леккер, члены палаты М. М. Наставин, В. И. Греков и Д. Н. Загоскин.

Сословные представители: помощник Богородского уездного предводителя дворянства С. Н. Кологривов, за Московского городского голову член управы Л. Г. Урусов и старшина Всехсвятской волости, Московского уезда А. М. Шаврин, при товарище прокурора палаты Н. Н. Ульрих и при помощнике секретаря В. В. Покровском.

По делу о крестьянине Яне-Альфреде Янове Грунте, Элле Гансовой Крастынь и Эдуарде Карлове Берзине, обвин. по 1 ч., 102 ст. угол. улож.

Защитниками подсудимых Грунта, по соглашению с ним, были присяжный поверенный Муравьев и пом. присяжн. повер. А. Ю. Рапопорт, Берзина, по соглашению с ним, пом. присяжн. поверен. А. Ю. Рапопорт, защитником же Крастынь, по соглашению присяжн. поверен. Муравьев. Вещественные доказательства находились на особом столе в зале заседания. Об'явив заседание открытым, председатель приказал ввести подсудимых, которым и предлагал затем вопросы, согласно 638 ст. уст. уг. суд. Подсудимые, все находившиеся под охраною стражи, дали надлежащие ответы; ни они, ни их защитники отвода против лиц, входящих в состав особого присутствия, не пред'явили.

По проверке лиц, вызванных в судебное заседание, оказалось, что не явились свидетели Григорий Парфирьев Ганько и Вячеслав Михайлов Скрябин; все явившиеся свидетели были удалены в особую комнату с принятием мер по 645 ст. уст. угол. суд.; явившийся по настоящему делу эксперт Борисов, с согласия сторон и по определению особого присутствия, был оставлен в зале заседания на все время слушания дела. Помощник секретаря доложил: 1) что повестка свидетелю ротмистру отдельного корпуса жандармов Ганько была вручена

10-го ноября сего года в городе Москве и что 15-го сего декабря в палату поступило отношение начальника отделения по охранению общественной безопасности и порядка в городе Москве с уведомлением, что Ганько заболел и явиться в настоящее заседание не может; 2) что повестки свидетелю Скрябину, за неуказанием подсудимым Берзиным точного адреса, были посланы через канцелярию московского градоначальника, и через пристава 2-го участка, Тверской части, г. Москвы, по месту службы свидетеля в «союзе городов» и возвращены в палату не врученными со сведениями о том, что Скрябин из гор. Москвы выбыл, не указав адреса, и что на службе в «союзе городов» он с июня месяца сего года не состоит, о чем подсудимый и был поставлен в известность. Засим, в виду поступивших от начальника Московской губернской тюрьмы сведений, что названный Скрябин содержится в Московской центральной пересыльной тюрьме, повестка на его имя была послана 3-го декабря сего года через начальника названной тюрьмы, и 11-го сего декабря возвращена в палату не врученной со сведениями о том, что Скрябин выбыл в распоряжение Иркутского губернатора. Товарищ прокурора полагал: причины неявки свидетелей Ганько и Скрябина, первого в виду его болезни, а последнего за нерозыском в гор. Москве, признать законными, ответственности за неявку их не подвергать, показание свидетеля Скрябина признать для дела несущественным и слушанием таковое продолжать, огласив в случае надобности, показание, данное свидетелем Ганько на предварительном следствии. Защитник подсудимых Грунта и Крастынь, указывая, что в виду отсутствия в отношении начальника по охранению общественной безопасности сведений о роде заболевания свидетеля Ганько и невозможности вследствие этого судить о законности неявки его в настоящее заседание, но что показание его, Ганько, является для дела существенным, просил дело слушанием отложить, к коему ходатайству присоединился защитник подсудимого Берзина указывая, с своей стороны, что по выяснении места пребывания свидетеля Скрябина, повестка о слушании дела ему не была послана. Особое присутствие удалилось в особую комнату, по возвращении из коей председатель об'явил, что особое присутствие определило: причину неявки свидетеля Григория Порфирьева Ганько, за его болезнью, удостоверенной его начальством и по сему не возбуждающей какого-либо сомнения, признать законной, признать законной также и причину неявки свидетеля Скрябина за выбытием его в распоряжение Иркутского губернатора и за неполучением повестки о дне заседания, ответственности за неявки этих свидетелей Скрябина и Ганько не подвергать; имея в виду, что Скрябин, в случае и получения им повестки по месту его жительства в Иркутской губернии, не имел бы возможности явиться в заседание, и что с другой стороны, показание его

для дела является несущественным, особое присутствие определило: настоящее дело слушанием продолжать, огласив, в случае надобности или требования сторон показание неявившегося свидетеля Ганько, данное им на предварительном следствии. Затем председатель об'явил, что на основании ст. 1054 и 620[3] ст. уст. угол. суд. и по определению судебной палаты, настоящее дело будет рассмотрено при закрытых дверях присутствия, начиная с чтения обвинительного акта и до провозглашения резолюции, как имеющее своим предметом, между прочим, оскорбление священной особы государя императора, и так как публичное исследование подлежащих судебному рассмотрению обстоятельств не может быть допущено в видах ограждения достоинства государственной власти и охранения общественного порядка, при чем в зале заседания могут остаться, во-первых, должностные лица, присутствующие в таковом по обязанностям службы и, во-вторых, в случае ходатайства подсудимых—их супруги и родственники по прямой линии, не более одного лица со стороны каждого из них. Подсудимые об оставлении коголибо в зале заседания не ходатайствовали и публика была удалена. Затем был прочитан обвинительный акт, и председатель, изложив в кратких словах существо обвинения, спрашивал подсудимых, каждого порознь, признают ли они себя виновными. Подсудимые виновными себя по пред'явленному им обвинению не признали. Председатель об'явил подсудимым, что они могут, если пожелают, представлять свои об'яснения или опровержения, как по поводу свидетельских показаний, так и по поводу вообще всех пред'явленных против них улик.

Особое присутствие приступило к дальнейшему исследованию дела. В зал заседания были приглашены свидетели, которым, а также эксперту были предложены предварительные вопросы, согласно 702 ст. уст. уг. суд. Все свидетели, а равно и эксперт, об'явили себя православными и подсудимым лицам посторонними; за непред'явлением сторонами отвода и по определению особого присутствия, все свидетели и эксперт были приведены к присяге православным священником, согласно 713 ст. уст. уг. суд. Затем, по исполнении председателем требования 716 ст. уст. уг. суд., все свидетели были удалены в особую комнату, кроме свидетеля Григория Михайлова Михайлова, который был оставлен в зале заседания и допрошен в порядке, установленном 718—724 ст. уст. уг. суд., при чем показание, данное им на предварительном следствии (л. 73) в части запамятования свидетелем обстоятельств дела, было оглашено по ходатайству защитника Грунт и Крастынь, за невозражением товарища прокурора и по определению особого присутствия. В том же порядке допрашивались прочие свидетели призывавшиеся в зал заседания порознь. Допрошены были свидетели: Григорий Михайлов Вологодский, при чем показание, данное им на предварительно следствии, в части запамятова-

ния свидетелем обстоятельств дела, было оглашено, по ходатайству защитника подсудимого Берзина, за невозражением товарища прокурора и по определению особого присутствия, Иван Петров Акулов, Афанасий Иванов Куликов, Тимофей Филиппов Филиппов, Василий Денисов Фролов, Иосиф Тихонов Шляпин, Мавра Афанасьева Куракина, после допроса коих согласно ранее состоящегося определения особого присутствия, было оглашено показание неявившегося свидетеля Григория Порфирьева Ганько (л. 177). Затем эксперт Борисов дал свое показание и был допрошен сторонами, согласно 695 ст. уст. угол. суд. После сего подсудимые, каждый порознь, дали об'яснения по делу. Товарищ прокурора просил разрешения ссылаться на вещественные доказательства, протоколы их осмотра (л. 56, 60 и 135), протоколы обыска у Тимошенко (л. 4/5), протокол осмотра программы российской социал-демократической рабочей партии (л. 48), протоколы осмотра воззваний «Проклятие убийцам», «Товарищи рабочие и солдаты», флага с надписью «Долой войну» (л. 51—54 и 176 ст. пр.). Защитник подсудимых Грунта и Берзина на разрешение ссылаться на протокол осмотра программы социал-демократической рабочей партии (л. д. 48) возражал, указывая, что названная программа не приобщена к делу в качестве вещественного доказательства; особое присутствие, имея в виду, что программа российской социал-демократической рабочей партии осмотрена судебным следователем, и на основании 687 ст. уст. угол. суд. разрешило сторонам ссылаться как на вещественные доказательства, так и на протокол осмотра означенной программы. Затем, на вопрос председателя, не имеют ли стороны чем-либо дополнить судебное следствие, стороны ответили отрицательно. Председатель об'явил судебное следствие оконченным и особое присутствие перешло к слушанию заключительных прений сторон. Товарищ прокурора в своей речи поддерживал обвинение в отношении всех подсудимых, согласно выводам обвинительного акта. Защитники подсудимых Грунта и Крастынь и Грунта и Берзина последовательно произнесли свои защитительные речи. Последнее слово предоставлено было подсудимым, каждому порознь. Председатель огласил проект вопросов и предложил сторонам представить свои замечания. Товарищ прокурора возражений не представил. Защитники подсудимых ходатайствовали: 1) дополнить первый и третий вопросы, во-первых—указанием в каких определенных действиях намеревалось сообщество проявить насильственное посягательство, во-вторых—замены фразы «с целью революционизирования», более общедоступными выражениями и в-третьих—изложением подлинными словами из воззвания «Проклятие убийцам», в чем заключается призыв к ниспровержению образа правления и замене его демократической республикой и 2) о постановке дополнительного вопроса в отношении подсудимого Грунта, по признакам преступления,

предусмотренного 163 ст. угол. улож. Товарищ прокурора возражал. Особое присутствие удалилось в особую комнату, по возвращении из которой председатель об'явил, что судебная палата удовлетворила второе и третье из ходатайств изложенных в пункте первом; первое же ходатайство защитников подсудимых оставлено без последствий по отсутствию в данных судебного следствия указания о том, какими именно из насильственных действий предполагало преступное сообщество добиваться своих преступных целей, а равно оставило без последствий ходатайство защитников подсудимых о постановке дополнительного вопроса в отношении подсудимого Грунта по признакам преступления, предусмотренного 163 ст. угол. улож., ибо таковая постановка не вытекает ни из данных судебного следствия, ни из обстоятельств настоящего дела. Засим по оглашении этих вопросов в измененной редакции и по их утверждении, особое присутствие удалилось для постановления резолюции, из которой председатель провозгласил при открытых дверях присутствия резолюцию палаты, назначив об'явление приговора в окончательной форме на 21-го декабря 1915 года в гор. Москве. К сему председатель добавил, что судебная палата определила: в обеспечение исполнения состоявшегося над осужденными настоящего приговора принятую в отношении их меру пресечения—безусловное содержание под стражей оставить в силе. Эксперт ходатайствовал о выдаче ему вознаграждения за отвлечение от занятий. Заседание закрыто в 7 часов пополудни.

Помощник секретаря (подпись).

ПРИГОВОР.

1915 года, декабря 16 дня, по указу его императорского величества, Московская судебная палата, по особому присутствию, в судебном заседании, в составе:

И. д. председателя 2 уголовного департамента Д. В. Леккера,

Членов палаты: М. М. Наставина, В. И. Грекова и Д. Н. Загоскина.

Г.г. сословных представителей: помощника Богородского уездного предводителя дворянства С. Н. Кологривова, за Московского городского голову члена управы Л. Г. Урусова и старшины Всехсвятской волости, Московского уезда А. М. Шаврина, при помощнике секретаря В. В. Покровском, в присутствии товарища прокурора Н. Н. Ульриха.

Слушала дело о крестьянах: Яне-Альфреде Янове Грунте, Элле Гансовой Крастынь и Эдуарде Карлове Берзине, обвин. по I ч. 102 ст. угол. улож.

Выслушав судебное следствие и заключительные прения сторон и обсудив все обстоятельства дела, судебная палата, по

особому присутствию, с участием сословных представителей, находит: 1) что на основании данных судебного следствия подсудимые крестьяне Ян-Альфред Янов Грунт, 23 лет, Элла Гансова Крастынь, 25 лет, и Эдуард Карлов Берзин, 33 лет, должны быть признаны виновными по пред'явленному им обвинению, а именно: Ян Грунт и Элла Крастынь в том, что в 1915 году в городе Москве приняли участие в преступном сообществе, образовавшемся в составе российской социал-демократической рабочей партии, присвоившем себе наименование «Тверской группы» названной партии и заведомо для них, подсудимых, поставившем целью своей деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России законами основными образа правления на демократическую республику, при чем для осуществления задач этого сообщества, в качестве его членов, с целью возбуждения рабочего населения города Москвы к насильственному ниспровержению существующего в империи государственного и общественного строя, распространили отпечатанные от имени группы и ее комитета воззвания, заведомо для них, подсудимых, возбуждающие к учинению бунтовщического деяния и содержащие оскорбительные для царствующего государя императора выражения, с целью возбудить неуважение к его императорскому величеству, так как в этих воззваниях рабочие призываются укреплять свою нелегальную организацию для решительной борьбы с царской монархией и «смести всех палачей от царя и министра до урядника» и, кроме того, 18 августа 1915 г. на квартире одного из них, Грунта, проживавшего в видах конспирации под фамилиями Тимошенки и Шерера, размножили с принадлежавшего группе типографского набора, с целью распространения, воззвание от имени комитета группы под заглавием «Проклятие убийцам», заведомо для них, подсудимых, возбуждающее к учинению бунтовщического деяния, так как в этом воззвании заключается призыв к низвержению самодержавного образа правления и замене его демократической республикой, между прочим, в следующих выражениях: «да затрепещут царские палачи! Проклятие убийцам! Смерть врагам! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует демократическая республика!», и Берзин в том, что в 1915 г., в городе Москве принял участие в преступном сообществе, образовавшемся в составе российской социал-демократической рабочей партии, присвоившем себе наименование «Тверской группы» названной партии и заведомо для него, подсудимого, поставившем целью его деятельности насильственное посягательство на изменение установленного в России законами основными образа правления на демократическую республику, при чем для осуществления задач этого сообщества, в качестве его члена, совместно с другими его членами, и в видах возбуждения рабочего населения города Москвы к насильственному ниспровержению существующего в империи государственного и общественн-

ного строя, распространил отпечатанные от имени группы и ее комитета воззвания, заведомо для него, подсудимого, возбуждающие к учинению бунтовщического деяния и содержащие оскорбительное для царствующего государя императора выражение, с целью возбудить неуважение к его императорскому величеству, так как в этих воззваниях рабочие призываются укреплять свою нелегальную организацию для решительной борьбы с царской монархией и «смести всех палачей от царя и министра до урядника» и, кроме того хранил, с целью распространения, 1755 экземпляров описанного выше воззвания под заглавием «Проклятие убийцам», заведомо для него, подсудимого, возбуждающего к учинению бунтовщического деяния, а так же имел в своем распоряжении проект резолюций рабочих города Москвы, с призывом к освобождению для борьбы за прекращение войны и немедленный созыв учредительного собрания для установления демократической республики; 2) что преступное деяние, в коем подсудимые: Грунт, Крастынь и Берзин признаны виновными, составляя по закону тяжкое преступление, предусмотренное I ч. 102 ст. угол. улож., влечет за собою в качестве нормального наказания каторгу на срок не свыше восьми лет, при чем в виду наличности в деле уменьшающих вину подсудимых обстоятельств, дающих основание для признания их заслуживающими снисхождения, представляется справедливым, согласно 53 ст. того же улож., означенное наказание Грунту и Берзину назначить в низшей мере (ст. 16 угол. ул.), т.-е., сроком на четыре года каждому, а подсудимой Крастынь понизить до ссылки на поселение (ст. 17 угол. улож.), с лишением всех подсудимых прав состояния по 25 ст. угол. улож. и с последствиями для каждого из них по 28—31, 34 и 35 ст.ст. того же улож. и 3) что судебные издержки, в силу 976—999 ст.ст. У. У. С., надлежит взыскать с имущества всех троих осужденных по равной части и с солидарною ответственностью, а вещественные по делу доказательства следует оставить при деле, подлежащем рассмотрению в отношении скрывшейся обвиняемой мещанки Сарры Абрамовой Зелевинской.

По сим соображениям особое присутствие судебной палаты, руководствуясь 1030, 766, 3 п., 771 и 776 ст.ст. У. У. С., определяет: крестьян: Лифляндской губернии, Вольмарского уезда, Кокенской волости, Яна-Альфреда Янова Грунта, 23 лет. Курляндской губернии, Добленского уезда, Гарозенской волости, Эллу Гансову Крастынь, 25 лет и Лифляндской губернии, Венденского уезда, Сермушской волости, Эдуарда Карлова Берзина, 33 лет, признав виновными в тяжком преступлении, предусмотренном I ч. 102 ст. угол. улож., на основании этой статьи закона, а также 16, 53, в отношении же Крастынь и 17 ст.ст. того же улож., Грунта и Берзина подвергнуть каторге сроком на четыре года каждого, а Крастынь сослать на поселение с лишением всех их прав состояния по 25 ст. угол. улож. с по-

следствиями для каждого по 28—31, 34 и 35 ст.ст. того же улож., судебные издержки возложить на имущество осужденных: Грунта, Крастынь и Берзина, поровну с солидарной ответственностью. Вещественные доказательства оставить при деле.

Подписи.

В особое присутствие Московской судебной палаты.

Члена присутствия сословного представителя члена Московской городской управы Леонида Урусова.

Особое мнение.

16-го сего декабря особое присутствие, между прочим, определило: признать Эллу Крастынь виновной в участии в преступном сообществе, имевшем целью ниспровержение в России государственного и общественного порядка и сослать ее на поселение. Такой приговор я считаю необоснованным на об‘ективных данных дела.

Единственной и при том косвенной уликой является то обстоятельство, что Элла Крастынь была арестована вместе с двумя другими подсудимыми в той квартире, где производилось печатание прокламаций возмутительного содержания и куда она, как выяснилось из судебного следствия и других данных дела, попала случайно на ночевку.

Создалось такое положение, что не приди Элла Крастынь в эту злополучную для нея ночь после возвращения из поездки на родину, куда ей не удалось, по обстоятельствам военного времени, добраться, ночевать в квартиру Грунт—она не только не могла быть осуждена, но и не имелось ни малейшего данного к привлечению ее к ответственности по настоящему делу.

Очевидно, не может быть такого положения, чтобы при отсутствии, с одной стороны, какой-либо самомалейшей улики не только на судебном следствии, но и вообще во всем «деле», против Эллы Крастынь, привхождение случайного и безразличного факта ночевки у знакомца, с другой стороны, могло служить основанием к обвинению в тяжком преступлении.

Другими словами, если к отсутствию улик, не дающему никакого основания к осуждению обвиняемого, прибавить какой-либо случайный и безразличный для состава преступления, житейский факт—ссуды денег, ночевку, общий обед или чай с другими обвиняемыми, то получается материал, совершенно уличающий обвиняемого в тяжелом преступлении: вывод не имеющий никаких оснований.

Кроме того я не могу считать и Грунт уличенным в участии в сообществе; он уличен только в размножении и хра-

нении возмутительных прокламаций, и пожалуй, в недонесении. Эти преступления предусмотрены специальными ст.ст. уголовного уложения. Для того эти ст. и введены законодательною властью, чтобы власть судебная отдельный акт обвиняемого, указывающий на содействие преступному сообществу, не считала бы преступлением, равным участию в самом сообществе. В деле же против Грунт имеются исключительные данные, уличающие его в печатании и хранении возмутительных воззваний.

На основании всего вышеизложенного я полагаю, что Элла Крастынь должна быть оправдана, и Грунт признаю лишь виновным в размножении и хранении преступных воззваний и, может быть, в недонесении.

(Подпись).

Арестантское.

Указ его императорского величества самодержавца всероссийского, из правительствующего сената

Московской судебной палате.

По указу его императорского величества, правительствующий сенат в судебном заседании слушал: кассационную жалобу поверенного Яна-Альфреда Грунта и Эдуарда Берзина на приговор Московской судебной палаты, по обвинению Грунта и Берзина по I ч. 102 ст. Угол. Улож. Принимая во внимание: 1) что указание жалобщика на нарушение ст.ст. 388 и 642 У. У. С. отказом судебной палаты в ходатайстве защиты об отсрочке заседания вследствие неявки свидетеля Ганько, лишено правильного основания, так как, признав неявку этого свидетеля по болезни, не возбуждающей никаких сомнений (л. 150) законною, судебная палата в праве была на точном основании ст.ст. 640 и 626 У. У. С. продолжать судебное заседание, распорядившись оглашением показания Ганько, данного им на предварительном следствии (л. 151 об. реш. прав. сен. 1877 г. № 43); 2) что равным образом лишено основания указание жалобщика на нарушение тех же ст.ст. 388 и 642 У. У. С. неправильным отказом судебной палаты в отсрочке заседания вследствие неявки свидетеля Скрябина, коему повестка не была переслана по месту высылки его в Сибирь, так как отказ в отсрочке заседания по этому поводу, последовавший вследствие признания палатою показания названного свидетеля несущественным (л. д. 150 об.), не нарушает требования ст.ст. 388, 640 и 642 У. У. С. (реш. прав. сен. 1896 г. № 29) и 3) что в вопросах о виновности подсудимых судебною палатою были изложены содержащиеся в преступных воззваниях призывы «к революции», «смести всех палачей от царя до министра и урядника», «смерть врагам», которыми, с несомненностью, уста-

Лацис на месте раскопки Типографии Тверской группы в 1918 году.

навливаются в деяниях подсудимых, находившихся в причинной связи с целями преступного сообщества, именовавшегося «Тверская группа социал-демократической рабочей партии», конкретные признаки входившего в цели этого сообщества насильственного посягательства на изменение государственного строя России, вследствие чего указания жалобщика на отсутствие в этих вопросах фактических и точных признаков действий, коими Тверская группа намеревалась посягнуть на установленный в России образ правления, и не заслуживают внимания, как равным образом не заслуживает внимания и указание на неправильный отказ Судебной Палаты в ходатайстве защиты в дополнении редакции означенных вопросов, последовавший на основании данных судебного следствия (л. 152 об.) и посему не подлежащий кассационной поверке (реш. Прав. Сен. 1868 г. № 128 и др.), Правительствующий Сенат определяет: вышеозначенную кассационную жалобу, за силою ст. 912 У. У. С., оставить без последствий. Марта 16-го дня 1916 г.

Обер-секретарь (подпись)

Помощник обер-секретаря (подпись)

Справка: Определением судебной палаты от 30 марта 1916 г. постановлено: указ правительствующего сената принять и приговор обратить к исполнению.

За секретаря (подпись)

Резолюция по сему делу состоялась в «4» отделении уголовного кассационного департамента правительствующего сената февраля 25-го дня 1916 г.

Пресненская группа РСРДП.

Обвинительный акт о Г. Веревкине, Е. Дубакине, И. Меницком и Д. Канделаки.—Протокол судебного следователя Вольтановского.—Справка департамента полиции.—Приговор Новочеркасской судебной палаты.—Протокол судебного заседания.—Вопросный лист.—Резолюция и приговор московского военно-окружного суда.

Обвинительный акт

по делу о кр. *Григории Веревкине*, мещанине *Евграфе Дубакине* и дворянах *Иване Меницком* и *Давиде Канделаки* [1]).

В начале сентября 1915 г., в городе Москве отделением по охранению общественной безопасности и порядка были получены сведения о том, что группа слушателей народного университета имени Шанявского сорганизовалась в социал-демократическую группу крайнего направления под названием «Пресненская группа Р.С.-Д.Р.П.» и от имени означенной группы и ее комитета выпускает воззвания преступного характера, не имеющие, однако, значительного распространения. По подозрению в принадлежности к указанной группе Московской полицией в ночь на 17 ноября 1915 г. были задержаны кр. Захаров, оказавшийся впоследствии кр. Григорием Веревкиным, дворянин Ян Меницкий и дворянин Давид Канделаки, а 21-го ноября был задержан и четвертый заподозренный — мещанин Евграф Дубакин. При этом, во время произведенных обысков—как личных у самих арестованных, так и у них на квартирах, у Веревкина были найдены—при нем—рукопись и воззвание преступного содержания, в квартире сожительницы Веревкина—Ларюшкиной — принадлежности для печатания и кусочек бумажки с отпечатанными словами «Пресненская группа российской с.-демократической партии», у Меницкого—при личном обыске—два листка с отчетом о расходовании каких-то сумм, а в его комнате — различные декларации, воззвания и записи преступного содер-

[1]) Историко-рев. архив, дело Московского Военно-Окружного Суда за № 876, 1916 г.

жания и революционного характера, у Канделаки—печать означенной с.-д. группы, воззвания и записки по содержанию и характеру однородные с тем, которые были найдены у остальных арестованных. У Дубакина подозрительных предметов или записей не оказалось, но сожительница Веревкина—Ларюшкина, об'яснила, что Дубакин раньше снимал у нея комнату и тогда Веревкин иногда запирался с ним вместе и что-то делал, пользуясь теми принадлежностями для печатания, которые были найдены у нея на квартире, и упорно отказываясь сообщить ей, чем они занимались.

Все вышепоименованные лица при задержании ни в чем не сознались и категорически отвергли свою принадлежность к каким бы то ни было партиям.

На произведенном по делу предварительном следствии выяснилось нижеследующее:

При осмотре судебным следователем вещей, найденных и отобранных при обысках, оказалось, что у Канделаки, задержанного ночью в своей комнате, взяты:

1) вырезанная домашним способом из куска резинки печать с надписью: «Пресненский комитет р.с.-д. рабоч. партии», и коробка с подушкой и краской для печати.

2) 7 тождественного содержания воззваний, обращенных к рабочим, отпечатанных при помощи мимеографа или гектографа, без указания общества или организации, выпустившей их, содержащие призыв рабочих бежать из военно-промышленных комитетов и снарядных мастерских и указывающие на необходимость немедленного заключения мира и революции. Между прочим в означенных воззваниях имеются следующие места: «Товарищи, берегите силы для борьбы с вековым врагом—крепостническим правительством... Всякий, кто вступит в военно-промышленный комитет — будет изменником народа, нашим врагом... Приготовление снарядов—позорный предательский труд, плоды его—снаряды полетят в нас».

«Товарищи, бегите из снарядных мастерских... Знайте, чем скорее кончится война, тем лучше для нас»... «Долой тех, кто работает в снарядных заводах, кто идет в военно-промышленный комитет».

Воззвание заканчивается словами: «Да здравствует демократическая Республика».

3) 13 воззваний, напечатанных тем же способом, обращенных к студентам и подписанных «Пресненским Комитетом Р.С.-Д.Р.П.», содержащих упреки студентам за их работы по «тасканию дров», приготовление снарядов и вообще за их помощь реакционному правительству, призыв их помочь народу, указать ему путь к новой жизни, который один—мир и созыв учредительного собрания всеобщим, прямым и тайным голосованием. Воззвания оканчиваются следующим образом: «Долой

войну. Долой царское правительство. Да здравствует учредительное собрание и демократическая республика».

4) 8 экземпляров также отпечатанных воззваний с оттиском вышеописанной печати, обращенных к «бесправному народу» и рисующих в явно тенденциозном освещении ход войны и призывающих способствовать немедленному заключению мира. В воззваниях имеются следующие места: «Ужели нам спокойно ожидать истребления всего трудоспособного мужского населения, чтобы затем превратиться в провинцию Германии, или валяться у ног надменного самодержавного правительства, как валялись сотни лет». Воззвания кончаются словами: «Долой царское правительство, долой войну. Да здравствует мир, да здравствует учредительное собрание и демократическая республика».

5) Два таких же отпечатанных воззвания, за подписью «Пресненского комитета Р.С.-Д.Р.П.», обращенные к рабочим, указывающие им на их бесправное положение, призывающие их бороться с правительством за свои права, бойкотировать товарищей, участвующих в военно-промышленных комитетах, добиваться немедленного заключения мира и созыва учредительного собрания. Воззвания заканчиваются следующими словами: «Будем готовиться к войне за наше благо, плоды наших трудов, за свободную жизнь. Не дадим больше солдат. Долой войну, да здравствует мир. Долой царское правительство. Да здравствует учредительное собрание и демократическая республика».

6) 1 экземпляр воззвания, также отпечатанного, с оттиском вышеописанной печати, обращенного к солдатам, призывающего не забывать своих настоящих врагов—паразитов и тиранов — стать под красные знамена для борьбы за свержение царского правительства, которое считает своим исконным врагом трудящиеся массы и ведет с ним непрестанную войну. Воззвание призывает солдат бороться за учредительное собрание и демократическую республику и между прочим, содержит следующие слова: «Народу нужен мир и освобождение от гнета царского самодержавия. Но лишь кровавой борьбой рабочие массы проложат себе путь к свободе».

7) 6 оторванных от чековой или талонной книжки квитанций, на одной стороне коих имеются оттиски вышеуказанной печати, а на другой отпечатан следующий текст: «Поступило в фонд Пресненского комитета Р.С.-Д.Р.П,». На одной из квитанций имеется надпись: «IV гр.—четв,—8—10, вт. 5—7».

8) 4 листка бумаги—один с написанным на нем рецептом гектографской массы, другой со следующими словами: «12 листов бумаги для мимеографа для оригинала с машинки. Лубянка, Зив и комп. или Мясницкая Блок» 2 листка. На третьем написано: Компетенция Совета: I утвеждение отчета об отпуске средств более 300 рублей, II обсуждение общих политических вопросов, III о тактике, IV о взаимоотношении комитета».

На четвертом следующая надпись: «Вопросы, кои возникли в беседе с Акаки: (повидимому Акакием) I о петроградском комитете. II о связи и на каких условиях она возможна. III о немецких с.-д. и пролетариате. IV о прессе». Кроме того у Канделаки был отобран револьвер системы «Бульдог» и пять патронов к нему.

У Веревкина, задержанного на улице, при личном обыске оказалось:

1) Рукопись, написанная от руки и, повидимому, представляющая текст какого-либо доклада или черновик речи, в которой автор развивает мысль о необходимости борьбы с капитализмом, организаций вооруженной массы пролетариата и необходимости принудить правительство немедленно заключить мир, для достижения каковой цели следует стремиться тормозить и останавливать работу на заводах и фабриках. На последней странице рукописи имеется проект или описание какой то организации, в которой «все ч. (повидимому члены) делятся на районы, из район. пред. сост. испол. К.Р. ведут деятельность самостоятельно, издают л. (повидимому, листки) под ред. Ц.К.». «Постановл. Ц.К. обязательны для всех Р.К.». «Преступления дисциплины наказываются порицанием, выговором, лишением каких-либо преимуществ. Предательство—смертью».

2) Лист бумаги с написанным от руки разделением города Москвы на районы—Пресненский, Лубянский, Таганский, Пречистенский, Тверской, Замосковорецкий, Сухаревский, Басманный, и др., при чем названия некоторых районов—а именно: Пресненского, Лубянского, Замоскворецкого, Сухаревского и Таганского подчеркнуты.

3) Исполненная на пищущей машинке и, повидимому, воспроизведенная с помощью какого-либо множительного аппарата так наз. «листовка», которая представляет собой воззвание, не обращенное ни к кому в особенности и приглашающее рабочих не итти в члены военно промышленных комитетов, обвиняющее правительство в бедствиях войны и указывающее, что единственный выход из создавшегося положения — немедленное заключение мира и революция. Воззвание это оканчивается следующими словами: «Так пусть же играют горнисты и собираются пролетарские рати на бой с темными силами реакции. Начертаем на своих стягах заветы и лозунги: «Да здравствует демократическая Республика. Да здравствуют создающие новую, светлую жизнь труженики. Да здравствует свободный, прекрасный труд. Да здравствует учредительное собрание. Пусть загорятся наши сердца негодованием и с твердым сознанием долга перед родиной и демократией, товарищи в бой вперед! Да здравствует свобода!»

В квартире сожительницы Веревкина—Ларюшкиной, где, по ее словам и собственному признанию, Веревкин жил, найдено:

1) Обрывок пропускной бумаги с напечатанным на нем текстом: «Пресненская группа Р. С.-Д. Р. П».

2) 4 листка копирной бумаги, на одном из коих, бывшем, повидимому, не в машинной, а в ручной работе, при рассматривании можно прочесть слова «народ бесправный» и далее отдельные слова воззвания с этим заголовком, найденного у Канделаки. При этом, хотя и на этом воззвании и на лике буквы текста печатные, но шрифт их различен.

3) Два жестяных противня со следами приставших к их дну и стенам—у одного желатинной гектографической массы,—у другого столярного клея.

4) Глиняная плошка в виде противня без всяких следов.

5) Домашней работы подушка с краской в жестяной коробке и валик для накатывания краски.

6) Около $^1/_4$ стопы бумаги и круглый резец для ея обрезания.

7) Ручной переплетный станок и

8) Ящик с кистями и красками.

При личном обыске Меницкого, задержанного на квартире Ларюшкиной, у него оказалось:

1) Гектографированная «смета», очень слабо отпечатанная, со многими неразборчивыми словами, содержание которой сводится к записям прихода и расхода. В приходе означен остаток—114 р. 50 к. и поступления (неизвестно от кого) на общую сумму 1.200 р. В «расходе» значится следующее—«I. Расход К. (повидимому Комитета): а) квартира—50 р., в) раз‘езды—25 р., с) шапирограф—40, д) пишущая машина—125 р., е) неизвестно на что—25 р. II. Расход по Т. (повидимому — типографии): а) оборудование т.—50, в) квартира т.—25., с) материалы т.—10, д) бумага т.—50. III. Паспортное дело и помощь нелегальным—300 р. IV. Расходы по Б. д. (повидимому боевым дружинам): квартира—50, оборудование—100, материалы —100, транспорт—25, поездки за связями—225».

2) Отчет следующего содержания (тоже некоторые слова не отпечатались): «Приход—I членских взносов—50, II поступило 150, III—50, IV—25 общий итог—275 и Расход—1) шипирограф—25, 2) изд. листков к рабочим—5, к. . . . (не отпечатались) 5, ... 1, 3)—25, 4)—25 . . . . 24—50, 15, 25 итого 260—50, остаток 114—50, итого 275».

В комнате Меницкого было найдено следующее:

1) Исполненная на пишущей машинке «декларация» (чья неизвестно), указывающая на отрицательное отношение ее авторов к с‘езду (какому неизвестно), который должен об‘единить все классы общества по национальной обороне, что, согласно мнения автора декларации, и ненужно и невозможно, так как он стоит на пролетарско-классовой точке зрения, а не на буржуазно-национальной. Поэтому они являлись на с‘езд только, чтобы осветить вопрос о борьбе с дороговизной.

2) Тоже отпечатанная на пишущей машинке «резолюция» (чья именно точно неизвестно) по вопросу о борьбе с дороговизной, возлагающая ответственность за нее на злоупотребления и притеснения правительства, воспользовавшегося войной, чтобы разгромить рабочие и общественные организации, утверждающая, что дороговизна вызвана не одной войной, и об'являющая единственным радикальным средством борьбы с ней «полную демократизацию государственного строя».

3) Так же отпечатанная «резолюция рабочих» (точно неизвестно чья именно), указывающая на необходимость борьбы с общей дезорганизацией ее, немедленного проведения следующих мер: создания полновластного народного правительства путем всеобщего прямого и тайного голосования, установления ответственного министерства, гражданского и политического равноправия всех народностей и полной неприкосновенности личности, свободы слова, печати, союзов и коалиций, полной политической амнистии и полной демократизации земского и городского самоуправления.

Что же касается Дубакина, то у него ничего, относящегося к делу, найдено не было.

При осмотре и прочтении судебным следователем имевшейся в его камере программы российской с.-демократической рабочей партии, издания Московского окружного комитета названной партии, было установлено, что, согласно указанной программы, общей целью с.-демократии всех стран является борьба с капитализмом и капиталистическим строем, победа над ним, уничтожение частной собственности и диктатура пролетариата, которая представляет собой необходимое условие для уничтожения частной собственности. В частности же в России ближайшей целью с.-демократической партии является борьба с царским самодержавием, которое закрепощает трудящиеся массы. Глава государства и является противником всех освободительных стремлений и пролетариата. Поэтому российская с.-демократическая рабочая партия ставит себе ближайшей целью низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой и на этом основании поддерживает всякое оппозиционное или революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка.

При дальнейшем ходе предварительного следствия были допрошены нижепоименованные свидетели, давшие следующие об'яснения:

Сожительница Веревкина кр. Матрена Ларюшкина показала, что 6 лет назад сошлась с Веревкиным и с тех пор жила с ним то на одной квартире, то на разных. С января 1915 г. Веревкин жил без прописки, так как скрывался от воинской повинности и приблизительно с этого же времени жил у нее на квартире. В конце сентября у нее снял комнату Дубакин—

знакомый Веревкина — он прожил полтора месяца и с'ехал 14 ноября, так как ему было далеко ходить на службу и для другой комнаты он себе искал сожителя. За последние два месяца Веревкин несколько раз брал у нее ее противни — жестяные и глиняный, которые она употребляла по хозяйству, уходил с ними в комнату Дубакина и что-то с ним делал, но что — она не знала, ибо Веревкин от нее скрывался. Затем он выносил ей противни и приказывал ей их мыть, при чем на них обыкновенно оказывалось какое-то липковатое вещество черного цвета, похожее на кисель, с совершенно гладкой поверхностью, которое она соскабливала и «выковыривала» с противней. Самые противни — жестяные, были куплены давно, а глиняный недавно. Во время таких работ Веревкина в комнате Дубакина, тот бывал дома и очевидно помогал Веревкину, тоже принимал участие в его работах. Когда она спрашивала Веревкина, что он делает с противнями и какое на них вещество, он отвечал ей, что это—не ее дело. Веревкин переплетал книги, но только свои собственные. Меницкого она знала мало, он только несколько раз заходил к Веревкину, с которым вместе учился в университете Шанявского. Были ли у них другие сношения и какие, ей неизвестно. В день обыска и ареста Меницкий явился к ней на квартиру вечером, не застал Веревкина и остался его дожидаться. Поэтому его и застали у него ночью.

Помощник пристава Сущевской части Ползиков, производивший обыск у Канделаки, показал, что печать и воззвания нашел в платье Канделаки, в карманах, при чем печать и часть воззвания лежали просто в кармане, а остальная часть их в другом кармане, в бумажнике. Эти воззвания слежались и производили впечатление хранившихся в бумажнике уже давно. Печать и воззвания не были у Канделаки найдены в одном кармане, но в разных и не были ни во что завернуты или перевязаны. Сам Канделаки при задержании говорил, что ему и воззвания и печать дал какой-то студент на кладбище во время похорон студентов, убитых в сентябре при беспорядках на Страстной площади.

Помощник пристава Петровско-Разумовской части Светланов, производивший обыск у Ларюшкиной, показал, что первоначально должен был произвести обыск только у одного Дубакина, который, как предполагали, еще жил в этой квартире. Установив точно квартиру, и узнав, что Дубакин уже несколько дней как из нее выехал, Светланов вошел и нашел в квартире кроме Ларюшкиной еще какого то молодого человека, проживающего тут, но не приписанного, назвавшегося Меницким. Когда после личного обыска Меницкого он, Светланов, стал читать один из отобранных у него документов, тот неожиданно вырвал из рук Светланова и разорвал в клочки, так что пришлось их подбирать и класть в конверт.

Полицейский надзиратель Яковлев и помощник пристава 3 Мещанской части Резников, производившие обыски—первый личный Веревкина, а второй—комнаты Меницкого, подтвердили, что, действительно, нашли и отобрали при обысках все ранее указанные и перечисленные предметы.

Допрошенные в качестве обвиняемых по 102 ст. угол. улож. Веревкин, Меницкий, Дубакин и Канделаки не признали себя виновными и единогласно и категорически утверждали, что никогда не принадлежали и не принадлежат к с.-демократической партии и даже плохо только по литературе знакомы с ее программой.

1) При этом Веревкин об'яснил, что, собственно говоря, не жил у Ларюшкиной, а только иногда заночевывал у нее. Другой квартиры он не имел, так как не мог нигде прописаться за отсутствием паспорта, посланного им в волостное правление для обмена. Ни гектографа, ни шапирографа у него никогда не было и никаким печатанием он в квартире Ларюшкиной не занимался. Меницкого, Канделаки и Дубакина он не знает. С первыми двумя занимался и встречался в университете имени Шанявского, последний же некоторое время снимал комнату у Ларюшкиной. Вышеуказанную рукопись, найденную у него при обыске, писал не он,—он ее нашел на улице, близ Триумфальных ворот. Найденное при нем воззвание он нашел там же, в день своего задержания. Лист бумаги с написанным разделением Москвы на районы его он писал, собираясь заняться агентурою—квартирной по сбору об'явлений и продаже книг. Найденные в квартире Ларюшкиной противни были куплены для хозяйства, краски для опытов и упражнений, так как в университете он изучал химию и хотел заняться красильным делом.

2) Меницкий об'яснил, что с Веревкиным познакомился в университете Шанявского, где тот был членом ревизионной комиссии общества вспомоществования недостаточным слушателям, а он, Меницкий—казначеем этого общества. Канделаки он тоже знает по университету Шанявского, но мало. Ни об участии Веревкина в комитете или в группе Пресненской с.-демократической рабочей партии, ни о занятиях Веревкина печатанием каких-либо преступных по характеру воззваний ему ничего неизвестно. В день своего задержания он только что приехал в Москву, вернулся от знакомых, назвать которых он не желает: так как было поздно, а в 11 часов вход в дешевые квартиры имени Солодникова, где он жил, закрывается,—он и отправился к Веревкину. Поезд пришел в 8 часов вечера, но он сначала отправился в университет Шанявского и потом к Веревкину. Вышеописанные «смета» и «отчет» ему не принадлежат и не были у него отобраны.

3) Дубакин об'яснил, что познакомился с Веревкиным в церковном хоре Васильева, где они оба служили. Осенью 1915 г. он искал себе комнату, спрашивал товарищей, не знают ли они

подходящей, и Веревкин указал ему Ларюшкину, которая сдает комнату. Там он прожил месяца полтора и переехал в другую комнату, поближе к месту службы, так как для нее у него нашелся жилец. О принадлежности Веревкина к с.-демократической партии он ничего не знал, печатающим что-либо его не видел, а равным образом не видел в квартире Ларюшкиной и никаких принадлежностей для печатания. Сам он в печатании преступных воззваний тоже никогда не помогал Веревкину.

4) Канделаки об'яснил, что найденные у него вещи ему дал какой-то слушатель университета Шанявского по имени «Коля», фамилии и адреса его он не знает. Они встретились в раздевальной и Коля попросил его минутку подержать какой-то сверток-пакет. Он взял, Коля ушел и больше не возвращался. Подождав минут 20, он решил итти домой и, не желая оставлять пакет в раздевальной, где иногда пропадали вещи и где запрещалось их оставлять,—сунул пакет в карман пиджака и пошел домой. В ту же ночь он был арестован, в кармане пиджака нашли этот самый пакет, а он сам даже не знал, что именно в нем содержится.

По письменным сведениям на обвиняемых, Григорий Кондратьев Веревкин, 28 лет, происходит из кр. Рязанской губернии, под судом был один раз в 1907 г. Особым присутствием Новочеркасской судебной палаты признан виновным по 3 ч. 129 ст. уг. улож. и приговорен к 9 месяцам тюрьмы, наказания не отбывал, так как ему были зачтены $10^1/_2$ месяцев предварительного заключения.

Иван Антонович Меницкий, 25 лет, происходит из дворян Витебской губернии, под судом был в 1908 г. Особым присутствием Петроградской судебной палаты оправдан за недоказанностью обвинения.

Давид Владимирович Канделаки, 16 лет, происходит из дворян Кутаисской губернии, о судимости сведений нет, по собственным словам под судом не был.

Евграф Михайлов Дубакин, 28 лет, происходит из мещан г. Казани, о судимости сведений нет, по собственным словам под судом не был.

Давид Канделаки, как не достигший 17 лет, был оправдан и освидетельствован Московским окружным судом на распорядительном заседании 25-го февраля 1916 г. и признан им действовавшим с разумением.

Настоящее дело из'ято из общей подсудности согласно п. 1, ст. 17 прилож. к ст. 23 правил о местностях, об'явленных состоящими на военном положении.

На основании изложенного кр. Григорий Веревкин, мещ. Евграф Дубакин и дворяне Иван Меницкий и Давид Канделаки обвиняются в том, что в сентябре месяце 1915 г. в гор. Москве, вступив членами в преступное общество, именовавшее себя «Пресненской группой российской социал-демократической ра-

бочей партии», заведомо для них поставившей целью своей деятельности, как это явствует из программы российской социал-демократической рабочей партии и из найденных у обвиняемых Меницкого, Веревкина и Канделаки записей и воззваний, уничтожение насильственным путем в России самодержавия, ниспровержение тем же путем существующего в России государственного строя и созыва учредительного собрания для установления в ней демократической республиканской формы правления, они, действуя в целях этого общества в октябре и ноябре месяцах 1915 г. в гор. Москве, состоявшем тогда и состоящем теперь на военном положении, печатали воззвания, призывающие к осуществлению вышеперечисленных целей, хранили у себя печать «Пресненской социал-демократической рабочей партии», а также имели и хранили у себя разного рода записи, представляющие собой приходо-расходные сметы и отчеты о расходовании сумм на нужды названного общества. Деяние это предусмотрено 1 ч. п. 55 ст. уг. улож.

За означенное деяние Веревкин, Меницкий, Дубакин и Канделаки на основании 260 и 262 ст. ст XXIV кн. С. В. П. 1869 года изд. 4-е 1 п. 17 ст. прим. к 23 ст. II тома Св. зак. преданы Московскому военно-окружному суду Командующим войсками Московского Военного Округа.

Вр. исп. д. военного прокурора
генерал-майор (подпись).

23-го марта, 1916 г. гор. Москва.

ПРОТОКОЛ № 4 *).

1915 г. декабря 6-го дня, судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам Вольтановский, при нижепоименованных понятых, производил осмотр вещей, из'ятых при личном обыске у кр. Григория Кондратьевича Веревкина, он же Григорий Петров Захаров, при чем оказалось:

1) Рукопись, исполненная от руки, химическим карандашем на сложенных вдвое и сшитых в тетрадь 5 листов бумаги, начинающаяся фразой: «Т. Роль и движение пролетариата обусловливаются чистым экономическим прогрессом». По содержанию рукописи не представляется возможным определить, что на самом деле она представляет или доклад, или черновик речи или материал для газетной, или журнальной статьи. В рукописи этой автор высказывает следующие положения и мысли: движение пролетариата вытекает из экономических контрастов и противоречий. Развитие общества, различные затем изменения,

*) Истор. рев. архив. Следственное производство судебного следователя Москов. окр. суда по особо важным делам Р. Р. Вольтановскаго.

а также изменения общественного и государственного порядка происходит революционным путем. Экономисты эволюционнного толка признают бесполезным и вредным выступления рабочих на решительную борьбу с капиталистом-мертвецом; что этому мертвецу следует представить полную свободу для разложения и использовать на свою пользу продукты этого разложения путем организаций профессиональных союзов и кооперативов, которые являются единственным орудием мирной пролетарской борьбы с капиталистом. Учение это породило косность, консерватизм, застой, а в итоге—либеральный оппортунизм и авантюризм, доказательством чего является происходящая европейская война. Социалисты-экономисты утверждают, что в этой волне интересы буржуазии солидарны с интересами рабочих, что борьба за национальный капитал есть борьба за благо всего народа. Участие социалистов-экономистов в мировой войне является попыткой защитить конструкцию капитала, а защита государств—защита буржуазных и феодальных положений—является ударом интернациональному социализму. Научный же социализм имеет своей основой, с одной стороны, концентрацию капиталов и, с другой—пролетарской массы, в каковом процессе и заключается развитие двух непримиримых врагов, решительная борьба между коими, продолжаясь беспрерывно, все же близится к концу. Капитал пережил уже свои дни, сослужив обществу и человечеству свою службу своей тлетворной, развращающей и преступной деятельностью, яркими результатами которой являются периодические кризисы, безработица, нищета, проституция, смертность, переполнение тюрем и проч. и в конце концов должен быть из'ят из обращения. Народная масса в подавляющем большинстве уже пролетаризована. Недостает только организованности, сознательности и системы. Капитал развил множество органов, которые дают знать об его существовании, и создал систему посредством которой крепко держится на краю могилы. Среди рабочих теперь нет защитников капитала, а есть только его бессильные рабы, это уже является показателем сознания, что капитал должен уступить место организации труда. Однако сознание это не сконцентрировано и силы рабочих распылены, не связаны, у рабочих есть одно орудие борьбы с капиталом—возмущение, гнев и ропот, незначительная подготовительность к стачкам, к коллективным выражениям протеста и возмущения, и больше ничего. У пролетариата много рук, но нет органа физического содействия для защиты своих прав. Его необходимо создать. Необходимо создать силу, которая по первому сигналу явилась бы защитить забастовавших товарищей от расправы и насилия хозяев, но прежде всего необходимо добиться права иметь свою милицию, а для этого—выдержать решительный бой за самую широкую свободу труда и организаций; нужно вступить на решительный бой с буржуазией и ее армией и подготовиться к этому бою. При этом

следует оставить надежды на толпу, на крупные результаты выступления невооруженной черни. Последнюю должна заменить сознательная, грозная вооруженная масса пролетариата, к созданию такой силы следует приступить немедленно. Однако в настоящий момент представлению пролетариата рисуются два врага — внутренний и внешний. Многие социалисты России и других стран признают первой задачей рабочих борьбу с Германией, почему счеты с буржуазией должны быть отложены до окончания войны. С мнением этим нельзя согласиться, так как необходимо сохранить силы народа для борьбы с действительным врагом. Поэтому необходимо добиваться заключения мира, хотя бы в первую очередь путем заторможения нормального отправления работ на фабриках и заводах...» Этим и оканчивается рукопись.

Последняя ее страница гласит дословно следующее:

«Организация. Все ч. делятся на районы. Из район. пред. состав. испол. К. Р. ведут деятельную самостоят. и издают из под редакц. Ц. К. эти имеют кассу на мелкие расходы. Сборы немедленно поступают от Ц.—Из предст. Р. К. состав. технич. физик. работ. Из них уже работ. Т.—Каждый член Р. К. имеет вокруг себя 5—10 ч., из которых каждый находит 5—10 ч. Ведется учет сил в Р. К. и Ц. К. Постанов. Ц. К. обязательны для всех Р. К. в важных случаях созыв. Совет. Преступления дисциплины наказываются порицанием, выговором, лишением каких-либо преимуществ. Предательство—смертью».

2) Листок бумаги с написанным чернилами и от руки нижеследующим текстом: «Пресненский: Пресненский, Хамовнический, Сущевский, Разумовский, Марьина Роща—Лубянский, Арбатская, Пречистенская, Тверская, Мясницкая, Городской, Замоскворецкий: Пятницкая, Серпуховская, Якиманская, Сухаревский: Сретенск., Мещанск., Сокольнический, Таганский, Рогожская, Яузская, Басманная, Лефортовская».

3) Исполненная на пишущей машинке и воспроизведенная, повидимому, с помощью какого-либо множительного аппарата, «листовка», не содержащая никаких решительно указаний на выпустившие ее сообщества или организацию. Содержание ее сводится к следующему: «От первого дня начала войны командующий власти об'явил войну народу и теперь, когда лучшие силы страны истребляются на театрах войны, реакция возводит новые траншеи против народа. На фронт посылаются мальчики и последние в семье работники, а внутри страны берутся армии городовых и жандармов, прямое назначение которых расстреливать. В то время, как армия, не имея оружия, дралась дубинами, внутри страны правительство не жалело патронов, у него нашлись и ружья, и пулеметы. Теперь, когда каждый день уносит десятки тысяч жизней, кадры полиции увеличиваются. Рабочие за заявления о повышении заработной платы расстреливаются, а полиция получает ряд прибавок. Явление это обозначает войну правительства против народа. Буржуазия продолжает служить

броневой стеной реакции и зовет теперь рабочих в военно-промышленные комитеты. Цель ее — использовать рабочих в своих классовых интересах—очевидна. Поэтому сознательное отношение рабочих к этому вопросу должно выразиться в полном игнорировании участия в этих комитетах, пока их туда н пошлет «Совет Рабочих». Нужда растет с каждым днем и п авительством ровно ничего не делается, не считая расстрелов, арестов и закрытий общественных организаций. Предательское уничтожение армии разными способами и настоящее истребление людей,—все это содействует желанию правительства—уничтожить, обессилить народ и этим на полвека обеспечить произвол и свое существование. Война есть бедствие демократии и потому должна быть ликвидирована. Но окончить ее положительно, притом не так, как делают правящие классы, является возможным только, когда власть окажется в руках демократии. Страна истекает кровью, а правящие классы злорадствуют и шлют народу новые угрозы.

«Реакция снова гуляет и жнет, задавшись целью—уничтожить народ. Единственный выход из создавшегося положения—революция. Оканчивается это произведение следующими возгласами и призывами: «Так пусть же играют горнисты и собираются пролетарские рати на бой с темными силами реакции. Начертаем на своих стягах заветные лозунги: Да здравствует демократическая республика! Да здравствуют создающие новую светлую жизнь труженики! Да здравствует свободный прекрасный труд! Да здравствует учредительное собрание! Пусть возгорятся наши сердца негодованием и с твердым сознанием долга перед родиной и демократией, товарищи,—в бой! Вперед! Да здравствует свобода!»

Остальные, отобранные у Захарова предметы никакого отношения к предмету следствия не имеют и значения для дела не представляют.

Осмотренные документы приобщены к делу в качестве вещественных доказательств.

Судебный следователь (подпись).

Понятые (подписи).

Министерство

Внутренних Дел

Департамент Полиции

По 6 Делопроизводству.

22-го декабря 1915 года.

№ 176949.

СЕКРЕТНО.

Судебному следователю Московского окружного суда по особо-важным делам *Р. Р. Вольтановскому.*

Вследствие отношения от 7-го сего декабря за № 839, департамент полиции уведомляет ваше превосходительство, что дворянин Ян Антонов Меницкий и назвавшийся крестьянином

Воронежской губ. Григорием Петровым Захаровым, оказавшийся в действительности крестьянином Рязанской губ., Раненбургского уезда с Кривой Поляны Григорием Кондратьевым Веревкиным, вместе с другими лицами входил в состав организации, присвоившей себе наименование «Пресненской группы Российской социал-демократической рабочей партии», в ночь на 17 ноября сего года были обысканы и арестованы. Переписка о них начальником отделения по охранению общественной безопасности и порядка в гор. Москве 2-го декабря за № 306424 передана прокурору Московской судебной палаты на предмет возбуждения предварительного следствия.

Помимо того, Ян Меницкий вместе с другими лицами был задержан 17 июля 1907 г. в гор. Витебске на сходке Витебского комитета Всероссийского железнодорожного союза Риго-Орловской жел. дор. и привлечен к формальному дознанию по 1 ч. 126 ст. уг. ул. Приговором Петроградской судебной палаты от 10-го июня 1908 г. Меницкий признан по суду оправданным. Крестьянин же Григорий Веревкин приговором Новочеркасской судебной палаты от 6-го сентября 1907 г. за преступление, предусмотренное 3 п. I. 129 ст. уг. ул., осужден к заключению в тюрьме на девять месяцев с зачетом ему в срок этого наказания времени, проведенного под стражею в предварительном заключении с 28 октября 1906 г. по день постановления означенного приговора.

За директора исп. об. вице-директора *(подпись).*

За делопроизводителя *(подпись).*

ПРИГОВОР.

1907 года сентября 6-го дня.

По указу его императорского величества, Новочеркасская судебная палата, в особом присутствии, с участием сословных представителей в ст. Нижне-Чирской, в открытом судебном заседании, в котором присутствовали: и. д. старшего председателя *Г. Д. Вельсовский.*

Члены палаты: *Н. К. Пасынков* и *Н. Н. Ольшамовский*, члены Усть-Медведицкого окружного суда: *А. В. Кодловский*, окружной предводитель дворянства 2-го Донского округа *П. Р. Пырков*, Нижне-Чирский станичный атаман *Т. Н. Афанасьев* и волостной старшина Бузиновской волости *И. И. Касьянов.*

Тов. прокурора, А. С. Петровский, пом. секретаря, Б. А. Трусов, слушала: дело о сыне почетного гражданина Федоре Павлове Абрамове, кр. Павле Васильеве Радине, Григории Кондратьеве Веревкине, Никите Кириллове Чиндорове, кр. Федоре Иванове Кривошееве и кр. Иване Тимофееве Семенове, обв. в преступлениях, предусмотренных 51, 1, 2 и 3 п., 1 ч. 129 ст. угол. улож.

На решение особого присутствия судебной палаты поставлены были следующие вопросы: «1) Виновен ли подсудимый, сын

почетного гражданина, студ. Харьковского университета Федор Павлов Абрамов, 23 лет, в том, что 16-го июля 1906 г. в слободе Михайловке Усть-Медведицкого округа, области Войска Донского на народном скопище произнес речь, возбуждавшую к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению существующего государственного и тесно связанного с ним общественного строя и к неповиновению закону и законным распоряжениям власти, призывая народ не повиноваться властям, удалить из слободы всех полицейских урядников, удалить законно избранных старосту и старшину и на место их выбрать таких людей, которые стояли бы за народ, а не за правительство, устроить народное самоуправление, подвергать аресту всех тех властей, которые дерзнут взять кого-либо под стражу, и настаивать на свержение верховного самодержавного правительства и требовать учредительного собрания. 2) Виновен ли подсудимый крестьянин Зарайского уезда, Белошутской волости, Павел Васильев Радин, 18 лет, в том, что он тогда же и там же произнес речь, возбуждавшую к неповиновению закону и к учинению бунтовщического деяния, призывая народ учредить народную милицию для борьбы с правительством для вооружения ее, насильственно захватить имевшиеся при волостном правлении оружия и удалить из слободы Михайловки представителей законной власти. 3) Виновен ли подсудимый крестьянин Раненбургского уезда, Кривополянской волости и села, Григорий Кондратьев Веревкин, 21 года, в том, что в той же слободе Михайловке: а) 16-го июля 1906 г. произносил речи, возбуждавшие к учинению бунтовщического деяния, призывая народ удалить полицейских властей, вступить в борьбу с правительством и сопротивляться его распоряжениям, не посылая сыновей в солдаты и не давая в казну податей, б) 24-го июля 1906 г. произносил такие же речи. 4) Виновен ли подсудимый крестьянин Усть-Медведицкого округа, слоб. Михайловки, Никита Кириллов Чиндоров, 38 лет, в том, что 16-го июля 1906 г. там же на народном сборище, после произнесения речей тремя другими лицами, призывавшими народ удалить из слободы Михайловки полицейских властей, арестовать всех должностных лиц, которые дерзнут взять кого-либо под стражу, учредить для борьбы с правительством народную милицию, захватить с этой целью хранившееся в складе при местном волостном правлении огнестрельное оружие, настаивать на свержении самодержавного верховного правительства и требовать созыва учредительного собрания, с целью возбуждения присутствовавших к учинению указанных тяжких преступлений, раз'яснял им высказанные тремя ораторами мысли и спрашивал народ, согласен ли он с описанными предложениями. 5) Виновен ли подсудимый, губернский секретарь, технолог Федор Иванов Кривошеев, 28 лет, в том, что в той же слободе Михайловке: а) 17 июля 1906 г. на народном сборище произносил речи,

возбуждавшие к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению существующего государственного и тесно связанного с ним общественного строя и к неповиновению закону и законным распоряжениям власти, призывая народ вступить в борьбу с правительством и с этой целью отказаться от исполнения воинской повинности и уплаты податей, сместить бывших в Михайловке старшину и старосту и заменить этих лиц другими, которые служили бы народу а не правительству, удалить из названной слободы полицейских урядников и сотских, устроить народное самоуправление и требовать созыва учредительного собрания, б) 23 июля 1916 г. произносил такие же речи. 6) Виновен ли крестьянин села Себрова, той же Михайловской волости Иван Тимофеев Самсонов, 30 лет, в том, что 23 июля 1906 г. там же прочел вслух перед толпой народное воззвание под заглавием: «народу от народных представителей», заведомо для него возбуждавшее к неповиновению закону и законным распоряжениям власти путем уклонения от исполнения воинской повинности и уплаты податей.

На эти вопросы особое присутствие в отношении подсудимых Абрамова, Радина и Кривошеева ответило утвердительно, в отношении Веревкина тоже, но с оговорками: «но не возбуждал к бунтовщическому деянию и к удалению полицейских властей», а относительно Чиндорова и Самсонова, признавая улики против них недостаточными, дало ответы отрицательные. В виду этих ответов последние двое подсудимых должны быть признаны по суду оправданными. Деяния, в которых признаны виновными остальные подсудимые, предусмотрены в отношении Абрамова и Кривошеева 1, 2 и 3 п. 129; Радина—1 и 3 п.п. той же статьи, а в отношении Веревкина 3 п. той же ст. угол. улож. Усматривая в деле обстоятельства, уменьшающие вину подсудимых, особое присутствие находит справедливым при назначении подсудимым Абрамову, Кривошееву и Радину наказаний по 1 и 2 п.п. 129 ст. перейти от последних к заключению в крепости, а при определении им же, а также и Веревкину наказаний по 3 п. 129 ст. перейти от исправительного дома к тюрьме, а затем назначить Абрамову и Кривошееву по 1 и 2 п.п.—крепость на срок одного года каждому, а по 3 п.—тюрьму на тот же срок. Радину по 1 п.—крепость, а по 3 п.—тюрьму на восемь месяцев, а Веревкина по 3 п. 129 ст. заключить в тюрьму на девять месяцев, после чего, на основании правил о совокупности, оставить для подсудимых Абрамова, Кривошеева и Радина высшие из назначенных им наказаний, т.-е. крепость на сроки вышеопределенные, при чем крепость может быть заменена для осужденных, в случае надобности, по правилам, в законе 22 ноября 1906 года изложенным, и в отношении приговоренного к заключению в тюрьме следует применить условия 20 ст. угол. улож. Затем палата находит справедливым зачесть подсудимым в срок наказания время,

проведенное ими в предварительном заключении, ниже указанное для каждого из них. Поэтому и на основании 1, 2 и 3 п.п. в отношении Абрамова и Кривошеева, 1 и 3 п.п. в отношении Радина, 3 п. 129 ст. угол. улож. в отношении Веревкина, 60, 53, 54, 19 и 20 ст.ст. угол. улож. особое присутствие определяет: 1) на основании 1 п. 771 ст. У. У. С. подсудимых крестьян Усть-Медведицкого округа, слободы Михайловки, Никиту Кириллова Чиндорова, 38 лет, и села Себрова, Ивана Тимофеева Самсонова, 30 лет, признать по настоящему делу по суду оправданными; 2) подсудимых: технолога, губернского секретаря Федора Иванова Кривошеева, 28 лет, крестьянина Рязанской губ. Раненбургского уезда, Кривополянской волости и села Григория Кондратьева Веревкина, 21 года, и крестьянина Рязянской губ. Зарайского уезда, Белоашутской волости, Павла Васильева Радина, 18 лет, и сына почетного гражданина Федора Павлова Абрамова 23 лет, заключить: в крепость Кривошеева— на один год, Радина—на восемь месяцев, Абрамова—на один год, а Веревкина в тюрьму на девять месяцев, и с зачетом им в срок этого наказания времени, проведенного им под стражей в предварительном заключении, Кривошееву с 15 августа, а Веревкину с 28 октября 1906 г., Радину с 18 и Абрамову с 20 мая 1907 г. по день постановления настоящего приговора; 3) судебные по делу издержки, согласно 976—999 ст. У. У. С. возложить на осужденных, Кривошеева, Веревкина, Радина и Абрамова поровну и со взаимною друг за друга ответственностью, а в случае их несостоятельности принять таковые на счет казны; 4) вещественные по делу доказательства оставить при деле. Читать два раза «Белоашутской волости».

Подлинный за надлежащими подписями.

С подлинным верно:

Помощник секретаря *(подпись)*.

Справка: Настоящий приговор обращен к исполнению 3-го октября 1907 г. за № 6564.

Пом. секретаря *(подпись)*.

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ [1]

1916 г. июня 4-го и 5-го дня, в 11 ч. 40 минут дня Московский военно-окружной суд открыл судебное заседание при закрытых дверях в следующем составе: председатель генерал майор князь Друцкой.

Временные члены:

Суворовского кадетского корпуса подполковник Станишевский и подполковник Янушевский, при помощн. военного

[1]) Истор. рев. архив, дело Московсковго военного окружного суда за № 876. 1916 г.

прокурора прапорщике Рязанцеве и при помощн. секретаря прапорщике Бирюкове рассматривалось дело о кр. Веревкине, мещанине Дубакине, дворянах Иване Меницком и Давиде Канделаки. Переданы военному суду по обвиненю по 1 ч. 102 ст. угол. улож., а Канделаки кроме того, по 1 ч. 55 ст. угол улож. Участвующими в деле лицами были подсудимые Веревкин, Дубакин, Меницкий и Канделаки и защитники их: Веревкина, помощник присяжного поверенного Тагер, Меницкого и Канделаки присяжный поверенный Муравьев и помощник присяжного поверенного Лунц, Дубакина прапорщик Гунст, которого подсудимый Дубакин просил допустить его защитником и который из'явил согласие на принятие защиты. Председательств., удостоверясь, что все должностные лица находятся на своих местах, открыл заседание и, об'явив, какое дело подлежит рассмотрению суда, приказал ввести подсудимых, которые оставались под стражей, а подсудимый Дубакин на свободе, заняли назначенное им место. Председательствующий, согласно 808 ст. XXIV кн. С. в. п. 1869 г. изд. 4-го, предлагал подсудимым вопросы, служившие для определения их личности и получили ли они копию с обвинительного акта и список судей и прокурора, прочел список свидетелей, при чем по проверке их оказалось, что свидетели студенты Кулгек и Лях не явились. Председательствующий предложил помощнику секретаря доложить имеющиеся в деле данные о вызове и неявке этих свидетелей. Помощник секретаря доложил, что свидетели эти вызывались через полицию по указанным защитой адресам, но повестки возвращены не врученными с протоколом полиции, что названные свидетели по указанному адресу не проживают. Суд вторично послал вызов этим свидетелям через Московского градоначальника, но повестки еще на возвращены. Председательствующий предложил помощнику прокурора дать заключение о законности причины неявки свидетелей и сторонам высказаться о существенности их показаний и о возможности дело слушанием продолжать в отсутствии этих свидетелей. Помощник прокурора дал заключение, что причину неявки свидетелей он считает законной в виду их нерозыска, показания их считает несущественным для дела и дело слушанием просил продолжать в отсутствии этих свидетелей; защитники присоединились к мнению и ходатайству помощника прокурора; суд, выслушав заключение помощника прокурора и мнение сторон, постановил согласно 812 ст. В. С. У., признать причину неявки свидетелей законной, показания их не существенным для дела, дело слушанием продолжать в отсутствии неявившихся свидетелей. По распоряжению председательствующего свидетели удалены в особую комнату с принятием мер против стачки их между собой и сношений с посторонними лицами. Председательствующий об'явил, согласно 790 ст. В. С. У., двери суда закрытыми на время обсуждения вопроса о закрытии дверей на все время судебного следствия и приказал дежур-

ному офицеру удалить из зала заседания всех посторонних лиц, по удалению которых председательствующий предложил сторонам высказаться по вопросу о закрытии дверей зала заседания на все время судебного следствия, в порядке 1202 ст. В. С. У. в целях охранения общественного спокойствия. Помощник прокурора заявил, что согласно 102 ст. уг. улож. и 1182 ст. В. С. У. он ходатайствует слушать дело при закрытых дверях; защитники ходатайствовали дело слушать при открытых дверях и двери заседания закрыть только на время оглашения некоторых документов, после чего стороны обменялись возражениями по вопросу о закрытии дверей зала заседания; суд, выслушав заключение помощника прокурора и мнение сторон, и принимая во внимание характер обвинения по настоящему делу, согласно 789 и 792 ст. ст. В. С. У., в целях охранения общественного порядка, постановил дело слушать при закрытых дверях, при чем председательствующий разрешил допустить в зал заседания лиц военно-судебного и судебного ведомства, а также не более трех родственников со стороны каждого из подсудимых. Прочтен обвинительный акт. Защитник подсудимых Канделаки и Меницкого присяжный поверенный Муравьев возбудил ходатайство принять меры к тому, чтобы указанный в следственном производстве в числе вещественных доказательств ящик с красками и кистями и не оказавшийся в числе вещественных доказательств согласно акта о вскрытии вещественных доказательств для осмотра их от 3 июня с. г., был истребован немедленно от судебного следователя по особоважным делам, а также была истребована от того же судебного следователя программа российской социал-демократической рабочей партии, на каковую программу ссылался названный следователь при производстве следствия. К этому ходатайству присоединились остальные защитники и помощник прокурора; суд удалился для совещания в 12 ч. 10 м. дня.

По возращении суда в зал заседания в 12 ч. 20 м. дня и возобновления заседания председательствовавший об'явил следующее постановление суда: суд, выслушав ходатайство защитников и заключение помощника прокурора и принимая во внимание, что ящик с красками и кистями был осмотрен на предварительном следствии и осмотренные предметы были приобщены к вещественным доказательствам по настоящему делу, но что при вскрытии и осмотре вещественных доказательств этих предметов среди других вещественных доказательств не оказалось, постановил признать истребование этих вещественных доказательств необходимым и экстренным, затребовать их от судебного следователя по особо-важным делам, дело слушанием продолжать, и если эти вещественные доказательства не будут доставлены к тому моменту, когда встретится в них надобность, об'явить перерыв для истребования этих вещественных доказательств; обсудив второе ходатайство защитников об истребова-

нии от того судебного следователя программы социал-демократической рабочей партии, и принимая во внимание, что программа эта не является вещественным доказательством по делу и является частной собственностью канцелярии судебного следователя, суд не нашел законных оснований к истребованию этой программы, но предоставляет право защитникам получить эту программу и представить в судебное заседание.

Председательствующий об'явил перерыв в 12 ч. 40 м. дня.

По возвращении суда в зал заседания в 12 ч. 55 м. дня и возобновления заседания, прочтен обвинительный акт. Председательствующий, изложив подсудимым существо возникшего против них обвинения, спрашивал: признают ли они себя виновными. Подсудимый Веревкин виновным себя не признал. Подсудимый Меницкий виновным себя не признал. Подсудимый Канделаки виновным себя не признал. Подсудимый Дубакин виновным себя не признал. В виду несознания подсудимых, суд перешел к поверке доказательств.

Введены свидетели, которым председательствующий предлагал вопросы для определения личности и отношений к участвующим в деле лицам, и по получении ответов, спрашивал стороны: не имеют ли они каких-либо возражений против допущения свидетелей к допросу под присягой; стороны отвода и возражений не заявили, суд постановил допросить всех свидетелей под присягой, для чего привести их к присяге через православного священника; свидетели православного исповедования были приведены к присяге православным священником, выслушав от него предварительно внушения о святости ее. Председательствующий приказал свидетелям удалиться в свидетельскую комнату. В зале суда оставлена свидетельница Ларюшкина, давшая, по соблюдении председательствующим 857—859 ст. ст. В. С. У., показание и бывшая затем опрошена помощником прокурора, который в виду разноречия показания свидетельницы, данного на предварительном следствии и судебном заседании, и запамятования ею части показания ходатайствовал огласить показание свидетельницы, данное ею на предварительном следствии. Суд выслушав ходатайство помощника прокурора и принимая во внимание противоречие в показаниях свидетельницы и ее запамятование части показаний, постановил огласить показание свидетельницы; показание ее оглашено, после чего свидетельница была опрошена сторонами и председательствующим. Дано слово подсудимому Веревкину. Помощник прокурора ходатайствовал задать вопросы подсудимому. Председательствующий предложил подсудимому дать ответы на вопросы; предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый дал ответы. Дано слово подсудимому Меницкому. Дано слово подсудимому Канделаки. Дано слово подсудимому Дубакину. Председательствующий предложил подсудимому Дубакину ответить на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отка-

заться от ответов. Подсудимый Дубакин дал ответы. Председательствующий предложил помощнику секретаря вскрыть вещественное доказательство—ящик с красками; помощник секретаря вскрыл вещественное доказательство—ящик с красками, при чем до вскрытия было установлено, что ящик, завороченный в бумагу, был обтянут веревкой, но печатей на нем не было. Председательствующий предложил подсудимому Веревкину дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый дал ответы. Защитник Дубакина заявил ходатайство о занесении в протокол части показания свидетельницы Ларюшкиной; суд, выслушав ходатайство защитника Дубакина при отсутствии возражения со стороны помощника прокурора, постановил занести в протокол по существу из показания свидетельницы Ларюшкиной следующее: 1) по об'яснению свидетельницы, подсудимый Веревкин занимался в комнате Дубакина потому, что в других комнатах мешали заниматься дети, 2) занимался Веревкин в комнате Дубакина только в присутствии последнего, потому что Дубакин уходя запирал свою комнату, 3) свидетельница не слышала никаких разговоров Веревкина с Дубакиным и не видела и не знала, чем они занимались в комнате Дубакина, 4) в поведении Дубакина свидетельница ничего подозрительного не находила.

Введен свидетель помощник пристава Ползиков, давший по соблюдении председательствующим 857—859 ст. ст. В. С. У., показание. Помощник прокурора заявил ходатайство об оглашении показания свидетеля Ползикова в виду запамятования свидетелем показания, данного на предварительном следствии; председательствующий согласно постановления суда огласил показания свидетеля Ползикова, после чего свидетель был опрошен сторонами и председательствующим. Дано слово всем подсудимым, каковым словом воспользовался подсудимый Канделаки. Введен свидетель помощник пристава Светляков, давший по соблюдении председательствующим 857—959 ст. ст. В. С. У. показание.

Председательствующий предложил помощнику секретаря вскрыть вещественное доказательство—пакет с документами, после чего свидетель Светланов был опрошен сторонами и председательствующим. Помощник прокурора ходатайствовал огласить часть показания свидетеля Светланова, данном им на предварительном следствии, в виду его запамятования; председательствующий по постановлению суда огласил часть показания свидетеля Светланова, после чего свидетель был опрошен сторонами. Дано слово всем подсудимым, каковым воспользовались подсудимые Меницкий и Дубакин. Председательствующий предложил подсудимому Меницкому дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов Подсудимый дал ответы. Председательствующий об'явил в 3 ч. 48 м. перерыв.

По возвращении суда в зал заседания в 4 ч. 5 м. дня и возобновления заседания защитник Веревкина заявил ходатайство огласить часть протокола осмотра № 2 от 16 ноября 1915 г.; помощник прокурора не возражал против оглашения этого протокола, но ходатайствовал огласить его полностью; суд, выслушав ходатайство защитника и заключение помощника прокурора, постановил огласить протокол полностью; протокол оглашен. Дано слово всем подсудимым, каковым словом воспользовался подсудимый Веревкин. Председательствующий предложил подсудимому Веревкину дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый Веревкин дал ответы на вопросы. Председательствующий предложил подсудимому Дубакину дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый дал ответы. Председательствующий приказал ввести свидетеля полицейского надзирателя Яковлева, давшего по соблюдении председательствующим 857—859 ст. ст. показание. В виду запамятования свидетеля и противоречия с показанием, данным свидетелем на предварительном следствии, согласно ходатайства помощника прокурора, было оглашено показание свидетеля Яковлева, данное им на предварительном след., после чего свидетель был допрошен сторонами. Защитник присяжный поверенный Муравьев заявил ходатайство о занесении в протокол части показания свидетеля Яковлева. Суд, выслушав ходатайство защитника при отсутствии возражения со стороны помощника прокурора, постановил занести в протокол из показания помощника надзирателя Яковлева следующее: свидетель Яковлев показал, что в августе или сентябре 1915 г. он по ордеру охранного отделения производил обыск в квартире, где жил подсудимый Канделаки, во время обыска застал в квартире самого Канделаки и еще двух лиц, фамилии которых не знает. При обыске были найдены в корзине или сундуке прокламации, а в карманах жилета была найдена печать; после же прочтения показания свидетеля Яковлева, данного им на, предварительном следствии, и противоречия этого показания с данным им на судебном следствии, он заявил, что он не помнит хорошо, как все происходило, но что он производил обыск у лица, фамилия которого похожа на фамилию подсудимого; об'яснить это противоречие с показанием на предварительном следствии он не может. Суд постановил дополнительно занести в протокол, что свидетель Яковлев, давая в настоящем заседании показание по делу, ничего не показал того, что было им показано на предварительном следствии, что он не указал ни фамилии лица, у которого производил обыск, ни места обыска, ни фактов, сопровождавших обыск. Дано слово всем подсудимым, каковым словом никто из них не воспользовался. Введен свидетель помощник пристава Резников, давший по соблюдении председательствующим 857—859 ст. ст.

В. С. У. показание и бывший затем опрошен помощником прокурора, по ходатайству которого, в виду запамятования, было оглашено показание свидетеля, данное им на предварительном следствии, после чего свидетель был опрошен сторонами и председательствующим. Дано слово всем подсудимым, каковым воспользовался подсудимый Меницкий. Председательствующий предложил подсудимому Меницкому ответить на вопросы, предупредив, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый дал ответы. Введен свидетель Горилшников, давший по соблюдении председательствующим 857—859 ст. ст. В. С. У., показание и бывший затем опрошен сторонами и председательствующим. Дано слово всем подсудимым, каковым воспользовался подсудимый Канделаки. Стороны заявили, что в дополнительном допросе свидетелей они не нуждаются и не возражают против освобождения всех свидетелей; суд, выслушав заявление сторон, постановил освободить всех свидетелей, которым председательствующий разрешил удалиться. Председательствующий об'явил перерыв в 5 ч. 10 м. дня. В 5 ч. 30 м. дня по возвращении суда в зал заседания и возобновления заседания председательствующий спросил стороны, чем они желают дополнить еще судебное следствие. Помощник прокурора заявил ходатайство огласить все документы, имеющиеся среди вещественных доказательств. Суд, выслушав ходатайство помощника прокурора при отсутствии возражения со стороны защитников, постановил огласить все документы, имеющиеся среди вещественных доказательств. Оглашены документы, отобранные при обыске у подсудимого Веревкина. Дано слово всем подсудимым, каковым словом воспользовался подсудимый Веревкин. Стороны заявили ходатайство задать вопрос подсудимому. Председательствующий предложил подсудимому Веревкину дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый дал ответы на вопросы. По ходатайству защитника подсудимого Веревкина оглашена часть протокола осмотра вещественных доказательств, отобранных при обыске в квартире Ларюшкиной. Дано слово всем подсудимым, каковым словом воспользовался подсудимый Веревкин. Оглашены документы, отобранные у подсудимого Меницкого. Дано слово всем подсудимым, каковым словом воспользовался подсудимый Меницкий. Помощник прокурора заявил ходатайство задать вопросы подсудимому Меницкому. Председательствующий предложил подсудимому Меницкому дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый дал ответы. Оглашены документы, отобранные у подсудимого Канделаки при обыске. Дано слово всем подсудимым, каковым словом воспользовался подсудимый Канделаки. Председательствующий предложил подсудимому дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый дал ответы. Пред-

седательствующий предложил всем подсудимым дать ответы на вопросы, предупредив их, что при нежелании они могут отказаться от ответов. Подсудимый Веревкин дал ответы. Подсудимый Меницкий дал ответы. Подсудимый Канделаки дал ответы. Подсудимый Дубакин дал ответы. Председательствующий об'явил перерыв в 6 ч. 40 м. вечера. По возвращении суда в зал заседания в 7 часов вечера и возобновления заседания помощник прокурора заявил ходатайство огласить конец приговора судебной палаты по делу о подсудимом Веревкине; суд, выслушав ходатайство помощника прокурора и мнение защитников, постановил огласить конец приговора судебной палаты по делу о Веревкине. Дано слово подсудимому Веревкину. Защитник подсудимого Конделаки, присяжный поверенный Муравьев, заявил ходатайство огласить сношение начальника охранного отделения на имя судебной палаты в виду противоречия содержания того сношения с содержанием об-инительного акта. Суд, выслушав ходатайство присяжного поверенного Муравьева при отсутствии возражения со стороны помощника прокурора, постановил огласить сношение начальника охранного отделения. Дано слово всем подсудимым, каковым словом никто из подсудимых не воспользовался. Защитник подсудимого Дубакина, присяжный поверенный Гунст, заявил ходатайство огласить пункт 13 протокола № 5, составленного судебным следователем по особо важным делам; суд, выслушав ходатайство защитника прапорщика Гунст при отсутствии возражения со стороны помощника прокурора, постановил огласить пункт 13 протокола № 5, каковой пункт был оглашен. Дано слово всем подсудимым, каковым словом воспользовался подсудимый Дубакин. Защитник, прапорщик Гунст, заявил ходатайство об оглашении протокола того же судебного следователя за № 16; суд, выслушав ходатайство прапорщика Гунст при отсутствии возражения со стороны помощника прокурора, постановил огласить протокол за № 16; протокол оглашен. Дано слово всем подсудимым, каковым словом никто из подсудимых не воспользовался. Защитник подсудимого, прапорщик Гунст, заявил ходатайство об оглашении имеющегося в деле отношения, об изменении меры пресечения по отношению к подсудимому Дубакину. Суд, выслушав ходатайство прапорщика Гунст при отсутствии возражения со стороны помощника прокурора и принимая во внимание, что отношение это не относится к числу документов, подлежащих оглашению, кроме того содержание этого отношения—личное мнение судебного следователя, постановил в ходатайстве прапорщика Гунст отказать. Председательствующий об'явил перерыв в 8 ч. вечера и до 11 ч. утра 5-го июня с. г. 5-го июня 1916 г. в 11 ч. утра председательствующий об'явил, что заседание продолжается, и спросил стороны, чем они еще желают дополнить судебное следствие; помощник прокурора заявил ходатайство пред'явить подсудимому Канделаки один из

документов, находящихся в числе вещественных доказательств и задать ему вопросы. Подсудимый Канделаки осмотрел документы и дал ответы на вопросы. Защитник подсудимого Веревкина ходатайствовал огласить справку адресного стола о подсудимом Веревкине. Суд, выслушав ходатайство защитника при отсутствии возражения со стороны помощника прокурора, постановил огласить справку адресного стола; справка адресного стола оглашена. Дано слово подсудимому Веревкину. Согласно ходатайства его же защитника, помощника присяжного поверенного Тагер, было установлено председательствующим, что в деле нет указаний на то, чтобы подсудимому Веревкину на предварительном следствии пред'являлась имеющаяся в числе вещественных доказательств зеленая пропускная бумага. Дано слово подсудимому. По ходатайству помощника прокурора был оглашен протокол осмотра вещей, отобранных у подсудимого Веревкина. Дано слово подсудимому Веревкину. По ходатайству помощника прокурора председательствующий предложил подсудимому Веревкину дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый Веревкин дал ответы на вопросы. По ходатайству защитника подсудимого Дубакина, прапорщика Гунст, был оглашен протокол осмотра вещей, отобранных при обыске в квартире Ларюшкиной и принадлежащих подсудимому Дубакину. Дано слово подсудимому Дубакину. Председательствующий предложил подсудимому Веревкину дать ответы на вопросы, предупредив его, что при нежелании он может отказаться от ответов. Подсудимый Веревкин дал ответы. Председательствующий спросил стороны, чем они желают дополнить судебное следствие. Стороны от дополнения чем-либо отказались; оно об'явлено законченным и постановлено перейти к заключительным прениям сторон. Помощник прокурора произнес обвинительную речь. Председательствующий об'явил перерыв в 12 ч. 40 м. дня. По возвращении суда в зал заседания в 12 ч. 50 м. дня и возобновления заседания председательствующий предоставил слово защитнику подсудимого Веревкина, помошнику присяжного поверенного Тагер, который произнес защитительную речь. Защитник подсудимых Меницкого и Канделаки присяжный поверенный Лунц произнес защитительную речь. Защитник подсудимых Меницкого и Канделаки, присяжный поверенный Муравьев, произнес защитительную речь. Председательствующий об'явил перерыв в 2 ч. 40 м. дня. По возвращении суда в зал заседания в 2 ч. 50 м. дня и возобновлении заседания, председательствующий предоставил слово защитнику подсудимого Дубакина прапорщику Гунст который произнес защитительную речь. Всем подсудимым предоставлено право последнего слова, каковым словом воспользовались все подсудимые. Председательствующий об'явил судебные прения оконченными, и суд удалился в совещательную комнату для постановления резолюции в 3 ч. 20 м. дня.

По возвращении суда в зал заседания в 5 ч. 25 м. дня и возобновления заседания, председательствующий провозгласил резолюцию, назначив об'явления приговора в окончательной форме на 7 июня 1916 г. в 2 ч. дня, к какому времени пригласил участвующих в деле лиц.

Председательствующий об'явил подсудимым Меницкому, Канделаки и Дубакину, что они, как оправданные, от суда свободны.

Заседание закрыто в 5 ч. 30 м. дня.

Вопросный лист по делу

о кр. *Григории Кондратьевиче Веревкине*, дворянине *Иване Антоновиче Меницком*, дворянине *Давиде Владимировиче Канделаки* и мещанине *Евграфе Михайловиче Дубакине*.

ВОПРОСЫ.	ОТВЕТЫ.
1. Доказано ли, что в сентябре 1915 г. в гор. Москве существовало сообщество, именовавшее себя «Пресненской группой российской социал-демократической рабочей партии», поставившее целью своей деятельности — уничтожение насильственным путем в России самодержавия, ниспровержение тем же путем существующего в России государственного строя и созыв учредительного собрания для установления в ней республиканской формы правления.	Нет, не доказано, существование описанного в вопросе сообщества.
2. Если доказано изложенное в 1 вопросе, то доказано ли, что кр. Григорий Кондратьевич Веревкин в сентябре 1915 г. вступил членом в описанное в 1 вопросе сообщество, зная о постановленных этим обществом целях его деятельности.	Нет, не доказано в виду ответа на 1 вопрос.
3. Если доказано изложенное в 1 и 2 вопросах, то доказано ли, что кр. Григорий Кондратьевич Веревкин, действуя для достижения целей описанного в 1 вопросе сообщества в октябре и ноябре 1915 г., печатал воззвания, призывающие население, в том числе и рабочих, студентов и солдат, к осуществлению перечисленных в 1 вопросе целей сообщества.	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.
4. Если доказано изложенное в 1 вопросе, то доказано ли, что мещанин Евграф Михайлович Дубакин в сентябре	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.

ВОПРОСЫ.	ОТВЕТЫ.
1915 г. вступил членом в описанное в 1 вопросе сообщество, зная о постановленных этим сообществом целях его деятельности.	
5. Если доказано изложенное в 1 и 4 вопросах, то доказано ли, что мещанин Евграф Михайлович Дубакин, действуя для достижения целей описанного в 1 вопросе сообщества, в октябре и ноябре 1915 г. печатал воззвания, призывающие население, в том числе рабочих, студентов и солдат, к осуществлению перечисленных в 1 вопросе целей сообщества.	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.
6. Если доказано изложенное в 1 вопросе, то доказано ли, что дворянин Иван Антонович Меницкий в сентябре 1915 г. вступил членом в описанное в 1 вопросе сообщество, зная о постановленных этим обществом целях его деятельности.	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.
7. Если доказано изложенное в 1 и 6 вопросах, то доказано ли, что дворянин Иван Антонович Меницкий, действуя для достижения целей описанного в 1 вопросе сообщества в октябре и ноябре 1915 г. печатал воззвания, призывающие население, в том числе рабочих, студентов и солдат к осуществлению перечисленных в 1 вопросе целей сообщества, и хранил у себя записи, представляющие собой приходо-расходные сметы и отчеты о расходовании сумм, описанных в 1 вопросе сообщества.	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.
8. Если доказано изложенное в 1 вопросе, то доказано ли, что дворянин Давид Владимирович Канделаки в сентябре 1915 г. вступил членом в описанное в 1 вопросе сообщество, зная о поставленных этим сообществом целях его деятельности.	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.
9. Если доказано изложенное в 1 и 8 вопросах, то доказано ли, что дворянин Давид Владимирович Канделаки, действуя для достижения целей описанного	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.

ВОПРОСЫ.	ОТВЕТЫ.
в 1 вопросе сообщества, в октябре и ноябре 1915 г. напечатал воззвания, призывающие население, в том числе рабочих, студентов и солдат, к осуществлению перечисленных в 1 вопросе целей сообщества и хранил у себя печать «Пресненской социал-демократической рабочей партии».	
10. Если доказано изложенное в 1, 2, 4, 6, 8 вопросах, то доказано ли, что крестьянин Григорий Веревкин, мещанин Евграф Дубакин и дворяне Иван Меницкий и Давид Канделаки вступили в описанное в 1 вопросе сообщество по взаимному между собой соглашению.	Нет, не доказано в виду ответа на первый вопрос.
11. Если не доказано, изложенное в 1, 2, 3, 10 вопросах, то доказано ли, что крестьянин Григорий Кондратьев Веревкин в октябре и ноябре 1915 г., в гор. Москве размножал посредством печатания на множительном приспособлении, с целью распространения, воззвания, обращенные к рабочим, студентам и солдатам, призывающие к уничтожению насильственным образом в России самодержавия, ниспровержению тем же путем существующего в России государственного строя и созыву учредительного собрания для установления в России демократической республики формы правления, зная о содержании воззваний, при чем они не получали никакого распространения и нигде выставлены не были.	Да, доказано, и виновен.

Председательствующий генерал-майор князь (*подпись*).

Временные члены: { Подполковник (*подпись*).
Подполковник (*подпись*).

РЕЗОЛЮЦИЯ.

1916 г. июня 5-го дня Московский военно-окружный суд в судебном заседании, при закрытых дверях суда, в следующем составе присутствия:

Председатель генерал-майор князь Друцкой

Временные члены:

Суворовского кадетского корпуса подполковник Янушевский и подполковник Станишевский выслушав дело о крестьянине Григории Кондратьевиче Веревкине, 29 лет, дворянине Иване Антоновиче Меницком, 25 лет, дворянине Давиде Владимировиче Канделаки, 16 лет, и мещанине Ефграфе Михайловиче Дубакине, 28 лет, признал кр. Григория Кондратьевича Веревкина виновным в размножении, с целью распространения, воззваний, не получивших распространения, призывающих к учинению бунтовщического деяния, и невиновными — крестьянина Григория Кондратьевича Веревкина, дворянина Ивана Антоновича Меницкого, Давида Владимировича Канделаки и мещанина Евграфа Михайловича Дубакина по вступлению в сообщество, поставившее своей целью учинение бунтовщического деяния, по недоказанности для всех подсудимых сего обвинения. А потому и на основании 1 и 3 п. 910 и 915 ст. XXIV Сн. В.С.У, 1867 г., изд. 4, 1 ч., 132 и 19 ст. уг. улож. 1903 г. суд постановил: 1) подвергнуть крестьянина Григория Веревкина заключению в крепости на один год; 2) наказание это в случае надобности заменить по прилож. к ст. 19 того же уложения; 3) вещественные по делу доказательства, состоящие из воззваний, записок и рукописей, а так же резиновую печать, на основании 36 ст. того же уложения—уничтожить; 4) остальные вещественные доказательства возвратить: а) три первые—крестьянке Ларюшкиной, б) пресс и ящик с красками и резец оправданному Веревкину; 5) обойму с патронами передать в надлежащее полицейское управление. По обвинению Веревкина, Меницкого, Дубакина и Канделаки — в участии в сообществе, поставившем целью своей деятельности учинение бунтовщического деяния считать по суду оправданными по недоказательности сего обвинения, «надписано» и «разрез» верно.

Председательствующий
генерал-майор князь Друцкой.

Временные члены } Подполковник Янушевский.
Подполковник Станишевский.

Приговор вошел в законную силу восьмого июня месяца, 1916 г. и срок отбытия наказания исчисляется с . . . .

Военный судья генерал-майор князь Друцкой.

1916 г. июня 7 дня в 2 часа дня приговор сей об'явлен в присутствии помощника военного прокурора прапорщика Павлова, при пом. секретаря прапорщике Бирюкове, при бытности подсудимого крестьянина Веревкина, при чем мною было об'яснено участвующим в деле лицам, в какой срок и в каком порядке они могут обжаловать приговор и пред'явлен протокол судебного заседания 4 и 5 июня.

Военный судья генерал-майор князь Друцкой.

ПРИГОВОР

по указу его императорского величества.

1916 г. июня четвертого и пятого дня, Московский военно-окружной суд под председательством военного судьи генерала-майора князя Друцкого в закрытом судебном заседании, в котором присутствовали:

Временные члены:

Суворовского кадетского корпуса подполковник Янушевский и подполковник Станишевский, при помощн. военного прокурора прапорщике Рязанцеве и пом. секретаря прапорщике Бирюкове слушали дело о Григории Кондратьевиче Веревкине, дворянине Иване Антоновиче Меницком, дворянине Давиде Владимировиче Канделаки и мещанине Евграфе Михайловиче Дубакине, преданных Московскому военно-окружному суду командующим войсками Московского военного округа в порядке 1 п. 17 ст., прилож. к ст. 23 т. 2 св. зак., по обвинению в преступлении, предусмотренном 1 ч., 102 ст. угол. улож. 1903 г.

По письменным на подсудимых сведениям: 1) Веревкин происходит из крестьян Рязанской губернии, 28 лет, приговором особого присутствия Новочеркасской судебной палаты в 1907 г. осужден за преступление, предусмотренное 3 п. 129 ст. угол. улож. и приговорен к 9 месяцам заключения в тюрьме, каковое наказание зачтено за предварительное до суда содержание под стражей; 2) Меницкий из дворян Витебской губ., 25 лет; 3) Канделаки дворянин Кутаисской губернии, 16 лет; 4) Дубакин мещанин гор. Казани, 28 лет.

Рассмотрев настоящее дело, суд признал: 1) крестьянина Григория Кондратьевича Веревкина виновным в том, что он в октябре и ноябре 1915 г. в городе Москве размножал посредством печатания на множительном приспособлении, с целью распространения, воззвания, обращенные к рабочим, студентам и солдатам и призывающие к уничтожению насильственным путем в России самодержавия, ниспровержению тем же путем существующего в России государственного строя и созыву учредительного собрания для установления в России демократической республиканской формы правления, зная о содержании этих воззваний, при чем эти воззвания не получили никакого распространения и нигде выставлены не были; 2) крестьянина Григория Кондратьевича Веревкина, дворянина Ивана Антоновича

Меницкого, дворянина Давида Владимировича Канделаки и мещанина Евграфа Михайловича Дубакина—невиновными в том, что, вступив членами в сообщество, именовавшее себя «Пресненской группой российской социал-демократической рабочей партии», заведомо для них поставившей целью своей деятельности уничтожение насильственным путем в России самодержавия, ниспровержение тем же путем существующего в России государственного строя и созыв учредительного собрания для установления в России демократической республиканской формы правления, они, действуя для достижения целей этого сообщества, в октябре и ноябре 1915 г. в гор. Москве печатали воззвания, призывающие население, в том числе рабочих, студентов и солдат, к осуществлению перечисленных целей сообщества, хранили у себя печать «Пресненской социал-демократической российской рабочей партии» и записи, представляющие собой приходо-расходные сметы и отчеты о расходовании сумм описанного сообщества,—за признанием судом недоказанным существование описанного сообщества.

Обращаясь к применению законов о наказании, суд находя, что деяние, в коем признан виновным крестьянин Веревкин, составляет размножение с целью распространения воззваний, не получивших распространения, призывающих к учинению бунтовщического движения и предусмотрено 1 ч., 132 ст. угол. улож. 1903 г.; за это деяние суд назначил Веревкину заключение в крепости на один год.

А потому, на основании 1 и 3 п. 910 ст. и 915 ст. XXIV кн. СВУ, 1869 г., изд. 4, 1 ч. 132 и 19 ст. угол. улож. 1903 г. Московский военно-окружной суд постановил: 1) крестьянина Григория Кондратьевича Веревкина[1]) подвергнуть заключению в крепости на один год; 2) наказание это, в случае надобности, заменить по приложению к 19 ст. того же уложения; 3) вещественные по делу доказательства, состоящие из воззваний, расписок и рукописей, а также резиновую печать, на основании 36 ст. того же уложения, уничтожить; 4) три противня—возвратить крестьянке Матрене Антоновой Ларюшкиной; 5) пресс, ящик с красками, резец и две подушки с краской и валики (два)—возвратить оправданному Веревкину; 6) обойму с патронами передать в надлежащее полицейское управление. По обвинению кр. Григория Кондратьевича Веревкина, дворянина Ивана Антоновича Меницкого, дворянина Давида Владимировича Канделаки и мещанина Евграфа Михайловича Дубакина—в участии в сообществе, поставившем целью своей деятельности учинение бунтовщического деяния, считать по суду оправданными по недоказанности сего обвинения.

Председательствующий
генерал-майор князь Друцкой.

[1]) Веревкин, Г. К. 4 апреля 1918 г. умер от туберкулеза в станице Слащевского Донской области (см. „Братская могила" в т. I изд. „Моск. Раб." стр. 57 и 58).

Именной указатель.

КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
КАБИНЕТ
ИСТОРИИ ПРАВА
ИНСТИТУТ

Указатель иллюстраций, помещенных во II томе.

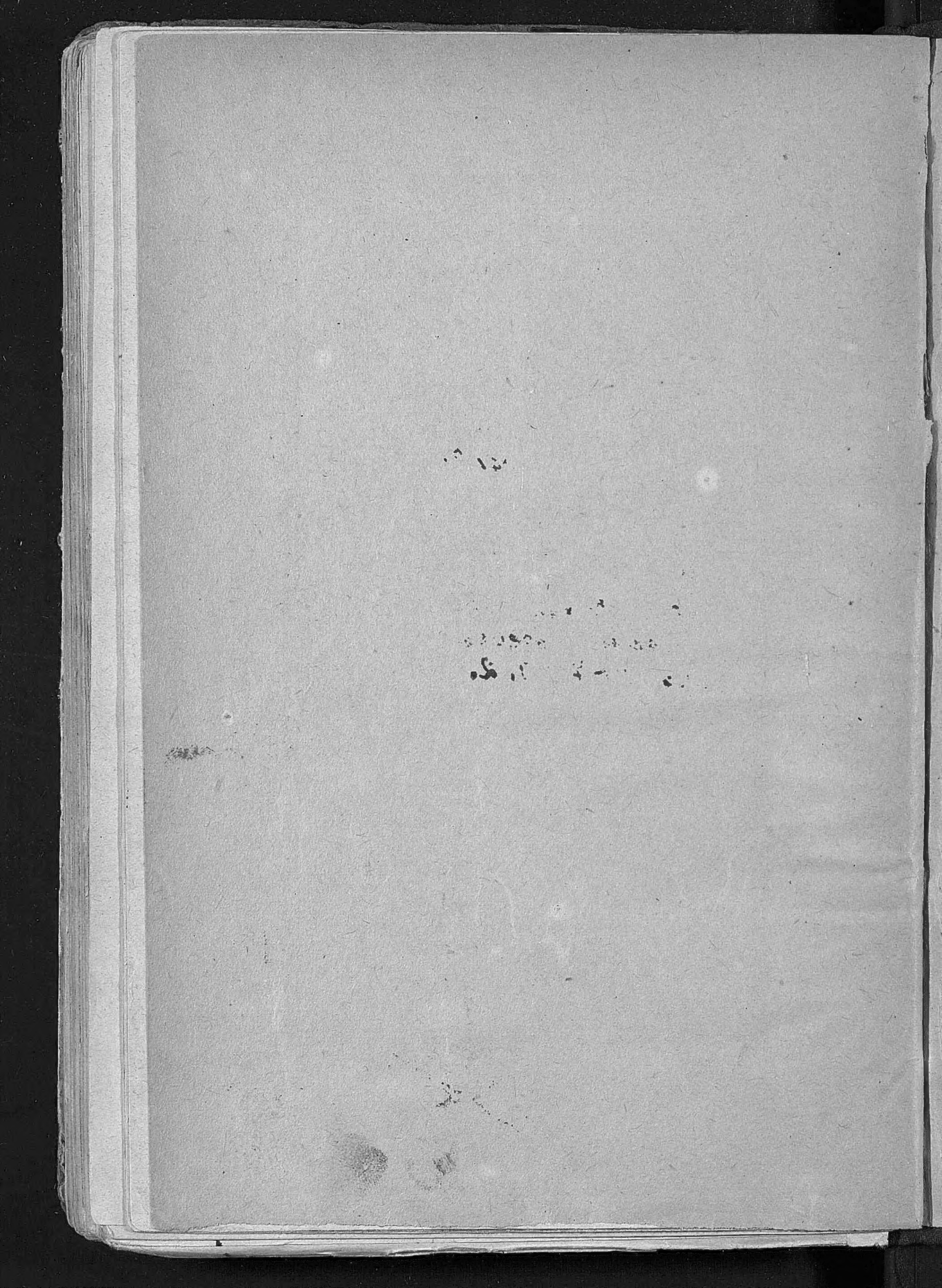
Стр.

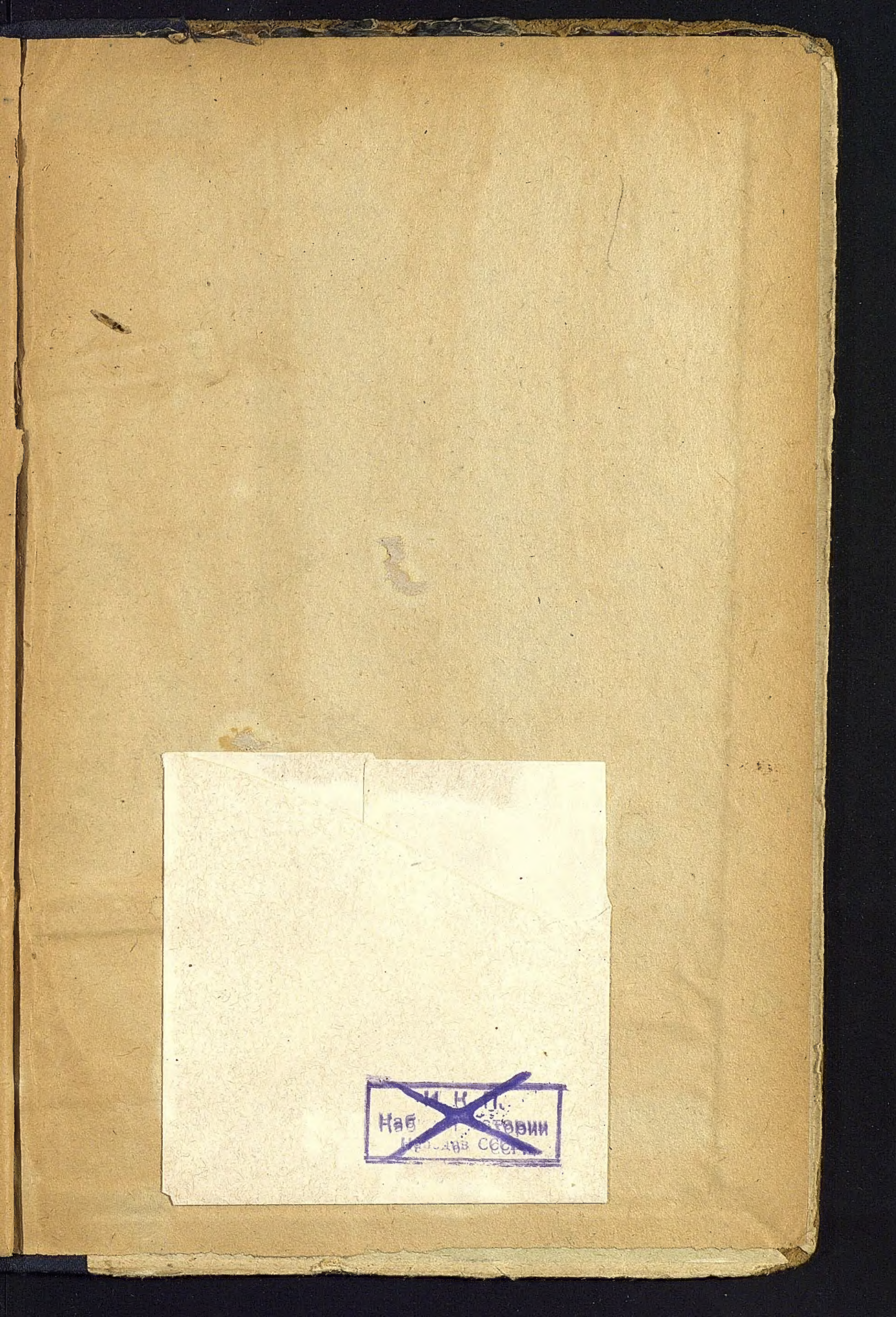
Содержание.

Замеченные опечатки.

Стр.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
6	3 снизу	вопроизведено	воспроизведено
33	8 „	городской думы	Государственной Думы:
37	2 сверху	Эрикон	Эриксон
126	17 сверху	Евгеньевич	Евграфов
144	8 снизу	Іосиф	Иосиф
181	7 сверху	Гриневский	Гриневецкий
193	21 „	„Полка"	Пелка
202	19 „	Бускин	Буксин
229	1 снизу	Именной и предметной	Именной указатель
231	3 сверху		(Продолжение)
255	4 „	Вольтаневский	Вольтановский
287	13 снизу	Ольшамовский	Ольшановский

Наб
СССР

Цена 2 р. 50 к.

